

Изданія Р. Н. Поповой.

Потресовъ, А. (Старовѣръ). Этюды о русской интеллигенціи. Сборникъ статей . . . . . 1 р. 20 к.

Содержаніе: Артельная эпопея.—О „наслѣдствѣ“ и „наслѣдникахъ“.— О разночинцѣ-скитальцѣ.— Что случилось.— Современная весталка.— О двуликой демократіи.— Наши злословія.

Луначарскій, А. Отлики жизни. Сборникъ статей . . . 80 коп.

Содержаніе: Предисловіе.— Дачники.— Въ мірѣ неяснаго.— О чести.— Есть ли душа у японца.— Диалогъ объ искусствѣ.— Философія и жизнь.— Храмъ или мастерская.— Эскурсія на „Полярную Звѣзду“ и въ окрестности.— Варвары.

Бульверъ-Литтонъ, Э. Ріенци, послѣдній изъ римскихъ трибуновъ. Перев. съ англ. С. А. Гулишамбаровою . . . . . 1 руб.

Бунинъ, Ив. Разказы . . . . . 1 руб.

Содержаніе: „На край свѣта“,— „На дачѣ“,— „Фантазеръ“,— „Вѣсти съ родины“,— „Танька“,— „На чужой сторонѣ“,— „Кастрюкъ“,— „Тарантела“,— „На Донцѣ“.

Вѣра. Одна за многихъ. Изъ дневника дѣвушки. Пер. съ нѣм. А. Я. Тези. Изд. 2-е . . . . . 50 коп.

Гюго, В. Несчастные (Отверженные). Пер. съ франц. О. Н. Поповой и А. Н. Энгельгардтъ . . . . . 3 руб.

Гюго, В. 93-й годъ. Переводъ съ французскаго С. Круковской . . . . . 1 руб

Данъ, Ф. Борьба за Римъ. Историч. ром. Пер. съ нѣм. Д. И. Котляръ . . . . . 1 р. 30 к.

Джованіоли. Спартакъ. Романъ. Полн. пер. съ итальянскаго А. Каррикъ и С. Гулишамбаровою. Изд. 2-е, удешевл. . . . . 80 коп.

Зола, Э. Плодовитость. Романъ. Полный переводъ съ французск. О. Н. Поповой . . . . . 1 р. 50 к.

Зола, Э. Трудъ. Романъ. Пер. съ франц. О. Н. Поповой. 1 р. 50 к.

Зола, Э. Истина. Романъ. Перев. съ франц. О. Н. Поповой. 1 руб.

Зутнеръ, Б. Въ цѣняхъ. Романъ. Пер. съ нѣм. Э. К. Пименовой . . . . . 80 коп.

189
513

П. ЭЛЬЦБАХЕРЪ

801-12
146

[Изд.]

АНАРХИЗМЪ

ИЗЛОЖЕНІЕ УЧЕНІЙ:

ГОДВИНА, ПРУДОНА, М. ШТИРНЕРА, БАКУНИНА,
КРОПОТКИНА, ТУККЕРА И Л. ТОЛСТОГО

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО

Р. СТРѢЛЬЦОВА

Je ne propose rien, je ne
suppose rien, j'expose.

ИЗДАНИЕ
О. Н. ПОПОВОЙ

1906

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
НѢВСКІЙ, 54

Тип. Спб. Акц. Общ. „СЛОВО“. Ул. Жуковского, 21.

2007082921

Памяти отца моего
д-ра С. Эльцбахера

1832—1889

съ благодарностью посвящается.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
ОТЪ ПЕРЕВОДЧИКА	9
ВВЕДЕНИЕ	13
ГЛАВА ПЕРВАЯ. Задача.	
1. Общія замѣчанія	17
2. Исходный пунктъ	22
3. Цѣль	24
4. Путь къ установленію цѣли	26
ГЛАВА ВТОРАЯ. Право, государство, собственность.	
1. Общія замѣчанія	29
2. Право	35
3. Государство	42
4. Собственность	47
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Ученіе Годвина.	
1. Общія замѣчанія	51
2. Основныя идеи	52
3. Право	54
4. Государство	57
5. Собственность	65
6. Осуществленіе	70
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. Ученіе Прудона.	
1. Общія замѣчанія	76
2. Основныя идеи	78
3. Право	81
4. Государство	84

	Стр.
5. Собственность	91
6. Осуществление	98
ГЛАВА ПЯТАЯ. Учение Штирнера.	
1. Общія замѣчанія	106
2. Основныя идеи	109
3. Право	111
4. Государство	114
5. Собственность	120
6. Осуществление	124
ГЛАВА ШЕСТАЯ. Учение Бакунина.	
1. Общія замѣчанія	130
2. Основныя идеи	132
3. Право	134
4. Государство	137
5. Собственность	144
6. Осуществление	148
ГЛАВА СЕДЬМАЯ. Учение Кропоткина.	
1. Общія замѣчанія	156
2. Основныя идеи	158
3. Право	163
4. Государство	167
5. Собственность	177
6. Осуществление	189
ГЛАВА ВОСЬМАЯ. Учение Туккера.	
1. Общія замѣчанія	200
2. Основныя идеи	201
3. Право	205
4. Государство	208
5. Собственность	219
6. Осуществление	228
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. Учение Толстого.	
1. Общія замѣчанія	237
2. Основныя идеи	238
3. Право	248
4. Государство	253

	Стр.
5. Собственность	268
6. Осуществление	279
ГЛАВА ДЕСЯТАЯ. Анархическія учения.	
1. Общія замѣчанія	289
2. Основныя идеи	290
3. Право	292
4. Государство	295
5. Собственность	298
6. Осуществление	302
ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ. Анархизмъ и его виды.	
1. Заблужденія относительно анархизма и его видовъ	305
2. Понятія анархизма и его видовъ	310
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	319

Отъ переводчика.

Господствовавшій у насъ до сихъ поръ цензурный гнетъ больше всего отражался у насъ на распространеніи правильныхъ и вѣрныхъ представленій относительно существующихъ у насъ и на Западѣ социальнo-политическихъ ученій. Наша такъ называемая «широкая публика» до сихъ поръ еще смутно освѣдомлена относительно истиннаго смысла ученій не только такихъ иностранныхъ писателей, какъ, на примѣръ, Марксъ, Лассаль, Прудонъ, но даже такихъ русскихъ, какъ Герценъ, Бакунинъ, Кропоткинъ и даже Толстой. Всѣхъ ихъ придавила цензурная печатка, отъ тяжести которой они могутъ освободиться лишь теперь.

Но не только «широкая публика», даже наши прісляжные публицисты, ежедневно и еженедѣльно поучающіе русское общество уму-разуму, даже и эти господа въ большинствѣ случаевъ страдаютъ поразительнымъ невѣжествомъ насчетъ тѣхъ наукъ и ученій, которыя, обыкновенно, окрещиваются социальными. Мы еще хорошо помнимъ писанія нѣкоторыхъ нашихъ «извѣстныхъ» писателей, въ которыхъ ихъ невѣжество могло конкурировать только съ ихъ недобросовѣстностью.

Въ виду такого печальнаго положенія соціально-политическихъ наукъ въ Россіи, не остающагося, конечно, безъ вліянія на ходъ всего освободительнаго движенія, одною изъ главныхъ задачъ русскихъ общественныхъ дѣятелей является ознакомленіе широкихъ круговъ читающей публики съ тѣми главнѣйшими соціально-политическими системами, которыя до сихъ поръ особенно тщательно скрывались отъ взоровъ русскаго общества.

Съ этой точки зрѣнія становится понятнымъ, почему мы, отнюдь не раздѣляя анархистскихъ взглядовъ, находимъ, однако, нужнымъ и своевременнымъ выпустить переводъ книги, специально посвященной изложенію анархизма. Это ученіе, до сихъ поръ скрытое отъ читающей публики, должно стать ему извѣстнымъ и понятнымъ, какъ и всякія другія ученія.

Книга Эльцбахера представляетъ собою наиболѣе подходящее для такой цѣли сочиненіе. Безпристрастная и добросовѣстная, она съ наибольшей наглядностью знакомитъ читателя съ главнѣйшими ученіями западно-европейскихъ и русскихъ анархистовъ и въ ясной и общедоступной формѣ указываетъ ихъ мѣсто во всей суммѣ нашего познавательнаго опыта. Указанныя черты въ достаточной степени искупаютъ отсутствіе въ ней всякаго историческаго фона и критической оцѣнки какъ правильности исходныхъ точекъ зрѣнія, такъ и цѣлесообразности практическихъ предложеній.

Еще два слова библиографическаго характера. Ссылки на сочиненія русскихъ авторовъ (Бакунина, Кропоткина и Толстого) сдѣланы не по русскимъ изда-

ніямъ, а, какъ у Эльцбахера, по иностраннымъ. Дѣло въ томъ, что далеко не всѣ сочиненія Бакунина и Кропоткина переведены на русскій языкъ, а тѣ, которые переведены, не всегда легко добыть. Сочиненія Толстого, хотя и вышли всѣ на русскомъ языкѣ, но также недоступны для Россіи. Мы полагаемъ поэтому излишнимъ указывать соотвѣтственные страницы русскихъ оригиналовъ, хотя почти повсюду, гдѣ это можно было, мы разыскали и воспользовались прямыми списками соотвѣтственныхъ мѣстъ русскаго текста.

Берлинъ,
11—24 янв. 1906 г.

Введение.

1. Мы желаемъ научно познать анархизмъ. Къ этому влекутъ насъ и внутренняя потребность и вѣшнія побужденія.

Мы желаемъ проникнуть въ сущность движенія, у котораго хватило смѣлости усомниться въ несомнѣнномъ и отвергнуть то, что давно почиталось всѣми, и которое, несмотря на это, охватываетъ собою все большіе и большіе круги людей.

Мы желаемъ, далѣе, выяснить себѣ, нѣтъ ли необходимости въ томъ, чтобы силою власти возстать противъ такого движенія, защитить существующій порядокъ вещей или, по меньшей мѣрѣ, его спокойное развитіе и посредствомъ рѣшительныхъ мѣръ предотвратить наступленіе большаго зла.

2. Относительно анархизма господствуетъ въ настоящее время полнѣйшая неясность и притомъ не только у «большой публики», но и среди ученыхъ и государственныхъ дѣятелей.

Сущность анархическаго ученія усматриваютъ то въ ученіи объ извѣстномъ законѣ историческаго развитія ¹⁾, то въ ученіи о счастіи отдельной личности ²⁾, то въ ученіи о справедливости ³⁾.

¹⁾ Der Anarchismus und seine Träger, стр. 124, 125, 127; Reichsberg, стр. 27

²⁾ Lenz, стр. 3.

³⁾ Bernatzik: Jahrbuch 19, стр. 2—3

То говорятъ, что сущность анархизма заключается въ отрицаніи всякой программы ¹⁾, что у него отрицательная цѣль ²⁾, то, наоборотъ, утверждаютъ, что, помимо отрицательной, разрушительной стороны, въ немъ находится и сторона положительная, творческая ³⁾; наконецъ, нѣкоторые полагаютъ, что оригинальная черта анархизма заключается въ его взглядѣ на идеальное общество ⁴⁾, что истинной дѣйствительной сущностью анархизма являются его положительные стремленія ⁵⁾.

Иные утверждаютъ, что анархизмъ отрицаетъ право ⁶⁾, другіе, что онъ отрицаетъ общество ⁷⁾, третьи же утверждаютъ, что онъ отрицаетъ только государство ⁸⁾.

То заявляютъ, что въ будущемъ государствѣ анархизма не существуетъ никакихъ договорныхъ связей ⁹⁾, то, наоборотъ, что анархизмъ стремится упорядочить всѣ общественныя дѣла посредствомъ договоровъ между федералистически устроенными общинами и союзами ¹⁰⁾.

Нѣкоторые утверждаютъ, что анархизмъ отрицаетъ собственность ¹¹⁾ или, по крайней мѣрѣ, частную собственность ¹²⁾; другіе же различаютъ между анархизмомъ коммунистическимъ и анархизмомъ индивидуалистическимъ ¹³⁾, или, иначе, между анархизмомъ коммунисти-

¹⁾ Lenz, стр. 5.

²⁾ Crisp: Daily Mail, 1898, № 807, стр. 4.

³⁾ Van Hamel: Comptes rendus, стр. 112.

⁴⁾ Adler: Handwörterbuch I, стр. 321.

⁵⁾ Reichesberg, стр. 13.

⁶⁾ Stammler, стр. 2, 4, 34, 36; Lenz, стр. 1, 4.

⁷⁾ Silió: La Espana moderna 61, стр. 145; Garraud, стр. 12; Reichesberg, стр. 16; Tripels: Comptes rendus, стр. 253.

⁸⁾ Bernstein: Neue Zeit 104, стр. 359; Bernatzik: Jahrbuch 19, стр. 3.

⁹⁾ Reichesberg, стр. 30.

¹⁰⁾ Lombroso, стр. 31.

¹¹⁾ Silió: La Espana moderna 61, стр. 145; Dubois, стр. 213.

¹²⁾ Lombroso, стр. 31; Proal, стр. 50.

¹³⁾ Rienzi, стр. 9; Stammler, стр. 28—31; Merlino, стр. 18, 27. Shaw, стр. 23.

ческимъ и коллективистическимъ, съ одной стороны, и индивидуалистическимъ, съ другой ¹⁾.

Нѣкоторые увѣряютъ, что анархизмъ полагаетъ осуществить свои стремленія путемъ преступленія ²⁾, а именно, посредствомъ насильственной революціи ³⁾ и при помощи пропаганды дѣйствіемъ ⁴⁾, другіе же, что анархизмъ отрицаетъ тактику насилія и пропаганду дѣйствіемъ ⁵⁾, или же, что послѣдніе, по меньшей мѣрѣ, не являются его необходимой составной частью ⁶⁾.

3. Два требованія должны быть поставлены всякому, кто предпринимаетъ научную обработку анархическаго ученія.

Во-первыхъ, онъ долженъ быть знакомъ съ важнѣйшими анархическими сочиненіями. Въ этомъ отношеніи мы наталкиваемся на большія трудности. Въ нашихъ публичныхъ книгохранилищахъ анархическія сочиненія представлены очень скудно. Отчасти они настолько рѣдки, что отдѣльнымъ личностямъ крайне трудно приобрести хотя бы только наиболѣе выдающіяся изъ нихъ. Отсюда становится понятнымъ тотъ фактъ, что изъ всѣхъ работъ объ анархизмѣ только одна покончена на обширномъ знакомствѣ съ источниками. Мы имѣемъ въ виду здѣсь появившуюся въ 1894 году въ Нью-Йоркѣ анонимную брошюру, Die historische Entwicklung des Anarchismus, которая на шестнадцать страницъ, въ сжатой формѣ, даетъ изложеніе анархизма, свидѣтельствующее о поразительномъ знакомствѣ съ самыми различными анархическими сочиненіями. Оба объемистыя

¹⁾ Die historische Entwicklung des Anarchismus, стр. 16; Zenker, стр. 161.

²⁾ Garraud, стр. 6; Lenz, стр. 5.

³⁾ Sernicoli 2, стр. 116; Garraud, стр. 2; Reichesberg, стр. 38; van Hamel: Comptes rendus, стр. 113.

⁴⁾ Garraud, стр. 10, 11; Lombroso, стр. 34; Ferri: Comptes rendus, стр. 257.

⁵⁾ Mackay: Magazin 67, стр. 913—915. Die Anarchisten, стр. 239—243

⁶⁾ Zenker, стр. 203, 204.

сочинения: *L'anarchia e gli anarchici, studio storico e politico di E. Sernicoli, 2 volumi, Milano 1894*, und *Der Anarchismus, kritische Geschichte der anarchistischen Theorie von E. V. Zenker, Jena 1895*, лишь отчасти основываются на знаніи анархической литературы.

Во-вторыхъ, кто желаетъ научно обработать анархизмъ, тотъ долженъ быть знакомъ одновременно какъ съ наукою права, такъ и съ политической экономіей, такъ и съ философіей. Анархизмъ оцѣниваетъ правовые институты по ихъ экономическимъ результатамъ, исходя въ то же время изъ опредѣленнаго философскаго міровоззрѣнія. Чтобы проникнуть въ его сущность и не пасть жертвою всевозможныхъ недоразумѣній, необходимо быть знакомымъ съ примѣняемыми имъ понятіями философіи, права и политической экономіи. Изъ всѣхъ работъ объ анархизмѣ этому требованію удовлетворяетъ болѣе всего небольшая брошюра Рудольфа Штаммлера, *Die Theorie des Anarchismus, Berlin, 1894*.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Задача.

1. Общія замѣчанія.

1. Задача предлагаемаго изслѣдованія заключается въ томъ, чтобы найти опредѣленіе анархизма и его видовъ. Разъ эти понятія будутъ опредѣлены, анархизмъ будетъ научно познанъ, ибо задача изслѣдованія опредѣляется не только обзоромъ всей массы единичныхъ явленій анархизма, но и вытекающими изъ этого обзора выводами. Помимо этого, оно, т. е. изслѣдованіе, даетъ этимъ выводамъ опредѣленное мѣсто во всей суммѣ нашего познанія.

Съ перваго взгляда задача опредѣленія анархизма и его видовъ представляется вполнѣ ясной. Однако, при болѣе точномъ разсмотрѣніи эта кажущаяся ясность исчезаетъ.

Раньше всего возникаетъ вопросъ: откуда изслѣдованіе должно исходить? Могутъ отвѣтить: отъ анархическихъ ученій. Однако, до сихъ поръ не существуетъ согласія относительно того, какія ученія являются анархическими. Одни называютъ анархическими одни ученія, другіе—другія, а сами ученія иногда называютъ себя анархическими, иногда же и нѣтъ. Какимъ образомъ

можно нѣкоторыя изъ нихъ взять за исходный пунктъ. какъ анархическія ученія, не примѣнивъ еще къ нимъ понятія анархизма, которое должно быть только определено?

Дальше возникаетъ слѣдующій вопросъ: какова цѣль изслѣдованія?

Могутъ отвѣтить: понятія анархизма и его видовъ. Но мы ежедневно видимъ, что различные люди различно определяютъ предметы, относительно которыхъ у нихъ существуетъ одинаковое представление. Одинъ говоритъ, что право есть всеобщая воля; другой — что оно есть сумма предписаній, ограничивающихъ естественную свободу человѣка ради другихъ людей; третій — что оно представляетъ собой жизненный порядокъ народа или собранія народовъ для сохраненія божественнаго міропорядка. Всѣмъ извѣстно, что для определенія понятія необходимо указаніе рода и видового отличія, но это знаніе ни къ чему не ведетъ. Такимъ образомъ, цѣль изслѣдованія все-таки нуждается въ объясненіи.

Наконецъ, возникаетъ вопросъ: каковъ путь, ведущій къ этой цѣли? Кто когда-либо анализировалъ борьбу мнѣній въ области нравственныхъ наукъ *), тому извѣстно, съ одной стороны, насколько отсутствуетъ общепризнанный методъ для рѣшенія задачъ, а съ другой, насколько необходимо при каждомъ изслѣдованіи точно выяснитъ себѣ примѣняемый методъ.

2. Изслѣдованіе можетъ достигнуть болѣе точнаго определенія задачи. Задача состоитъ въ томъ, чтобы на мѣсто неопределенныхъ представлений объ анархизмѣ и его видахъ поставить определенныя понятія.

Каждое изслѣдованіе, стремящееся отыскать опредѣ-

*) Этимъ словомъ я перевожу нѣмецкій терминъ Geisteswissenschaften.

ленія понятій, имѣть своей задачей отысканіе определенія для предмета, который до того не былъ определенъ, т. е. на мѣсто неопределенныхъ представлений о предметѣ поставить определенное понятіе. Эта задача становится особенно ясной въ определительномъ сужденіи (определеніе), которое своимъ подлежащимъ ставитъ какое-нибудь неопределенное представленіе о какомъ-нибудь предметѣ, а сказуемымъ определенное представленіе о томъ же предметѣ.

Согласно этому, изслѣдованіе, которое должно определить понятіе анархизма и его видовъ, имѣетъ своей задачей замѣнить определенными понятіями тѣ предметы, которые до того были постигнуты въ формѣ неопределенныхъ представлений объ анархизмѣ и его видахъ.

3. Изслѣдованіе можетъ, однако, определить свою задачу болѣе точно, хотя, правда, пока лишь въ отрицательномъ отношеніи. Задача заключается не въ томъ, чтобы на мѣсто всѣхъ и всякихъ представлений, выступающихъ, какъ неопределенныя представленія объ анархизмѣ и его видахъ, поставить определенныя понятія.

Извѣстное понятіе можетъ обнимать собою всегда лишь одинъ предметъ; оно не въ состояніи рядомъ съ этимъ охватить еще какой-нибудь другой предметъ. Понятіе здоровья не можетъ въ то же самое время быть понятіемъ жизни и понятіе лошади не можетъ одновременно быть и понятіемъ млекопитающаго.

Неопределенныя представленія, выступающія какъ представленія объ анархизмѣ и его видахъ, объемлютъ, однако, очень различные между собой предметы. Правда, предметомъ всѣхъ этихъ представлений является извѣстный родъ вещей, образуемый общими качествами извѣстныхъ ученій, а съ другой стороны, разновидности этого рода, образующіяся посредствомъ прибавки какихъ-либо

особенностей къ указаннымъ выше общимъ качествамъ. При этомъ эти представленія имѣютъ въ виду крайне различные круга учений съ ихъ общими и особыми качествами; одни, напримѣръ, только ученія Кропоткина и Моста, другія—только ученія Штирнера, Туккера и Маккая, третьи же—ученія какъ тѣхъ, такъ и другихъ писателей.

Если бы на мѣсто всѣхъ неопредѣленныхъ представлений, выступающихъ, какъ представленія объ анархизмѣ и его видахъ, пожелать поставить опредѣленные понятія, то эти послѣднія должны были бы обнять собой одновременно какъ общія, такъ и особыя качества совершенно различныхъ группъ учений, изъ которыхъ одна какая-либо группа заключала бы въ себѣ, напр., ученіе Кропоткина и Моста, другая—ученіе Штирнера, Туккера и Маккая, третья же, наконецъ, какъ первая, такъ и вторыя. Это, однако, невозможно; понятія анархизма и его видовъ могутъ охватывать собою лишь общія и особыя качества одной какой-либо группы учений. Исслѣдованіе не можетъ, такимъ образомъ, на мѣсто всѣхъ представлений объ анархизмѣ и его видахъ поставить опредѣленные понятія.

4. Дополнивъ это отрицательное установленіе своей задачи положительной стороной, исслѣдованіе можетъ достигнуть болѣе обстоятельнаго опредѣленія своей задачи. Задача состоитъ въ томъ, чтобы поставить опредѣленные понятія на мѣсто тѣхъ неопредѣленныхъ представлений объ анархизмѣ и его видахъ, которыя имѣютъ въ виду одну и ту же группу учений, и которыя находятъ наибольшее распространеніе среди занимающихся въ настоящее время анархизмомъ ученыхъ.

Такъ какъ исслѣдованіе можетъ имѣть своей задачей только то, чтобы на мѣсто одной части представле-

ній объ анархизмѣ и его видахъ, а именно, на мѣсто такихъ представлений, которыя относятся къ одной и той же группѣ учений съ ихъ общими и особыми качествами, поставить опредѣленные понятія, то оно должно тѣ представленія, которыя выступаютъ какъ представленія объ анархизмѣ и его видахъ, раздѣлить, соотвѣтственно тому кругу учений, которыя они собою объемлютъ, на извѣстныя группы и выбрать изъ нихъ ту, представленія о которой необходимо замѣнить опредѣленными понятіями.

При выборѣ этой группы рѣшающимъ моментомъ долженъ быть вопросъ о томъ, для какихъ людей предназначается исслѣдованіе, ибо исслѣдованіе какого-нибудь понятія имѣетъ значеніе лишь для тѣхъ людей, которые неопредѣленно представляютъ себѣ данный предметъ, такъ какъ только ихъ неопредѣленные представленія замѣняются опредѣленными понятіями. Для людей, имѣющихъ неопредѣленное представленіе о пространствѣ, понятіе нравственности не имѣетъ никакого значенія, и въ этомъ же смыслѣ для людей, которые подъ анархизмомъ разумѣютъ то, что есть общаго въ ученіяхъ Прудона и Штирнера, не имѣетъ значенія понятіе о томъ, что является общимъ между ученіями Прудона, Штирнера, Кропоткина и Бакунина.

Наше исслѣдованіе предназначается для людей, которые въ настоящее время заняты научной разработкой анархизма. Если бы эти послѣдніе въ своихъ представленіяхъ объ анархизмѣ и его видахъ имѣли въ виду одинъ и тотъ же кругъ учений, то задача исслѣдованія заключалась бы въ томъ, чтобы поставить опредѣленное понятіе на мѣсто этой группы представлений. Но такъ какъ дѣло обстоитъ иначе, то задача исслѣдованія можетъ заключаться лишь въ томъ, чтобы поставить опредѣленные понятія на мѣсто той группы представлений, которая имѣетъ въ виду кругъ учений, принимаемыхъ

во вниманіе по возможности большимъ количествомъ людей, занимающихся въ настоящее время научной разработкой анархизма и его видовъ.

2. Исходный пунктъ.

Согласно сказанному, исходнымъ пунктомъ изслѣдованія должны быть тѣ неопредѣленные представленія объ анархизмѣ и его видахъ, которыя объемлютъ собою одинъ и тотъ же кругъ ученій, и которыя имѣютъ наибольшее распространеніе среди, занимающихся въ настоящее время научной разработкой анархизма, людей.

1. Какъ можно опредѣлить, какой кругъ ученій объемлютъ собою тѣ неопредѣленные представленія объ анархизмѣ и его видахъ, которыя больше всего распространены среди людей, занимающихся въ настоящее время научной разработкой анархизма? Во-первыхъ, это можно усмотрѣть изъ мнѣній, высказанныхъ относительно отдѣльныхъ анархическихъ ученій, а также ихъ перечисленій и изложеній этихъ ученій.

Слѣдуетъ полагать, что, кто называетъ извѣстныя ученія анархическими, тотъ признаетъ ихъ таковыми, а также и всѣ тѣ ученія, которымъ свойственны особенности послѣднихъ. Далѣе слѣдуетъ полагать, что тотъ не признаетъ анархическими извѣстныя ученія, кто эти послѣднія, такъ или иначе, разсматриваетъ какъ противоположныя анархизму, равно какъ и всѣ тѣ ему неизвѣстныя еще ученія, которыя, если бы онъ пожелалъ перечислить или изложить всю сумму анархическихъ ученій, оказались бы лишенными тѣхъ общихъ признаковъ, которые свойственны перечисленнымъ или изложеннымъ имъ видамъ анархизма.

Какой кругъ ученій объемлютъ собою тѣ неопредѣленные представленія объ анархизмѣ и его видахъ, которыя имѣютъ большое распространеніе среди занимающихся научной разработкой анархизма людей, можно усмотрѣть, во-вторыхъ, изъ опредѣленной анархизма, а также изъ другихъ высказанныхъ о немъ мнѣній. Мы имѣемъ, безъ сомнѣнія, право полагать, что всякій признаетъ анархическими тѣ ученія, которыя подпадаютъ подъ его опредѣленія анархизма равно, какъ и всѣ тѣ ученія, для которыхъ подходятъ его мнѣнія объ анархизмѣ, и что, наоборотъ, тѣ ученія, которыя подъ это опредѣленіе не подпадаютъ, или для которыхъ эти высказанныя мнѣнія не подходятъ, имъ за анархическія не признаются.

Въ томъ случаѣ, когда оба эти познавательныя средства приводятъ къ противорѣчіямъ, то рѣшающимъ для насъ должно явиться первое изъ нихъ. Ибо, если кто-либо не признаетъ анархическими тѣ ученія, которыя подпадаютъ подъ его опредѣленіе или мнѣніе, или, наоборотъ считаетъ анархическими тѣ, которыя подъ это опредѣленіе или мнѣніе не подпадаютъ, то причиной этого можетъ быть лишь то, что тотъ не сознаетъ объема своихъ общихъ мнѣній, и вслѣдствіе этого его мнѣніе можетъ быть выведено исключительно изъ его отношенія къ отдѣльнымъ ученіямъ.

2. Эти познавательныя средства знакомятъ насъ съ тѣмъ, какой кругъ ученій объемлютъ собою тѣ неопредѣленные представленія объ анархизмѣ и его видахъ, которыя больше всего распространены среди, занимающихся въ настоящее время научной разработкой анархизма людей.

Во-первыхъ, мы узнаемъ, что ученія опредѣленныхъ людей признаются анархическими большею частью тѣхъ лицъ, которыя въ настоящее время занимаются научной разработкой анархизма.

Во-вторыхъ, мы узнаемъ, что ученія этихъ людей

признаются со стороны лицъ, занимающихся въ настоящее время научной разработкой анархизма, анархическими лишь постольку, поскольку они касаются права, государства и собственности; однако, отнюдь не постольку, поскольку они касаются права, государства и собственности какого-либо отдѣльнаго правоворядка или отдѣльнаго круга правоворядковъ, а также и не постольку, поскольку они касаются такихъ предметовъ, какъ религія, семья и искусство.

Среди признанныхъ анархическихъ ученій особенно выдаются семеро изъ нихъ, а именно: ученіе Годвина, Прудона, Штирнера, Бакунина, Кропоткина, Туккера и Толстого. Всѣ эти ученія представляются съ точки зрѣнія большей части опредѣленій анархизма, а также и другихъ научныхъ сужденій о немъ, ученіями анархическими. У всѣхъ у нихъ имѣются налицо признаки, общіе тѣмъ ученіямъ, которыя заключаются въ большей части изложеній анархизма. Нѣкоторые изъ нихъ ставятся на первый планъ почти въ каждой работѣ объ анархизмѣ. Анархическій характеръ ихъ почти не оспаривается.

3. Цѣль.

Согласно сказанному, цѣль изслѣдованія должна заключаться, во-первыхъ, въ томъ, чтобы опредѣлить понятіе извѣстнаго рода вещей, составляющагося изъ общихъ признаковъ ученій, признаваемыхъ анархическими большей частью лицъ, занятыхъ въ настоящее время научной разработкой анархизма, а, во-вторыхъ, въ томъ, чтобы опредѣлить понятія видовъ, составляющихся посредствомъ прибавки къ общимъ признакамъ какихъ-либо видовыхъ отличій.

1. Чтобы получить понятіе, необходимо раньше всего, чтобы предметъ представлялся намъ, по возможности, въ болѣе ясныхъ и чистыхъ очертаніяхъ.

Въ нашихъ неопредѣленныхъ представленіяхъ предметъ не вырисовывается съ надлежащей ясностью. Въ нашихъ неопредѣленныхъ представленіяхъ о золотѣ мы большей частью представляемъ себѣ лишь немногія качества золота; одни изъ насъ мыслятъ при этомъ, главнымъ образомъ, цвѣтъ и блескъ, другіе—цвѣтъ и протяженность, третьи—какія-либо другія качества. Въ понятіе же золота должны быть включены съ наибольшей ясностью какъ цвѣтъ, такъ и блескъ, протяженность, твердость, растворимость, плавкость, присущій ему вѣсъ, атомный вѣсъ и другія качества золота.

Въ нашихъ неопредѣленныхъ представленіяхъ предметъ не рисуется намъ съ возможною полною чистотой. Въ наши неопредѣленные представленія о золотѣ мы включаемъ кое-что такое, что не относится къ признакамъ золота; одни мыслятъ, напримѣръ, цѣнность золота, которую оно имѣетъ въ настоящее время, другіе—золотые приборы, третьи — каковую-нибудь золотую монету. Всѣ эти постороннія примѣси должны быть отдѣлены отъ понятія золота.

Такимъ образомъ, цѣль изслѣдованія заключается въ томъ, чтобы, съ наибольшей ясностью, съ одной стороны, и съ наибольшей чистотой, съ другой, изложить общія черты тѣхъ ученій, которыя признаются анархическими большей частью, занимающихся въ настоящее время научной разработкой анархизма, лицъ, а также особенности всѣхъ ученій, обладающихъ этими общими чертами.

2. Для полученія понятія необходимо далѣе, чтобы предметъ въ нашемъ представленіи имѣлъ, по возможности, болѣе опредѣленное мѣсто во всей суммѣ нашего опыта, т. е. другими словами — въ системѣ родовъ и видовъ, объемлющей весь нашъ опытъ.

Въ неопредѣленныхъ представлѣнїяхъ предметъ ставится въ пзвѣстное мѣсто не соотвѣтственно всей суммѣ нашего опыта, а произвольно относится къ какому-нибудь роду предметовъ, къ которому онъ по своимъ разнообразнымъ качествамъ можетъ подойти. Одни изъ насъ мыслятъ, быть можетъ, золото, какъ особый видъ рода желтыхъ тѣлъ, другіе—какъ особый видъ рода протяженныхъ тѣлъ, третїи же — какъ видъ какого-нибудь другого рода. Понятіе золота должно, однако, найти опредѣленное мѣсто въ системѣ видовъ и родовъ, объемлющихъ весь нашъ опытъ, оно должно быть отнесено къ роду металловъ.

Такимъ образомъ, цѣль изслѣдованія заключается далѣе въ томъ, чтобы въ суммѣ всего нашего опыта найти опредѣленное мѣсто общимъ признакамъ тѣхъ ученій, которыя признаются анархическими большей частью, научно занятыхъ въ настоящее время анархизмомъ, лицъ, а также и особенностямъ всѣхъ тѣхъ ученій, которыя обладаютъ этими общими чертами, т. е. другими словами, необходимо дать имъ опредѣленное мѣсто въ системѣ родовъ и видовъ, объемлющихъ весь нашъ опытъ.

4. Путь къ цѣли.

Согласно сказанному, путь, который должно пройти изслѣдованіе отъ своего исходнаго пункта до своей цѣли, долженъ распасться на три части. Раньше всего необходимо опредѣлить понятія права, государства и собственности. Затѣмъ необходимо установить, какъ высказываются о правѣ, государствѣ и собственности анархическія ученія. Наконецъ, по удаленіи нѣкоторыхъ заблужденій слѣдуетъ отыскать опредѣленіе для анархизма и его видовъ.

1. Раньше всего необходимо опредѣлить понятія права, государства и собственности вообще, а не права, государства и собственности какого-нибудь отдѣльнаго правопорядка, или какихъ-либо группъ правопорядковъ.

Право, государство и собственность въ этомъ смыслѣ являются предметами, относительно которыхъ высказываются ученія, подлежащія нашему анализу. Прежде чѣмъ установить какія-либо сужденія относительно какого-либо предмета, а тѣмъ болѣе общія и особыя черты этихъ сужденій и дать имъ опредѣленное мѣсто во всей суммѣ нашего опыта, необходимо опредѣлить самый предметъ, необходимо, слѣдовательно, дать раньше всего опредѣленіе понятіямъ права, государства и собственности (глава 2).

2. Затѣмъ необходимо установить высказыванія анархическихъ ученій относительно права, государства и собственности; раньше всего высказыванія признанныхъ анархическихъ ученій, а затѣмъ также и тѣхъ ученій, у которыхъ есть общія съ предыдущими черты.

То, что выражаютъ собою признанныя анархическія ученія, необходимо установить для того, чтобы опредѣлить понятіе анархизма. То, что высказываютъ всѣ ученія, имѣющія общія черты съ признанными анархическими ученіями, необходимо установить для того, чтобы можно было дать опредѣленіе различнымъ видамъ анархизма.

Каждому изъ этихъ ученій необходимо поставить, такимъ образомъ, вопросъ объ его отношеніи къ праву, государству и собственности; этимъ вопросамъ долженъ предшествовать вопросъ относительно основъ, на которомъ данное ученіе покоится, а слѣдомъ за ними долженъ быть поставленъ вопросъ о томъ, какъ данное ученіе представляетъ себѣ свое осуществленіе.

Всѣ признанныя анархическія ученія, а тѣмъ болѣе всѣ анархическія ученія вообще не могутъ найти мѣста

въ нашемъ изложеніи. Ислѣдованіе это поэтому ограничивается изложеніемъ семи особенно выдающихся учений (глава 3—9) и пытается съ этой точки зрѣнія составить себѣ представленіе относительно всей суммы признанныхъ анархическихъ учений, а также относительно анархическихъ учений вообще (глава 10).

Интересующія насъ здѣсь ученія изложены ихъ собственными словами, но по одной и той же системѣ. Первое сдѣлано для обезпеченія себя отъ внесенія чужихъ идей, второе—для того, чтобы избѣгнуть несравнимаго сопоставленія рѣзко различающихся между собой процессовъ мысли. На опредѣленные вопросы послѣдніе должны дать опредѣленные отвѣты; правда, эти отвѣты должны были часто состояться изъ мелкихъ частицъ, взятыхъ изъ самыхъ различныхъ сочиненій, и по мѣрѣ ихъ противорѣчія другъ другу проанализированы, а поскольку они отдалялись отъ общепринятаго словоупотребленія, разъяснены. Благодаря этому, мы имѣемъ возможность сопоставить и сравнить и выдержанный ходъ мысли Толстого, и спутанную рѣчь Бакунина, и преисполненные горячей любви къ человѣку разсужденія Кропоткина, и самодовольное умничанье Штирнера.

3. Наконецъ, по удаленію распространенныхъ заблужденій необходимо дать опредѣленіе анархизму и его видамъ.

Необходимо, такимъ образомъ, на основаніи приобретенныхъ свѣдѣній объ анархическихъ ученіяхъ, устранить важнѣйшія заблужденія относительно анархизма и его видовъ; затѣмъ опредѣлить какія черты общи анархическимъ ученіямъ и какими особенностями каждое изъ нихъ обладаетъ, и дать опредѣленное мѣсто какъ одному, такъ и другому въ общей суммѣ нашего опыта. Такимъ образомъ, получатся понятія анархизма и его видовъ (глава 11).

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Право, государство, собственность.

1. Общія замѣчанія.

Здѣсь должны быть опредѣлены понятія права, государства и собственности вообще, а не понятія права, государства и собственности какого-нибудь отдѣльнаго правопорядка, или же отдѣльной группы правопорядковъ. Такимъ образомъ, понятія права, государства и собственности должны быть опредѣлены, какъ понятія общаго ученія о правѣ, а не какъ понятія отдѣльной правовой дисциплины.

1. Подъ понятіями права, государства и собственности можно, во-первыхъ, разумѣть понятія права, государства и собственности, входящія въ науку какого-либо отдѣльнаго правопорядка.

Эти понятія права, государства и собственности содержать все признаки, заключающіеся въ содержаніи даннаго правопорядка. Они объемлютъ содержаніе лишь даннаго правопорядка. Можно поэтому назвать ихъ понятіями науки даннаго правопорядка, ибо науками особыхъ

правопорядковъ можно назвать ту часть науки права, которая занята исключительно нормами какого-нибудь особаго правопорядка.

Понятія права, государства и собственности науки отдельнаго правопорядка отличаются отъ понятій права, государства и собственности науки другихъ правопорядковъ признакомъ, по которому они являются понятіями нормъ даннаго отдельнаго правопорядка. Изъ этого признака можно вывести все признаки, вытекающіе изъ содержанія даннаго правопорядка сравнительно съ другими правопорядками. Понятіе собственности современнаго нѣмецкаго обще-германскаго права, современнаго французскаго и современнаго англійскаго права отличаются между собою тѣмъ, что они являются понятіями нормъ этихъ трехъ отличныхъ правопорядковъ о собственности. Слѣдовательно, они отличны между собой постольку, поскольку различны между собою нормы современнаго обще-германскаго права, современнаго французскаго и англійскаго права собственности. Понятія права, государства и собственности различныхъ правопорядковъ относятся другъ къ другу, какъ видовыя понятія, относящіяся къ одному и тому же роду понятій.

2. Во-вторыхъ, подъ понятіями права, государства и собственности можно разумѣть понятія права, государства и собственности науки какого-либо отдельнаго круга ученій о правѣ.

Эти понятія права, государства и собственности содержать въ себѣ все признаки, заключающіеся въ общемъ содержаніи различныхъ правопорядковъ какой-либо отдельной правовой группы. Они объемлютъ собой лишь общее содержаніе различныхъ правопорядковъ данной правовой группы. Ихъ можно поэтому назвать понятіями науки данной правовой группы. Ибо науками какой-либо особой правовой группы можно обозначить ту часть науки о правѣ, которая обрабатываетъ исключи-

тельно нормы какой-либо отдельной группы правопорядковъ постольку, конечно, постольку они не обработаны уже науками отдельныхъ правопорядковъ данной группы.

Понятія права, собственности и государства науки отдельной правовой группы отличаются отъ понятій права, собственности и государства наукъ тѣхъ правопорядковъ, изъ которыхъ она составлена тѣмъ, что у нихъ отсутствуетъ признакъ того, что они являются понятіями нормъ одного изъ этихъ правопорядковъ, и, слѣдовательно, отсутствуютъ признаки, которые можно изъ этого признака вывести соответственно особому содержанію того или другаго правопорядка. Понятіе государства современнаго европейскаго права тѣмъ отличается отъ понятія государства наукъ современнаго нѣмецкаго, русскаго и бельгійскаго права, что оно не является понятіемъ нормъ одного изъ этихъ правопорядковъ, что въ немъ, слѣдовательно, отсутствуютъ все признаки, вытекающіе изъ особаго содержанія дѣйствующихъ въ Германіи, Россіи и Бельгіи государственно-правовыхъ нормъ. Они относятся къ понятіямъ государства и права наукъ этихъ отдельныхъ правопорядковъ такъ, какъ относится понятіе рода къ понятію вида.

Отъ понятія права, государства и собственности, свойственныхъ наукамъ другихъ правовыхъ группъ, понятія права государства и собственности, свойственныя данной правовой группѣ, отличается тѣмъ, что они являются понятіями нормъ данной отдельной правовой группы.

Изъ этого признака можно вывести все тѣ, которые свойственны общему содержанію различныхъ правопорядковъ данной правовой группы сравнительно съ общимъ содержаніемъ различныхъ правопорядковъ другихъ правовыхъ группъ. Понятіе государства современнаго европейскаго права и понятіе государства европейскаго права

въ 1000-мъ году отличаются другъ отъ друга тѣмъ, что первое является понятіемъ государственно-правовыхъ нормъ, дѣйствующихъ въ Европѣ въ настоящее время, а другое—тѣхъ нормъ, которыя дѣйствовали въ Европѣ тысяча лѣтъ тому назадъ; слѣдовательно, они отличаются другъ отъ друга такъ, какъ отличается то общее, которое имѣется между дѣйствующими въ настоящее время въ Европѣ государственно-правовыми нормами, отъ того, которое имѣется между государственно-правовыми нормами, дѣйствующими тысяча лѣтъ тому назадъ. Эти понятія относятся между собою, какъ понятія видовъ, соподчиненныхъ одному и тому же роду.

3. Въ-третьихъ, подъ понятіями права, государства и собственности можно разумѣть понятія права, государства и собственности общей науки права.

Эти понятія права, государства и собственности обладаютъ всѣми признаками, заключающимися въ общемъ содержаніи различнѣйшихъ правопорядковъ и правовыхъ группъ. Они объемлютъ лишь то, что есть общаго въ нормахъ различнѣйшихъ правопорядковъ и правовыхъ группъ. Вслѣдствіе этого, ихъ можно назвать понятіями общей науки права. Ибо общей наукой права можно назвать ту часть юриспруденціи, которая трактуетъ правовыя нормы, не ограничиваясь однимъ какимъ-либо отдѣльнымъ правопорядкомъ или какой-нибудь отдѣльной правовой группой, и именно постольку, поскольку эти нормы не подлежатъ анализу научныхъ дисциплинъ отдѣльныхъ правопорядковъ и правовыхъ группъ.

Понятія права, государства и собственности общей науки права отличаются отъ права, государства и собственности отдѣльныхъ правовыхъ дисциплинъ отсутствіемъ признака, присущаго нормамъ какого-нибудь отдѣльнаго правопорядка, или же какой-либо отдѣльной правовой группы, и, слѣдовательно, въ нихъ отсутствуютъ всѣ тѣ признаки, которые можно было бы вывести изъ

него, согласно особому содержанію какого-либо отдѣльнаго правопорядка, либо какой-нибудь отдѣльной правовой группы. Понятіе права вообще отличается отъ правового понятія современнаго европейскаго права и правового понятія современнаго обще-германскаго права тѣмъ, что они не являются понятіемъ нормъ вышеназванной правовой группы, а тѣмъ менѣе названнаго выше правопорядка, что въ немъ, слѣдовательно, отсутствуютъ всѣ тѣ признаки, которые свойственны дѣйствующимъ въ настоящее время въ Европѣ или въ Германіи правовымъ нормамъ. Оно относится, такимъ образомъ, къ правовымъ понятіямъ данныхъ отдѣльныхъ правовыхъ дисциплинъ такъ, какъ относится понятіе рода къ понятію вида.

4. Въ какомъ изъ этихъ значеній, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, необходимо опредѣлить понятія права, государства и собственности, и какой матеріалъ слѣдуетъ, согласно этому, имѣть въ виду всецѣло зависить отъ цѣли изслѣдованія.

Если, напримѣръ, дѣло идетъ о томъ, чтобы научно изложить государственно-правовыя нормы современнаго обще-германскаго права, то опредѣленное здѣсь государственно-правовое понятіе должно быть понятіемъ науки даннаго отдѣльнаго правопорядка, ибо научная обработка нормъ какого-либо отдѣльнаго правопорядка требуетъ, чтобы понятія составлялись именно изъ нормъ даннаго правопорядка. Слѣдовательно, въ качествѣ матеріала могутъ служить здѣсь исключительно государственно-правовыя нормы современнаго обще-германскаго права.

Что понятія, опредѣленные при научномъ изложеніи какого-либо правопорядка, дѣйствительно являются понятіями науки даннаго правопорядка, можетъ быть выражено и безъ особой ясности. Всякое понятіе науки какого-либо отдѣльнаго правопорядка можетъ опредѣлится, какъ видовое понятіе соответственнаго родового понятія общей науки права. Опредѣляютъ данное понятіе рода,

напримѣръ, понятие государства въ общей наукѣ права и прибавляютъ отличительный признакъ видового понятія, какъ особое понятие нормъ данного отдѣльнаго правопорядка, напримѣръ, современного обще-германскаго права. Этотъ слѣдующій признакъ часто оставляютъ не выраженнымъ, въ особенности когда, напримѣръ, при научномъ изложеніи нормъ какого-либо отдѣльнаго правопорядка можно предположить, что всякій будетъ считать этотъ признакъ молчаливо прибавленнымъ. Слѣдствиемъ этого, однако, является то, что, при поверхностномъ анализѣ, опредѣленіе, данное въ научномъ изложеніи какого-либо отдѣльнаго правопорядка кажется однозначущимъ съ опредѣленіемъ понятія общей науки права.

Или, если дѣло идетъ о томъ, чтобы сдѣлать научное сравненіе дѣйствующихъ въ настоящее время въ Европѣ правовыхъ нормъ относительно собственности, то опредѣленное при этомъ понятіе собственности должно быть понятіемъ науки этой отдѣльной правовой группы. Ибо научное сравненіе нормъ различныхъ правопорядковъ требуетъ, чтобы понятія наукъ этихъ различныхъ правопорядковъ были подчинены соответственному понятію науки образуемой ими правовой группы. Слѣдовательно, матеріаломъ здѣсь могутъ служить исключительно нормы данной правовой группы.—И здѣсь также можетъ оказаться неяснымъ то, что опредѣленные понятія дѣйствительно являются понятіями науки данной правовой группы. Ибо и понятія, относящіяся къ наукѣ какой-либо правовой группы, могутъ быть опредѣлены посредствомъ указанія соответственнаго понятія общей науки права и посредствомъ молчаливой прибавки признака, являющагося понятіемъ нормъ этой отдѣльной правовой группы.

Если же, наконецъ, дѣло идетъ о томъ, чтобы сравнить, что есть общаго между нормами различныхъ пра-

вопорядковъ, то опредѣленное при этомъ правовое понятіе должно быть понятіемъ общей науки права. Ибо научное сравненіе нормъ различнѣйшихъ правопорядковъ и правовыхъ группъ требуетъ, чтобы понятія, относящіяся къ наукамъ различнѣйшихъ правопорядковъ и правовыхъ группъ, были соподчинены соответственному понятію общей науки права. Слѣдовательно, матеріаломъ здѣсь должны служить нормы различнѣйшихъ правопорядковъ и правовыхъ группъ.

Въ нашемъ изслѣдованіи, гдѣ рѣчь идетъ о томъ, чтобы сдѣлать первый шагъ къ научному опредѣленію ученій, трактующихъ о правѣ, государствѣ и собственности вообще, а не о правѣ, государствѣ и собственности какого-либо отдѣльнаго правопорядка или какой-либо отдѣльной правовой группы, понятія права, государства и собственности неизбѣжно должны быть опредѣлены, какъ понятія общей науки права. Ибо научное опредѣленіе ученій, занятыхъ общимъ содержаніемъ правопорядковъ и правовыхъ группъ, требуетъ, чтобы понятія были образованы изъ этого общаго содержанія, т. е., слѣдовательно, чтобы они были понятіями общей науки права. Матеріаломъ для нашего изслѣдованія должны служить правовыя нормы, и въ особенности нормы государственнаго права и права собственности различнѣйшихъ правопорядковъ и правовыхъ группъ.

2. Право.

Право есть сумма правовыхъ нормъ.

Правовая норма есть норма, покоящаяся на томъ, что люди желаютъ, чтобы внутри известной, ихъ самихъ охватывающей, группы лицъ наблюдалось известное, для всѣхъ одинаковое поведение.

1. Правовая норма есть норма.

Норма есть идея о правильномъ поведеніи. Правильное поведеніе представляетъ собою такое, которое соотвѣтствуетъ или конечной цѣли всякаго человѣческаго поведенія, такъ называемое безусловно правильное поведеніе, на примѣръ, уваженіе къ чужой жизни, или же какой-либо случайной цѣли такъ называемое условно правильное поведеніе, на примѣръ, правильное употребленіе отмычки.—Идея правильнаго поведенія означаетъ, однако, что безусловно или условно правильное поведеніе необходимо представить себѣ не какъ фактъ, а какъ задачу, не какъ нѣчто уже существующее, а какъ нѣчто такое, что подлежитъ осуществленію, — она не означаетъ, что я на самомъ дѣлѣ буду щадить жизнь моего врага, но, что я долженъ ее щадить, не то, какъ воръ въ дѣйствительности дѣйствовалъ отмычкой, а то, какъ онъ долженъ былъ бы ею дѣйствовать.—Идея правильнаго поведенія есть то, что мы называемъ «должнымъ» (sollen); если я представляю себѣ нѣчто должное, то я представляю себѣ, что должно быть совершено для того, чтобы осуществить конечную цѣль всякаго человѣческаго поведенія, или же какую-нибудь случайную собственную цѣль.

Идея правильнаго поведенія обуславливаетъ оцѣнку предыдущаго поведенія, и только съ этой точки зрѣнія послѣднее можетъ быть обозначено хорошимъ или дурнымъ, цѣлесообразнымъ или нецѣлесообразнымъ; она обуславливаетъ также всякое соображеніе о будущемъ поведеніи; только съ точки зрѣнія этой идеи можно разсуждать о томъ, будетъ ли хорошо или, по меньшей мѣрѣ, цѣлесообразно поступать опредѣленнымъ образомъ.

Всякая правовая норма устанавливаетъ извѣстное поведеніе, какъ правильное; она объявляетъ это поведеніе соответствующимъ опредѣленной цѣли, она устанавливаетъ это правильное поведеніе, какъ идею, не какъ

фактъ, а какъ задачу, она не говоритъ, что кто-либо такъ ведетъ себя, но что такъ слѣдуетъ себя вести. Правовая норма представляетъ собой, слѣдовательно, норму.

2. Правовая норма есть норма, покоющаяся на человѣческой волѣ. Норма, покоющаяся на человѣческой волѣ, представляетъ собой такую норму, въ силу которой слѣдуетъ вести себя извѣстнымъ образомъ для того, чтобы не вступить въ конфликтъ съ волею извѣстныхъ лицъ и чтобы не подвергнуться давленію силы, находящейся на службѣ у этой воли.

Такая норма считаетъ извѣстное поведеніе правильнымъ лишь условно, а именно, какъ средство къ преслѣдуемой, а можетъ быть и пренебрегаемой нами цѣли, заключающейся въ томъ, чтобы не впасть въ противорѣчіе съ волею извѣстныхъ людей и остаться нетронутымъ той силой, которая находится въ услуженіи у данной воли.

Каждая правовая норма говоритъ намъ, что мы должны вести себя извѣстнымъ образомъ для того, чтобы не противодѣйствовать волѣ извѣстныхъ лицъ и чтобы не пострадать потомъ отъ ихъ власти. Извѣстное поведеніе она считаетъ правильнымъ лишь условно, поучая насъ не тому, что хорошо, а тому, что предписано; правовая норма представляетъ собою поэтому норму, покоющуюся на человѣческой волѣ.

3. Правовая норма есть норма, покоющаяся на томъ, что люди для себя и для другихъ желаютъ извѣстнаго поведенія.

Извѣстная норма покоится на томъ, что люди желаютъ извѣстнаго поведенія для себя и для другихъ въ томъ случаѣ, когда воля, на которой покоится эта норма, касается не только другихъ, не желающихъ, но одновременно и самихъ желающихъ, когда, слѣдовательно, послѣдніе желаютъ не только того, чтобы другіе подчи-

нились этой нормѣ, но и сами хотятъ быть ей подчинены.

Каждая правовая норма и изъ всѣхъ нормъ только правовая имѣетъ то свойство, что воля, на которой она покоится, выходитъ за предѣлы желающихъ, охватывая, однако, также и ихъ самихъ. Положеніе «кто преднамѣренно присвоитъ себѣ чужую движимую вещь, тотъ наказывается за воровство тюремнымъ заключеніемъ» не только покоится на волѣ людей, но помимо того каждый изъ нихъ сознаетъ, что это положеніе касается не только другихъ, но и его самого.

Здѣсь могутъ, пожалуй, возразить: нельзя утверждать, что разъ люди для себя и для другихъ желаютъ известнаго поведенія, то мы уже имѣемъ здѣсь дѣло съ правомъ. Наличие стремленій французскихъ бонапартистовъ не означаетъ, что во Франціи существуетъ монархія. Но право и не является оттого, что существуетъ какая-либо воля; оно появляется лишь тогда, когда на этой волѣ покоится норма, т. е. когда на ея службѣ находится столь большая сила, что она въ состояніи оказать давленіе на тѣхъ людей, которыхъ эта воля касается. Какъ только бонапартизмъ распространится въ такой мѣрѣ и въ такихъ кругахъ, что къ его услугамъ окажется такая сила, республика падетъ и монархія въ дѣйствительности станетъ во Франціи правовымъ институтомъ.

Могутъ далѣе сослаться на то, что въ неограниченныхъ монархіяхъ, напримѣръ, въ Россіи право покоится исключительно на волѣ одного человѣка, для котораго оно, однако, не существуетъ. Но русское право совѣтъ не покоится на волѣ царя; царь является отдѣльнымъ слабымъ человѣкомъ, и воля его не въ состояніи сама по себѣ оказать давленіе на поведеніе многихъ милліоновъ россіянъ. Русское право покоится, наоборотъ, на волѣ всѣхъ тѣхъ россіянъ — крестьянъ, солдатъ, чиновни-

ковъ—которые по различнымъ основаніямъ—любовь къ родинѣ, корыстолюбіе, суевѣріе—желаютъ, чтобы то, что желаетъ царь, являлось въ Россіи правомъ. Ихъ воля можетъ оказать давленіе на поведеніе россіянъ; и, какъ показываетъ исторія революцій, въ томъ случаѣ, когда количество этихъ россіянъ уменьшится настолько, что воля ихъ окажется не достаточно сильной, тогда то, чего желаетъ царь, перестанетъ быть въ Россіи правомъ.

4. Нѣкоторые утверждали, что правовая норма обладаетъ также и другими качествами.

Раньше всего утверждали, что характернымъ признакомъ правовой нормы является то, что слѣдованіе ей достигается принужденіемъ, или даже принужденіемъ особаго рода, посредствомъ судебного процесса или государственной власти.

Если подъ этимъ разумѣть, что слѣдованіе ей можетъ быть вынуждено во всякое время, тогда можно указать тотчасъ на массу случаевъ, когда это не удается. Когда должникъ оказывается неплатежеспособнымъ или же когда совершается убійство, то добиться того, чтобы нарушенная правовая норма была выполнена—уже нельзя, но дѣйствіе ея этимъ нисколько не нарушается.

Если же подъ принуждаемостью разумѣется, что выполненіе правовыхъ нормъ должно обеспечиваться, на случай ихъ нарушенія, другими правовыми нормами, то достаточно обратиться отъ одной, обеспечиваемой, нормы къ слѣдующей ее обеспечивающей и потомъ идти въ томъ же направленіи далѣе, чтобы, наконецъ, дойти до такихъ нормъ, выполненіе которыхъ не обеспечено уже никакими дальнѣйшими правовыми нормами. Если же эти нормы не признавать за правовыя, то и обеспечивенія ими нормы также нельзя считать правовыми и, слѣдуя по этому обратному пути, мы въ концѣ концовъ окажемся вообще лишенными всякихъ правовыхъ нормъ.

Лишь въ томъ случаѣ можно будетъ сказать, что принуждаемость является отличительнымъ признакомъ правовой нормы, когда подъ принуждаемостью правовыхъ нормъ согласятся понимать, что воля для того, чтобы на ней покоилась правовая норма, должна располагать извѣстной силой. Но эту черту правовой нормы можно было бы вывести изъ того факта, что она является нормой, и, слѣдовательно, нѣтъ никакой необходимости присоединять ее къ послѣдней, какъ новую черту.

Наконецъ, утверждали, что характерной чертой правовой нормы является то, что она находится въ извѣстномъ соотвѣтствіи съ нравственнымъ закономъ. Если бы это было вѣрно, то изъ различныхъ правовыхъ нормъ, дѣйствующихъ въ настоящее время одна за другой въ одной и той же области, или же одновременно въ различныхъ областяхъ, находящихся въ однихъ и тѣхъ же условіяхъ, лишь одна могла бы быть разсматриваема какъ норма правовая; ибо при однихъ и тѣхъ же условіяхъ нравственно-правильнымъ можетъ быть только что-нибудь одно. Тогда нельзя было бы также говорить о несправедливыхъ правовыхъ нормахъ, ибо, если онѣ несправедливы, то онѣ и не правовыя нормы. Въ дѣйствительности же правовыя нормы признаются таковыми и тогда, когда онѣ при однихъ и тѣхъ же условіяхъ предписываютъ различныя вещи, и никто не сомнѣвается, что рядомъ съ хорошими существуютъ также дурныя правовыя нормы.

5. Правовая норма отличается отъ всѣхъ другихъ, даже самыхъ сходныхъ съ ней предметовъ, тѣмъ, что она является нормой, покоящейся на томъ, что люди желаютъ, чтобы внутри ихъ самихъ охватывающаго круга лицъ всѣ вели себя въ извѣстномъ отношеніи одинаково.

Тѣмъ, что она покоится на человѣческой волѣ, она отличается отъ нравственнаго закона (заповѣдей нравственности). Послѣдній покоится не на томъ, что люди

требуютъ извѣстнаго поведенія, а на томъ, что такое поведеніе соотвѣтствуетъ конечной цѣли всякаго человѣческаго поведенія. Нравственнымъ закономъ является тезисъ: «любите враговъ своихъ, благословляйте васъ преслѣдящихъ, оказывайте добро васъ ненавидящимъ, просите за оскорбляющихъ и преслѣдующихъ васъ», такъ же, какъ и тезисъ: «дѣйствуй такъ, чтобы максима твоей воли всегда могла служить также и принципамъ всеобщаго законодательства» — ибо правильность такого поведенія покоится не на томъ, что другіе люди этого желаютъ, но на томъ, что оно соотвѣтствуетъ конечнымъ цѣлямъ всякаго человѣческаго поведенія.

Тѣмъ, что правовая норма покоится на человѣческой волѣ, она отличается также и отъ обычая; послѣдній покоится не на томъ, что люди хотятъ извѣстнаго поведенія, а на томъ, что люди извѣстнымъ образомъ ведутъ себя. Обычаемъ является то, что на балъ отправляются во фракъ и въ бѣлыхъ перчаткахъ, что при ѣдѣ ножъ употребляютъ исключительно для разрѣзыванія, что во время танцевъ приглашаютъ дочь хозяина дома, что съ хозяйномъ и хозяйкой дома прощаются и что, наконецъ, слуги даютъ на чай — ибо правильность такого поведенія покоится не на томъ, что другіе люди требуютъ этого отъ насъ — часто лицамъ, вводящимъ извѣстную моду, прямо не желательно, чтобы послѣдняя распространялась въ широкихъ кругахъ — но исключительно на томъ, что другіе люди ведутъ себя извѣстнымъ образомъ, и что мы не желаемъ «выдѣляться», «бросаться въ глаза» и т. д.

Тѣмъ, что правовая норма покоится на волѣ, распространяющейся одновременно какъ на не желающихъ, такъ и на самихъ желающихъ, она отличается, съ одной стороны, отъ вѣлній произвола, при которомъ нѣкто желаетъ извѣстную вещь для другихъ, а, съ другой стороны, отъ намѣренія, при которомъ нѣкто желаетъ извѣстную вещь

только для себя. Велѣніемъ произвола является, напримеръ, когда Кортецъ и его спутники приказываютъ мексиканцамъ выдать имъ ихъ золото, или же когда разбойничья шайка запрещаетъ напуганному населенію выдавать властямъ ихъ логовища. Въ данномъ случаѣ рѣшающимъ моментомъ является, правда, человѣческая воля, однако такая, которая стносится лишь къ другимъ лицамъ, но не касается тѣхъ, которые данную волю выражаютъ. Намѣреніемъ же будетъ, напримеръ, когда я рѣшился вставать ежедневно въ шесть часовъ, или же бросить куреніе, или же кончить работу къ опредѣленному дню. Въ данномъ случаѣ человѣческая воля касается лишь того, кто выражаетъ ее, не распространяясь на другихъ людей.

6. Принимая во вниманіе разъясненія, данныя при опредѣленіи понятія правовой нормы, можно развить ее содержаніе слѣдующимъ образомъ.

Люди желаютъ, чтобы внутри нѣкотораго ихъ самихъ охватывающаго круга лицъ всѣ поступали въ извѣстномъ отношеніи одинаковымъ образомъ, и сила ихъ такъ велика, что они въ состояніи оказать извѣстное давленіе на тѣхъ лицъ, которые въ данный кругъ входятъ. Когда дѣло обстоитъ такъ, то передъ нами правовая норма.

3. Государство.

Государствомъ называется такое правовое отношеніе, въ силу котораго въ извѣстной области находится высшая власть.

1. Государствомъ называется правовое отношеніе.

Правовымъ отношеніемъ называется заключающееся въ правовой нормѣ отношеніе того, кому извѣстное поведение предписано, къ тому, ради котораго указанное поведение предписано, отношеніе правообязаннаго къ

правообязанному. Такъ, напримеръ, правовое отношеніе займа является отношеніемъ занимающаго, связаннаго посредствомъ правовыхъ нормъ относительно займа, къ заемщику, ради котораго онъ связанъ.

Государство есть правовое отношеніе всѣхъ лицъ, подчиненныхъ посредствомъ правовыхъ нормъ одной высшей власти, къ тѣмъ, ради которыхъ они ей подчинены. При этомъ кругъ правомочныхъ и правообязанныхъ одинъ и тотъ же. Государство представляетъ собою извѣстную связанность (Gebundenheit) всѣхъ ради всѣхъ.

Противъ этого могутъ, пожалуй, возразить, что государство представляетъ собою не правовое отношеніе, а личность. Но то, что соединеніе людей представляетъ собою юридическую личность, вполне совмѣстимо съ тѣмъ, что оно является правовымъ отношеніемъ; даже болѣе того, его свойство, какъ личности, покоится болѣею частью на его свойствахъ, какъ особаго вида правового отношенія: извѣстное соединеніе лицъ разсматривается по отношенію къ вѣвшему міру, какъ юридическая личность потому, что данныя лица связаны между собою посредствомъ особаго правового отношенія. Акціонерное общество является личностью потому, что оно является правовымъ отношеніемъ особаго рода. И то, что государство является личностью, также не только совмѣстимо съ тѣмъ, что оно представляетъ собою правовое отношеніе, но даже обосновывается тѣмъ, что оно представляетъ собою правовое отношеніе особаго вида.

2. По своимъ условіямъ это правовое отношеніе является не свободнымъ.

Свободное правовое отношеніе мы имѣемъ тогда, когда правовыя нормы обуславливаютъ наступленіе правового отношенія извѣстными дѣйствіями правообязаннаго, цѣлью которыхъ является созданіе правового отношенія. Примеромъ этому можетъ служить вступленіе отношенія найма посредствомъ заключенія договора найма.

Если же правовыя нормы не обусловливаютъ моментъ вступленія правового отношенія извѣстными дѣйствіями правообязаннаго, тогда мы имѣемъ дѣло съ несвободнымъ правовымъ отношеніемъ. Примѣромъ этому можетъ служить защита какаго-либо изобрѣтенія. Последняя не обусловливается какими-либо дѣйствіями правообязаннаго, и искъ къ преступнику не обусловливается какими-либо дѣйствіями послѣдняго, направленными для возбужденія такового.

Если бы государство было свободнымъ правовымъ отношеніемъ, то высшая власть могла бы существовать лишь для тѣхъ жителей данной области, которые ее признали; высшая власть существуетъ, однако, для всѣхъ жителей извѣстной области независимо отъ того, признали ли они ее или нѣтъ, и правовое отношеніе является, такимъ образомъ, несвободнымъ.

3. Содержаніе этого правового отношенія заключается въ томъ, что въ извѣстной области находится высшая власть.

Въ извѣстной области существуетъ власть въ силу правового отношенія въ томъ случаѣ, когда, согласно правовымъ нормамъ, лежащимъ въ основаніи правового отношенія, воля извѣстныхъ лицъ—или даже одного лица—является для жителей этой области рѣшающей. Высшая власть существуетъ въ данной области въ силу правового отношенія тогда, когда по указаннымъ выше нормамъ воля извѣстныхъ людей является для жителей данной области рѣшающей въ послѣдней инстанціи, т. е. при несогласіи многихъ властей. То, что здѣсь обозначается высшей властью, суть такимъ образомъ не люди, на волѣ которыхъ въ данной области покоятся дѣйствующія правовыя нормы, а ихъ высшіе уполномоченные, воля которыхъ въ предѣлахъ данной области должна быть въ послѣдней инстанціи рѣшающей.

Кто такіе тѣ люди, воля которыхъ въ силу право-

вого отношенія должна быть для жителей данной области въ послѣдней инстанціи рѣшающей, напримѣръ, члены ли княжескаго дома въ извѣстномъ порядкѣ престолонаслѣдія или лица избранныя, на основаніи извѣстной избирательной системы,—это зависитъ отъ правовыхъ нормъ, въ которыхъ формулировано правовое отношеніе. Отъ этихъ же правовыхъ нормъ зависитъ также и то, въ какомъ объемѣ воля этихъ лицъ должна быть рѣшающей—при чемъ это ограниченіе власти не противорѣчитъ ея характеру, какъ высшей власти,—высшій уполномоченный не обязательно долженъ быть также и неограниченнымъ.

Здѣсь могутъ, пожалуй, возразить, что въ союзныхъ государствахъ, напримѣръ, въ Германской имперіи, отдѣльные государства (Einzelstaaten) не пользуются прерогативами высшей власти. Въ дѣйствительности же они ею пользуются. Ибо, если и вѣрно, что множество вопросовъ подлежатъ компетенціи Германской имперіи, то, съ другой стороны, существуетъ достаточно предметовъ, относительно которыхъ въ послѣдней инстанціи рѣшаетъ высшая власть отдѣльныхъ государствъ. Высшая власть существуетъ въ отдѣльныхъ государствахъ постольку, поскольку существуютъ вопросы, подлежащіе ихъ компетенціи; если въ одинъ прекрасный день ихъ не станетъ, тогда нельзя будетъ также говорить и объ отдѣльныхъ государствахъ.

4. Государство отличается отъ другихъ даже самыхъ сходныхъ съ нимъ предметовъ тѣмъ, что оно является правовымъ отношеніемъ, въ силу котораго въ извѣстной области существуетъ высшая власть.

Тѣмъ, что оно является правовымъ отношеніемъ, государство отличается, съ одной стороны, отъ учреждений, могущихъ существовать на основаніи нравственнаго закона въ какомъ-либо мыслимомъ мірѣ Бога или же разума, а, съ другой, отъ господства завоевателя въ какой-

либо странѣ, которая можетъ быть только господствомъ произвола.

Будучи несвободнымъ правовымъ отношеніемъ, государство отличается этимъ, какъ отъ всякаго мыслимаго союза людей, установившихъ между собой высшую власть посредствомъ договора, такъ и отъ международныхъ союзовъ, въ которыхъ высшая власть существуетъ на основаніи договора.

Тѣмъ, что въ силу даннаго правоотношенія власть распространяется на извѣстную территорію, государство отличается отъ родовыхъ союзовъ кочевыхъ народовъ и отъ союзовъ церковныхъ; ибо у первыхъ власть распространяется лишь на людей извѣстнаго происхожденія, а у вторыхъ на людей извѣстнаго вѣроисповѣданія. Ни у тѣхъ, ни у другихъ она не распространяется на всѣхъ жителей извѣстной территоріи. Наконецъ, тѣмъ, что данная территоріальная власть является высшей территоріальной властью, государство отличается отъ общинъ, округовъ и провинцій (= волостей, уѣздовъ, губерній); послѣдніе также обладаютъ территоріальной властью, но такой, которая по самому смыслу учрежденія подчинена другой высшей власти.

5. Принимая во вниманіе данное раньше опредѣленіе правовой нормы, а, съ другой стороны, разъясненія, данныя при опредѣленіи государства, заключающіяся въ понятіи государства, содержаніе можно развить слѣдующимъ образомъ.

Нѣкоторая часть населенія извѣстной территоріи является столь могущественной, что воля ея въ состояніи оказывать давленіе на поведеніе всѣхъ жителей данной территоріи. Люди, составляющіе эту часть населенія, желаютъ, чтобы для всѣхъ жителей данной территоріи, какъ для нихъ, такъ и для другихъ, воля на основаніи извѣстнаго правила опредѣляемыхъ лицъ была въ извѣстномъ объемѣ въ послѣдней инстанціи рѣшающей. Если дѣло обстоитъ такъ, то передъ нами государство.

4. Собственность.

Собственностью называется правовое отношеніе, въ силу котораго въ предѣлахъ извѣстнаго круга лицъ кому-либо принадлежитъ въ конечномъ счетѣ исключительное право распоряженія извѣстной вещью.

1. Собственность есть правовое отношеніе.

Правовымъ отношеніемъ является, какъ уже было изложено, отношеніе того лица, которому въ правовой нормѣ предписывается извѣстное поведеніе къ тому, въ чью пользу это поведеніе предписывается, правообязаннаго къ правомочному.

Собственностью называется правовое отношеніе всѣхъ членовъ извѣстнаго круга лицъ, исключенныхъ правовыми нормами отъ распоряженія въ конечномъ счетѣ извѣстной вещью, къ тому лицу—или нѣсколькимъ лицамъ—въ чью пользу они отъ этого распоряженія исключаются. Кругъ правообязанныхъ въ данномъ случаѣ значительно больше круга правомочныхъ; первый объемлетъ почти всѣхъ жителей извѣстной территоріи или же всѣхъ членовъ одного рода, второй же—лишь тѣхъ среди нихъ, которые находятся въ извѣстныхъ условіяхъ.

2. По своимъ условіямъ это правоотношеніе является несвободнымъ.

Какъ уже было сказано, свободное правоотношеніе мы имѣемъ передъ собою тогда, когда правовыя нормы обусловливаютъ наступленіе правоотношенія извѣстными дѣйствіями правообязаннаго, цѣлью которыхъ является созданіе этого правоотношенія; если же наступленіе правоотношенія не обусловлено какими-либо дѣйствіями правообязаннаго, тогда передъ нами правоотношеніе не свободное.

Если бы собственность была свободнымъ правоотно-

шеніемъ, то отъ распоряженія извѣстной вещью могли быть исключены лишь тѣ члены извѣстнаго круга лицъ, которые на таковое исключеніе дали свое согласіе. На самомъ же дѣлѣ исключаются всѣ члены извѣстнаго круга лицъ, напримѣръ, всѣ жители извѣстной территории, всѣ члены извѣстнаго рода, независимо отъ того, дали ли они свое согласіе или нѣтъ.

3. Содержаніе этого правоотношенія заключается въ томъ, что внутри извѣстнаго круга лицъ нѣкто пользуется исключительнымъ правомъ распоряженія (въ конечномъ счетѣ) извѣстной вещью.

Что нѣкто внутри извѣстнаго круга лицъ пользуется въ силу извѣстнаго правоотношенія исключительнымъ правомъ распоряженія извѣстной вещью означаетъ, что данный кругъ людей исключается въ пользу этого лица отъ распоряженія извѣстной вещью, т. е. что эти люди не должны стѣснять это лицо поступать съ данной вещью по своему усмотрѣнію, а также не должны дѣлать что-либо съ ней сами, разъ на это нѣтъ его согласія. При этомъ, однако, право исключительнаго распоряженія вещью можетъ принадлежать нѣкоторымъ—а также и одному—лицамъ въ такой формѣ, что въ извѣстномъ отношеніи, напримѣръ, въ отношеніи пользованія плодами, право исключительнаго распоряженія принадлежит одному—или нѣкоторымъ—а другому во всѣхъ остальныхъ, еще не отчужденныхъ въ отдѣльности, отношеніяхъ. Кто внутри извѣстнаго круга людей пользуется исключительнымъ правомъ распоряженія вещью во всѣхъ неотчужденныхъ въ отдѣльности отношеніяхъ, тотъ внутри этого круга людей пользуется правомъ распоряженія данной вещью въ конечномъ счетѣ.

Вопросъ о томъ, кто пользуется такимъ правомъ въ силу извѣстнаго правоотношенія—пользуется ли, напр., такимъ правомъ тотъ, кто извѣстную вещь передѣлалъ въ новую—рѣшается въ зависимости отъ правовыхъ

нормъ, въ которыхъ сформулировано правоотношеніе. Отъ нихъ же зависитъ и объемъ этихъ правъ,—право распоряженія въ конечномъ счетѣ извѣстнаго лица извѣстнымъ предметомъ ограничивается не только правами тѣхъ, кому отчуждены извѣстныя части права, но также и тѣми границами, въ которыхъ вообще, въ предѣлахъ даннаго круга людей, допускается право распоряженія. Въ особенности зависитъ отъ этихъ нормъ вопросъ о томъ, пользуются ли правомъ распоряженія въ конечномъ счетѣ, какъ отдѣльныя личности, такъ и сообщества или же только сообщества, а затѣмъ также и о томъ, могутъ ли они пользоваться такимъ правомъ относительно всѣхъ предметовъ или же только относительно того или другого рода предметовъ.

4. Собственность отличается отъ всѣхъ другихъ, даже наиболѣе сходныхъ съ ней, предметовъ тѣмъ, что она является правоотношеніемъ, въ силу котораго, въ предѣлахъ извѣстнаго круга людей, извѣстной личности принадлежит исключительное право распоряженія (въ конечномъ счетѣ) извѣстной вещью.

Тѣмъ обстоятельствомъ, что она является правоотношеніемъ, собственность отличается отъ всѣхъ тѣхъ отношеній, гдѣ конечное распоряженіе вещью предоставляется извѣстному лицу, исключительно, благодаря благоразумію окружающихъ его людей или же, исключительно, благодаря собственной силѣ; какъ это, напримѣръ, было бы въ нѣкоторомъ мыслимомъ царствѣ Бога или разума или же какъ это часто бываетъ въ завоеванной странѣ.

Будучи несвободнымъ правоотношеніемъ, собственность отличается этимъ отъ такихъ правоотношеній, въ силу которыхъ извѣстная личность пользуется правомъ распоряженія (въ конечномъ счетѣ) вещью, исключительно, на основаніи договора и, исключительно, въ отношеніи другой договаривающейся стороны.

Тѣмъ обстоятельствомъ, что въ силу этого право-

отношенія известная личность, въ предѣлахъ известнаго круга людей, пользуется исключительнымъ правомъ распоряженія (въ конечномъ счетѣ) известной вещью, собственность отличается отъ того права, которое по-нѣмецки называется *Urheberrecht* ¹⁾, въ силу котораго известное лицо пользуется не правомъ распоряженія, а нѣкоторымъ другимъ правомъ. Тѣмъ же самымъ она отличается отъ права на чужую вещь, въ силу котораго известная личность въ предѣлахъ известнаго круга людей, правда, пользуется правомъ распоряженія, однако же не въ послѣднемъ счетѣ.

5. Принимая во вниманіе, съ одной стороны, опредѣленіе правовой нормы, а съ другой—разъясненія, данныя при опредѣленіи понятія собственности, содержаніе понятія собственности можно развить слѣдующимъ образомъ.

Нѣкоторые люди настолько сильны, что воля ихъ въ состояніи оказать давленіе на поведеніе объемлющаго ихъ круга людей, и люди эти желаютъ, чтобы ни одинъ членъ изъ этого круга не препятствовалъ известной личности поступать, въ известныхъ предѣлахъ, съ известной вещью такъ, какъ это ей заблагоразсудится. Ни одинъ членъ даннаго круга не долженъ, далѣе, въ предѣлахъ этихъ границъ обращаться какимъ-нибудь образомъ съ этой вещью помимо воли этой личности. Все это, конечно, постольку, постольку, поскольку относительно этой вещи въ известныхъ отношеніяхъ не является компетентной воля какаго-либо другаго лица. Если дѣло обстоитъ такимъ образомъ, то мы имѣемъ передъ собою собственность.

¹⁾ Права, принадлежатія литераторамъ, композиторамъ и т. д. на ихъ произведенія. П е р е в.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Ученіе Годвина.

1. Общія замѣчанія.

1. Вильямъ Годвинъ (William Godwin) родился въ 1756 году въ Избичѣ (Wisbeach), въ графствѣ Кембриджъ (Cambridgeshire). Съ 1773 года онъ изучалъ въ Иокстонѣ (Hoxton) теологию. Въ 1778 году онъ сталъ проповѣдникомъ въ Уорѣ (Ware) въ графствѣ Гертфордъ (Hertfordshire), въ 1780 г.—проповѣдникомъ же въ Стоу-марктѣ (Stowmarket), въ Суффолкѣ (Suffolk). Въ 1782 году онъ оставилъ это мѣсто и съ этого момента жилъ въ Лондонѣ, занимаясь литературнымъ трудомъ. Онъ умеръ въ Лондонѣ, въ 1836 году.

Годвинъ опубликовалъ множество сочиненій философскаго, политико-экономическаго и историческаго характера; помимо этого онъ писалъ повѣсти, трагедіи и дѣтскіе рассказы.

2. Ученіе Годвина о правѣ, государствѣ и собственности изложено преимущественно въ двухтомномъ сочиненіи: *An enquiry concerning political justice and its influence on general virtue and happiness* (1793).

«Печатаніе этого сочиненія,—говоритъ самъ Годвинъ,—началось значительно раньше его окончанія. По

мѣрѣ приближенія къ послѣднему, взгляды автора выяснились и углублялись. Слѣдствіемъ этого являются нѣкоторыя противорѣчія. Уже въ началѣ его работы ему было ясно, что каждое правительственное неизбѣжно противодействуетъ нашему совершенству; но чѣмъ дальше, тѣмъ больше понималъ онъ значеніе этого тезиса, и тѣмъ яснѣе дѣлалось для него представленіе о томъ, что нужно дѣлать» ¹⁾.

Въ нашемъ изслѣдованіи ученіе Годвина изложено въ той развитой формѣ, въ которой оно заключается во второй части его сочиненія.

3. Свое ученіе о правѣ, государствѣ и собственности Годвинъ не называетъ анархизмомъ. Но это слово отнюдь не внушаетъ ему страха. «Анархія—страшное зло, но деспотизмъ еще страшнѣе. Тамъ, гдѣ анархія погубила сотни, деспотизмъ погубилъ милліоны, убѣковчивъ этимъ только невѣжество, порокъ и нищету. Анархія скоро преходящее зло, деспотизмъ же почти безсмертенъ. Нѣтъ сомнѣнія, что отдаться всеѣмъ страстямъ, пока видъ ихъ послѣдствій не придастъ разуму новую силу, является для народа страшнымъ цѣлебнымъ средствомъ; но сколь ни страшно это средство, столь же вѣрно оно дѣйствуетъ» ²⁾.

2. Основныя идеи.

Нашимъ высшимъ закономъ является, по Годвину, общее благо.

Что такое общее благо? «Сущность его зависитъ отъ сущности нашей души» ³⁾.

Сущность эта неизмѣнна; она остается равной себѣ

¹⁾ Godwin, стр. IX—X.

²⁾ Godwin, стр. 548—549.

³⁾ Godwin, стр. 90.

до тѣхъ поръ, пока люди являются людьми ¹⁾. «Все, что расширяетъ наше просвѣщеніе, все, что даетъ толчокъ нашей добродѣтели, все, что исполняетъ насъ благороднымъ чувствомъ независимости и заботливо устраняетъ все препятствія на пути къ нашей дѣятельности,—все это содѣйствуетъ развитію этой сущности ²⁾.

Общее благо—высшій законъ. «Обязанность есть не что иное, какъ способъ наилучшаго использованія извѣстной личности для общаго блага» ³⁾. «Справедливость объемлетъ все нравственныя обязанности» ⁴⁾; «если справедливость имѣетъ какой-либо смыслъ, то справедливо, что я елико возможно долженъ содѣйствовать общему благу» ⁵⁾. «Добродѣтель есть желаніе содѣйствовать благу всеѣхъ разумныхъ существъ, а высота добродѣтели соотвѣтствуетъ силѣ этого желанія» ⁶⁾; «высшая степень этого чувства представляетъ собою такое состояніе духа, при которомъ добро, совершаемое другими, дѣлаетъ насъ счастливыми въ такой же мѣрѣ, какъ добро, совершаемое нами самими» ⁷⁾.

«Истинно-мудрый человѣкъ» ⁸⁾ стремится исключительно къ благу цѣлаго. Его «не побуждаетъ къ этому ни честолюбіе, ни своекорыстіе, ни слава. Съ завистью онъ не знакомъ. Его беспокоитъ не сравненіе того, что онъ достигъ, съ тѣмъ, чего достигли другіе, а сравненіе съ тѣмъ, что вообще должно быть достигнуто. Онъ чувствуетъ себя обязаннымъ стремиться къ общему благу; благо это—его единственная цѣль, и если оно осуществляется другими руками, то онъ не чувствуетъ себя

¹⁾ Godwin, стр. 150.

²⁾ Godwin, стр. 90.

³⁾ Godwin, стр. 101.

⁴⁾ Godwin, стр. 150, 80

⁵⁾ Godwin, стр. 81.

⁶⁾ Godwin, стр. 254.

⁷⁾ Godwin, стр. 360—361.

⁸⁾ Godwin, стр. 361.

объяснение к
№ 1

обманутымъ. Всѣ люди являются для него сотрудниками и никто соперникомъ» ¹⁾.

3. Право.

1. Въ интересахъ общаго блага Годвинъ отрицаетъ право не только для опредѣленныхъ въ пространствѣ и времени условій, а вообще.

«Право есть институтъ, имѣющій самыя вредныя послѣдствія» ²⁾. Разъ начнешь издавать законы, то остановиться не такъ-то легко. Человѣческія дѣйствія представляются крайне различными между собой и различны также ихъ полезность и вредъ.

Разъ появляются новые моменты, законъ оказывается недостаточнымъ. Отсюда необходимость постоянного изобрѣтенія новыхъ законовъ. Книга, въ которую право вноситъ свои предписанія, непрерывно растеть, а міръ слишкомъ малъ для того, чтобы вмѣстить въ себя всѣ книги законовъ» ³⁾. «Вслѣдствіе безчисленнаго множества законодательныхъ предписаній получается незнакомство съ ними. Даютъ ихъ для того, чтобы всякій простой человѣкъ зналъ, что ему дѣлать, а оказывается, что и лучшие специалисты права придерживаются различныхъ мнѣній относительно исхода моего процесса» ⁴⁾. «Къ этому необходимо прибавить еще пророческую природу права. Оно имѣетъ задачей описаніе, какъ человѣкъ будетъ поступать въ будущемъ и уже заранѣе составлять себѣ объ этомъ рѣшеніе» ⁵⁾.

¹⁾ Godwin, стр. 361.

²⁾ Godwin, стр. 771.

³⁾ Godwin, стр. 767—767.

⁴⁾ Godwin, стр. 768.

⁵⁾ Godwin, стр. 769.

«Часто мы называемъ право мудростью нашихъ отцовъ. Это, однако, удивительное заблужденіе. Не менѣе часто право было продуктомъ ихъ страстей, страха, ревности, узости и властолюбія. Развѣ мы не принуждены непрерывно измѣнять и преобразовывать эту такъ называемую мудрость нашихъ отцовъ? Развѣ намъ не приходится улучшать ее, вскрывая ихъ незнаніе и осуждая ихъ нетерпимость» ¹⁾. «Люди не компетентны для законодательства въ обычномъ смыслѣ слова. Единственнымъ законодателемъ является нашъ разумъ, и предписанія его неизмѣнны и повсюду одинаковы» ²⁾. «Люди могутъ исключительно излагать и разъяснять право; нѣтъ такой земной силы, которая была бы столь велика, чтобы имѣть право сдѣлать закономъ то, чего вѣчная справедливость уже заранѣе не сдѣлала закономъ» ³⁾.

«Правда, конечно, что мы несовершенны, невѣжественны, рабы призраковъ» ⁴⁾. Но «каково бы ни было зло, возникающее изъ человѣческихъ страстей, установленіе неизмѣняемыхъ законовъ не можетъ быть правильнымъ цѣлебнымъ средствомъ» ⁵⁾. «До тѣхъ поръ, пока люди увлечены въ сѣти послушанія, и до тѣхъ поръ, пока они привыкли шагать по стопамъ другихъ, до тѣхъ поръ разумъ ихъ и силы ихъ духа будутъ находиться въ дремотномъ состояніи. Что я могу сдѣлать, чтобы поднять ихъ во весь ихъ ростъ? Я долженъ учить ихъ сознавать самихъ себя, никого не признавать за авторитетъ, ясно сознавать свои основныя принципы и давать себѣ отчетъ о своемъ поведеніи» ⁶⁾.

¹⁾ Godwin, стр. 773.

²⁾ Godwin, стр. 166.

³⁾ Godwin, стр. 381.

⁴⁾ Godwin, стр. 774.

⁵⁾ Godwin, стр. 775.

⁶⁾ Godwin, стр. 776.

II. Общее благо повелительно требует, чтобы въ будущемъ право уступило мѣсто ему и чтобы закономъ для человека было не право, а оно само, т. е. общее благо.

«Если каждый шиллингъ нашего имущества, каждый часъ нашего времени и каждая способность нашей души» «предопредѣлены» ¹⁾ «неизмѣнными предписаніями справедливости» ²⁾, т. е. общимъ благомъ ³⁾, то никакое другое предписаніе не можетъ уже ими располагать. «Истинный принципъ, долженствующій стать на мѣсто права, заключается въ неограниченномъ господствѣ разума» ⁴⁾.

«Противъ этого нельзя ссылаться на то, что мудрость наша ограничена. Въ настоящее время нѣтъ недостатка въ людяхъ, стоящихъ духовно на такой же высотѣ, какъ и право. Если же и впрямь среди насъ находятся люди, мудрость которыхъ равняется мудрости права, то врядъ ли можно будетъ доказать, что истины, которыя они могутъ намъ повѣдать, обладаютъ меньшей цѣнностью потому, что опираются только на всѣхъ ихъ аргументовъ» ⁵⁾.

«Судебныя рѣшенія, принятыя непосредственно послѣ отбѣны права, немногими отличались бы, конечно, отъ старыхъ. Они покоились бы на предразсудкахъ и старыхъ привычкахъ. Но постепенно привычки потеряли бы свою силу. Тѣ, которымъ будетъ поручено рѣшеніе извѣстнаго вопроса, все чаще и чаще станутъ вспоминать, что все дѣло предоставлено ихъ свободному усмотрѣнію, и, такимъ образомъ, неизбежно придуть къ тому, чтобы подвергнуть анализу справедливость не оспаривае-

¹⁾ Godwin, стр. 151.

²⁾ Godwin, стр. 151.

³⁾ Godwin, стр. 121, 81.

⁴⁾ Godwin, стр. 773.

⁵⁾ Godwin, стр. 773—774.

мыхъ до сихъ поръ принциповъ. Чѣмъ сильнѣе они будутъ чувствовать важность своей задачи и полную свободу изслѣдованія, тѣмъ болѣе увеличится ихъ пониманіе. Начался бы счастливый порядокъ вещей съ результатами, которыхъ въ настоящее время даже трудно себѣ представить, исчезла бы слѣпая вѣра и наступило бы свѣтлое царство справедливости» ¹⁾.

4. Государство.

I. Такъ какъ Годвинъ безусловно отвергаетъ право, то, слѣдовательно, онъ также безусловно долженъ отрицать и государство. Болѣе того, онъ считаетъ его правовымъ институтомъ, особенно вреднымъ для общаго блага.

Одни полагаютъ, что въ основаніи государства лежитъ сила, другіе считаютъ основаніемъ государства божественное право, третьи же—договоръ ²⁾. Но «первая гипотеза, очевидно, означаетъ полнѣйшій отказъ отъ всякой вѣчной и безусловной справедливости, потому что она всякое правительство объявляетъ правомѣрнымъ, разъ оно имѣетъ достаточно силы для того, чтобы заставить принять свои предписанія. Она уничтожаетъ всѣ науки о государствѣ и, повидимому, рекомендуетъ человеку спокойно подчиниться всякому злу, не ломать себѣ головы надъ вопросами объ улучшеніяхъ. Вторая гипотеза является двусмысленной. Она означаетъ или то же самое, что и первая гипотеза, и выводитъ всякую, безъ различія, власть отъ Бога, или она до тѣхъ поръ безцѣнна, пока не будетъ найденъ признакъ, по которому

¹⁾ Godwin, стр. 778.

²⁾ Godwin, стр. 140—141.

можно было бы отличать одобряемое Богомъ правительство отъ неодобряемыхъ» ¹⁾. Наконецъ, третья гипотеза имѣла бы тотъ смыслъ, что нѣкто «передаетъ другому заботу о своей совѣсти и оцѣнку своихъ обязанностей» ²⁾. «Но отъ нашей нравственной самостоятельности мы отказаться не можемъ; она представляетъ собою собственность, которую мы не можемъ ни продать, ни подарить, и, слѣдовательно, никакое правительство не можетъ вывести своей власти изъ первоначальнаго договора» ³⁾.

«Всякое правительство соотвѣтствуетъ въ извѣстной мѣрѣ тому, что греки называли тираніей. Единственное различіе состоитъ въ томъ, что въ деспотически-управляемыхъ странахъ власть оказываетъ на нашъ духъ равномерное давленіе, въ то время какъ въ республикахъ это давленіе подвижнѣе, и власть быстрѣе слѣдуетъ теченіямъ общественнаго мнѣнія» ⁴⁾. «Государственные институты всегда въ извѣстной мѣрѣ приводили къ умаленію подвижности нашего духа и къ остаткамъ его развитія» ⁵⁾.

«Мы никогда не должны забывать, что всякое правительство является зломъ и уничтоженіемъ нашего собственного сужденія и совѣсти» ⁶⁾.

II. Общее благо требуетъ, чтобы совмѣстная жизнь людей основывалась исключительно на предписаніяхъ общаго блага, а не государства.

1. Послѣ отмены государства люди все-таки должны жить сообща. «Необходимо строго различать понятія общества и государства. Люди объединяются раньше

всего для того, чтобы оказывать другъ другу поддержку», ¹⁾ лишь потомъ, вслѣдствіе заблужденій и злой воли немногихъ, въ этихъ сообществахъ возникаетъ элементъ принужденія.

«Общество и государство различны между собою, и происхожденіе ихъ также различно. Общество создано нашими потребностями, государство же въ силу нашей негодности. Общество всегда является благословеніемъ, государство же въ лучшемъ случаѣ представляетъ собою необходимое зло» ²⁾.

Но что можетъ удерживать вмѣстѣ людей «въ обществѣ безъ правительства»? ³⁾. Во всякомъ случаѣ не обѣщаніе ⁴⁾. Никакое обѣщаніе не можетъ меня связать, ибо одно изъ двухъ: или то, что я обѣщаль, — добро, тогда я долженъ это сдѣлать и безъ обѣщанія; или же оно есть зло, тогда и обѣщаніе не можетъ обязать меня совершить его ⁵⁾. «Если я совершилъ ошибку, то это не обязываетъ меня совершить еще и другую» ⁶⁾. «Предположимъ, что я обѣщаль извѣстную сумму денегъ для какой-нибудь доброй и почтенной цѣли. Въ промежуткѣ между обѣщаніемъ и выполненіемъ передо мною выплываетъ большая и болѣе благородная цѣль и повелительно требуетъ моего содѣйствія. Какой изъ нихъ я долженъ отдать предпочтеніе? Той, которая этого заслуживаетъ. Мое обѣщаніе не можетъ служить основаніемъ для выбора. Руководить мною должна цѣнность вещи, а не внѣшнее и постороннее соображеніе. Но цѣнность вещи не зависитъ отъ того, что я далъ извѣстное обѣщаніе» ⁷⁾.

¹⁾ Godwin, стр. 141.

²⁾ Godwin, стр. 148.

³⁾ Godwin, стр. 149.

⁴⁾ Godwin, стр. 572.

⁵⁾ Godwin, стр. 185.

⁶⁾ Godwin, стр. 380.

¹⁾ Godwin, стр. 79.

²⁾ Godwin, стр. 79.

³⁾ Godwin, стр. 788.

⁴⁾ Godwin, стр. 163.

⁵⁾ Godwin, стр. 151.

⁶⁾ Godwin, стр. 156.

⁷⁾ Godwin, стр. 151.

Удерживать людей въ обществахъ должно въ будущемъ «общее собраніе общаго блага»¹⁾. Последнее въ высокой степени соотвѣтствуетъ общему благу. «Тотъ фактъ, что народъ рѣшается выполнять свою задачу общаго соображенія, представляетъ собою шагъ впередъ, и этотъ шагъ неизбѣжнымъ образомъ долженъ улучшить характеръ отдѣльной личности. Тотъ фактъ, что люди объединяются, чтобы свидѣтельствовать о правдѣ, является прекраснымъ доказательствомъ ихъ добродѣтели. И то, что личность, какой бы великой она себя не представляла, должна подчиниться общему голосу, подтверждаетъ, по меньшей мѣрѣ, вѣншимъ образомъ великій принципъ, по которому всякій долженъ жертвовать своей выгодой для общаго блага»²⁾.

2. Общества должны быть небольшихъ размѣровъ и, по возможности, меньше сообщаться между собою.

Небольшія области должны повсюду самостоятельно управлять своими дѣлами³⁾. Поскольку сообщество людей слѣдуетъ велѣніямъ разума, постольку оно не можетъ испытывать ни малѣйшей потребности увеличить свою территорію». ⁴⁾ «Все зло, связанное съ государствомъ, какъ таковымъ, необычайно ухудшается вслѣдствіе территоріальнаго расширенія его власти и, наоборотъ, смягчается, разъ государство ограничено небольшою территоріей. Честолюбіе, какъ чума, страшное въ первомъ случаѣ, не имѣетъ мѣста въ последнемъ. Народные беспорядки, какъ морскія волны на широкомъ просторѣ, могутъ привести къ страшнымъ послѣдствіямъ. Но, будучи ограниченными небольшими предѣлами, они такъ же безвредны, какъ волны небольшого озера. Умѣренность и справедливость обитаетъ лишь въ небольшихъ

1) Godwin, стр. 161—162.

2) Godwin, стр. 164—165.

3) Godwin, стр. 51.

4) Godwin, стр. 566.

кругахъ»¹⁾. — «Желаніе увеличить нашу территорію, побѣдить сосѣднія государства или же держать ихъ въ страхѣ, посредствомъ хитрости или насилія подняться надъ ними, покоится на предразсудкѣ и заблужденіяхъ. Сила не есть счастье. Безопасность и миръ болѣе желательны, нежели имя, способное приводить народы въ содроганье. Люди—братья, Мы соединяемся въ какомъ-нибудь мѣстѣ потому, что этого требуетъ внутреннее наше спокойствіе или же наша защита противъ дорзости общаго врага. Но соперничество народовъ есть продуктъ нашего воображенія»²⁾.

Небольшія, самостоятельно управляемые территоріи должны, по возможности, менѣе сообщаться другъ съ другомъ. «Сношенія отдѣльныхъ людей между собою не могутъ быть достаточно живымъ и безграничнымъ; но для сообществъ не имѣетъ никакой цѣнности то, что имъ приходится имѣть много дѣла другъ съ другомъ, разъ только это не становится необходимымъ, вслѣдствіе заблужденія или насилія. При ограниченныхъ размѣрахъ сношеній народовъ другъ съ другомъ исчезнетъ весь механизмъ того таинственнаго и сложнаго государственнаго искусства, которымъ до сихъ поръ были заняты правительства. Офицеры арміи и флота, послы и посланники и всѣ кунштюки, изобрѣтенныя для застраиванія другихъ народовъ, для проникновенія въ ихъ тайны, для нарушенія ихъ плановъ, для заключенія съ ними союзовъ и контръ-союзовъ,—все это станетъ излишнимъ»³⁾.

3. Какимъ, однако, образомъ должны въ будущихъ обществахъ быть выполнены тѣ задачи, которыя раньше выполнялись государствомъ? Изъ этихъ задачъ только двѣ имѣютъ свое оправданіе: во-первыхъ, подавленіе

1) Godwin, стр. 562.

2) Godwin, стр. 59.

3) Godwin, стр. 561.

несправедливости, совершаемое внутри сообщества противъ отдѣльныхъ его членовъ» ¹⁾, а затѣмъ прегражденіе споровъ между различными областями» ²⁾ и совмѣстная защита противъ внѣшнихъ нападеній» ³⁾.

«Изъ этихъ задачъ лишь первая можетъ имѣть постоянное значеніе. Ее вполне можно удовлетворить посредствомъ суда присяжныхъ, которому подлежали бы рѣшенія по вопросу о различныхъ обидахъ между членами, а также и споровъ по вопросу о собственности» ⁴⁾. Этотъ судъ рѣшалъ бы не на основаніи какого-либо свода законовъ, а на основаніи разума ⁵⁾.

«Правда, злоумышленнику легко будетъ уйти изъ сферы дѣйствія такого ограниченнаго узкими предѣлами суда. И на первый взглядъ могло бы казаться необходимымъ, чтобы сосѣднія области, или сосѣднія судебныя округа управлялись одинаковымъ образомъ, или же, чтобы они, по меньшей мѣрѣ, были готовы, не обращая вниманія на ихъ форму правленія, объединиться съ нами для изгнанія или исправленія злоумышленника, поведеніе котораго является одинаково вреднымъ какъ для насъ, такъ и для нихъ. Но для этого не требуется никакихъ соглашеній и дѣлъ менѣе общей власти. Всеобщая справедливость и общая выгода объединяютъ людей гораздо сильнѣе, нежели письма и печать» ⁶⁾.

Со второй задачей намъ пришлось бы сталкиваться лишь время отъ времени.—«Разногласія между различными областями были бы верхомъ неразумія, но случиться они все-таки могутъ; чтобы уладить ихъ, необходимо было бы согласіе различныхъ областей, посредствомъ котораго можно было бы выразить велѣнія спра-

ведливости, а въ случаѣ нужды заставить ихъ выполнить силою» ¹⁾. Вражескія нападенія также потребуютъ такого соглашенія и въ этомъ отношеніи будутъ равны вышеназваннымъ разногласіямъ ²⁾. Вслѣдствіе этого, «время отъ времени должны были бы состояться національныя собранія, т. е. такія собранія, задачей которыхъ было бы, съ одной стороны, улаженіе конфликтовъ между различными областями, а съ другой—установленіе лучшихъ мѣръ для защиты отъ вражескихъ нападеній» ³⁾. Но пользоваться ими нужно по возможности меньше» ⁴⁾. Ибо, во-первыхъ, въ такихъ собраніяхъ рѣшаетъ количество голосовъ. Если дѣло обстоитъ хорошо, то большинство составляетъ въ нихъ наиболѣе глупые; не рѣдко же бываетъ, что и наиболѣе нечестные ⁵⁾. Во-вторыхъ, члены такихъ собраній при своихъ рѣшеніяхъ руководятся большею частью всяческими внѣшними соображеніями, а не исключительно выводами своего свободнаго размышленія ⁶⁾. Въ-третьихъ, они принуждены тратить свои силы на мелочи, не поддаваясь въ то же время влиянію аргументовъ ⁷⁾.

Вслѣдствіе этого національныя собранія «должны созываться, или только при чрезвычайныхъ поводахъ, какъ, напримѣръ, диктаторъ въ старомъ Римѣ, или же засѣдать періодически, напримѣръ, по одному дню въ году съ правомъ, въ извѣстныхъ предѣлахъ, продолжать свои засѣданія далѣе. Предпочтительнѣе было бы первое» ⁸⁾.

Какой же властью будутъ располагать національ-

¹⁾ Godwin, стр. 566.

²⁾ Godwin, стр. 566.

³⁾ Godwin, стр. 573—574.

⁴⁾ Godwin, стр. 573—574.

⁵⁾ Godwin, стр. 568—569, 571—572.

⁶⁾ Godwin, стр. 569—570.

⁷⁾ Godwin, стр. 570—571.

⁸⁾ Godwin, стр. 574.

¹⁾ Godwin, стр. 564.

²⁾ Godwin, стр. 566.

³⁾ Godwin, стр. 564.

⁴⁾ Godwin, стр. 564—565.

⁵⁾ Godwin, стр. 773, 773, 779—780.

⁶⁾ Godwin, стр. 565.

ныя собранія и суды присяжных? Благодаря современнымъ общественнымъ институтамъ, человѣчество настолько испорчено, что въ первое время необходимо будетъ изданіе приказовъ и извѣстная степень принужденія; впоследствии, однако, будетъ вполне достаточно, чтобы суды предлагали извѣстныя мѣры соглашенія при спорахъ и чтобы національныя собранія ограничились призывомъ къ сотрудничеству на общую пользу ¹⁾. «Когда же суды, наконецъ, перестанутъ издавать рѣшенія и ограничатся подачей совѣта, когда власть постепенно придетъ въ бездѣйствіе и господствовать будетъ лишь разумъ, то развѣ мы въ одинъ прекрасный день не придемъ къ тому, что суды и всякіе другіе общественные институты станутъ излишними? Развѣ мудрый мужъ не будетъ имѣть столько силы и убѣжденія, сколько ея имѣютъ двѣнадцать институтовъ, взятыхъ вмѣстѣ? Развѣ способность того или другаго лица наставлять своихъ сосѣдей уморазуму не будетъ достаточно извѣстна и безъ формальнаго выбора? Много ли тогда останется порока и злой воли, которые необходимо было бы исправлять и преодолѣвать?»

Это одна изъ самыхъ замѣчательныхъ ступеней человѣческаго прогресса. Съ какимъ восхищеніемъ просвѣщенный другъ человѣчества долженъ ожидать то счастливое время, когда исчезнетъ государство, эта грубая машина, которая была единственной, постоянной причиной человѣческихъ пороковъ и которая обладаетъ столь многими недостатками, что устранить ихъ можно лишь полнымъ уничтоженіемъ машины ¹⁾.

5. Собственность.

I. Вслѣдствіе полнаго отрицанія права, Годвинъ неизбежно долженъ также безгранично отрицать и собственность. Собственность или, какъ онъ выражается, «современная система собственности» ¹⁾, т. е. современное распределеніе благъ, представляется ему такимъ правовымъ учрежденіемъ, которое особенно сильно нарушаетъ общее благо.

«Мудрость законодателей и народныхъ представителей употреблена на то, чтобы создать самое жалкое и нелѣпое распределеніе собственности, одинаково насмѣхающееся и надъ человѣческой природой и надъ принципами справедливости» ²⁾.

Современная система собственности распределяетъ блага самымъ неравномернымъ и, вдобавокъ, самымъ произвольнымъ образомъ. «Изъ-за случайности происхождения она предоставляетъ отдѣльному человѣку несмѣтные богатства. Если кто-либо изъ нищаго становится состоятельнымъ человѣкомъ, то всѣмъ извѣстно, что этой перемены онъ обязанъ обыкновенно не честности своей и не своей полезности. Самому прилежному, дѣятельному члену общества часто трудно оградить свою семью отъ голодной смерти» ³⁾.

«И когда я получаю награду за свои труды, то мнѣ даютъ во сто разъ болѣе пищи, нежели я могу съѣсть, и въ сто разъ болѣе платья, нежели я могу износить. Гдѣ же здѣсь справедливость? Если бы я даже былъ величайшимъ благодѣтелемъ человѣческаго рода, развѣ это можетъ служить причиной къ тому, чтобы давать

¹⁾ Godwin, стр. 578—579.

¹⁾ Godwin, стр. 794.

²⁾ Godwin, стр. 803.

³⁾ Godwin, стр. 794.

мнѣ то, въ чемъ я не нуждаюсь, и, вдобавокъ, тогда, когда мой избытокъ могъ бы принести величайшую пользу тысячамъ другихъ людей?» ¹⁾).

Это неравнобѣрное распредѣленіе благъ противорѣчитъ общему благу. Оно задерживаетъ прогрессъ. «Накопленіе собственности принижаетъ силу мысли, угашаетъ искру генія и погружаетъ громадное количество людей въ грязныя заботы. Богатаго же оно лишаетъ сильнѣйшаго и спасительнѣйшаго побужденія къ дѣятельности» ²⁾; на свой избытокъ онъ не въ состояніи купить «ничего», кромѣ блеска и зависти, ничего, кромѣ печальнаго удовольствія возратить бѣдному въ видѣ милостыни то, на что ему разумъ даетъ неоспоримое право» ³⁾).

Неравнобѣрное распредѣленіе благъ служить также препятствіемъ для нравственнаго совершенствованія. У богатаго оно воспитываетъ честолюбіе, тщеславіе и хвастливость, у бѣднаго же насиліе, чувство рабства, коварство и, какъ слѣдствіе этого, зависть, озлобленіе и мстительность ⁴⁾. «Богатый является единственнѣмъ предметомъ всеобщаго уваженія и почтенія. Напрасны умѣренность, честность и прилежаніе, напрасны возвышенныя духовныя силы и горячая любовь къ людямъ, разъ ты живешь въ недостаткѣ».

Приобрѣтать имущество и выставять его на показъ— вотъ страсть, общая всѣмъ» ⁵⁾).

«Власть давно бы уступила мѣсто разуму и просвѣщенію, но накопленіе собственности укрѣпило ея царство» ⁶⁾. «Богатымъ источникомъ преступленія является то, что одинъ человѣкъ въ излишествѣ обладаетъ тѣмъ, въ чемъ другой испытываетъ величайшую нужду» ⁷⁾.

¹⁾ Godwin, стр. 795.

²⁾ Godwin, стр. 806.

³⁾ Godwin, стр. 795.

⁴⁾ Godwin, стр. 811; 810.

⁵⁾ Godwin, стр. 809.

⁶⁾ Godwin, стр. 807.

⁷⁾ Godwin, стр. 809.

II. Общее благо требуетъ, чтобы собственностью была отмѣнена и чтобы блага распредѣлялись исключительно съ точки зрѣнія общаго блага. Когда Годвинъ употребляетъ выраженіе собственность для опредѣленія той части благъ, которая съ точки зрѣнія общаго блага предоставлена индивидууму, то онъ дѣлаетъ это въ переносномъ смыслѣ; въ собственномъ же смыслѣ собственностью можно назвать лишь ту часть благъ, которая предоставляется индивидууму на основаніи права.

Общее благо требуетъ, чтобы каждый человѣкъ обладалъ средствами для хорошей жизни.

1. «По какому признаку можно опредѣлить, мой или твоей собственностью долженъ быть предметъ, полезный для блага человѣчества? Существуетъ лишь одинъ отвѣтъ: по справедливости» ¹⁾. «Законы различныхъ странъ даютъ тысячи различныхъ предписаній относительно собственности; но лишь одно изъ нихъ можетъ больше всего соответствовать разуму» ²⁾.

Справедливость требуетъ прежде всего, чтобы каждый человѣкъ имѣлъ средства къ жизни. Давно извѣстно, что наши животныя потребности заключаются въ пищѣ, платьѣ и жилищѣ. Если справедливость имѣетъ какой-нибудь смыслъ, то не можетъ быть ничего несправедливѣе, какъ то, что кто-либо нуждается въ этихъ предметахъ въ то время, какъ другой имѣетъ ихъ въ избыткѣ. Но справедливость на этомъ не останавливается. Каждый человѣкъ имѣетъ право, поскольку хватаетъ общественныхъ запасовъ, не только на средства къ жизни, но также на средства къ хорошей жизни. Несправедливо, чтобы одинъ человѣкъ работалъ до разстройства своего здоровья въ то время, какъ другой бла-

¹⁾ Godwin, стр. 789.

²⁾ Godwin, стр. 790.

женствуется въ излишествѣ. Несправедливо, чтобы одинъ человѣкъ не имѣлъ досуга для развитія своихъ способностей въ то время, какъ другой пальцемъ не шевельнетъ для общаго блага» ¹⁾.

2. Такое «состояніе равной собственности» ²⁾ въ высшей мѣрѣ содѣйствовало бы общему благу. При такомъ состояніи «трудъ станетъ настолько легкимъ бременемъ, что скорѣе будетъ имѣть характеръ отдыха или гимнастики» ³⁾.

«Всякій будетъ вести простую, но здоровую жизнь; умѣренное упражненіе физическихъ силъ сохранило бы каждому веселость духа; никто не станетъ изнемогать отъ усталости; всѣ получатъ досугъ для развитія гуманитарныхъ движеній души и своего стремленія къ совершенству» ⁴⁾.

«Какъ быстро и величаво стала бы развиваться наша страна, наше отечество, если бы поле знанія было открыто для всѣхъ. Конечно, въ известной мѣрѣ духовное неравенство останется и послѣ. Можно, однако, быть увѣреннымъ въ томъ, что умы такого вѣка далеко оставятъ за собой все то, что было достигнуто до сихъ поръ» ⁵⁾.

Нравственный прогрессъ достигнетъ такой же высоты, какъ и умственный. Пороки, неразрывно связанные съ современной системой собственности, «должны исчезнуть въ обществѣ, въ которомъ люди живутъ въ довольствѣ и въ одинаковой мѣрѣ пользуются дарами природы. Мелочное своекорыстіе не будетъ имѣть мѣста въ немъ. Такъ какъ никому не придется болѣе стеречь свое ничтожное достояніе, или безъ отдыха заботиться объ удовлетвореніи своихъ потребностей, то каждый сумѣетъ

¹⁾ Godwin, стр. 790—791.

²⁾ Godwin, стр. 821.

³⁾ Godwin, стр. 821.

⁴⁾ Godwin, стр. 806.

⁵⁾ Godwin, стр. 807.

всѣмъ отдаться заботамъ объ общемъ благѣ. Никто не станетъ враждовать со своимъ сосѣдомъ, ибо исчезнутъ всѣ предметы спора. Такимъ образомъ, человѣческая любовь займетъ то мѣсто, которое ей указываетъ разумъ» ¹⁾.

3. Какимъ образомъ, однако, можно было бы въ какомъ-нибудь отдѣльномъ случаѣ произвести такое распределение?

«Разъ будетъ отмѣнено право, то всѣ вопросы будутъ рѣшаться по справедливости. Предположимъ, что при такихъ условіяхъ начинается какой-нибудь судебный процессъ о наслѣдствѣ, и что старое законодательство предписываетъ раздѣлить наслѣдство между пятью наслѣдниками на равныя части. Судьи попытаются изслѣдовать положеніе потребности каждаго наслѣдника отдѣльно. Предположимъ, что первый наслѣдникъ честный человѣкъ, хорошо успѣваетъ во всемъ, повсюду уважаемый и увеличеніе имуществва не принесетъ ему ни выгоды, ни удовольствія. Второй—несчастный человѣкъ, изнуряемый нуждой и злой судьбиной. Третій—бѣденъ, но заботъ не имѣетъ; добрая воля, однако, побуждаетъ его достигнуть такого положенія, въ которомъ онъ могъ бы принести большую пользу; чтобы достигнуть, онъ нуждается въ суммѣ, равняющейся двумъ пятымъ наслѣдства. Одинъ изъ сонаслѣдниковъ—дѣвушка, отъ которой нельзя ожидать потомства; наконецъ, послѣдній—бѣдная вдова, имѣющая многочисленное семейство. Если этотъ споръ о наслѣдствѣ будетъ представленъ неограниченному рѣшенію безпристрастныхъ судей, то послѣдніе неизбѣжно зададутъ себѣ вопросъ: какая справедливость заключается въ равномерномъ распредѣленіи, которое практиковалось до настоящаго момента?» ²⁾. И ихъ отвѣтъ не подлежитъ сомнѣнію.

¹⁾ Godwin, стр. 810.

²⁾ Godwin, стр. 779—780.

6. Осуществление.

Преобразование, требуемое общим благом, должно, по Годвину, совершиться следующим образом: те, которые познали правду, убеждают других в том, насколько необходимо это преобразование для общего блага. Таким путем право, государство и собственность исчезнут сами собой, и наступит новый порядок вещей.

1. Необходимо только убедить людей в том, что общее благо требует такого преобразования.

1. Всякий другой путь необходимо отвергнуть. Оружие, с одинаковыми шансами на успех употребляемое с обеих сторон, будет всегда казаться нам подозрительным. Вследствие этого мы должны относиться ко всякому насилию с отвращением. Опускаясь на арену борьбы, мы оставляем вѣрную область правды и предоставляем решение прихоти случая. Фаланга разума неуязвима; спокойным, уверенным шагом она движется вперед, и ничто не в состоянии ее задерживать. Но, когда мы откладываем наши аргументы в сторону и хватаемся за меч, тогда дело иное. В шум и гам гражданской войны, кто может сказать, на чьей стороне успех? Мы должны поэтому заботливо различать между просвещением и подстрекательством народа. Возмущение, гнев и страсть мы должны оттолкнуть от себя и стремиться к трезвому соображению, ясному суждению и безстрашному анализу ¹⁾.

2. Необходимо убедить по возможности всех людей. Лишь в случае такой удачи можно избѣгнуть

насилія. «Почему во время переворотовъ въ Америкѣ и во Франціи всѣ сословія и классы были пропитаны почти одинаковымъ духомъ въ то время, какъ борьба противъ Карла I раздѣлила нашъ народъ на двѣ равныя части? Потому, что послѣднее имѣло мѣсто въ 17-мъ, а первое въ концѣ 18-го столѣтія. Потому, что во времени переворота въ Америкѣ и во Франціи философія уже успѣла открыть и развить нѣкоторыя изъ великихъ истинъ государственной науки, и потому, что подъ вліяніемъ Сиднея и Локка, Монтескье и Руссо цѣлый рядъ мыслящихъ и сильныхъ умовъ успѣлъ понять, какое зло представляетъ собою насилие. Если бы эти преобразования наступили еще позже, то ни одна капля народной крови не пролилась бы отъ руки его гражданъ, и насилие ни въ коемъ случаѣ не было бы употреблено противъ людей или вещей ¹⁾».

3. Средствомъ для того, чтобы по возможности всехъ людей убедить въ необходимости преобразования, является доказательство и убеждение. Лучшая гарантія счастливаго исхода заключается въ свободномъ, неограниченномъ анализѣ.

На этой аренѣ побѣдителемъ всегда останется истина. Желая улучшить общественныя учрежденія человѣчества, мы должны попытаться убеждать посредствомъ устного, писаннаго и печатнаго слова. Эта дѣятельность не знаетъ границъ, она не терпитъ никакого перерыва. Всѣ средства должны быть употреблены не столько для того, чтобы привлечь вниманіе людей, и путемъ убеждения перетащить ихъ на нашу сторону, сколько для того, чтобы устранить всѣ препятствія для мышления и сдѣлать всѣмъ доступнымъ храмъ науки и поле изслѣдованія ²⁾.

¹⁾ Godwin, стр. 203—204.

²⁾ Godwin, стр. 202—203.

¹⁾ Godwin, стр. 203.

«Человѣкъ, искренно преданный возрожденію человечества, всегда долженъ слѣдовать слѣдующимъ двумъ принципамъ: во-первыхъ, для открытія и распространенія правды, онъ долженъ считать существеннымъ успѣхъ каждаго часа, а, во-вторыхъ, онъ долженъ спокойно дать возможность протечь многимъ годамъ раньше, чѣмъ начать настаивать на осуществленіи своего ученія. При всей его осторожности возможно, что бурная толпа обгонитъ спокойное и мирное шествіе разума; тогда онъ не осудитъ переворота, совершившагося на нѣсколько лѣтъ раньше указаннаго разумомъ момента. Но соблюдая строгую осторожность, онъ несомнѣнно избѣгнетъ преждевременныхъ попытокъ и значительно удлинитъ періодъ всеобщаго спокойствія»¹⁾.

«Это не означаетъ, какъ можно было бы думать, что преобразование нашихъ порядковъ находится отъ насъ на далекомъ разстояніи. Природа человѣческихъ вещей такова, что большія перемѣны наступаютъ внезапно, и великія открытія совершаются неожиданно, точно случайно. Когда я воспитываю духъ молодого человѣка или когда стараюсь повліять на духъ пожилого, то долгое время будетъ казаться, что мнѣ ничего не удалось, и плоды моихъ стараній появятся тогда, когда я это меньше всего ожидаю. Царство истины придти незамѣтно. Сѣмя добродѣтели, считавшееся потеряннымъ, можетъ еще взойти»²⁾.

«Истинный другъ человечества, неутомимо возвращающій правду и бдительно встрѣчающій препятствія на ея пути, можетъ съ спокойнымъ сердцемъ ожидать быстрого и благоприятнаго исхода»³⁾.

II. Когда убѣжденіе, что общее благо требуетъ перемѣны нашихъ порядковъ, станетъ общимъ достояніемъ,

то право, государство и собственность исчезнутъ сами собой и уступятъ мѣсто новому порядку вещей. «Полное преобразование едва ли можно мыслить, какъ актъ чьей-либо дѣятельности. Оно представляется собою всеобщее просвѣтленіе. Люди чувствуютъ свое положеніе, и цѣпи ихъ исчезаютъ, точно призраки. Когда наступаетъ рѣшающій моментъ, тогда нѣтъ необходимости обнажать мечъ или шевелить пальцемъ. Противники будутъ черзчуръ слабы, чтобы противостоять всеобщему чувству человечества»¹⁾.

Въ какой приблизительно формѣ можетъ совершиться перемѣна нашихъ порядковъ?

I. «Когда національный конвентъ во Франціи началъ свою дѣятельность, тамъ было особенно распространено мнѣніе, что задача его заключается исключительно въ томъ, чтобы выработать проектъ конституціи, который потомъ необходимо передать на обсужденіе округамъ, и лишь послѣ ихъ согласія проектъ долженъ быть разсматриваться, какъ законъ»²⁾.

«Согласно этой мысли требуется прежде всего, чтобы не только конституціонные законы, но и всѣ законы вообще передавались на обсужденіе округамъ. Если же согласіе округовъ не кажущееся только, то обсужденіе ихъ не должно быть ограничено ничѣмъ. Правда, трудно тогда предвидѣть конецъ этого обсуждения: нѣкоторые округа будутъ недовольны тѣми или другими статьями закона; измѣнись ради нихъ эти статьи и, можетъ случиться, что именно, благодаря этому, законъ сталъ мнѣе приемлемымъ для другихъ округовъ»³⁾.

«Такимъ образомъ принципъ согласія округовъ ведетъ, хотя бы и благотворнымъ образомъ, лишь шагъ за шагомъ непосредственно къ уничтоженію всякаго правл-

¹⁾ Godwin, стр. 204.

²⁾ Godwin, стр. 223.

³⁾ Godwin, стр. 285.

¹⁾ Godwin, стр. 222—223.

²⁾ Godwin, стр. 654—658.

³⁾ Godwin, стр. 658—659.

тельства»¹⁾). И, въ самомъ дѣлѣ, «желательно, чтобы важнѣйшія рѣшенія народныхъ представительствъ передавались для одобренія представляемыхъ ими округовъ; и по той же самой причинѣ, по которой желательно, чтобы и рѣшенія округовъ въ недалекомъ будущемъ имѣли силу лишь для тѣхъ, которые дали на то свое согласіе»²⁾).

2. Эта система имѣла бы, во-первыхъ, результатомъ то, что размѣры конституціи были бы очень не велики. Вскорѣ стало бы яснымъ, что для объемистаго свода законовъ большое число округовъ не дало бы своего свободнаго согласія; и вся конституція оказалась бы состоящей изъ статьи о распредѣленіи страны на округа съ равнымъ количествомъ населенія и статьи относительно избирательныхъ періодовъ въ національное собраніе. Последняя статья могла бы, впрочемъ, и не существовать³⁾. Вторымъ результатомъ было бы то, что вскорѣ пришли бы къ тому, что совершенно излишне посылать законы, не имѣющіе значенія для всего общества, на обсужденіе округовъ и, такимъ образомъ, во множествѣ случаевъ округамъ было бы предоставлено составлять свои законы самостоятельно. «Такимъ образомъ, то, что вначалѣ было большимъ государствомъ съ однообразнымъ законодательствомъ, превратится вскорѣ въ союзъ небольшихъ сообществъ, въ которомъ всеобщій конгрессъ или же совѣтъ амфиціоновъ⁴⁾ сдѣлалъ бы возможнымъ, при исключительныхъ случаяхъ, совмѣстныя дѣйствія»⁵⁾).

Третій результатъ заключался бы въ постепенномъ исчезновеніи законодательства. Многочисленное собраніе, собравшееся изъ различнѣйшихъ частей широкой обла-

сти и являющееся единственнымъ законодателемъ этой области, склонно составлять себѣ чрезмѣрное представленіе о количествѣ необходимыхъ законовъ. Большой городъ, подъ вліяніемъ торгово-промышленнаго соревнованія, недолго останавливается передъ выпускомъ распорядительныхъ и установленіемъ суда. Но жители небольшой общины, живущіе въ извѣстной мѣрѣ просто и примитивно, вскорѣ пришли бы къ тому, чтобы считать излишними общіе законы, и дѣла, подлежащія ихъ рѣшенію, обсуждали бы съ точки зрѣнія индивидуальности каждаго отдѣльнаго случая, а не по разъ на всегда установленнымъ принципамъ»¹⁾).

Четвертый результатъ заключался бы въ содѣйствіи къ устраненію собственности. «Всякое уравненіе въ рангѣ и общественномъ положеніи въ высокой мѣрѣ благоприятствуетъ уравненію имущественному»²⁾. Такимъ образомъ, несправедливость современнаго распредѣленія собственности поймутъ не только низшія, но и высшія сословія³⁾).

«Богатые и великіе міра сего ничуть не недоступны пониманію возможности всеобщаго счастья, если только эта возможность представляется имъ во всей ясности и во всемъ ея очарованіи»⁴⁾).

Но даже постольку, поскольку они думаютъ о своемъ удовольствіи и о своихъ доходахъ, можно легко уяснить имъ, что напрасны всѣ старанія противостоять истинѣ, что опасно навлекать на себя ненависть народа и что поэтому для нихъ самихъ будетъ лучше, если они согласятся по меньше мѣрѣ на уступки⁵⁾).

1) Godwin, стр. 659—660.

2) Godwin, стр. 600.

3) Godwin, стр. 660—661.

4) Амфиціонъ—депутатъ въ Греціи. П е р е в.

5) Godwin, стр. 661—662.

1) Godwin, стр. 662.

2) Godwin, стр. 889.

3) Godwin, стр. 888—889.

4) Godwin, стр. 882—883.

5) Godwin, стр. 883—884.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Учение Прудона.

1. Общія замѣчанія.

1. Пьеръ Жозефъ Прудонъ родился въ 1809 году въ Безансонѣ. Вначалѣ онъ былъ типографомъ и работалъ, какъ въ своемъ родномъ городѣ, такъ и въ другихъ мѣстахъ. Въ 1838 году, благодаря стипендіи безансонской академіи, онъ получилъ возможность отправиться для научныхъ занятій въ Парижъ. Въ 1843 году онъ поступилъ на службу въ одно торговое заведеніе въ Лионѣ. Въ 1847 году онъ оставилъ это мѣсто и перѣхалъ въ Парижъ.

Отъ 1848—1850 года Прудонъ издавалъ тамъ одну за другой нѣсколько газетъ. Въ 1848 году онъ былъ избранъ членомъ національнаго собранія. Въ 1849 году онъ основалъ народный банкъ. Вскорѣ затѣмъ онъ былъ осужденъ за нарушеніе законовъ о печати къ трехлѣтнему тюремному заключенію. Свое наказаніе онъ отбывалъ въ Парижѣ, не прекращая своей литературной дѣятельности.

Въ 1852 году Прудонъ вышелъ изъ тюрьмы. Въ Парижѣ онъ оставался до 1858 года, когда снова былъ осужденъ за нарушеніе закона о печати къ тремъ

годамъ тюремнаго заключенія. Онъ бѣжалъ и поселился въ Брюссель. Въ 1860 году онъ былъ помилованъ и возвратился во Францію. Съ того времени онъ жилъ въ Пасси ¹⁾. Тамъ же онъ и умеръ въ 1865 году.

Прудонъ опубликовалъ большое число сочиненій, главнымъ образомъ, по вопросамъ философіи права, политической экономіи и политикѣ.

2. Изъ сочиненій, опубликованныхъ Прудономъ до 1848 года, главное значеніе для его ученія о правѣ, государствѣ и собственности имѣетъ книга: *Qu' est ce que la propriété? ou recherches sur le principe du droit et du gouvernement* (Что такое собственность или изысканія о принципѣ права и управленія—1840 г.) и двухтомное сочиненіе: *Système des contradictions économiques, ou philosophie de la misère* (Система экономическихъ противорѣчій или философія нищеты—1846 г.); изъ сочиненій 1848 до 1851—книга: *Confessions d'un révolutionnaire* (Исповѣдь революціонера—1849 г.) и *Idée générale de la révolution au XIX siècle* (Общая идея революціи XIX столѣтія—1851 г.); наконецъ, изъ сочиненій, изданныхъ послѣ 1851 г.,—трехтомный трудъ: *De la justice dans la révolution et dans l'Eglise, nouveaux principes de philosophie pratique* (О справедливости въ революціи и церкви, или новые принципы практической философіи—1858 г.) и книга *Du principe fédératif et de la nécessité de reconstituer le parti de la révolution* (О федеративномъ принципѣ и о необходимости пересозданія революціонной партіи—1863) ²⁾.

Ученіе Прудона о правѣ, государствѣ и собственности испытало въ своихъ второстепенныхъ частяхъ нѣкоторыя измѣненія, въ главныхъ же своихъ основаніяхъ оно осталось неизмѣннымъ; мнѣніе, по которому его ученіе испытало измѣненіе также и въ главныхъ

¹⁾ Предмѣстье Парижа. Перев.

²⁾ А не 1852, какъ указываетъ Diehl 2 S. 116 и Zenker S. 61.

пунктахъ составилось вслѣдствіе того, что Прудонъ прибѣгалъ въ своихъ сочиненіяхъ къ произвольному и измѣняющемуся словоупотребленію. Такъ какъ мы здѣсь не можемъ дать исторіи развитія ученія Прудона, то ограничиваемся лишь изложеніемъ ученія 1848 до 1851 годовъ, во время которыхъ Прудонъ особенно ясно развивалъ свое ученіе и особенно энергично работала въ его пользу.

3. Прудонъ называетъ свое ученіе о правѣ, государствѣ и собственности анархизмомъ. «Какой формѣ правительства мы должны отдать предпочтеніе?—Какой здѣсь можетъ быть вопросъ? отвѣтитъ мнѣ, пожалуй, кто-нибудь изъ моихъ юныхъ читателей;—вы республиканецъ!—Республиканецъ, конечно; но это слово слишкомъ неопредѣленно. *Res publica* означаетъ дѣло общества; кто, такимъ образомъ, независимо отъ формы правительства стоитъ за общественное дѣло, тотъ можетъ называть себя республиканцемъ. Короли также республиканцы.—Тогда вы, пожалуй, демократъ?—Нѣтъ.—Какъ, неужели вы монархистъ?—Нѣтъ.—Либераль?—Спаси, Господи.—Значитъ аристократъ?—Ничуть.—Вы желаете смѣшаннаго правленія?—Ни въ коемъ случаѣ.—Что же вы такое, наконецъ?—Я анархистъ»¹⁾.

2 Основные идеи.

По мнѣнію Прудона, высшимъ закономъ для насъ является справедливость.

Что такое справедливость? «Справедливость есть непосредственно чувствуемое и взаимно охраняемое уваженіе къ человѣческому достоинству. Охранять послѣднее необходимо, независимо отъ лица и обстоятельствъ

дѣла и не обращая вниманія на опасности, которымъ мы можемъ при этомъ подвергнуться»¹⁾.

«Я долженъ уважать своего ближняго, какъ самого себя и, поскольку могу, долженъ заботиться о томъ, чтобы его уважали и другіе: это повелѣваетъ мнѣ моя совѣсть. Ради чего я обязанъ ему этимъ уваженіемъ? Ради его силы, дарованія, богатства? Все это только внѣшность и мнѣ не зачѣмъ уважать это въ человѣкѣ. Тогда, пожалуй, ради того уваженія, которое онъ мнѣ оказываетъ? Нѣтъ, справедливость выше такого побужденія. Она не ожидаетъ никакой взаимности; справедливость относится съ уваженіемъ даже къ человѣческому достоинству врага. Отсюда законы войны. Даже болѣе того, она сохраняетъ уваженіе къ убійцѣ, котораго мы казимъ, не видя въ немъ болѣе человѣка. Отсюда уголовное право. Я уважаю въ своемъ ближнемъ не то, чѣмъ одарила его природа или счастье,—ни вола его, ни осла его, ни жену его, какъ сказано въ заповѣдяхъ; а также и не то добро, котораго я отъ него ожидаю; я уважаю въ немъ человѣка»²⁾.

«Справедливость есть одновременно и дѣйствительность и идея»³⁾. «Справедливость есть свойство души нашей, свойство высшаго качества, дѣлающее насъ общественными существами. Но справедливость не только свойство, она одновременно является и идеей, отношеніемъ, уравненіемъ. Какъ извѣстное свойство, она обладаетъ способностью развиваться и въ ея развитіи заключается воспитаніе человѣчества; какъ уравненіе, она не содержитъ въ себѣ ничего измѣняемаго, произвольнаго или противорѣчиваго; она безусловна и неизмѣняема, какъ всякій законъ, и, какъ законъ, общепонятна»⁴⁾.

¹⁾ Proudhon, De la justice. 1, стр. 182—183.

²⁾ Proudhon, De la justice. 1, стр. 184—185.

³⁾ Proudhon, De la justice 1, стр. 73.

⁴⁾ Proudhon, De la justice. 1, стр. 185.

¹⁾ Proudhon, Qu'est ce que la propriété? стр. 295.

Справедливость — высший законъ для насъ. «Справедливость есть неприкосновенная мѣра всѣхъ человѣческихъ дѣяній» ¹⁾. «Справедливостью опредѣляются и упорядочиваются неопредѣленные отъ природы и противорѣчивые факты общественной жизни» ²⁾.

«Справедливость — это царственное созвѣздіе, находящееся въ центрѣ всякаго общества. Это полюсъ, вокругъ котораго вертится весь міръ политики, это основа и красная нить всѣхъ его постушковъ. Среди людей все совершается именемъ права, ничто безъ ссылки на справедливость. Справедливость не есть дѣло закона; наоборотъ, законъ есть лишь истолкованіе и примѣненіе справедливости» ³⁾. «Предположимъ, что въ какомъ-нибудь обществѣ, какой-нибудь законъ, напримѣръ, религиозный, хотя бы въ незначительной степени выше справедливости, или же, что въ этомъ обществѣ какія-нибудь лица пользуются хотя бы незначительно уваженіемъ больше, нежели другія, тогда уничтоженная такимъ образомъ справедливость, рано или поздно, привела бы общество къ гибели ⁴⁾.

«Справедливость обладаетъ свойствомъ внушать непоколебимую вѣру въ себя, и теоретическія разсужденія не могутъ ни отвергнуть ея, ни отклонить. Всѣ народы взываютъ къ ней; на нее опирается государство даже тогда, когда оно дѣйствуетъ вопреки ей; религія существуетъ потому, что существуетъ справедливость; скептицизмъ прячется отъ нея; иронія обязана ей своей силой; преступленіе и лицемѣріе благоговѣютъ передъ ней. Если свобода не пустая фраза, то она дѣйствуетъ исключительно во имя права; и, даже возмущаясь противъ права, она его въ сущности не проклинаетъ» ⁵⁾. «Извѣстное

¹⁾ Proudhon, De la justice, I, стр. 195.

²⁾ Proudhon, De la justice, I, стр. 185.

³⁾ Proudhon, Qu'est ce que la propriété? стр. 18—19.

⁴⁾ Proudhon, De la justice, I, стр. 195.

⁵⁾ Proudhon, De la justice, 3, стр. 45.

изреченіе: поступай со своимъ ближнимъ такъ, какъ желаешь, чтобы съ тобой поступали; не дѣлай своему ближнему того, чего не желаешь, чтобы дѣлали тебѣ», заключаетъ въ себѣ все, что извѣстно нашей мудрости о справедливости» ¹⁾.

3. Право.

I. Во имя справедливости Прудонъ отвергаетъ не право, но почти всѣ отдѣльныя правовыя нормы, въ особенности государственныя законы.

Государство составляетъ законы «и притомъ соответственно количеству затрагиваемыхъ имъ интересовъ, а такъ какъ интересовъ безчисленное множество, то законодательная машина должна работать непрерывно. На бѣдный народъ падаетъ цѣлый градъ законовъ и предписаній. Политическая почва вскорѣ покроется бумажнымъ слоемъ, который геологи должны будутъ отмѣтить, какъ бумажную формацию въ исторіи развитія земли.

Въ теченіе трехъ лѣтъ, одного мѣсяца и четырехъ дней Конвентъ издалъ одинадцать тысячъ шестьсотъ законовъ и предписаній; Учредительное и Законодательное собранія создали не меньше; имперія и слѣдующія за ней правительства продолжали въ томъ же духѣ. Въ настоящее время въ сводѣ законовъ насчитывается болѣе пятидесяти тысячъ законовъ; если бы наши народныя представители выполнили свои обязанности, то вскорѣ этихъ законовъ стало бы вдвое больше. Возможно ли, чтобы народъ или само правительство ориентировалось въ этомъ лабиринтѣ» ²⁾.

¹⁾ Proudhon, Qu'est ce que la propriété? стр. 18.

²⁾ Proudhon, Idée générale, стр. 147—148.

«Какое значеніе могутъ имѣть законы для того, кто самостоятельно мыслить и самъ за себя отвѣтствененъ? Кто желаетъ быть свободнымъ и чувствуетъ себя къ тому способнымъ? Я готовъ вести переговоры, но не желаю никакихъ законовъ; никакихъ законовъ я не признаю; я отклоняю отъ себя всякое повелѣніе, изданное относительно меня какимъ угодно, якобы необходимымъ начальствомъ. Законы! Всякій знаетъ, что они представляютъ такое и на что они годятся. Законъ это паутина для сильныхъ и богатыхъ, неразрывныя цѣпи для слабыхъ и бѣдныхъ и рыболовныя сѣти въ рукахъ правительства»¹⁾).

«Нѣкоторые требуютъ немногихъ, но простыхъ и хорошихъ законовъ. Но какъ возможно достигнуть этого? Развѣ правительство не должно считаться со всѣми интересами и разрѣшать всѣ споры? Интересовъ же соответственно характеру общественной жизни—безчисленное множество; соотношенія между людьми постоянно мѣняются, и разнообразіе ихъ не знаетъ границъ. Какимъ образомъ тутъ можно обойтись немногими законами? Какъ они могутъ быть просты? Какимъ образомъ можно обезпечить себя отъ того, чтобы наилучшіе изъ нихъ не стали вскорѣ неносимыми?»²⁾).

II. Справедливость повелѣваетъ, чтобы дѣйствовала одна только правовая норма, а именно, правовая норма, предписывающая выполнение всѣхъ договоровъ.

«Что такое договоръ? «Договоръ», гласитъ *code civil* (гражданское уложеніе) въ статьѣ 1101, «естъ соглашеніе, по которому одно или нѣсколько лицъ принимаютъ на себя извѣстное обязательство по отношенію къ одному или нѣсколькимъ лицамъ»³⁾. «Для того, чтобы я былъ

¹⁾ Proudhon, *Idée générale*, стр. 149

²⁾ Proudhon, *Idée générale*, стр. 149—150.

³⁾ Proudhon, *Du principe fédératif*, стр. 64.

свободнымъ, чтобы слѣдовалъ своему собственному закону и самъ управлялъ собою, общественное зданіе должно быть основано на принципѣ договора»¹⁾, «принципъ договора долженъ стать для насъ основнымъ принципомъ всякой политики»²⁾. Норма, предписывающая выполнение договоровъ, должна покоиться не только на справедливости, но и на готовности совмѣстно живущихъ людей добиться въ случаѣ необходимости выполнения договоровъ посредствомъ силы³⁾; такимъ образомъ, эта норма должна быть не только велѣніемъ нравственности, но также правовой нормой.

«Нѣсколько равныхъ тебѣ согласились соблюдать между собою вѣрность и право, т. е. въ сношеніяхъ другъ съ другомъ слѣдовать правиламъ, которыя по природѣ вещей одни только въ состояніи дать имъ, въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, счастье, безопасность и миръ. Желаетъ ты принять ихъ договоръ? Принять участіе въ ихъ обществѣ? Общаешь ли ты уважать честь, свободу и имущество твоихъ братьевъ? Общаешь ли ты никогда не лгать и не обманывать, ни передъ судомъ, ни при торговыхъ или иныхъ сношеніяхъ? Ты можешь сказать да и нѣтъ.

«Если скажешь нѣтъ, ты—дикій. Ты отказался отъ человеческого общества и являешься подозрительнымъ. Ничто тебя не защищаетъ. При малѣйшей обидѣ всякій можетъ тебя убить и максимумъ того, въ чемъ можно упрекнуть убійцу, это то, что онъ проявилъ излишнюю жестокость противъ дикаго звѣря.

«Присягнувъ договору, ты будешь принадлежать къ сообществу свободныхъ людей. вмѣстѣ съ тобой всѣ твои братья обязываются и общають тебѣ вѣрность, дружбу, помощь, услугу и сообщество. Въ случаѣ вольнаго или

¹⁾ Proudhon, *Idée générale*, стр. 235.

²⁾ Proudhon, *Du principe fédératif*, стр. 64.

³⁾ Proudhon, *Idée générale*, стр. 143.

невольнаго противодѣйствія съ твоей или съ ихъ стороны, вы отвѣтственны другъ передъ другомъ, какъ за причиненный вредъ, такъ и за обиду, такъ и за созданную небезопасность; и, смотря по тяжести вѣроломства и повторяемости преступленія, эта отвѣтственность можетъ привести даже къ изгнанію изъ общества или къ казни» ¹⁾.

4. Государство.

I. Такъ какъ Прудонъ признаетъ только одну единственную правовую норму, предписывающую выполнение договоровъ, то, слѣдовательно, онъ можетъ признать только одно правоотношеніе, а именно, правоотношеніе договаривающихся сторонъ. Отсюда онъ неизбежно долженъ отрицать государство, ибо послѣднее существуетъ на основаніи особыхъ правовыхъ нормъ и, какъ несвободное правоотношеніе, связываетъ также и тѣхъ, которые договорнымъ путемъ не дали относительно себя никакихъ обязательствъ. Прудонъ, дѣйствительно, совершенно, безусловно, независимо отъ времени и мѣста, отрицаетъ государство; онъ считаетъ его даже правоотношеніемъ, спеціально нарушающимъ справедливость.

«Управленіе людей людьми есть рабство ²⁾. «Кто накладываетъ на меня свою руку для того, чтобы повелѣвать мною, тотъ узурпаторъ и тиранъ: я объявляю его своимъ врагомъ» ³⁾. «Въ каждомъ обществѣ власть людей надъ людьми находится въ обратномъ отношеніи къ духовному развитію общества, и вѣроятная продолжительность такой власти можетъ быть исчислена, на

¹⁾ Proudhon, *Idée générale*, стр. 342—343.

²⁾ Proudhon, *Confessions*, стр. 8.

³⁾ Proudhon, *Confessions*, стр. 6.

основаніи болѣе или менѣе общаго стремленія къ истинному, т. е. научному, государственному строю ¹⁾.

«Никакое королевство не можетъ быть правомѣрнымъ. Королевство не можетъ достигнуть правомѣрности ни путемъ наследія, ни путемъ выбора, ни путемъ всеобщаго избирательнаго права, ни путемъ превосходныхъ качествъ властелина, ни путемъ освященія его какимъ-либо вѣроученіемъ. Всякое господство людей надъ людьми есть королевство, независимо отъ того, въ какой формѣ выступить это господство—монархической, олигархической или демократической; каждое изъ нихъ въ одинаковой степени является неправомѣрнымъ и безсмысленнымъ» ²⁾. Въ особенности «демократія является ничѣмъ инымъ, какъ конституціоннымъ произволомъ, слѣдующимъ за другимъ конституціоннымъ произволомъ, она не имѣетъ никакой научной цѣлности и ее можно разсматривать максимумъ, какъ переходную ступень къ нераздѣльной республикѣ» ³⁾.

«Не успѣлъ авторитетъ появиться на землѣ, какъ всѣ стали хватать его другъ у друга изъ рукъ. Авторитетъ, правительство, власть, государство—всѣ эти слова означаютъ одно и то же—предстало передъ всякимъ, какъ средство угнетенія и эксплуатаціи своего ближняго. Авторитетъ—вотъ цѣль, къ которой обратились взоры, какъ абсолютистовъ, такъ и доктринеровъ, демагоговъ и социалистовъ» ⁴⁾. «Всѣ партіи, безъ исключенія, поскольку онѣ стремятся къ власти, являются особыми формами абсолютизма; и не будетъ свободы для гражданина, не будетъ порядка въ обществѣ и объединенія между рабочими до тѣхъ поръ, пока изъ нашего политическаго катехизиса не исчезнетъ вѣра въ автори-

¹⁾ Proudhon, *Qu'est ce que la propriété*, стр. 301.

²⁾ Proudhon, *Qu'est ce que la propriété*, стр. 298—299.

³⁾ Proudhon, *Salution du problème social*, стр. 54.

⁴⁾ Proudhon, *Confessions*, стр. 7.

теты. Никакихъ партій, никакого авторитета, безусловная свобода чело́вѣка-гражданина—эти три слова заключаютъ въ себѣ мое политическое и социальное исповѣданіе вѣры»¹⁾.

П. Справедливость требуетъ устраненія государства и замѣны его общественнымъ сожительствомъ людей, покоящемся на правовой нормѣ, предписывающей выполненіе договоровъ. Это сожительство Прудонъ называетъ «анархіей»²⁾, а позже также и «Федераціей»³⁾.

1. Общественное сожительство людей должно остаться и послѣ устраненія государства. Уже въ 1841 году Прудонъ говоритъ, что необходимо «открыть систему совершеннаго равенства, въ которомъ всѣ современные институты, за исключеніемъ только собственности, т. е. злоупотребленія ею, не только нашли бы мѣсто, но и сами стали бы орудіями равенства», какъ, напр., свобода личности, раздѣленіе властей, прокуратура, судъ присяжныхъ, расчлененіе суда и администраціи⁴⁾.

Но удерживать людей въ обществѣ должна не высшая власть, а исключительно правовая сила договора. «Когда я веду переговоры о какомъ-нибудь предметѣ съ однимъ или съ многими моими согражданами, то очевидно, что закономъ для меня можетъ быть только моя воля; выполняемая взятое на себя обязательство, я являюсь своимъ собственнымъ правительствомъ. Если бы, такимъ

образомъ, договоръ, заключаемый мною здѣсь съ нѣкоторыми лицами я могъ заключить со всѣми; если бы всѣ эти лица могли, съ своей стороны, взять на себя по отношенію другъ къ другу такія же обязательства; если бы посредствомъ такихъ договоровъ образовались группы гражданъ, общины, округа, провинціи (=волости, уѣзды, губерніи), имѣющіе права юридическихъ личностей и въ свою очередь также объединенные между собой,—то это было бы равносильно тому, какъ если бы моя воля повторилась безконечное число разъ. Составленный такимъ путемъ законъ, независимо отъ его содержанія и оттого, по чьему предложенію онъ изданъ, былъ бы ничѣмъ инымъ, какъ моимъ же закономъ. Если бы этотъ новый порядокъ вещей назывался правительствомъ, то это было бы мое правительство. Какъ только договоръ повсюду сталъ бы на мѣсто закона, мы имѣли бы истинное правительство чело́вѣка и гражданина, истинное народное самодержавіе, республику»¹⁾.

«Въ республикѣ всякое мнѣніе и всякая дѣятельность свободны, но именно путемъ различія мнѣній и путемъ различія дѣятельности мыслить и дѣйствуетъ народъ, какъ одинъ чело́вѣкъ. Въ республикѣ каждый гражданинъ дѣлаетъ только то, чего онъ желаетъ, и въ той же мѣрѣ, въ какой онъ принимаетъ участіе въ произведеніи и распредѣленіи благъ, онъ участвуетъ въ законодательствѣ и правленіи. Здѣсь каждый гражданинъ—король, ибо у него полнота власти, ибо онъ царствуетъ и правитъ. Республика, есть позитивная (положительная) анархія. Порядокъ въ ней не господствуетъ надъ свободой, какъ въ конституціонной монархіи, не порабощаетъ ее, какъ при временномъ правительствѣ. Свобода въ ней избавлена отъ всѣхъ цѣпей,—цѣпей суетбыря, предразсудка, заблужденія, торгашества, насилія;

¹⁾ Proudhon, Confessions, стр. 7.

²⁾ Proudhon, Qu'est ce que la propriété, стр. 301, Confessions, стр. 68, Solution du problème social, стр. 119.

³⁾ Proudhon, Du principe fédératif, стр. 67.

⁴⁾ Ученіе Прудона не было, какъ утверждаютъ Diehl 2, стр. 116, 3, стр. 166—167 и Zenker, стр. 61, до 1852, анархизмомъ, а затѣмъ федерализмомъ. Анархизмъ Прудона съ самаго начала былъ федерализмомъ; позже и онъ сталъ называть его также федерализмомъ.

⁴⁾ Proudhon, Qu'est ce que la propriété, стр. XIX—XX.

¹⁾ Proudhon, Idée générale, стр. 235, 236.

свобода всесторонняя и безгранична; свобода не дочь порядка, а мать его» ¹⁾.

2. Анархія легко можетъ «показаться намъ вершиной безпорядка и выраженіемъ хаоса. Говорятъ, что въ Парижѣ, въ семнадцатомъ вѣкѣ, одинъ гражданинъ, услышавъ, что въ Венеціи нѣтъ короля, не могъ достаточно надивиться и чуть не умеръ отъ смѣха. Вотъ образецъ нашихъ предрасудковъ» ²⁾. Въ противоположность этому Прудонъ рисуетъ, какъ въ анархіи можетъ сложиться общественное сожительство людей для того, чтобы имѣть возможность выполнить тѣ задачи, которыя въ настоящее время выполняетъ государство.

Онъ начинаетъ съ примѣра. «Много столѣтій духовная власть, согласно писанію, была отдѣлена отъ свѣтской. Полнаго отдѣленія не существовало, однако, никогда, и потому централизація къ большой невыгодѣ какъ церковной власти, такъ и вѣрующихъ никогда не могла быть удовлетворительной. Полное раздѣленіе было бы въ томъ случаѣ, если бы свѣтская власть не заботилась ни о сотвореніи дароприношеній, ни о таинствахъ, ни объ управленіи приходами, ни о назначеніи епископовъ. Централизація была бы сильнѣй и, слѣдовательно, управленіе находилось бы въ большемъ порядкѣ, если бы народъ въ каждомъ приходѣ имѣлъ право самостоятельно избирать священника и капелана, или оставлять эти мѣста незамѣщенными, а также, если бы священники въ каждой епархіи сами избирали себѣ епископа и если бы только собраніе епископовъ рѣшало вопросы относительно духовныхъ дѣлъ, преподаванія религіи и богослуженія.

Благодаря раздѣленію властей, духовенство перестало бы быть въ рукахъ государственной власти орудіемъ

¹⁾ Proudhon, Solution du problème social, стр. 119.

²⁾ Proudhon, Qu'est ce que la propriété, стр. 301—302.

тираніи надъ народомъ; а, благодаря примѣненію всеобщаго голосованія, церковное управленіе было бы централизовано въ самомъ себѣ подъ влияніемъ народа, а не правительства или папы, и постоянно сообразовалось бы съ потребностями общества и духовнымъ состояніемъ гражданъ.

Желая возвратиться къ органической, экономической и социальной истинѣ, необходимо, во-первыхъ, устранить конституціонное нагроможденіе власти, отнявъ у государства право назначенія епископовъ, и разъ навсегда отдѣливъ духовную власть отъ свѣтской; во-вторыхъ, необходимо централизовать церковь въ самой себѣ, посредствомъ системы постепенныхъ выборовъ; въ-третьихъ, необходимо дать церковной власти, какъ и другимъ властямъ государства, всеобщее избирательное право. При такой системѣ то, что теперь называется правительствомъ, означало бы не что иное, какъ завѣдваніе; въ духовныхъ дѣлахъ вся Франція была бы централизована; въ силу своего избирательнаго права страна самостоятельно управляла бы какъ духовными, такъ и свѣтскими дѣлами. Ясно, что если бы все вопросы страны рѣшались такимъ путемъ, то существовалъ бы совершеннѣйшій порядокъ, сильнѣйшая централизація, однако, безъ того, что мы теперь называемъ публичной властью, или правительствомъ» ¹⁾.

Второй примѣръ Прудонъ беретъ изъ области суда. «Судъ со своими многочисленными расчлененіями, іерархіей, несмѣняемостью, объединеніемъ въ одномъ министерствѣ представляетъ собою выраженный типъ и необыкновенно склоненъ къ централизаціи. Однако, судъ ни малѣйшимъ образомъ не находится въ рукахъ сторука, а всецѣло въ распоряженіи исполнительной власти, и подчиненъ не странѣ, а правительству, т. е. прези-

¹⁾ Proudhon, Confessions, стр. 65.

денту или государю, и составляется не посредством выборов, а посредством назначенія. Поэтому тяжущіеся находятся въ такомъ же распоряженіи своихъ «естественныхъ» судей, какъ прихожане у священника: народъ принадлежитъ бюрократіи точно по наслѣдству. Не судья для тяжущихся, а тяжущіеся для судьи. Стоитъ только въ судѣ ввести такое же всеобщее избирательное право и постепенные выборы, какъ въ церковномъ управленіи, устранить несмѣняемость, означающую отмѣну избирательнаго права, лишить государство всякаго вліянія на судебное сословіе и поставить это въ себѣ и для себя централизованное сословіе въ зависимость только отъ народа—и государственная власть лишится одного изъ могущественныхъ орудій тираниі,—судѣ станетъ служить свободѣ и порядку, и, если не предполагать, что народъ, отъ котораго посредствомъ избирательнаго права должна происходить всякая власть, вступитъ съ собою въ противорѣчіе и въ духовныхъ дѣлахъ пожелаетъ одного, а въ свѣтскихъ другого, тогда можно быть также увѣреннымъ, что раздѣленіе властей не поведетъ къ разногласіямъ, что, наоборотъ, раздѣленіе и равновѣсіе впредь будутъ синонимами»¹⁾.

Далѣе Прудонъ переходитъ къ арміи и пошлѣнамъ, попеченію о земледѣліи и торговлѣ, къ общественнымъ работамъ, общественному обученію и финансамъ, и для каждаго изъ этихъ вѣдомствъ онъ требуетъ самостоятельности и централизаціи на основаніи всеобщаго избирательнаго права²⁾.

«Для того, чтобы народъ могъ явиться извѣстнымъ единствомъ, онъ долженъ въ области религіи, суда, военнаго дѣла, земледѣлія, промышленности, торговли и финансовъ, однимъ словомъ въ области всѣхъ проя-

¹⁾ Proudhon, Confessions, стр. 65—66.

²⁾ Proudhon, Confessions, стр. 66, 68.

вленій своихъ силъ и своей дѣятельности быть централизованнымъ; эта централизація должна идти снизу вверхъ, отъ периферіи къ центру; и каждая сфера дѣятельности должна быть независимой и управляться сама собой.

«Достаточно соединить главы всѣхъ этихъ различныхъ вѣдомствъ, чтобы имѣть совѣтъ министровъ, а тѣмъ самымъ исполнительную власть, рядомъ съ которой нѣтъ необходимости имѣть государственный совѣтъ.

«Если сверхъ того учредить высшую судебную инстанцію, законодательную власть или національное собраніе, назначаемое непосредственно отъ народа и имѣющее задачей не назначеніе министровъ—это дѣлаетъ народъ самъ—а провѣрку отчетовъ, составленіе законовъ, установленіе бюджета и улаженіе конфликтовъ между различными вѣдомствами (все это по выслушаніи представителя статсъ-министерства или министра внутреннихъ дѣлъ, являющагося въ такомъ случаѣ главою правительства), и мы будемъ имѣть централизацію, тѣмъ болѣе сильную, чѣмъ болѣе въ ней центровъ, отвѣтственность, имѣющую тѣмъ больше значенія, чѣмъ рѣзче ограничивается одна власть отъ другой, конституцію въ одинаковой мѣрѣ политическую, какъ и социальную»¹⁾.

5. Собственность.

1. Признавая только одну правовую норму, предписывающую выполненіе договоровъ, Прудонъ долженъ признавать также и одно только правоотношеніе, а именно правоотношеніе между договаривающимися сторонами. А отсюда слѣдуетъ, что наравнѣ съ государствомъ онъ долженъ отвергать также и собственность, которая

¹⁾ Proudhon, Confessions, стр. 168.

основана на особыхъ нормахъ и, какъ несвободное правоотношеніе, связываетъ также и тѣхъ, которые путемъ договора не взяли на себя никакихъ обязательствъ. Онъ дѣйствительно, совершенно, безусловно, независимо отъ времени и мѣста, отрицаетъ также и собственность ¹⁾, считая ее правоотношеніемъ, особенно противорѣчащимъ справедливости.

«Подъ понятіемъ собственности подразумѣвается право потребленія и злоупотребленія, т. е. безусловное, безотвѣтственное господство человѣка надъ самимъ собою и своимъ достояніемъ. Если бы собственность не была болѣе правомъ злоупотребленія, то она перестала бы быть собственностью. Развѣ собственникъ не имѣетъ права дарить принадлежащее ему добро, кому онъ пожелаетъ, развѣ онъ не имѣетъ права спокойно смотрѣть на то, какъ сосѣдъ его горитъ, развѣ онъ не можетъ противопоставить себя общественному благу, расточать свое имущество, эксплуатировать и грабить рабочаго, производить скверные товары и скверно сбывать ихъ на рынокъ? Развѣ судъ въ состояніи принудить его сдѣлать изъ своей собственности хорошее употребленіе, развѣ онъ можетъ воспрепятствовать ему злоупотреблять ею? Какъ, развѣ собственность не представляется законодателю воплощеніемъ всего святаго именно потому, что ею злоупотребляютъ? Мыслима ли собственность, употребленіе которой было бы урегулировано полиціей и злоупотребленіе которою было бы полиціей запрещено? И развѣ не ясно, какъ день, что внесеніе справедливости въ собственность означало бы разрушеніе собственности

¹⁾ Этого не признаютъ Pfau: Kunst und Kritik 6, стр. 227—231, Adler: Nord und Süd 32, стр. 372, Zenker, стр. 26, 41, находясь подъ влияніемъ не собственнаго смысла, въ которомъ Прудонъ употребляетъ слово собственность для обозначенія части благъ, предоставленныхъ личности на основаніи договора.

подобно тому, какъ законъ, вводя въ конкубинатъ элементъ благопристойности, тѣмъ самымъ уничтожилъ конкубинатъ?» ¹⁾.

«Воруютъ, во-первыхъ, какъ разбойники на столбовой дорогѣ, во-вторыхъ, единолично или въ союзѣ съ другими, въ-третьихъ, посредствомъ взлома, въ-четвертыхъ, посредствомъ утайки, въ-пятыхъ, посредствомъ злостнаго банкротства, въ-шестыхъ, посредствомъ фальсификаціи публичныхъ и частныхъ документовъ, въ-седьмыхъ, посредствомъ поддѣлки монеты. Въ-восьмыхъ, воруетъ путемъ мошенничества, въ-девятыхъ, посредствомъ обмана, въ-десятыхъ, вѣроломства, въ-одиннадцатыхъ, посредствомъ игры и лотереи. Въ-двѣнадцатыхъ, воруютъ посредствомъ ростовщичества. Въ-тринадцатыхъ, взимая ренту, плату за наемъ, или аренду. Въ-четырнадцатыхъ, воруютъ посредствомъ торговли, когда выгода кунца превышаетъ слѣдующее ему за его дѣятельность вознагражденіе. Въ-пятнадцатыхъ, воруютъ, продавая продуктъ за слишкомъ дорогую цѣну, или принимая синекуру, или допуская вознаграждать себя жирнымъ окладомъ» ²⁾. «При воровствѣ, запрещенномъ законами, насиліе и хитрость выступаютъ открыто и самостоятельно; при воровствѣ, разрѣшенномъ закономъ, насиліе и хитрость, чтобы ограбить свою жертву, прячутся за какое-нибудь произведенное благо. Непосредственное употребленіе насилія и хитрости давно уже единогласно отвергнуто; но ни одинъ народъ не дошелъ еще до того, чтобы освободиться отъ воровства въ его сочетаніи съ талантомъ, трудомъ и собственностью» ³⁾. Въ этомъ смыслѣ собственность—«воровство», ⁴⁾ «эксплуатація сильными сла-

¹⁾ Proudhon, Contradictions 2, стр. 303—304.

²⁾ Proudhon, Qu'est ce que la propriété? стр. 285—290.

³⁾ Proudhon, Qu'est ce que la propriété? стр. 293.

⁴⁾ Proudhon, Qu'est ce que la propriété? стр. 1—2.

быхъ»¹⁾, «неправомѣрна»,²⁾ самоубійство для общества»³⁾.

П. Справедливость требуетъ, чтобы собственность уступила мѣсто распредѣленію благъ, покоящемуся на правовой нормѣ, предписывающей выполненіе договоровъ.

Прудонъ называетъ собственностью ту часть благъ, которую индивидуумъ получаетъ на основаніи договора. Въ 1840 году онъ требовалъ, чтобы на мѣсто собственности поставлено было индивидуальное владѣніе.

Достаточно одного этого измѣненія и зло исчезнетъ⁴⁾. Однако, уже въ 1841 году онъ объявляетъ, что подъ собственностью онъ разумѣетъ исключительно злоупотребленіе ею⁵⁾; уже въ это время онъ указываетъ на необходимость созданія могущей быть посредственно примѣненной общественной системы, въ которой получили бы мѣсто, право купли и обмѣна, право наслѣдованія, право первородства и право завѣщанія⁶⁾. Въ 1846 году онъ говоритъ: «когда-нибудь преобразованная собственность станетъ положительной, совершенной, социальной и истинной идеей; новая собственность займетъ мѣсто старой и станетъ дѣйствительной и благотворной для всѣхъ одинаково»⁷⁾. Въ 1848 онъ говоритъ: «собственность никогда не можетъ исчезнуть, поскольку основаніемъ и содержаніемъ ея служитъ человѣческая личность. Какъ постоянное побужденіе къ труду, какъ противникъ, безъ котораго трудъ ослабѣлъ бы и прекратился, собственность должна остаться въ человѣческомъ сердцѣ»⁸⁾.

1) Proudhon, Qu'est ce que la propriété? стр. 283.

2) Proudhon, Qu'est ce que la propriété? стр. 311.

3) Proudhon, Qu'est ce que la propriété? стр. 311.

4) Proudhon, Qu'est ce que la propriété? стр. XVIII—XIX.

5) Proudhon, Qu'est ce que la propriété? стр. 311.

6) Proudhon, Qu'est ce que la propriété? стр. 311.

7) Proudhon, Contradictions 2, стр. 234—235.

8) Proudhon, Le droit au travail et le droit de propriété, стр. 50.

Въ 1858 году онъ говоритъ: «то, что я, начиная съ 1840 года, хотѣлъ, опредѣляя понятіе собственности, и то, чего я и теперь желаю, такъ это, какъ я уже повторялъ до тошноты, не разрушеніе; это означало бы впасть вмѣстѣ съ Руссо, Платаномъ и даже Луи Бланомъ и со всѣми противниками собственности въ коммунизмъ, противъ котораго я рѣшительно возстаю; то, чего я по отношенію къ собственности требую, это всѣсы»¹⁾, т. е. «справедливость»²⁾.

Во всѣхъ этихъ выраженіяхъ собственность означаетъ не что иное, какъ извѣстную часть благъ, предоставленныхъ личности на основаніи договоровъ, на которыхъ должно быть построено все общество³⁾. Одобряемая Прудономъ собственность не можетъ быть какимъ-либо особымъ правоотношеніемъ, а лишь возможнымъ содержаніемъ единственно одобряемого имъ правоотношенія—правоотношенія договора. Эта собственность не можетъ дать защиты относительно какой-либо группы людей, очерченной извѣстными правовыми нормами, но лишь по отношенію такой, которая путемъ договора обезпечила себѣ извѣстное участіе въ пользованіи благами. Такимъ образомъ, Прудонъ употребляетъ здѣсь слово собственность не въ его собственномъ смыслѣ; въ собственномъ смыслѣ понятіе собственности означаетъ часть благъ, предоставленныхъ индивидууму на основаніи особыхъ правовыхъ нормъ несвободнаго правоотношенія.

Поэтому, когда Прудонъ во имя справедливости требуетъ извѣстнаго распредѣленія собственности, то это означаетъ не что иное, какъ то, что договоры, на которыхъ должно быть построено общество, должны высказаться извѣстнымъ образомъ относительно распредѣленія

1) Proudhon, De la justice 1, стр. 302—303

2) Proudhon, De la justice 1, стр. 303.

3) Proudhon, Idée générale, стр. 235, Du principe fédératif, стр. 64.

благъ. Каждый человѣкъ долженъ согласно этимъ договорамъ получить продуктъ своего труда.

1. «Мы можемъ представить себѣ мѣръ матеріальныхъ благъ, какъ массу, сдерживаемую какой-нибудь химической силою, къ которой безпрерывно притекаютъ новые элементы, соединяющіеся въ различныхъ соотношеніяхъ, но по опредѣленному закону. Цѣнность есть то отношеніе (мѣрило), по которому каждый изъ этихъ элементовъ образуетъ часть цѣлага» ¹⁾. «Такимъ образомъ, я предполагаю силу, связывающую элементы міра матеріальныхъ благъ въ опредѣленныхъ соотношеніяхъ и составляющую изъ нихъ совокупное цѣлое» ²⁾.

«Эта сила есть трудъ. Трудъ и только трудъ производитъ элементы міра благъ и вплоть до его послѣднихъ молекулъ закономерно связываетъ ихъ въ переменно, но опредѣленномъ соотношеніи» ³⁾. «Каждый продуктъ представляетъ собою трудъ» ⁴⁾.

«Каждый продуктъ можетъ обмѣниваться на другой» ⁵⁾. «Если же портной за свой рабочій день получаетъ десять рабочихъ дней ткача, то это означаетъ то же самое, какъ если бы ткачъ десять дней своей жизни отдалъ портному за одинъ день. Мы имѣемъ здѣсь тотъ же случай, когда крестьянинъ отдаетъ нотаріусу двѣнадцать франковъ за актъ, написанный въ теченіе одного часа: и это неравенство, эта несправедливость въ купль-продажѣ является одной изъ могущественнѣйшихъ причинъ нищеты. Каждое нарушеніе справедливости при обмѣнѣ означаетъ, что рабочій принесенъ въ жертву, что кровь одного человѣка переливается въ тѣло другого» ⁶⁾.

¹⁾ Proudhon, Contradictions 1, стр. 51.

²⁾ Proudhon, Contradictions 1, стр. 53.

³⁾ Proudhon, Contradictions 1, стр. 53.

⁴⁾ Proudhon, Contradictions 1, стр. 68.

⁵⁾ Proudhon, Contradictions 1, стр. 68.

⁶⁾ Proudhon, Contradictions 1, стр. 83.

«То, что я требую по отношенію къ собственности, представляетъ собою вѣсы. Не даромъ духъ народовъ вкладываетъ въ руки справедливости это орудіе. Справедливость въ примѣненіи къ народному хозяйству есть въ дѣйствительности не что иное, какъ вѣчные вѣсы; или, точнѣе, справедливость является для распредѣленія благъ ни чѣмъ инымъ, какъ обязательствомъ всякаго гражданина и всякаго общества слѣдовать въ своихъ общественныхъ сношеніяхъ закону равновѣсія, который въ хозяйственной жизни проявляется повсюду, и на случайномъ или преднамѣренномъ нарушеніи его покоится нищета» ¹⁾.

2. Достигнуть того, чтобы каждый человѣкъ могъ пользоваться продуктами своего труда, можно, по мнѣнію Прудона, лишь посредствомъ взаимности; поэтому онъ называетъ свое ученіе «теоріей взаимности или mutuum» ²⁾. «Взаимность находитъ свое выраженіе въ предписаніи: поступай со своимъ ближнимъ такъ, какъ желаешь, чтобы поступали съ тобой; политическая экономія перевела это предписаніе въ свою знаменитую формулу: продукты обмѣниваются на продукты. Пожирающее насъ зло происходитъ отъ непризнанія или же нарушенія законовъ взаимности. Лѣкарствомъ можетъ служить только провозглашеніе этого закона. Организация нашихъ взаимныхъ отношеній, вотъ въ чемъ заключается вся тайна соціальной науки» ³⁾.

Въ торжественномъ заявленіи, предпосланномъ имъ первой публикaciji общественнаго договора народнаго банка, онъ говоритъ: «я увѣрю, что въ моей критикѣ собственности, или, вѣрнѣе, всей суммы учреждений, ядромъ которыхъ является собственность, я никогда не

¹⁾ Proudhon, De la justice 1, стр. 302—308.

²⁾ Proudhon, Contradictions 2, стр. 528.

³⁾ Proudhon, Organisation du crédit et de la circulation, стр. 5.

имѣлъ въ виду нападать на приобретенныя права или оспаривать правомѣрность владѣнія или требовать произвольнаго распредѣленія благъ, либо противодействовать свободному и правильному приобритенію собственности посредствомъ купли и обмѣна; никогда также я не желалъ, чтобы государство запретило взиманіе ренты и процентовъ. Я держусь того мнѣнія, что всѣ эти проявленія человѣческой дѣятельности должны быть предоставлены свободному усмотрѣнію индивидуума; всѣ проявленія, не необходимо и не сами собой вытекающія изъ общаго примѣненія установленнаго мною синтетическаго закона взаимности, никоимъ образомъ не должны испытать измѣненія, ограниченія или подавленія. Вотъ моя послѣдняя воля; сомнѣваться въ моей искренности имѣть право лишь тотъ, кто способенъ лгать передъ лицомъ смерти»¹⁾.

6. Осуществленіе.

Требуемое справедливостью преобразование должно совершиться слѣдующимъ образомъ: люди, познавшіе истину, должны убѣждать другихъ въ томъ, сколь необходимо это преобразование, съ точки зрѣнія справедливости. Такимъ путемъ, право само собой преобразуется, государство и ответственность исчезнуть и наступить новое состояніе общества. Новое состояніе общества наступитъ, «какъ только идея начнетъ обращаться»²⁾; для того чтобы это состояніе наступило, мы должны «пустить эту идею въ обращеніе»³⁾.

¹⁾ Proudhon, Banque du peuple, стр. 3—5.

²⁾ Proudhon, De la justice 1, стр. 575.

³⁾ Proudhon, De la justice 1, стр. 515.

I. Не требуется ничего болѣе, какъ убѣдить людей въ томъ, что справедливость требуетъ преобразования.

1. Всякій другой путь Прудонъ отвергаетъ. Его ученіе находится въ согласіи съ конституціей и законами»¹⁾. «Насъ призываютъ къ тому, чтобы раньше совершить революцію, а просвѣщеніе придетъ ужъ потомъ. Но революція есть не что иное, какъ просіяніе умовъ»²⁾. «Золотопискатели, живущіе теперь въ Калифорніи, быть можетъ, и находятся въ печальномъ положеніи, заставляющемъ ихъ добыть свое право посредствомъ кровопролитія; но да избавитъ насъ отъ этого счастливая судьба Франціи»³⁾.

«Не смотря на всѣ насилія, свидѣтелями которыхъ мы были, я не вѣрю, чтобы свобода для того, чтобы добыть свои права и отомстить за свой позоръ, должна была когда-нибудь прибѣгнуть къ насилію. Разумъ окажется намъ лучшую услугу, терпѣніе также непобѣдимо, какъ и революція»⁴⁾.

2. Но какимъ путемъ должны мы убѣдить людей, «какимъ образомъ пустить идею въ обращеніе, когда буржуазія борется противъ насъ, когда народъ, оглубленный отъ рабства, полный предразсудковъ и злыхъ инстинктовъ, остается равнодушнымъ, когда церковь, школа, печать клеветаютъ на насъ, когда суды неистовствуютъ, а правительство налагаетъ на насъ печать молчанія? Мы можемъ быть спокойны. Какъ отсутствіе идеи приводитъ къ гибели самое прекрасное предпріятіе, такъ и борьба противъ идей ускоряетъ лишь ростъ революціи. Кто же не видитъ, что состояніе опеки, неравенства, фаворитизма, государственной пользы и вѣчнаго блаженства стало гораздо несноснѣе для господствующихъ

¹⁾ Proudhon, Confessions, стр. 31.

²⁾ Proudhon, De la justice 1, стр. 515.

³⁾ Proudhon, De la justice 1, стр. 466.

⁴⁾ Proudhon, De la justice 1, стр. 470—471.

гласовъ, нежели для черни, которая отъ этого только голодаетъ?»¹⁾

3. Лучшее средство для убѣжденія людей заключается, по мнѣнію Прудона, въ томъ, чтобы въ предѣлахъ государства, не нарушая правъ послѣдняго дать народу «примѣръ свободной, независимой и полной централизаціи», и чтобы, такимъ образомъ, уже въ настоящее время примѣнить принципы будущаго общественнаго строя²⁾. «Начинайте прокладывать путь совмѣстной дѣятельности, безъ которой народъ будетъ вѣчно пребывать въ нищетѣ и мукахъ и поучайте его самостоятельно, безъ помощи начальства, создавать благосостояніе и порядокъ»³⁾.

Подобный примѣръ Прудонъ пытался дать путемъ основанія народнаго банка⁴⁾.

Народный банкъ долженъ «организовать производителей одновременно, какъ начало и конецъ производственнаго процесса, т. е. одновременно, какъ капиталистовъ и какъ потребителей, обезпечивъ имъ, такимъ образомъ, трудъ и благосостояніе»⁵⁾.

«Народный банкъ долженъ былъ быть собственностью всѣхъ гражданъ, желающихъ прибѣгнуть къ его услугамъ, а быть можетъ—принимая во вниманіе необходимость имѣть въ теченіе извѣстнаго времени основной капиталъ—также и вкладывающихъ въ него извѣстную сумму денегъ, но во всякомъ случаѣ обязывающихся дисконтировать преимущественно въ немъ и принимать его ноты къ уплатѣ. Такимъ образомъ, народный банкъ долженъ былъ работать къ выгодѣ своихъ собственныхъ кліентовъ, не взирая процентовъ за займы, ни прови-

¹⁾ Proudhon, De la justice I, стр. 515.

²⁾ Proudhon, Confessions, стр. 69.

³⁾ Proudhon, Confessions, стр. 72.

⁴⁾ Proudhon, Confessions, стр. 69.

⁵⁾ Proudhon, Confessions, стр. 69.

зіонныхъ при учетныхъ операціяхъ. Банкъ долженъ былъ взимать только небольшую сумму для покрытія расходовъ и для жалованья служащимъ. Такимъ образомъ, кредитъ былъ безвозмезднымъ; разъ этотъ принципъ началъ бы осуществляться, то изъ него могли получиться результаты, которыхъ въ настоящее время трудно себѣ представить»¹⁾.

«Народный банкъ далъ, такимъ образомъ, примѣръ самостоятельнаго дѣйствія народа; онъ являлъ собою правительство и хозяйство синтетически-объединенными въ рукахъ народа и былъ для пролетаріата одновременно путеводною нитью и орудіемъ къ освобожденію; онъ создалъ политическую и хозяйственную свободу. И такъ какъ всякая философія, какъ и всякая религія, является метафизическимъ или символическимъ выраженіемъ народнаго хозяйства, то народный банкъ, измѣняя матеріальныя основанія общества, клалъ основаніе философской и религіозной революціи: такъ, по крайней мѣрѣ, думали его основатели»²⁾.

Лучше всего это можно выяснитъ, приведя нѣкоторыя статьи общественнаго договора народнаго банка.

«Статья 1. Основывается торговое общество подъ именемъ общества народнаго банка. Членами суть присутствующій гражданинъ Прудонъ и тѣ лица, которыя путемъ приобрѣтенія акцій согласятся принять эти статуты.

«Статья 3... Общество представляетъ собою командитное товарищество (=товарищество на вѣрѣ); лично отвѣтственнымъ членомъ общества является гражданинъ Прудонъ. Всѣ остальные участники являются пайщиками и отвѣтственны лишь въ размѣрѣ стоимости ихъ акцій.

¹⁾ Proudhon Confessions, стр. 69—70.

²⁾ Proudhon, Confessions, стр. 70.

«Статья 5.... Фирма называется: Пьеръ Жозефъ Прудонъ и К°.

«Статья 6. Помимо членовъ торговаго общества, каждый гражданинъ можетъ присоединиться къ народному банку въ качествѣ сотрудника. Для этого онъ долженъ согласиться съ его статутами и принимать его банкноты.

«Статья 7. Такъ какъ народный банкъ способенъ къ неограниченному расширенію, то продолжительность его не ограничена. Принимая, однако, во вниманіе требованія закона, народный банкъ опредѣляетъ свою продолжительность на девяносто девять лѣтъ со дня окончательнаго устройства его.

«Статья 9.... Основнымъ принципомъ народнаго банка является обязательная безвозмездность кредита и обмѣна, назначеніемъ его является не производство, а обращеніе цѣнностей, средствомъ его служитъ соглашеніе между производителями и потребителями.

Народный банкъ можетъ и долженъ поѣтому работать безъ капитала.

«Эта цѣль будетъ достигнута, разъ вся сумма произведений и потребителей приметъ статуты общества.

«Предварительно же, принимая во вниманіе необходимое подчиненіе торгово-промышленнымъ обычаямъ и предписаніямъ закона, а также и въ цѣляхъ болѣе легкаго привлеченія сотрудниковъ, общество народнаго банка должно образовать основной капиталъ.

«Статья 10... Капиталъ народнаго банка исчисляется въ размѣрѣ пяти милліоновъ франковъ и раздѣленъ на милліонъ акцій, по пяти франковъ каждая.

... «Общество считается окончательно основаннымъ и начинаетъ свои операціи тогда, когда будутъ подписаны десять тысячъ акцій.

«Статья 12. Выпускъ акцій производится *al pari*. Акціи не приносятъ никакихъ процентовъ.

«Статья 15. Главнѣйшія операціи народнаго банка суть: 1. Увеличеніе кассовой наличности путемъ выпуска банкнотъ; 2. Учетъ торговыхъ бумагъ, снабженныхъ двумя подписями; 3. Учетъ комиссій и фактуръ; 4. Выдача ссудъ подъ залогъ движимостей; 5. Кредитъ подъ поручительство; 6. Выдача ссудъ подъ залогъ недвижимостей; 7. Платежи и обезпеченіе.

«Сюда прибавляется еще: 8. Сберегательныя и пенсіонныя кассы; 9. Страхованіе; 10. Храненіе и вклады; 11. Составленіе балансовъ.

«Статья 18. Обычныя банкноты выдаются на предъявителя и оплачиваются деньгами. Ноты же народнаго банка являются постоянными векселями на банкъ; каждый членъ общества и сотрудникъ долженъ оплачивать по нимъ по предъявленію или произведенными имъ товарами, или же личнымъ трудомъ.

«Статья 21. Каждый сотрудникъ обязывается приобрѣтать необходимые ему товары, поскольку общество въ состояніи ихъ доставлять, преимущественно у сотрудниковъ общества, а свои заказы отдавать исключительно другимъ членамъ общества и сотрудникамъ.

«Каждый участвующій въ обществѣ производитель или торговецъ обязывается, съ своей стороны, доставлять другимъ сотрудникамъ предметы своего промысла или торговли по пониженной цѣнѣ.

«Статья 62. Главное отдѣленіе народнаго банка находится въ Парижѣ.

«Народный банкъ стремится къ тому, чтобы постепенно создать филиальныя отдѣленія въ каждой префектурѣ и представительства въ каждой общинѣ.

«Статья 63. Какъ только обстоятельства позволятъ, общество обращается въ акціонерное, такъ какъ эта форма дѣлаетъ возможнымъ осуществить въ духѣ его основателей триединый принципъ; во-первыхъ, избраніе служебнаго персонала, во-вторыхъ, раздѣленіе и незави-

симость должностей и въ-третьихъ, личную отвѣтственность каждаго служащаго» ¹⁾).

II. Разъ люди убѣдятся, что справедливость требуетъ преобразованія, то «деспотизмъ падаетъ самъ собой, благодаря своей ненужности» ²⁾). Государство и собственность исчезаетъ, право преобразовывается и наступаетъ новое состояніе.

«Революція не дѣйствуетъ по старымъ аристократическимъ или династическимъ принципамъ. Революція есть право, игра силъ, равенство. Она не завоевываетъ земель, не порабощаетъ народовъ, не защищаетъ границъ, не строитъ крѣпостей, не содержитъ войска, не срываетъ лавръ, не участвуетъ въ европейскомъ концертѣ. Мощь ея экономическихъ институтовъ, безвозмездность ея кредита, величіе ея мысли достаточны ей для того, чтобы завоевать міръ» ³⁾). «Союзниками революціи являются всѣ угнетенные и эксплуатируемые, достаточно ей появиться и міръ открываетъ ей свои объятія» ⁴⁾).

«Я желаю мирной революціи. Для осуществленія моихъ требованій воспользуйтесь именно тѣми институтами, отъѣны которыхъ я требую, и тѣми правовыми началами, дополнить которыя является вашей задачей. Пусть новое общество явится свободнымъ, неизбѣжнымъ, естественнымъ развитіемъ стараго и пусть революція означаетъ не только отъѣну нынѣшняго строя, но одновременно и его усовершенствованіе» ⁵⁾). «Когда народъ познаетъ то, что въ немъ есть лучшаго, и рѣшить произвести не реформу правительства, а революцію

¹⁾ Proudhon, Banque du peuple, стр. 5—20.

²⁾ Proudhon, Confessions, стр. 72.

³⁾ Proudhon, De la justice 1, стр. 519.

⁴⁾ Proudhon, De la justice 1, стр. 510.

⁵⁾ Proudhon, Idée générale, стр. 196—197.

всего общества» ¹⁾); тогда «раствореніе правительства въ хозяйственномъ организмѣ» ²⁾ совершится въ такой формѣ, о которой въ настоящее время можно лишь строить догадки ³⁾).

¹⁾ Proudhon, Idée générale, стр. 197.

²⁾ Proudhon, Idée générale, стр. 277.

³⁾ Proudhon, Idée générale, стр. 195, 197.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Ученіе Штирнера.

1. Общія замѣчанія.

1. Іоаннъ Каспаръ Шмидтъ родился въ 1806 году въ Байретѣ, въ Баваріи. Съ 1826 года по 1828 годъ въ Берлинѣ, а съ 1828 по 1829 годъ въ Эрлангенѣ онъ изучалъ филологію и теологію. Въ 1829 году онъ прервалъ свои занятія, послѣ чего долгое время путешествовалъ по Германіи, а затѣмъ до 1832 года проживалъ попеременно, то въ Кенигсбергѣ, то въ Кюльмѣ. Съ 1832 года до 1834 года онъ вновь посвятилъ себя научнымъ занятіямъ въ Берлинѣ и въ 1835 году сдалъ экзаменъ на званіе учителя гимназіи. Казенной должности онъ, однако, не получилъ и въ 1839 году поступилъ учителемъ въ одну частную женскую школу въ Берлинѣ. Въ 1844 году онъ бросилъ это мѣсто, оставшись, однако, жить въ Берлинѣ, гдѣ и умеръ въ 1856 году.

Частью подъ именемъ Макса Штирнера, частью же анонимно, Шмидтъ опубликовалъ нѣсколько сочиненій, главнымъ образомъ философскаго содержанія.

2. Ученіе Штирнера о правѣ, государствѣ и собственности содержится, главнымъ образомъ, въ его

книгѣ: *Der Einzige und sein Eigenthum* (Человѣкъ и его собственность), вышедшей въ 1845 году.

Но тутъ возникаетъ вопросъ: можетъ ли быть вообще рѣчь объ ученіи Штирнера?

Штирнеръ не признаетъ должнаго (Sollen). «Люди суть то, чѣмъ они должны быть, чѣмъ они могутъ быть. Чѣмъ они должны быть? Конечно, ничѣмъ инымъ, какъ тѣмъ, чѣмъ они быть могутъ! А чѣмъ они могутъ быть? Опять-таки, только тѣмъ, чѣмъ они — могутъ, чѣмъ они въ состояніи, чѣмъ они въ силахъ быть» ¹⁾. Человѣкъ ни къ чему не «призванъ», у него нѣтъ никакихъ «задачъ», никакого «предназначенія», какъ не имѣеть ихъ растеніе или животное. Призванія у него нѣтъ, но у него есть силы, которыя проявляются тамъ, гдѣ они находятся, ибо бытіе ихъ и заключается въ проявленіи, онѣ не могутъ остановиться въ бездѣйствіи, какъ не можетъ остановиться и жизнь, которая перестала бы быть жизнью, если бы хоть на одну минуту «остановилась въ покоѣ». Но тогда можно, пожалуй, сказать человѣку: пользуйся своею силою. Однако, этотъ императивъ получилъ бы тотъ смыслъ, что-де задача человѣка заключается въ томъ, чтобы пользоваться своею силою. Въ дѣйствительности же это не такъ. Въ дѣйствительности каждый человѣкъ пользуется своею силою, не видя, однако, въ этомъ своего призванія; въ каждую данную минуту человѣкъ тратитъ столько силы, сколько у него ея имѣется» ²⁾.

Штирнеръ вообще не признаетъ никакой истины. «Истины это фразы, *façon de parler*, слова (λόγος); приведенныя въ извѣстный порядокъ или связь, онѣ образуютъ логику, науку, философію» ³⁾. «Не существуетъ

¹⁾ Stirner, *Der Einzige*, стр. 439.

²⁾ Stirner, *Der Einzige*, стр. 435—436.

³⁾ Stirner, *Der Einzige*, стр. 465.

истины, права, свободы, человечности и т. д., которые существовали бы до меня и которым бы я подчинился»¹⁾. «Если существуетъ хоть одна истина, которой человекъ долженъ былъ бы посвятить свою жизнь на томъ основаніи, что онъ человекъ, тогда онъ находится въ подчиненіи у извѣстной формулы, закона и т. д., онъ—слуга»²⁾. «До тѣхъ поръ, пока Ты вѣришь въ истину, Ты не вѣришь въ Себя и являешься—слугой,—религиознымъ человекомъ. Только Ты есть истина; нѣтъ, Ты больше, чѣмъ истина, которая въ сравненіи съ тобой ничто»³⁾.

Если пожелать вывести отсюда самыя крайнія послѣдствія, то книга Штирнера оказалась бы не больше, какъ исповѣдью, сводомъ мыслей, не имѣющихъ общеобязательнаго значенія; Штирнеръ не сообщалъ бы намъ въ ней то, что онъ считаетъ за истину, или, что мы должны, по его мнѣнію, дѣлать, и доставилъ бы намъ только случай наблюдать за игрой его представленій—Штирнеръ не сдѣлалъ этого вывода⁴⁾, и не слѣдуетъ вводить себя въ заблужденіе способомъ изложенія его книги, гдѣ больше всего говорится о штирнеровскомъ я, и думать, что онъ этотъ выводъ сдѣлалъ. Того, кто «желаетъ быть только «человекъ», онъ называетъ «слѣпцомъ»⁵⁾.

Онъ возстаетъ противъ «ложной идеи, по которой Я не имѣетъ права на то, что Мнѣ нужно»⁶⁾. Онъ насмѣхается надъ вѣрою нашихъ прабабушекъ въ призраки⁷⁾. Онъ говоритъ: «наказаніе должно уступить

¹⁾ Stirner, Der Einzige, стр. 464.

²⁾ Stirner, Der Einzige, стр. 466.

³⁾ Stirner, Der Einzige, стр. 473.

⁴⁾ Такъ же, какъ и его послѣдователи, напр., Маскау, Stirner, Der Einzige стр. 164—165.

⁵⁾ Stirner, Der Einzige, стр. 322.

⁶⁾ Stirner, Der Einzige, стр. 343.

⁷⁾ Stirner, Der Einzige, стр. 45.

мѣсто удовлетворенію»¹⁾, человекъ «долженъ защищаться отъ человека»²⁾. И онъ утверждаетъ: «надъ вратами нашего времени не стоитъ аполоновское: «познай самого Себя», но: используй Себя!»³⁾. Такимъ образомъ, Штирнеръ желаетъ не только освѣдомить насъ относительно своего внутренняго настроенія, въ которомъ онъ находился во время работы надъ своей книгой, но хочетъ сказать намъ то, что онъ считаетъ истиной и что мы должны дѣлать; книга его не просто исповѣдь, но научная дисциплина.

3. Свое ученіе о правѣ, государствѣ и собственности Штирнеръ не называетъ анархизмомъ. Терминъ «анархическій» онъ примѣняетъ къ политическому либерализму, противъ котораго онъ боролся⁴⁾.

2. Основные идеи

Высшимъ закономъ для каждаго изъ насъ является, по мнѣнію Штирнера, личное благо.

Что такое личное благо? «Мы ищемъ радости жизни!»⁵⁾. «Отнынѣ вопросъ идетъ не о томъ, какъ завоевать жизнь, но о томъ, какъ ее истратить, какъ использовать ее, или иначе, не о томъ, какъ возстановить въ себѣ истинное Я, но о томъ, какъ изойти, какъ изжить себя»⁶⁾. «Для того, чтобы наслажденіе жизнью торжествовало надъ тоской по жизни или надеждой на жизнь, необходимо чтобы оно побѣдило ихъ въ ихъ двойственномъ значеніи, нарисованномъ намъ Шилле-

¹⁾ Stirner, Der Einzige, стр. 318.

²⁾ Stirner, Der Einzige, стр. 318.

³⁾ Stirner, Der Einzige, стр. 420.

⁴⁾ Stirner, Der Einzige, стр. 189—190.

⁵⁾ Stirner, Der Einzige, стр. 427.

⁶⁾ Stirner, Der Einzige, стр. 428.

ромъ въ «Идеалѣ и жизни». Необходимо раздавить, какъ духовную, такъ и мірскую бѣдность, необходимо уничтожить идеалъ, а также и — нужду въ насущномъ хлѣбѣ. Кто принужденъ провести свою жизнь въ прозябаніи, тотъ не въ состояніи насладиться ею и, кто ищетъ свою жизнь, тотъ не имѣетъ ея и не въ состояніи ею наслаждаться: и тотъ и другой — бѣдняки» ¹⁾).

Личное благо нашъ высшій законъ. Штирнеръ не признаетъ никакого долга ²⁾. «Какое Мнѣ дѣло до того, согласно ли съ христіанствомъ то, что Я мыслю и дѣлаю? Какое Мнѣ дѣло до того, является ли то, что Я думаю и дѣлаю, либеральнымъ, гуманнымъ или безчеловѣчнымъ, нелиберальнымъ, негуманнымъ?»

Если то, что Я мыслю и дѣлаю, представляетъ собою то, что Я желаю, если Я получаю отъ этого удовлетвореніе, тогда называйте это, какъ хотите: Мнѣ все равно» ³⁾. «Такимъ образомъ, Я отношусь къ міру слѣдующимъ образомъ: Я ничего не дѣлаю для него «ради Бога», Я ничего не дѣлаю «ради человѣка»; то, что Я дѣлаю, Я дѣлаю «ради Себя» ⁴⁾. «Тамъ, гдѣ міръ становится Мнѣ на пути — а онъ становится Мнѣ на пути повсюду — Я поглощаю его, чтобы утолить голодъ Моего эгоизма. Ты для Меня не что иное, какъ — моя пища, точно такъ же, какъ и Я для тебя. Наши отношенія другъ къ другу суть отношенія годности, полезности, пользы» ⁵⁾. «Я люблю также людей, не только нѣсколько отдѣльныхъ лицъ, но всѣхъ вообще; но Я люблю ихъ изъ эгоизма; Я люблю ихъ потому, что любовь дѣлаетъ Меня счастливымъ; Я люблю ихъ потому, что любить для Меня является естественнымъ, потому что это Мнѣ нравится. «Заповѣдь любви» Мнѣ не извѣстна» ⁶⁾).

¹⁾ Stirner, Der Einzige, стр. 429.

²⁾ Stirner, Der Einzige, стр. 25.

³⁾ Stirner, Der Einzige, стр. 478.

⁴⁾ Stirner, Der Einzige, стр. 426.

⁵⁾ Stirner, Der Einzige, стр. 395.

⁶⁾ Stirner, Der Einzige, стр. 387.

3. П р а в о .

I. Съ точки зрѣнія личнаго блага каждаго человѣка Штирнеръ отрицаетъ право. Онъ отрицаетъ его безъ всякаго ограниченія, независимо отъ времени и мѣста.

Право существуетъ не потому, что человѣкъ считаетъ его благопріятнымъ для личнаго блага, но потому, что онъ считаетъ его священнымъ. «Кто можетъ спрашивать о «правѣ», разъ онъ не стоитъ на религіозной точкѣ зрѣнія? Развѣ «право» не есть понятіе религіозное, т. е. нѣчто священное?» ¹⁾. «Когда революція объявила равенство правомъ, она перешла въ сферу религіи, въ область святаго, въ область идеала» ²⁾. «Я долженъ уважать султанское право въ султанатѣ, народное право въ республикѣ, каноническое право въ католической общинѣ и т. д. Я долженъ подчиниться этимъ правамъ, долженъ считать ихъ священными» ³⁾. «Законъ святъ и кто посягаетъ на него, тотъ преступникъ» ⁴⁾. «Преступники могутъ существовать лишь по отношенію къ священному» ⁵⁾, преступленіе падаетъ, разъ исчезаетъ святое ⁶⁾. «Наказаніе имѣетъ значеніе лишь по отношенію къ святому» ⁷⁾.

«Что дѣлаетъ священникъ, увѣщающій преступника? Онъ рисуетъ ему великій грѣхъ, совершенный имъ, онъ показываетъ ему, какъ онъ своимъ дѣяніемъ

¹⁾ Stirner, Der Einzige, стр. 247.

²⁾ Stirner, Der Einzige, стр. 248.

³⁾ Stirner, Der Einzige, стр. 246.

⁴⁾ Stirner, Der Einzige, стр. 314.

⁵⁾ Stirner, Der Einzige, стр. 268.

⁶⁾ Stirner, Der Einzige, стр. 317.

⁷⁾ Stirner, Der Einzige, стр. 317, 316.

осквернилъ то, что государствомъ освящено—государственную собственность, къ которой должна быть причислена также жизнь его гражданъ»¹⁾.

Но право ничуть не священо и ничуть не содѣлываетъ благу личности. «Право это—подпорка, пожалованная намъ призракомъ»²⁾. Люди «не могутъ справиться съ идеей «права», которую они сами создали: они погибаютъ вмѣстѣ со своимъ созданиемъ»³⁾. «Пусть индивидуумъ имѣетъ сколько угодно правъ; какое мнѣ дѣло до того, что онъ ихъ имѣетъ?»⁴⁾. Я не признаю этихъ правъ.—«Ты имѣешь право быть тѣмъ, чѣмъ позволяешь Тебѣ быть Твоя сила. Всякое право Я вывожу изъ Себя; Я имѣю право на все, чѣмъ Я могу овладѣть. Я имѣю право низвергнуть Зевса, Иегову, Бога, если—Я это могу; если Я этого не могу, то эти боги всегда будутъ въ правѣ и въ силѣ»⁵⁾.

«Право превращается въ Ничто, когда его поглощаетъ сила»⁶⁾. «Но вмѣстѣ съ этимъ теряетъ всякій смыслъ и само слово»⁷⁾. «Народъ будетъ, пожалуй, противъ богохульщика; отсюда и законъ противъ богохульства. Долженъ ли я поэтому не богохульствовать? Что жъ, этотъ законъ долженъ быть для меня больше, чѣмъ приказаніе?»⁸⁾.

«У кого сила, тотъ стоитъ выше закона.»⁹⁾

«Міръ принадлежитъ тому, кто умѣетъ его взять, или тому, кто не позволяетъ отнять у себя. Присвоивъ его себѣ, онъ получаетъ не только міръ, но и право на

него. Это эгоистическое право, т. е. Мнѣ это нравится, поэтому это мое право»¹⁾ 2).

II. Личное благо требуетъ, чтобы впредь право уступило ему свое мѣсто и чтобы оно само стало для каждаго человѣка закономъ.

Каждый изъ насъ является единственнымъ,³⁾ «всѣмъ міромъ исторіей въ себѣ»⁴⁾ и, «сознавая себѣ единственнымъ»⁵⁾, онъ является «собой»⁶⁾.

«Богъ и человѣчество построили свое дѣло не на чемъ иномъ, какъ на самихъ себѣ. Какъ и Богъ, Я—Ничто, Я—Все, Я—Единственный, Я построю свое дѣло также на самомъ себѣ»⁷⁾. «Долой все то, что не является всецѣло Моимъ дѣломъ! Вы полагаете, что мое дѣло должно быть по меньшей мѣрѣ «добрымъ дѣломъ»? Что добро и что зло? Ни то, ни другое не имѣетъ для меня смысла. Божественное есть дѣло Бога, человѣческое—дѣло «человѣка», Мое дѣло ни Божественное и ни Человѣческое, оно ни Истинное, ни Доброе, ни Свободное и т. д., а только Мое. Оно не общее дѣло, а является—единственнымъ, какъ и Я. Мнѣ нѣтъ дѣла ни до чего, кромѣ Себя»⁸⁾.

«Какая разница между свободой и собственностью? Я свободенъ отъ того, отъ чего я избавился. Я собственникъ того, чѣмъ владѣю, что Я имѣю въ своихъ рукахъ»⁹⁾. Моя свобода, станетъ совершенной лишь тогда, когда она будетъ моею—силой; но благодаря послѣдней Я перестану быть только свободнымъ и дѣлаюсь «собой»¹⁰⁾.

1) Непереводимая игра словъ: mir ist es recht darum ist es Recht. П е р е в.

2) Stirner, Der Einzige, стр. 251.

3) Stirner, Der Einzige, стр. 8.

4) Stirner, Der Einzige, стр. 490.

5) Stirner, Der Einzige, стр. 491.

6) Stirner, Der Einzige, стр. 491.

7) Stirner, Der Einzige, стр. 7.

8) Stirner, Der Einzige, стр. 8.

9) Stirner, Der Einzige, стр. 207.

10) Stirner, Der Einzige, стр. 219.

1) Stirner, Der Einzige, стр. 255—256.

2) Stirner, Der Einzige, стр. 276.

3) Stirner, Der Einzige, стр. 270.

4) Stirner, Der Einzige, стр. 326—227.

5) Stirner, Der Einzige, стр. 248—249.

6) Stirner, Der Einzige, стр. 275.

7) Stirner, Der Einzige, стр. 275.

8) Stirner, Der Einzige, стр. 259, 256.

9) Stirner, Der Einzige, стр. 220.

«Каждый долженъ сказать себѣ: Я для Себя все, Я дѣлаю все ради Себя. Если бы Вамъ когда-либо стало ясно, что Богъ, заповѣди и т. д. лишь вредятъ Вамъ, что они Васъ умалютъ и губятъ, тогда, конечно, Вы оттолкнули бы ихъ отъ Себя точно такъ же, какъ христіане оттолкнули отъ себя Апполона или Минерву, и предали проклятію языческую мораль» ¹⁾. Христіане въ «Богѣ» представили, какъ нѣкто дѣйствуетъ, слѣдуя лишь своему желенію, ни о чемъ далѣе не спрашивая. Онъ дѣйствуетъ такъ, «какъ ему нравится» ²⁾.

«Сила есть прекрасная вещь и полезна для многихъ вещей; «съ горточкой силы можно сдѣлать гораздо больше, чѣмъ съ мѣшкомъ правъ». Вы жаждете свободы? Глушцы! Приобрѣтайте силу и свобода придетъ сама собою. Смотрите, кто имѣетъ силу, тотъ «стоитъ выше закона». Какъ Вамъ нравится эта перспектива, господа «законники»? Но Вы лишены всякаго вкуса!» ³⁾.

4. Государство.

I. Вмѣстѣ съ правомъ Штирнеръ неизбѣжно долженъ отрицать также и правовые институты, называемые государствомъ. Государство безъ права не мыслимо. «Уваженіе передъ закономъ!» Государственное цѣлое держится благодаря этой замазкѣ» ⁴⁾.

Государство существуетъ не потому, что человѣкъ считаетъ его полезнымъ для личнаго блага, но потому, что считаетъ его священнымъ, потому, что «Мы находимся въ заблужденіи, что государство представляеть

собою какое-то Я, въ качествѣ котораго оно называется «моральной, мистической или государственной личностью». Я, дѣйствительно являющийся Я, Я долженъ сорвать маску съ этого чванливаго животнаго» ¹⁾.

Относительно государства можно сказать то же самое, что относительно семьи. «Для того, чтобы семья признавалась и поддерживалась каждымъ ея членомъ, необходимо, чтобы узы крови были для каждаго члена семьи священны, а питаемая къ этимъ узамъ чувства — выраженіемъ почтенія и любви къ узамъ крови. Благодаря этому, всякій родственникъ явится для него священнымъ. Точно также каждому члену государственной общины эта община должна являться священной, а высшее для государства понятие должно быть также высшимъ и для него» ²⁾. Государство «не только имѣетъ право, но и принуждено этого требовать» ³⁾.

Но государство не священно. «Сущность государства составляетъ насиліе, и насиліе свое оно называетъ «правомъ», а насиліе со стороны отдѣльной личности «преступленіемъ» ⁴⁾. Если я не дѣлаю того, что оно требуетъ «то государство набрасывается на Меня со всею силою своихъ львиныхъ лапъ и орлиныхъ когтей, ибо оно царь звѣрей, оно левъ и орелъ» ⁵⁾. «Если Вы и импонируете противнику своею силой, то Вы все же для него не являетесь священнымъ авторитетомъ, развѣ только въ томъ случаѣ, если этотъ противникъ воръ. Онъ не обязанъ Васъ почитать и уважать, хотя и долженъ быть на сторожѣ передъ Вашей силой» ⁶⁾.

Государство не благопріятствуетъ также личному благу. «Я смертельный врагъ государства» ⁷⁾. «Общее благо,

¹⁾ Stirner, Der Einzige, стр. 214.

²⁾ Stirner, Der Einzige, стр. 212.

³⁾ Stirner, Der Einzige, стр. 220.

⁴⁾ Stirner, Der Einzige, стр. 314.

¹⁾ Stirner, Der Einzige, стр. 295.

²⁾ Stirner, Der Einzige, стр. 231, 232.

³⁾ Stirner, Der Einzige, стр. 231.

⁴⁾ Stirner, Der Einzige, стр. 259.

⁵⁾ Stirner, Der Einzige, стр. 337.

⁶⁾ Stirner, Der Einzige, стр. 258.

⁷⁾ Stirner, Der Einzige, стр. 339.

какъ таковое, не есть мое благо; оно есть крайній предѣлъ самоотрицанія. Общее благо можетъ кричать отъ восторга въ то время, какъ Я принужденъ «помалкивать»; государство можетъ быть полно блеска въ то время, какъ Я погибаю отъ нужды» ¹⁾. «Всякое государство есть деспотія, все равно будетъ ли деспотомъ одно или нѣсколько лицъ, или же, какъ это представляютъ себѣ относительно республики, все будутъ господами, т. е. все будутъ деспотизировать другъ друга» ²⁾. Государство дозволяетъ личности полную свободу забавы, лишь бы она не занималась серьезными вопросами, не забывала о его существованіи. Государство имѣетъ всегда только одну цѣль: ограничивать, укрощать, подчинять личность и дѣлать ее слугою общества; государство существуетъ лишь до тѣхъ поръ, пока личность является не всею, а только ясно выраженной ограниченностью, Моей ограниченностью, Моимъ рабствомъ» ³⁾.

«Государство никогда не стремится къ тому, чтобы создать свободную самодѣятельность личности, но постоянно заботится о томъ, чтобы эта дѣятельность была связана съ цѣлями государства» ⁴⁾. Взякую свободную дѣятельность государство пытается стѣснить посредствомъ своей цензуры, надзора, полиціи, считая это стѣсненіе своимъ долгомъ, ибо это дѣйствительно долгъ самосохраненія» ⁵⁾. «Я не смѣю дѣлать всего, что Я въ состояніи сдѣлать, но лишь столько, сколько государство разрѣшаетъ; Я не смѣю использовать своей мысли, свой трудъ, вообще ничто свое» ⁶⁾.

«Пауперизмъ означаетъ, что Я ничего не стоящая величина, онъ означаетъ, что Я не могу Себя сдѣлать

¹⁾ Stirner, Der Einzige, стр. 280.

²⁾ Stirner, Der Einzige, стр. 257.

³⁾ Stirner, Der Einzige, стр. 298.

⁴⁾ Stirner, Der Einzige, стр. 298.

⁵⁾ Stirner, Der Einzige, стр. 299.

⁶⁾ Stirner, Der Einzige, стр. 298.

полезнымъ. Поэтому государство и пауперизмъ есть одно и то же. Государство не даетъ Мнѣ возможности обнаружить Мою настоящую цѣнность и существуетъ только благодаря Моей негодности: государство всегда стремится къ тому, чтобы извлечь изъ Меня пользу, т. е. чтобы эксплуатировать Меня, использовать Меня, хотя бы это использованіе заключалось лишь въ томъ, чтобы я заботился о потомствѣ; оно желаетъ, чтобы Я былъ «его созданиемъ» ¹⁾.

«Государство не можетъ допустить, чтобы человѣкъ вступалъ въ непосредственное сношеніе съ другимъ человѣкомъ; оно должно стать посредникомъ между ними, оно должно — вмѣшаться; оно отрываетъ человѣка отъ человѣка, чтобы, какъ «духъ», стать между ними. Рабочіе, требующіе повышенія платы считаются преступниками, разъ только они желаютъ добиться его силой. Что же имъ дѣлать? Безъ принужденія они его не достигнутъ, а въ принужденіи государство усматриваетъ самопомощь, самооцѣнку, дѣйствительное свободное использование своей собственности, котораго оно допустить не можетъ» ²⁾.

II. Личное благо каждого человѣка требуетъ, чтобы общественное сожителство людей покоилось не на предписаніяхъ государства, а на предписаніяхъ личнаго блага.

Такой родъ общественнаго сожителства Штирнеръ называетъ «союзомъ эгоистовъ» ³⁾.

I. Съ отрицаніемъ государства общественная жизнь людей не должна прекратиться. «Личность будетъ бороться за самостоятельное желанное единство, за союзъ» ⁴⁾. Но что должно удерживать людей въ союзѣ?

¹⁾ Stirner, Der Einzige, стр. 336.

²⁾ Stirner, Der Einzige, стр. 337—338.

³⁾ Stirner, Der Einzige, стр. 235; Wigands Vierteljahrsschrift, 3 стр. 192.

⁴⁾ Stirner, Der Einzige, стр. 304.

Во всякомъ случаѣ не обѣщаніе. «Если бы я сегодня и впредь былъ связанъ своей вчерашней волей», то Моя воля находилась бы въ состояніи оконченія. Мое созданіе, т. е. опредѣленное выраженіе воли, стало бы моимъ повелителемъ. Изъ-за того, что я вчера былъ дуракомъ, Я долженъ былъ бы остаться имъ навсегда¹⁾.

«Союзъ — мое собственное созданіе, онъ не святъ, онъ не духовная власть надъ моимъ духомъ, какъ не свято и всякое сообщество какого бы ни было рода. Поскольку Я не желаю быть рабомъ своихъ принциповъ, и безъ всякаго страха постоянно подвергаю ихъ своей критикѣ, не ручаясь за ихъ дальнѣйшее существованіе, постольку же и даже въ еще меньшей степени Я не даю обязательства предъ союзомъ относительно моего будущаго поведенія. Я не продаю Своей души, какъ это говорится, относительно дьявола и какъ это въ дѣйствительности обстоитъ относительно государства и всякаго духовнаго авторитета. Я емъ и остаюсь для Себя чѣмъ-то большимъ, нежели государство, церковь, Богъ и т. п., слѣдовательно, чѣмъ то большимъ, нежели союзъ»²⁾.

Удерживать людей въ союзѣ должна выгода, получаемая личностью отъ союза въ каждый данный моментъ. Когда Мнѣ «снуженъ мой сочеловѣкъ, Я вхожу съ нимъ въ соглашеніе для того, чтобы въ союзѣ съ нимъ увеличить свою мощь и чтобы соединенными силами совершить больше, нежели это можетъ сдѣлать отдѣльная личность. Въ этой общности Я вижу не что иное, какъ помноженіе своей силы, и я сохраняю ее до тѣхъ поръ, пока она является моей увеличенной силой»³⁾.

Поэтому союзъ представляетъ собою нѣчто совер-

шенно другое, нежели «то общество, которое хочетъ основать коммунизмъ»¹⁾. Въ союзъ Ты приносишь всю свою силу, Свое достоиніе и остаешься самостоятельнымъ, въ обществѣ же тебя потребляютъ со своей твоей рабочей силой; въ союзѣ Ты живешь эгоистически, въ обществѣ же по человѣчески, т. е. религиозно, какъ «членъ отъ тѣла своего господина»: обществу ты долженъ то, что у тебя есть, ты ему обязанъ, Ты — одержимъ «соціальными обязательствами», союзъ же Ты употребляешь въ свою пользу и въроломно оставляешь, когда больше не можешь извлечь изъ него пользы. Если общество есть нѣчто большее, нежели Ты, то оно для Тебя выше, нежели Ты; союзъ же является только твоимъ орудіемъ или же мечомъ, посредствомъ котораго Ты обостряешь и увеличиваешь свою природную силу; союзъ существуетъ для тебя и благодаря тебѣ; общество же наоборотъ существуетъ и безъ тебя и предъявляетъ къ Тебѣ извѣстныя требованія; однимъ словомъ, общество священно, союзъ же является твоею собственностью: общество пользуется Тобою, союзомъ же пользуешься Ты»²⁾.

2. Въ какомъ видѣ можетъ быть построено такое общественное сожительство? Возражая своему рецензенту Мозесу Гессу (Moses Hess), Штирнеръ указываетъ на примѣръ уже въ настоящее время существующихъ союзовъ.

«Быть можетъ, въ этотъ моментъ передъ его окномъ сбѣгаютъ дѣти, чтобы совмѣстно играть; пусть посмотритъ на нихъ и онъ увидитъ веселые эгоистическіе союзы. Быть можетъ, у Гесса есть другъ, любимая женщина; тогда онъ можетъ узнать, какъ сердце сердцу

¹⁾ Stirner, Der Einzige, стр. 558.

²⁾ Stirner, Der Einzige, стр. 411.

³⁾ Stirner, Der Einzige, стр. 416.

¹⁾ Stirner, Der Einzige, стр. 411.

²⁾ Stirner, Der Einzige, стр. 417—418.

вѣсть подасть, какъ оба эгоистически соединяются для того, чтобы наслаждаться другъ другомъ, и какъ при этомъ никто не является «обиженнымъ». Быть можетъ, на улицѣ ему встрѣтится пара добрыхъ знакомыхъ, которые пригласятъ его отправиться вмѣстѣ въ погребокъ; развѣ онъ идетъ съ ними вмѣстѣ для того, чтобы оказать имъ любовь? Не «соединяется» ли онъ съ ними потому, что надѣется испытать наслажденіе? Должны ли они благодарить его за «жертву» или же имъ понятно, что они вмѣстѣ образовали на часокъ «эгоистическій союзъ»? ¹⁾ «Штирнеръ думаетъ даже о «нѣмецкомъ союзѣ» ²⁾.

5. Собственность.

I. Вмѣстѣ съ правомъ Штирнеръ неизбежно долженъ столь же безусловно отрицать и правовой институтъ собственности. Собственность «живетъ по милости права. Гарантія ея заключается только въ правѣ; собственность не фактъ, а фикція, идея. Это—правовая собственность, гарантированная собственность. Эта вещь—моя, не благодаря Мнѣ, а благодаря праву» ³⁾.

Собственность въ этомъ смыслѣ также погонится не на томъ, что личность признаетъ ее благоприятной для своего блага, но на томъ, что она является для личности священной. «Собственность въ гражданскомъ смыслѣ означаетъ священную собственность, она означаетъ, что я долженъ уважать твою собственность. «Уваженіе передъ собственностью!» Вотъ почему политики стремятся къ тому, чтобы каждый обладалъ кусочкомъ собствен-

ности, создавъ отчасти этимъ своимъ стремленіемъ невѣроятное дробленіе. Каждый долженъ обладать своею костью, чтобы грызть ее» ¹⁾.

Но собственность не священна. «Я не отступаю въ страхъ передъ твоей и вашей собственностью, но постоянно гляжу на нее, какъ на свою, которую мнѣ не зачѣмъ «уважать». Поступайте же такъ и съ тѣмъ, что Вы называете моею собственностью!» ²⁾.

Собственность не благоприятствуетъ также благу личности. «Собственность, какъ ее понимаютъ буржуазные либералы, несостоятельна, ибо буржуазный собственникъ въ дѣйствительности лишень собственности; онъ отовсюду исключенъ. Ему могъ бы принадлежать весь міръ, а на самомъ дѣлѣ онъ не владѣеть даже той несчастной точкой, на которой онъ кружится» ³⁾.

II. Личное благо каждаго человѣка требуетъ, чтобы распредѣленіе благъ совершалось не на основаніи института собственности, а на основаніи интересовъ личного блага. Когда Штирнеръ называетъ собственностью часть благъ, предоставленныхъ личности на основаніи предписаній личного блага, то онъ употребляетъ здѣсь это слово не въ его собственномъ значеніи; въ его собственномъ значеніи собственность можетъ означать только ту часть благъ, которая предоставлена личности на основаніи права ⁴⁾. Согласно предписанію собственного блага, человѣкъ долженъ имѣть все то, что онъ въ состояніи добыть.

1. «То, что находится въ моей власти, остается моею собственностью; хорошо, такъ пусть же сила рѣ-

¹⁾ Stirner, Der Einzige, стр. 327—328.

²⁾ Stirner, Der Einzige, стр. 326—328.

³⁾ Stirner, Der Einzige, стр. 328—329.

⁴⁾ Этого не понимаетъ Zenker, утверждая на стр. 80, что Штирнеръ требуетъ собственности на основаніи захватнаго права.

¹⁾ Stirner, Wiganhs Vierteljahrsschrift, стр. 193—194.

²⁾ Stirner, Der Einzige, стр. 305.

³⁾ Stirner, Der Einzige, стр. 332.

шасть относительно собственности, и я буду ждать всего отъ Своей силы. Чужая сила, сила, которую я оставляю другому, превращаетъ меня въ крѣпостного; пусть же собственная сила сдѣлаетъ меня собственникомъ»¹⁾. На какую собственность Я имѣю право? На всякую, на которую Я себя даю разрѣшеніе. Право собственности Я даю себѣ, беря собственность или давая себѣ власть собственника, полномочіе»²⁾. Моимъ достоиніемъ является то, что я въ силахъ имѣть»³⁾. «Больные дѣти и старики еще въ состояніи что-нибудь сдѣлать, напримѣръ, сохранить себѣ жизнь вмѣсто того, чтобы лишиться себя жизни. Если они въ состояніи вызвать у Васъ желаніе того, чтобы они существовали, тогда они имѣютъ надъ вами власть»⁴⁾. «Какимъ достоиніемъ обладаетъ дитя въ своей улыбкѣ, въ своей игрѣ, въ своемъ крикѣ, однимъ словомъ, въ своемъ бытіи! Въ состояніи ли Ты противостоять его желанію или же, наоборотъ, какъ мать, дашь ему грудь и, какъ отецъ, все, чего оно ни пожелаетъ? Оно принуждаетъ Васъ и поэтому владѣть тѣмъ, что Вы называете своимъ»⁵⁾.

«Такимъ образомъ, собственность не должна и не можетъ быть отмѣнена, но должна быть вырвана изъ рукъ призрака и стать моею собственностью; тогда исчезнетъ ложная идея, по которой я не имѣю права на то, что мнѣ нужно.—«Но въ чемъ только ни нуждается человѣкъ!» Кому много нужно и кто умѣлъ добывать все, тотъ всегда и добывалъ, какъ, напримѣръ, Наполеонъ—Континентъ и французы—Алжиръ. Дѣло идетъ поэтому только о томъ, чтобы смиренная «чернь» на-

1) Stirner, Der Einzige, стр. 340.

2) Stirner, Der Einzige, стр. 339.

3) Stirner, Der Einzige, стр. 351.

4) Stirner, Der Einzige, стр. 351.

5) Stirner, Der Einzige, стр. 351—352.

училась, наконецъ, доставить себѣ то, въ чемъ она нуждается. Защищайтесь, если она далеко зайдетъ»¹⁾. «То, въ чемъ человѣкъ нуждается, не можетъ служить мѣриломъ для Меня и для Моихъ потребностей, ибо Я могу нуждаться и въ большемъ и въ меньшемъ. Я долженъ имѣть столько, сколько Я въ состояніи Себѣ присвоить»²⁾.

2. «И въ этомъ отношеніи союзы увеличатъ средства отдѣльной личности и обезпечатъ опариваемую собственность»³⁾. «Если Мы не желаемъ оставлять землевладѣльцамъ землю, но хотимъ присвоить ее Себѣ, Мы соединяемся для этого, образуемъ союзъ, une société, который становится собственникомъ; если Намъ посчастливится, тогда прежніе землевладѣльцы перестаютъ быть ими. И такъ же, какъ съ земли, Мы можемъ выгнать ихъ и изъ другихъ областей собственности, сдѣлавъ послѣднюю нашей собственностью, собственностью завоевателей. Завоеватели образуютъ общество, которое можно мыслить столь огромнымъ, что оно постепенно охватитъ все человѣчество; но и такъ называемое человѣчество есть не больше, какъ идея (призракъ); его дѣйствительное основаніе составляютъ личности. А эти личности въ своей суммѣ будутъ поступать съ землей не менѣе произвольно, нежели отдѣльныя личности»⁴⁾.

«Предметъ, въ которомъ всѣ пожелаютъ имѣть извѣстную долю, будетъ отнять у той личности, которая пожелаетъ имѣть его для себя одной. Его сдѣлаютъ общимъ достоиніемъ. Какъ въ общемъ достоиніи, всякій будетъ имѣть въ немъ свою долю и эта доля будетъ его собственностью, такъ и при нашихъ старыхъ поряд-

1) Stirner, Der Einzige, стр. 343—344.

2) Stirner, Der Einzige, стр. 349.

3) Stirner, Der Einzige, стр. 342.

4) Stirner, Der Einzige, стр. 329—330.

кахъ домъ, принадлежащій пяти наслѣдникамъ, является ихъ общимъ достоинствомъ; но каждый изъ наслѣдниковъ является собственникомъ пятой доли дохода. Отнятая у насъ пока собственность будетъ приносить болѣе пользы, когда она будетъ находиться у насъ въ нашихъ рукахъ. Соединимся же вмѣстѣ для такого грабежа» ¹⁾.

6. Осуществленіе.

Требуемое личнымъ благомъ каждого челоѣка преобразование должно совершиться, по Штирнеру, слѣдующимъ образомъ: вначалѣ значительное число людей внутренне перерабатываетъ себя и начинаетъ признавать своимъ высшимъ закономъ личное благо; затѣмъ эти люди совершаютъ путемъ насилія также и внѣшній переворотъ, т. е. устраняютъ право, государство и собственность, и кладутъ начало новому порядку вещей.

1. Первымъ и важнѣйшимъ дѣломъ является внутрення переработка людей.

«Революція и возмущеніе не одно и то же. Первая отличается преобразованиемъ порядковъ, существующаго порядка или status'a, государства или общества, и является, такимъ образомъ, политическимъ или социальнымъ актомъ; второе же хотя и имѣетъ своимъ неизбѣжнымъ слѣдствіемъ преобразованиемъ порядковъ, но исходитъ не изъ него, а изъ недовольства людей собою. Оно является не возстаніемъ, а подъемомъ отдѣльной личности, безъ всякаго отношенія къ тѣмъ институтамъ, которые вслѣдствіе этого возникаютъ. Революція стре-

милась къ новымъ институтамъ, возмущеніе же ведетъ къ самоусовершенствованью и не полагаетъ большихъ надеждъ на «институты». Возмущеніе не есть борьба противъ существующаго, ибо, когда оно растетъ, существующее падаетъ само собою; оно есть только изытіе Себя изъ существующаго. Если я оставляю существующее, оно умретъ и начнетъ гнить. Но такъ какъ моя цѣль не разрушеніе существующаго, но возвышеніе надъ нимъ, то, слѣдовательно, мое намѣреніе и мой поступокъ не политическій или социальный, а эгоистическій, ибо касается лишь меня и моей личности» ¹⁾.

Почему основатель христіанства не былъ «революціонеромъ, демагогомъ, какимъ охотно представляютъ его евреи, почему онъ не былъ либераломъ? Потому, что не ожидалъ спасенія отъ перемѣны порядковъ, и потому, что оставался равнодушнымъ ко всѣмъ этимъ вопросамъ. Онъ не былъ революціонеромъ, какъ, напримѣръ, Цезарь, а мятежникомъ; не преобразователемъ государства, а челоѣкомъ, поднявшимся въ высъ. Онъ не велъ либеральной или политической борьбы противъ существующей власти и хотѣлъ лишь, чтобы эта власть не мѣшала ему идти своимъ путемъ» ²⁾.

«Все святое является узами, цѣпями. Все святое подвергается и должно подвергаться казуптическимъ толкованіямъ нашихъ правовѣдovъ; вотъ почему въ настоящее время такъ много казуптовъ во всѣхъ областяхъ. Они готовятъ правонарушенія, безправіе» ³⁾. «Считай себя болѣе могущественнымъ, нежели тебя считаютъ, и ты получишь больше силы; считай себя большимъ и ты будешь большимъ» ⁴⁾. «Бѣдныя лишь тогда становятся свободными и собственниками, когда

¹⁾ Stirner, Der Einzige, стр. 421—422.

²⁾ Stirner, Der Einzige, стр. 423.

³⁾ Stirner, Der Einzige, стр. 284.

⁴⁾ Stirner, Der Einzige, стр. 483.

¹⁾ Stirner, Der Einzige, стр. 330.

они возмущаются, поднимаются, разгибают свои спины»¹⁾. «Помочь черни можетъ только эгоизмъ и эту помощь она должна добыть себѣ сама и она—добудетъ ее. Если она не подчинится страху, она станетъ силой»²⁾.

II. Для «преобразования порядковъ»³⁾ и для того, чтобы поставить на мѣсто права, государства и собственности новый строй, необходимо насильственное возстаніе противъ современнаго строя.

1. «Государство можно побѣдить лишь дерзкимъ произволомъ»⁴⁾. «Преступленіе—это насиліе отдѣльной личности и только преступленіемъ она можетъ разбить силу государства, если полагаетъ, что не государство сильнѣе ея, но она сильнѣе государства»⁵⁾. «И въ этомъ случаѣ результатомъ является то, что борьба мыслящихъ противъ правительства несправедлива, т. е. бессильна, поскольку мыслящіе выставляютъ противъ личной силы одни только идеи (эгоистическая сила накладываетъ на уста мыслящаго печать молчанія). Теоретическая борьба не можетъ побѣдить и святая сила идеи побѣждается силой эгоизма. Только эгоистическая борьба, борьба эгоистовъ съ обихъ сторонъ, можетъ рѣшить вопросъ»⁶⁾.

«Вопросъ о собственности нельзя рѣшать такъ мирно, какъ это думаютъ социалисты или даже коммунисты. Онъ будетъ рѣшенъ только войной всѣхъ противъ всѣхъ»⁷⁾.

«Я долженъ вернуть себѣ силу, которую я уступилъ другимъ, не представляя себѣ ея величины! Я долженъ сказать Себѣ, что моей собственностью является все.

¹⁾ Stirner, Der Einzige, стр. 344.

²⁾ Stirner, Der Einzige, стр. 343.

³⁾ Stirner, Der Einzige, стр. 422.

⁴⁾ Stirner, Der Einzige, стр. 199.

⁵⁾ Stirner, Der Einzige, стр. 259.

⁶⁾ Stirner, Der Einzige, стр. 198—199.

⁷⁾ Stirner, Der Einzige, стр. 344.

что Я въ силахъ добыть, и что Я считаю своею собственностью, все, чего достигнуть я себя чувствую въ состояніи; я долженъ расширить свою истинную собственность до разбѣровъ, до которыхъ я считаю себя въ правѣ, т. е. до которыхъ я—позволяю себѣ»¹⁾. «Чтобы искоренить неимущую чернь, эгоизмъ не говорить: подожди, пока вѣдомство справедливости не подаритъ тебѣ чего-нибудь отъ имени общества. Онъ говорить: бери то, что тебѣ надо!»²⁾.

Въ этой борьбѣ для Штирнера допустимы всѣ средства. «Изъ-за того только, что въ этомъ предпріятіи обитаетъ духъ безбожія, безнравственности, безправія, я не отступлю ни передъ чѣмъ, какъ не отступилъ изъ-за религиозныхъ сомнѣній святой Бонифаций предъ вырубкой священной языческой роши»³⁾.

«Я называю своей также и власть надъ жизнью и смертью, которую присвоили себѣ государство и церковь»⁴⁾. «Жизнь отдѣльнаго человѣка имѣетъ для меня лишь ту цѣнность, которую я ей придаю. Его блага, какъ матеріальныя, такъ и духовныя принадлежатъ мнѣ и я хозяйничаю надъ ними въ мѣру своей—власти»⁵⁾.

2. Штирнеръ рисуетъ передъ нами отдѣльный этудь насильственнаго преобразования порядковъ. Онъ предполагаетъ, что извѣстное количество людей начинаетъ понимать, что въ сравненіи съ другими, привилегированными, они находятся въ государствѣ на несравнимо низшей ступени общественной лѣстницы.

«Обиженные рѣшаются поставить вопросъ: чѣмъ именно гарантирована ваша собственность, господа привилегированные?—и отвѣчаютъ: тѣмъ, что мы воздержки-

¹⁾ Stirner, Der Einzige, стр. 340.

²⁾ Stirner, Der Einzige, стр. 341.

³⁾ Stirner, Der Einzige, стр. 479.

⁴⁾ Stirner, Der Einzige, стр. 424.

⁵⁾ Stirner, Der Einzige, стр. 326—327.

ваемся отъ нападенія на нее! Слѣдовательно, благодаря нашей защитѣ! А что Вы Намъ за это дадите? Пинки и презрѣніе дарите Вы «простому народу»; полицейскій надзоръ и катехизисъ, заключающій главную заповѣдь: оказывай уваженіе тому, что не принадлежитъ тебѣ, что не твое! Оказывай уваженіе другимъ въ особенности начальству! Мы же, однако, отвѣчаемъ: Если Вы желаете, чтобы Мы оказывали Вамъ уваженіе, то купите это уваженіе за желательную для Насъ цѣну. Мы согласны оставить Вамъ вашу собственность, если Вы дадите за это соответственную плату. Чѣмъ оплачивается въ мирное время какой-нибудь генералъ десятки, а другой даже сотни тысячъ и милліоны дохода? Чѣмъ оплачиваете Вы то, что мы жуемъ картофель и спокойно глядимъ на то, какъ Вы глотаете устрицы? Откупите у насъ устрицы за такую же дорогую цѣну, за которую мы должны откупать у Васъ картофель, и тогда Вы можете и впредь глотать ихъ. Или, быть можетъ, Вы думаете, что устрицы не принадлежатъ Намъ въ такой же мѣрѣ, какъ и Вамъ? Вы будете кричать о насиліи, когда мы придемъ и станемъ ихъ съѣдать вмѣстѣ съ Вами, и будете правы. Безъ насилія мы ихъ не получимъ такъ же, какъ и Вы имѣете ихъ потому, что учиняете насиліе надъ нами.

«Но берите себѣ устрицы и оставьте намъ нашу дѣйствительную собственность — трудъ. Мы мучаемся двѣнадцать часовъ въ потъ лица нашего, получая отъ Васъ за это нѣсколько грошей. Получайте же и Вы за свой трудъ столько. Мы будемъ удовлетворены, если столкнемся, что отнынѣ мы не должны дѣлать другъ другу — подарковъ. Вѣками мы по добровольной глупости подавали Вамъ милостыню, вѣками мы подавали лепту бѣдняковъ и отдавали господамъ то, что имъ не принадлежитъ; теперь Вы раскрывайте свои кошельки, ибо цѣны на нашъ товаръ колоссально повышаются.

Мы не хотимъ ничего, рѣшительно ничего отнимать у Васъ, мы хотимъ лишь, чтобы Вы платили лучше за то, что Вы хотите имѣть. Что у тебя есть? «У меня имѣніе въ тысячу моргеловъ земли». А я твой батракъ и стану обрабатывать твою землю лишь тогда, когда станешь платить мнѣ по талеру въ день. «Тогда я возьму другого». Ты не найдешь другого, ибо Мы батраки не станемъ теперь иначе работать, а если кто зайвится, то пусть постережется Насъ» ¹⁾.

¹⁾ Stirner, Der Einzige, стр. 357—360.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Ученіе Бакунина.

1. Общія замѣчанія.

1. Михаилъ Александровичъ Бакунинъ родился въ 1814 году въ селѣ Прямухинѣ, Новоторжскаго уѣзда, Тверской губ. Въ 1834 году онъ поступилъ въ петербургское артиллерійское училище, въ 1835 былъ произведенъ въ офицеры, и въ томъ же году вышелъ въ отставку. Послѣ этого онъ жилъ попеременно то въ Прямухинѣ, то въ Москвѣ.

Въ 1840 г. Бакунинъ оставилъ Россію. Въ послѣдующіе годы разные революціонные замыслы отвлекли его то въ ту, то въ другую часть Европы; въ Парижѣ онъ часто встрѣчался съ Прудономъ. Въ 1849 г. онъ былъ въ Саксоніи приговоренъ къ смертной казни, но помилованъ и выданъ въ 1850 г. Австріи; тутъ его снова приговорили къ смертной казни и въ 1851 г. выдали Россіи. До 1857 онъ просидѣлъ частью въ петербургской тюрьмѣ, частью въ Шлиссельбургской крѣпости, а затѣмъ былъ сосланъ въ Сибирь.

Въ 1865 году Бакунинъ бѣжалъ изъ Сибири черезъ Японію и Калифорнію въ Лондонъ. Здѣсь онъ сразу опять принялся за свои революціонныя дѣла и съ тѣхъ

поръ жилъ попеременно въ различныхъ мѣстахъ Европы. Въ 1868 году онъ сталъ членомъ «Международнаго общества рабочихъ» и, вслѣдъ затѣмъ, основалъ Alliance internationale de la démocratie socialiste—Интернаціональный союзъ социалдемократовъ; въ 1869 году онъ вступилъ въ тѣсныя сношенія съ фанатикомъ Нечаевымъ, отъ котораго, однако, отступился уже въ слѣдующемъ году; въ 1872 г. онъ былъ исключенъ изъ «Международнаго общества рабочихъ» за то, что преслѣдовалъ свои особыя цѣли. Умеръ онъ въ Бернѣ въ 1876 году.

Бакунинъ написалъ нѣсколько сочиненій философскаго и политическаго характера.

2. Ученіе Бакунина о правѣ, государствѣ и собственности изложено, главнымъ образомъ, въ представленной имъ Proposition motivée au comité central de la Ligue de la paix et de la liberté¹. Обоснованныя предложенія центрального комитета лиги мира и свободы (1868)¹), въ написанномъ имъ уставѣ Alliance internationale de la démocratie socialiste (1868)²) и въ его сочиненіи «Dieu et l'État» (1871)³).

Здѣсь не приняты во вниманіе тѣ сочиненія, о которыхъ нельзя сказать съ увѣренностью, что они принадлежатъ Бакунину. Сюда относятся, прежде всего, оба сочиненія: «Die Prinzipien der Revolution»⁴) и «Kate-

¹) Напечатано подъ заглавіемъ: Fédéralisme, socialisme et anti-théologisme (Федерализмъ, социализмъ и антитеологизмъ) въ Michel Bakounine, Oeuvres (1895), стр. 1—205.

²) Напечатано въ L'alliance de la démocratie socialiste et l'association internationale des travailleurs (1873), стр. 118—135.

³) Напечатаны лишь отрывки: одинъ подъ названіемъ L'empire knoutogermanique et la révolution sociale (1871), второй подъ заглавіемъ Dieu et l'État (1882), третій подъ тѣмъ же заглавіемъ въ Michel Bakounine, Oeuvres (1895), стр. 261—326.

⁴) Напечатано въ Dragomanow, Michail Bakunins social-politischer Briefwechsel mit A. Herzen und Ogarjow, deutsch von Minzès (1895) стр. 358—364.

chismus der Revolution»¹⁾, въ которыхъ изложены взгляды Нечаева. Нѣкоторые, правда, приписываютъ ихъ Бакунину²⁾, но ихъ содержаніе противорѣчитъ его мнѣніямъ и поступкамъ. Онъ даже много разъ рѣзко высказывался противъ нечаевскаго «макиавелизма и іезуитизма»³⁾. Если даже допустить, что они принадлежатъ Бакунину, то и тогда они отражаютъ лишь небольшой моментъ въ исторіи его развитія.

3. Бакунинъ называетъ свое ученіе о правѣ, государствѣ и собственности анархизмомъ. «Однимъ словомъ, мы отвергаемъ всякое законодательство, всякій авторитетъ, всякое привилегированное, патентованное, официальное и легальное вліяніе, даже когда оно создано на основѣ всеобщаго избирательнаго права, будучи убѣждены, что все это можетъ повести только къ выгодѣ господствующаго меньшинства эксплуататоровъ и ко вреду огромнѣйшаго большинства поработенныхъ. Въ этомъ смыслѣ мы, поистинѣ, анархисты»⁴⁾.

2. Основные идеи.

Высшимъ закономъ для человѣка Бакунинъ считаетъ законъ развитія человѣчества отъ менѣ совершеннаго къ наиболѣ совершенному существованію.

«Задача науки заключается въ томъ, чтобы обдуманно и съ наибольшей систематичностью изложить есте-

ственные законы матеріальной, духовной и нравственной жизни, при чемъ, какъ міра духовнаго, такъ и социальнаго, составляющихъ въ сущности одинъ естественный міръ»¹⁾. «Наука, т. е. истинная безкорыстная наука»²⁾, учить насъ слѣдующему: «Всякое развитіе означаетъ отрицаніе своего исходнаго пункта. А такъ какъ основаніе, или исходный пунктъ является, по мнѣнію матеріалистовъ, матеріальнымъ, то отрицаніе непремѣнно должно быть идеально»³⁾. Это значитъ, что «все, что живетъ, стремится къ возможно болѣе полному совершенствованію»⁴⁾.

Точно также «съ точки зрѣнія матеріалистовъ, и историческое развитіе человѣка непрерывно движется по восходящей линіи»⁵⁾. «Историческое развитіе человѣка есть вполнѣ естественное движеніе отъ простаго къ сложному, снизу вверхъ, отъ низшаго къ высшему»⁶⁾. «Исторія состоитъ въ прогрессивномъ отрицаніи первоначальнаго животнаго состоянія человѣка, развитіемъ его чело-вѣчности»⁷⁾.

«Человѣкъ по происхожденію своему есть дикое животное, родственное гориллѣ. Но онъ уже выбрался изъ глубокаго мрака животныхъ инстинктовъ, чтобы достигнуть до свѣточа духа. Это объясняетъ намъ самымъ естественнымъ образомъ его прежнія заблужденія и до извѣстной степени утѣшаетъ насъ въ его теперешнихъ заблужденіяхъ. Онъ ушелъ впередъ отъ животнаго рабства и, пройдя полосу божественнаго рабства, которое лежитъ между человѣческимъ и животнымъ его существованіемъ, онъ теперь шествуетъ уже навстрѣчу свободѣ. Позади

¹⁾ Одна часть напечатана во французскомъ переводѣ въ L'alliance de la democratie socialiste et l'association internationale des travailleurs (1873) стр. 90—95, остальное у Dragomanow'a стр. 371—383.

²⁾ L'alliance de la democratie socialiste et l'association internationale des travailleurs, стр. 89, Dragomanow, стр. IX.

³⁾ Bakunine Briefe: Dragomanow, стр. 223, 233, 266, 272.

⁴⁾ Bakunine, Dieu et l'État, стр. 34.

¹⁾ Bakounine, Dieu et l'État, стр. 33

²⁾ Bakounine, Dieu et l'État, стр. 3.

³⁾ Bakounine, Dieu et l'État, стр. 52.

⁴⁾ Bakounine, Proposition: Oeuvres, стр. 104.

⁵⁾ Bakounine, Dieu et l'État, стр. 52.

⁶⁾ Bakounine, Dieu et l'État, стр. 7.

⁷⁾ Bakounine, Dieu et l'État, стр. 16.

насъ лежитъ, такимъ образомъ, наше животное, впереди насъ — наше человѣческое существованіе; тотъ свѣтъ челоѣчества который олинъ только и можетъ насъ освѣтить и согрѣть, спасти и возвысить, сдѣлать насъ свободными и счастливыми братьями, никогда не стоитъ въ началѣ, а всегда въ концѣ исторіи» ¹⁾.

Это «историческое отрицаніе прошлаго совершается то медленно, вяло, сонно, то, напротивъ, страстно и насильственно» ²⁾. Оно всегда совершается съ естественной необходимостью; «мы вѣримъ въ конечное торжество челоѣчности на землѣ» ³⁾. «Мы страстно ждемъ этой побѣды и стараемся соединенными усилиями ускорить ее» ⁴⁾; «мы никогда не должны смотреть назадъ, а всегда впередъ; солнце наше, наше спасеніе—впереди насъ» ⁵⁾.

3. Право.

I. Въмѣстѣ съ развитіемъ челоѣчества отъ животнаго къ челоѣческому бытію исчезнетъ, по мнѣнію Бакунина, не право вообще, а писанное право.

Писанное право соотвѣтствуетъ низшей ступени развитія. «Политическое законодательство, — безразлично, покоится ли оно на волѣ одного властелина или на рѣшеніи народныхъ представителей, избранныхъ на основѣ всеобщаго избирательнаго права, — никогда не можетъ соотвѣтствовать законамъ природы, а, напротивъ, является всегда бѣдственнымъ и всегда враждебнымъ свободѣ массъ, хотя бы уже потому, что оно навязываетъ имъ систему

¹⁾ Bakounine, Dieu et l'État, стр. 16.

²⁾ Bakounine, Dieu et l'État, стр. 16.

³⁾ Bakounine, Proposition: Oeuvres, стр. 155.

⁴⁾ Bakounine, Proposition Oeuvres, стр. 155

⁵⁾ Bakounine, Dieu et l'État, стр. 16.

внѣшнихъ, стало быть, деспотическихъ законовъ» ¹⁾. Нѣтъ такого законодательства, которое когда-либо «преслѣдовало бы другую цѣль, кромѣ упроченія и возведенія въ систему эксплуатаціи трудящагося народа господствующими классами» ²⁾.

Всякое законодательство «влечетъ, такимъ образомъ, за собою одновременно и порабощеніе общества, и возвращеніе законодателей» ³⁾.

Но челоѣчество скоро пройдетъ ту ступень развитія, которой соотвѣтствуетъ право. Писанное право неразрывно связано съ государствомъ; «государство—это исторически-необходимое зло» ⁴⁾, «переходная форма общества» ⁵⁾; «въмѣстѣ съ государствомъ непремѣнно падетъ и право юристовъ, это такъ называемые законное регулированіе сверху внизъ, законодательнымъ путемъ народной жизни» ⁶⁾. Всѣ чувствуютъ, что моментъ этотъ близокъ, ⁷⁾ что переворотъ уже передъ нами ⁸⁾ и что его можно ожидать еще въ этомъ столѣтіи ⁹⁾.

II. На ближайшей ступени развитія, которой вскорѣ должно достигнуть челоѣчество, не будетъ, конечно, писаннаго права, но право будетъ и на ней. Изъ того, что Бакунинъ предсказываетъ относительно этой ближайшей ступени развитія, можно заключить, что, по его мнѣнію, тогда будутъ дѣйствовать такія нормы, которыя будутъ «по-

¹⁾ Bakounine, Dieu et l'État, стр. 27—28.

²⁾ Bakounine, Programme de la section slave à Zurich: Dragomanow, стр. 382.

³⁾ Bakounine, Dieu et l'État, стр. 30.

⁴⁾ Bakounine, Dieu et l'État; Oeuvres, стр. 287.

⁵⁾ Bakounine, Dieu et l'État; Oeuvres, стр. 285.

⁶⁾ Bakounine, Programme de la section slave à Zurich: Dragomanow, стр. 382.

⁷⁾ Bakounine, Articles: Mémoire, pièces justificatives, стр. 113.

⁸⁾ Bakounine, Statuts: L'alliance, стр. 125.

⁹⁾ Bakounine, Statuts: L'alliance, стр. 125.

коится на коллективной волѣ» ¹⁾ и повиновение которымъ будетъ достигаться, въ случаѣ необходимости, даже силою ²⁾),—стало быть, правовыя нормы.

Изъ такихъ правовыхъ нормъ нашей ближайшей ступени развитія Бакунинъ упоминаетъ тѣ, благодаря которымъ осуществится «право на самостоятельность» ³⁾. Для меня, какъ отдѣльной личности, это означаетъ, «что я, какъ человѣкъ, вправѣ не повиноваться никакому другому человѣку и поступать, руководясь исключительно своимъ усмотрѣніемъ» ⁴⁾. Но «каждый народъ, каждая провинція, каждая община также имѣетъ неограниченное право на полнѣйшую самостоятельность, если только ихъ внутренняя организація не угрожаетъ самостоятельности и свободѣ сосѣднихъ областей» ⁵⁾.

Такой же правовой нормой нашей ближайшей ступени развитія Бакунинъ считаетъ и то, что договоры должны будутъ исполняться. «Человѣческая справедливость не можетъ признавать вѣчныхъ обязательствъ. Всѣ права и обязанности основаны на свободѣ. Право свободного соединения и разъединенія есть первое и самое важное изъ всѣхъ политическихъ правъ» ⁶⁾.

Слѣдующей, упоминаемой Бакунинымъ, правовой нормой нашей ближайшей ступени развитія есть та, въ силу которой «какъ земля, такъ и орудія производствъ и всякій иной видъ капитала будутъ служить, на правахъ общественной собственности, исключительно нуждамъ земледѣльческихъ и промышленныхъ союзовъ» ⁷⁾.

¹⁾ Bakounine, Dieu et l'État: Oeuvres, стр. 281.
²⁾ Bakounine, Statuts: L'alliance, стр. 129—131.
³⁾ Bakounine, Proposition: Oeuvres, стр. 17—18.
⁴⁾ Bakounine, Dieu et l'État, Oeuvres, стр. 281.
⁵⁾ Bakounine, Proposition, Oeuvres, стр. 17—18.
⁶⁾ Bakounine, Proposition, Oeuvres, стр. 18.
⁷⁾ Bakounine, Statuts: L'alliance, стр. 133.

4. Государство.

I. Вмѣстѣ съ развитіемъ человѣчества отъ животнаго существованія къ человѣческому, государство, по Бакунину, вскорѣ исчезнетъ. «Государство—это историческое, временное учрежденіе, переходная форма общества» ¹⁾.

1. Государство соотвѣтствуетъ нижней ступени развитія.

«Первый шагъ на своемъ пути отъ животнаго состоянія къ человѣческому, человѣкъ-животное продѣлываетъ, благодаря религіи; но до тѣхъ поръ, пока онъ остается религіознымъ, онъ никогда не достигнетъ своей цѣли, потому что всякая религія обрекаетъ его на суевѣріе, ведетъ его по ложному пути и заставляетъ его искать, вмѣсто человѣческаго, божественнаго» ²⁾. Всѣ религіи съ ихъ богами, полубогами и пророками и ихъ святыми суть продукты легковѣрной фантазіи людей, которые еще не достигли полного развитія и совершеннаго обладанія ихъ духовными силами» ³⁾.

.....

Однимъ изъ продуктовъ религіи является государство. «Во всѣхъ странахъ оно является плодомъ, съ одной стороны, насилія, грабежа, разгрома, короче войны и покоренія, а съ другой—дѣтищемъ боговъ, постепенно создававшихся религіозной фантазіей людей» ⁴⁾. Кто говоритъ объ откровеніяхъ, тотъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, го-

¹⁾ Bakounine, Dieu et l'État: Oeuvres, стр. 285.
²⁾ Bakounine, Proposition: Oeuvres, стр. 134.
³⁾ Bakounine, Dieu et l'État, стр. 19.
⁴⁾ Bakounine, Dieu et l'État: Oeuvres, 287.

ворить и объ осѣненныхъ свыше пророкахъ, священникахъ и законодателяхъ; а разъ они признаны замѣстителями божества на землѣ, святыми, самимъ богомъ избранными учителями человѣчества, они, само собой разумѣется, пользуются неограниченною властью. Всѣ люди обязаны имъ слѣпо повиноваться, потому что противъ божественнаго разума, какъ и противъ божественной справедливости, человѣчскій разумъ и человѣческая справедливость не имѣютъ никакого значенія. Являясь рабами бога люди должны быть также и рабами церкви, а поскольку она поддерживаетъ государство, также и рабами государства»¹⁾.

«Нѣтъ и не можетъ быть государства безъ религіи. Возьмите наиболѣе свободныя государства въ мірѣ, напримеръ, Соединенные Штаты Сѣверной Америки или Швейцарскій союзъ, и посмотрите, какую важную роль играетъ тамъ Божественное Провидѣніе во всѣхъ официальныхъ рѣчахъ»²⁾. «Правительства, не безъ основанія, считаютъ вѣру въ Бога существеннымъ условіемъ ихъ власти»³⁾. «Существуетъ классъ людей, который, будучи невѣрующимъ, долженъ, однако, дѣлать видъ, будто вѣруетъ. Этотъ классъ объемлетъ всѣхъ духовныхъ палачей, угнетателей и грабителей религіи. Священники, монархи, государственные дѣятели, солдаты, финансисты, чиновники всѣхъ родовъ, полицейскіе, жандармы, тюремщики и палачи, капиталисты, ростовщики, предприниматели и домовладѣльцы, адвокаты, политико-экономы, политики всякихъ оттѣнковъ,—всѣ они, до послѣдняго мелочного лавочника, всегда будутъ повторять хоромъ слова Вольтера: если бы не было Бога, его необходимо было бы выдумать, «потому что, не правда

¹⁾ Bakounine, Dieu et l'État, стр. 20.

²⁾ Bakounine, Dieu et l'État, стр. 97.

³⁾ Bakounine, Dieu et l'État, стр. 9.

ли, народъ долженъ же имѣть религію». Она, видите ли, является спасительнымъ клапаномъ»¹⁾.

2. Всѣ свойства государства соотвѣтствуютъ той низкой ступени развитія, которой соотвѣтствуетъ и оно само.

Государство порабощаетъ управляемыхъ. «Государство—это насилие, мало того,—это безмысленное хвастовство насиліемъ, Оно не старается быть любимымъ; оно не старается дѣйствовать убѣжденіемъ; когда оно вмѣшивается во что-нибудь, оно это дѣлаетъ недружелюбно, потому что сущность его состоитъ не въ томъ, чтобы уговаривать, а въ томъ, чтобы повелѣвать и принуждать. Какъ бы оно ни старалось, оно не можетъ скрыть того, что оно—законный нарушитель нашей воли, постоянное отрицаніе нашей свободы. Даже отдавая приказы къ добру, оно своимъ приказаніемъ само обезцѣниваетъ послѣднее, ибо всякое приказаніе бьетъ свободу по лицу; когда добро является слѣдствіемъ приказанія, оно превращается для истинной, то-есть, человѣческой, а не божественной—морали въ зло. Свобода, нравственность и человѣческое достоинство въ томъ и состоятъ, чтобы дѣлать добро не по приказанію, а по своему убѣжденію, любви и охотѣ»²⁾.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, государство развращаетъ управляемыхъ. «Всякая привилегія и всякое привилегированное положеніе обладаютъ свойствомъ отравлять сердце и душу людей. Кто въ политическомъ или хозяйственномъ отношеніи находится въ привилегированномъ положеніи, тотъ испорченъ душой и сердцемъ. Это законъ соціальной жизни, не допускающей никакого исключенія и одинаково примѣнимый, какъ къ цѣлымъ народамъ, такъ и къ классамъ, институтамъ и отдѣльнымъ лицамъ. Это законъ равенства—важнѣйшее условіе свободы и человѣчности»³⁾.

¹⁾ Bakounine, Dieu et l'État, стр. 11.

²⁾ Bakounine, Dieu et l'État: Oeuvres, стр. 288.

³⁾ Bakounine, Dieu et l'État, стр. 29—30.

«Могущественныя государства держатся только преступленіемъ, а маленькія являются добродѣтельными только по своей слабости» ¹⁾. «Мы отъ всего сердца ненавидимъ монархію, но мы убѣждены также, что и большая республика съ арміею, бюрократіею и политической централизаціею будетъ заниматься завоеваніями въ области внѣшней и угнетеніемъ въ области внутренней политики и окажется неспособной доставить своимъ поданнымъ (хотя она и называетъ ихъ гражданами) счастье и свободу» ²⁾. «Вѣдь даже въ самыхъ чистыхъ демократіяхъ, какъ Соединенные Штаты и Швейцарія, привилегированное меньшинство стоитъ надъ огромнѣйшимъ поработаннымъ большинствомъ» ³⁾.

3. Но ступень развитія, на которой существуетъ государство, скоро будетъ пройдена.

«Съ самаго начала существованія историческаго общества до нынѣшняго дня государство всегда угнетало народы. Слѣдуетъ ли отсюда заключить, что угнетеніе неразрывно связано съ самымъ существованіемъ общества?» ⁴⁾. Конечно, нѣтъ! «Великая, истинная, единственно справедливая цѣль исторіи—это наше очеловѣченіе и спасеніе, истинная свобода и благополучіе всѣхъ, живущихъ въ обществахъ людей» ⁵⁾. «Въ торжествѣ челоѣчности заключается цѣль и существеннѣйшій смыслъ исторіи, а это торжество можетъ быть достигнуто только свободой» ⁶⁾. Въ той же мѣрѣ, въ какой въ прошломъ государство было исторически необходимымъ зломъ, въ такой же мѣрѣ въ будущемъ оно неизбежно, раньше или позже, должно будетъ совершенно исчезнуть» ⁷⁾. Всѣ чувствуютъ,

¹⁾ Bakounine, Proposition, Oeuvres, стр. 154.

²⁾ Bakounine, Proposition: Oeuvres, стр. 10.

³⁾ Bakounine, Dieu et l'État: Oeuvres, стр. 287—288.

⁴⁾ Bakounine, Dieu et l'État, стр. 14.

⁵⁾ Bakounine, Dieu et l'État, стр. 65.

⁶⁾ Bakounine, Dieu et l'État, стр. 53.

⁷⁾ Bakounine, Dieu et l'État: Oeuvres, стр. 287.

что моментъ этотъ близокъ ¹⁾, переворотъ этотъ передъ нами ²⁾, и его прихода можно ждать еще въ нынѣшнемъ столѣтіи ³⁾.

II. На ближайшей ступени развитія, которой челоѣчество вскорѣ должно достигнуть, мѣсто государства займетъ общественное сожительство людей на основѣ правовой нормы, предписывающей исполненіе договоровъ,

1. Съ устраненіемъ государства люди будутъ продолжать жить обществами. Цѣль челоѣческаго развитія, «совершенная челоѣчность» ⁴⁾, можетъ быть достигнута только въ обществѣ. «Челоѣкъ становится челоѣкомъ и достигаетъ сознанія и осуществленія своей челоѣчности только въ обществѣ и черезъ совмѣстную дѣятельность общества. Онъ освобождается отъ ига внѣшней природы только посредствомъ совмѣстной, т. е. общественной работы; только она въ состояніи сдѣлать поверхность земли пригодной для развитія челоѣчества; а безъ такого внѣшняго освобожденія невозможно ни духовное, ни нравственное освобожденіе. Отъ ига же своей собственной природы челоѣкъ освобождается только путемъ воспитанія и образованія; только благодаря имъ ему удастся подчинить инстинкты и побужденія своего тѣла господству своего все развивающагося духа; но воспитаніе и образованіе имѣютъ исключительно общественный характеръ; внѣ общества челоѣкъ навсегда остался бы дикимъ животнымъ или святымъ, что, приблизительно, одно и то же. Наконецъ, въ одиночествѣ у челоѣка не можетъ возникнуть идея свободы; свобода означаетъ для челоѣка, что окружающіе признаютъ его свободнымъ и обхо-

¹⁾ Bakounine, Articles: Mémcire, pièces justificatives, стр. 113.

²⁾ Bakounine, Statuts: L'alliance, стр. 125.

³⁾ Bakounine, Statuts: L'alliance, стр. 125.

⁴⁾ Bakounine, Dieu et l'État, стр. 11.

дятся съ нимъ, какъ съ таковымъ; свобода имѣеть, стало быть, мѣсто не въ уединеніи, а во взаимодействіи, не въ замкнутости, а при общеніи,—она представляетъ собою для каждаго человѣка только отраженіе его человѣчности, т. е. его человѣческихъ правъ, въ сознаніи его братьевъ»¹⁾.

Но не верховная власть будетъ связывать людей въ общество, а правомѣрно связывающая сила договора. Совершенная человѣческая личность можетъ быть достигнута только въ свободномъ обществѣ. «Моя свобода или, что то же самое, мое человѣческое достоинство состоитъ въ томъ, что я, какъ человѣкъ, вправѣ не повиноваться никакому другому человѣку и поступать исключительно по своему личному усмотрѣнію»²⁾. «Я самъ лишь по-стольку свободенъ, поскольку признаю человѣчность и свободу всѣхъ окружающихъ меня людей. Уважая ихъ человѣчность, я уважаю и свою собственную. Любоѣдъ, считающій своего плѣнника дикимъ звѣремъ и пожирающій его, не человѣкъ, а звѣрь. Рабовладѣлецъ—не человѣкъ, а господинъ»³⁾. «Чѣмъ больше свободныхъ людей меня окружаютъ, чѣмъ глубже и шире ихъ свобода, тѣмъ глубже, шире и могущественнѣе и моя свобода. Съ другой стороны, всякое порабощеніе людей есть, въ то же время, и ограниченіе моей свободы, или, что то же самое, отрицаніе моего человѣческаго существованія посредствомъ ихъ животнаго»⁴⁾. Свободное же общество можетъ поддерживаться не авторитетомъ⁵⁾, а договоромъ»⁶⁾.

2. Какой видъ приметъ будущее общество?

«Единство—вотъ цѣль, къ которой неудержимо дви-

жется человѣчество»¹⁾. Люди будутъ объединяться, слѣдовательно, въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Но «вмѣсто старой организаціи, основанной сверху внизъ на насиліи и авторитетѣ, возникаетъ новая, не имѣющая никакой другой основы, кромѣ естественныхъ потребностей, склонностей и стремленій людей»²⁾. Такимъ образомъ, сначала появится «свободное объединеніе отдѣльныхъ лицъ въ общины, потомъ общинъ въ провинціи, провинцій въ народы и, наконецъ, народы въ Соединенные Штаты Европы, а тамъ и всего міра»³⁾.

«Каждый народъ, независимо отъ того, великъ ли онъ или малъ, могущественъ или слабъ, каждая провинція и каждая община имѣеть неограниченное право на полнѣйшую самостоятельность, если только ихъ внутренняя организація не угрожаетъ свободѣ и самостоятельности сосѣднихъ областей»⁴⁾.

«Все то, что называютъ историческимъ правомъ государства, совершенно устраняется; всѣ вопросы относительно естественныхъ, политическихъ, стратегическихъ и хозяйственныхъ границъ отходятъ отнынѣ въ древнюю исторію и рѣшительно изгоняются»⁵⁾.

«Изъ того, что какая-нибудь область одно время принадлежала какому-либо государству, хотя бы въ силу добровольнаго присоединенія, ни въ коемъ случаѣ не слѣдуетъ, что она обязана всегда быть связанной съ этимъ государствомъ. Человѣческая справедливость—единственная, имѣющая для насъ извѣстное значеніе—не можетъ признавать вѣчныхъ обязательствъ. Всѣ права и обязанности основаны на свободѣ. Право свободного образованія и расторженія союзовъ есть первое и важнѣйшее

¹⁾ Bakounine, Dieu et l'État: Oeuvres, стр. 277—278.

²⁾ Bakounine, Dieu et l'État: Oeuvres, стр. 281.

³⁾ Bakounine, Dieu et l'État: Oeuvres, 279.

⁴⁾ Bakounine, Dieu et l'État: Oeuvres, стр. 281.

⁵⁾ Bakounine, Dieu et l'État: Oeuvres, стр. 283.

⁶⁾ Bakounine, Proposition: Oeuvres, стр. 16, 18.

¹⁾ Bakounine, Proposition, Oeuvres, стр. 20.

²⁾ Bakounine, Proposition, Oeuvres, стр. 16.

³⁾ Bakounine, Proposition: Oeuvres, стр. 16—17.

⁴⁾ Bakounine, Proposition: Oeuvres, стр. 17—18.

⁵⁾ Bakounine, Proposition: Oeuvres, стр. 17.

изъ всёхъ политическихъ правъ. Безъ этого права всякій союзъ былъ бы всегда только скрытой централизацией» ¹⁾.

5. Собственность.

I. Вмѣстѣ съ развитіемъ человѣчества отъ животнаго состоянія къ человѣческому исчезнетъ, по мнѣнію Бакунина, въ очень скоромъ времени, если не собственность вообще, то, во всякомъ случаѣ, нынѣшній видъ ея, неограниченная частная собственность.

1. Частная собственность, поскольку она простирается на всё безъ исключенія предметы, соответствуетъ той же низшей ступени развитія, что и государство.

«Частная собственность есть въ одно и то же время и слѣдствіе и основа государства» ²⁾. «Каждое правительство, съ одной стороны, поквитается непременно на эксплуатаціи, а съ другой—оно дѣлаетъ эксплуатацію цѣлью, охраняя ее и узаконивая» ³⁾. Въ каждомъ государствѣ находятся два рода отношеній, а именно, управление и эксплуатація. Если управлять дѣйствительно значитъ жертвовать собою для блага управляемыхъ, то второе отношеніе стоитъ въ прямомъ противорѣчій съ первымъ. Но вы поймите меня только! Съ идеалистической точки зрѣнія безразлично, теологической ли или метафизической, благо массъ не можетъ разумѣться означать ихъ жизненнаго благополучія: что значитъ нѣсколько десятилѣтій земной жизни въ сравненіи съ вѣчностью? Нужно, стало быть, управлять массами, имѣя въ виду не ихъ грубое земное счастье, а ихъ вѣчное

¹⁾ Bakounine, Proposition: Oeuvres, стр. 18.

²⁾ Bakounine, Statuts: L'alliance, стр. 128.

³⁾ Bakounine, Dieu et État: Oeuvres, стр. 324.

блаженство. Нынѣшнія страданія и лишенія можно съ воспитательной точки зрѣнія считать даже желательными, такъ какъ излишекъ чувственныхъ наслажденій убиваетъ бессмертную душу. Теперь же противорѣчіе исчезаетъ. Управлять и эксплуатировать значитъ одно и то же; одно дополняетъ другое и служить ему и средствомъ и цѣлью» ¹⁾.

2. Низшей ступени развитія, къ которой принадлежитъ частная собственность, простирающаяся на всё, безъ исключенія, предметы, соответствуютъ также и ея качества.

«Привилегированнымъ представителямъ умственного труда,—призванныхъ въ настоящее время представлять собою общество, отнюдь не потому, что они разумнѣе, а потому что родились въ привилегированномъ классѣ,—собственность доставляетъ всю благодать, а также и всю испорченность нашей культуры, богатство, роскошь, мотовство, благополучіе, радости семейной жизни, исключительное пользованіе политической свободой, а вмѣстѣ съ ней, и возможность эксплуатаціи миллионннхъ рабочихъ и управленія ими по своему усмотрѣнію и въ своихъ интересахъ. Что остается представителямъ ручного труда, этимъ безчисленнымъ миллионамъ пролетаріевъ, или мелкимъ земельнымъ собственникамъ? Безнадежное горе безъ всякихъ, даже семейныхъ радостей—потому что семья скоро становится для бѣдняка обузой—невѣжество, варварство, почти животное существованіе и къ тому еще утѣшеніе, что они служатъ пьедесталомъ для культуры, свободы и развращенности меньшинства» ²⁾.

Чѣмъ развитѣе и свободнѣе гдѣ-нибудь торговля и промышленность, тѣмъ полнѣе безнравственность немногихъ привилегированныхъ, съ одной стороны, и тѣмъ

¹⁾ Bakounine, Dieu et État: Oeuvres, стр. 328—324.

²⁾ Bakounine, Proposition: Oeuvres, стр. 32—33.

болѣ нищеты, ропота и справедливаго негодованія трудящихся массъ, съ другой. Англія, Бельгія, Франція, Германія суть, безъ сомнѣнія, тѣ страны Европы, въ которыхъ торговля и промышленность пользуются наибольшей свободой и очень широко развиты. И какъ разъ въ этихъ странахъ господствуетъ жесточайшій пауперизмъ, и пропасть между капиталистами и землевладѣльцами, съ одной стороны, и рабочимъ классомъ, съ другой—здѣсь больше, чѣмъ въ какой-либо другой странѣ. Въ Россіи, скандинавскихъ государствахъ, Испаніи и Италіи, гдѣ торговля и промышленность еще не развиты, умираютъ съ голода, за исключеніемъ необыкновенныхъ случаевъ, очень рѣдко. Въ Англіи же голодная смерть совершенно обыденное явленіе. И не только единичные люди умираютъ съ голоду, но цѣлыя тысячи, десятки и сотни тысячъ»¹⁾.

3. Но человѣчество скоро пройдетъ низшую ступень развитія, которой соотвѣтствуетъ частная собственность.

Во всѣ времена рядомъ съ угнетеніемъ народовъ государствомъ, существовало всегда и «эксплоатація поработенныхъ, задрѣпощенныхъ и по найму работающихъ массъ господствующимъ меньшинствомъ»²⁾. «Но какъ угнетеніе, такъ и эксплоатація вовсе не неразрывно связаны съ существованіемъ общества»³⁾, «Неограниченная частная собственность будетъ устранена самой силой вещей»⁴⁾. «Всѣ чувствуютъ, что моментъ этотъ близокъ»⁵⁾, переворотъ уже не далекъ»⁶⁾, и его можно ожидать еще въ этомъ столѣтіи»⁷⁾.

1) Bakounine, Proposition: Oeuvres, стр. 26—27.

2) Bakounine, Dieu et l'État, стр. 14.

3) Bakounine, Dieu et l'État, стр. 14.

4) Bakounine, Programme de la section slave à Zurich: Draganow, стр. 382.

5) Bakounine, Articles: Mémoire, pièces justificatives, стр. 113.

6) Bakounine, Statuts: L'alliance, стр. 125.

7) Bakounine, Statuts: L'alliance, стр. 125.

II. На ближайшей ступени развитія, которой человѣчество вскорѣ должно непременно достигнуть, собственность приметъ такой видъ, что частная собственность будетъ имѣть мѣсто только по отношенію къ предметамъ потребленія, — на землю же, на орудія производства, точно также на всякій другой капиталъ, будетъ существовать только общественная собственность. Будущее общество будетъ коллективнымъ.

Такимъ путемъ каждому рабочему обеспеченъ продуктъ его труда.

1. «Справедливость должна стать основой будущаго міра; безъ нея нѣтъ свободы, нѣтъ совмѣстной жизни, ни благополучія, ни мира»¹⁾. «Справедливость, — не юридическая, не теологическая и не метафизическая, а простая человѣческая справедливость требуетъ»²⁾, чтобы «въ будущемъ потребленіе каждаго соотвѣтствовало бы тому количеству благъ, которое онъ самъ производитъ»³⁾. Дѣло идетъ, такимъ образомъ, о томъ, чтобы найти средство, «которое никому рѣшительно не дастъ возможности присвоивать себѣ чужой трудъ и предоставить каждому участвовать въ пользованіи запасомъ общественныхъ благъ, являющихся исключительно продуктомъ труда, лишь въ той мѣрѣ, въ какой онъ непосредственно, своимъ личнымъ трудомъ, содѣйствовалъ производству этихъ богатствъ»⁴⁾.

Средство это состоитъ въ томъ, чтобы земля, орудія производства, какъ и всякій другой капиталъ, служили бы на правахъ коллективной собственности всего общества, исключительно нуждамъ трудящихся, т. е. ихъ

1) Bakounine, Proposition: Oeuvres, стр. 54—55.

2) Bakounine, Proposition: Oeuvres, стр. 59.

3) Bakounine Statuts: L'alliance, стр. 133.

4) Bakounine, Proposition: Oeuvres, стр. 55.

земледѣльческимъ и промышленнымъ союзамъ»¹⁾. «Я не коммунистъ, а коллективистъ»²⁾.

2. Коллективизмъ будущаго общества «ни въ коемъ случаѣ не требуетъ учрежденія верховной власти. Во имя свободы, на которой только и можетъ быть основана хозяйственная или политическая организація, мы всегда будемъ протестовать противъ всего, что, хотя бы самымъ отдаленнымъ образомъ напоминаетъ собою коммунизмъ или государственный социализмъ»³⁾. «Я стремлюсь къ организаціи общества и коллективной или общественной собственности снизу вверхъ путемъ вотума свободнаго союза, а не сверху внизъ посредствомъ какого-либо авторитета»⁴⁾.

6. Осуществленіе.

Перемена, которую можно скорѣ ожидать въ развитіи человѣчества отъ его животнаго состоянія къ человѣческому существованію, а именно: исчезновеніе государства, преобразование права и собственности и возникновеніе новаго порядка вещей, наступить, по мнѣнію Бакунина, благодаря социальной революціи, то-есть, благодаря насильственному перевороту, который произойдетъ самъ собою, силою вещей, но ускореніе и облегченіе котораго составляетъ задачу тѣхъ, которые предвидяють ходъ развитія.

1. «Чтобы избѣгнуть своего жалкаго жребія, народъ имѣетъ три пути: два воображаемыхъ и одинъ дѣйстви-

¹⁾ Bakounine Statuts: L'alliance, стр. 133.

²⁾ Bakounine, Discours: Mémoire, pièces justificatives, стр. 27.

³⁾ Bakounine, Proposition: Oeuvres, стр. 56.

⁴⁾ Bakounine, Discours: Mémoire, pièces justificatives, стр. 28.

тельный. Первые два — это кабаки и клерикализмъ, третій — это социальная революція»¹⁾. «Спасеніе возможно»²⁾ только путемъ социальной революціи, то-есть, путемъ «уничтоженія всѣхъ учреждений неравенства и введенія экономическаго и социального равенства»³⁾. Революція не будетъ сдѣлана кѣмъ-либо. «Революціи не дѣлаются ни отдѣльными лицами, ни тайными обществами. Онѣ приходятъ, въ извѣстной степени, сами собою, ихъ производитъ сила вещей, теченіе событій и фактовъ. Онѣ долго готовятся въ глубинѣ смутнаго сознанія народныхъ массъ и вдругъ прорываются, нерѣдко, вслѣдствіе, повидимому, незначительныхъ причинъ»⁴⁾. Нынѣ революція стоитъ уже передъ нами⁵⁾; всѣ чувствуютъ ея приближеніе⁶⁾; мы должны ее ожидать еще въ этомъ столѣтіи⁷⁾.

1. «Подъ революціей мы понимаемъ освобожденіе отъ оковъ всего того, что теперь называютъ дурными страстями, и разрушеніе того, что на томъ же языкѣ называется «общественнымъ порядкомъ»⁸⁾.

Революція будетъ направлена не противъ лицъ, а противъ режима и вещей⁹⁾. «Кровавыя революціи иногда, благодаря людской глупости, необходимы, но онѣ — всегда зло, ужасное зло и великое несчастье не только въ виду требуемыхъ ими жертвъ, но также съ точки зрѣнія чистоты и совершенства той цѣли, во имя которой онѣ совершаются»¹⁰⁾. «Не слѣдуетъ удавляться.

¹⁾ Bakounine, Dieu et l'Etat, стр. 10.

²⁾ Bakounine, Dieu et l'Etat, стр. 18.

³⁾ Bakounine, Dieu et l'Etat, стр. 45.

⁴⁾ Bakounine, Statuts: L'alliance, стр. 132.

⁵⁾ Bakounine, Statuts: L'alliance, стр. 125.

⁶⁾ Bakounine, Articles: Mémoire, pièces justificatives, стр. 113.

⁷⁾ Bakounine, Statuts: L'alliance, стр. 125.

⁸⁾ Bakounine, Statuts: L'alliance, стр. 129.

⁹⁾ Bakounine, Statuts: L'alliance, стр. 126.

¹⁰⁾ Bakounine, Die Volkssache, Dragomanow, стр. 309.

если народъ въ первую минуту своего возмущенія убьетъ многихъ угнетателей и эксплуататоровъ своихъ— этого зла, которое, впрочемъ, такъ же незначительно, какъ и вредъ, причиненный грозой, нельзя будетъ, пожалуй, избѣгнуть. Но этотъ естественный фактъ не будетъ ни нравственнымъ, ни даже полезнымъ. Политическія бойни никогда не убивали партій, и особенно противъ привилегированныхъ классовъ онѣ всегда оказывались безсильными, потому что сила находится не столько въ людяхъ, сколько въ положеніи, создаваемомъ для привилегированныхъ лицъ различными учрежденіями, въ особенности, государствомъ и частной собственностью. Такимъ образомъ, желая произвести коренную революцію, необходимо напасть на самый порядокъ вещей, уничтожить государство и собственность, и тогда не придется убивать людей и подвергать себя неминуемой реакціи, которую всегда и во всякомъ обществѣ влекла за собою и будетъ влечь рѣзня людей. Но чтобы имѣть право, безъ риска для дѣла революціи, поступать съ людьми гуманно, необходимо быть неумолимымъ по отношенію къ самому порядку вещей, разрушая все и, прежде всего, собственность и ея неизбежное слѣдствіе—государство. Вотъ, въ чемъ вся тайна революціи» ¹⁾.

«Революція, созидаемая силою вещей, будетъ не національной, а интернациональной, то-есть универсальной. Въ виду угрожающаго союза всѣхъ привилегированныхъ интересовъ и всѣхъ реакціонныхъ европейскихъ державъ, въ виду тѣхъ страшныхъ средствъ, которыя даетъ въ ихъ распоряженіе умная организація, въ виду той глубокой пропасти, которая теперь повсюду зияетъ между буржуазіей и рабочими,—никакая революція не можетъ рассчитывать на успѣхъ, если она немедленно

¹⁾ Bakounine, Statuts: L'alliance, стр. 127—128.

не распространится отъ одного на всѣ другіе народы. Но революція не сможетъ перешагнуть черезъ границы одной страны и стать всеобщей до тѣхъ поръ, пока въ ней не будетъ содержаться достаточныхъ оснований для этой всеобщности, то-есть до тѣхъ поръ, пока она не станетъ вполне социалистичной и не разрушитъ, путемъ равенства и справедливости, государства и не осуществитъ свободы. Потому что ничто не можетъ лучше объединить, воодушевить и поднять единственную дѣйствительную силу нашего вѣка—рабочихъ, какъ совершенное освобожденіе труда и разрушеніе тѣхъ учреждений, которыя служатъ для защиты наследственной собственности и капитала» ¹⁾. «Такимъ образомъ, политическая или національная революція не въ состояніи побѣдить до тѣхъ поръ, пока политическая революція, не станетъ соціальной, а національная революція, благодаря своему радикально-социалистическому и противогосударственному характеру, не станетъ универсальной революціей» ²⁾.

2. «Революція, какъ мы ее понимаемъ, должна съ перваго дня, совершенно и до самаго основанія, уничтожить государство и всѣ государственныя учрежденія. Естественными и необходимыми послѣдствіями этого разрушенія будутъ: а) государственное банкротство; в) прекращеніе государственнаго взиманія частныхъ долговъ, уплата которыхъ будетъ впредь предоставлена волѣ должника; с) прекращеніе уплаты налоговъ и взиманія прямыхъ или косвенныхъ сборовъ; d) распушеніе арміи, суда, чиновничества, полиціи и духовенства; е) прекращеніе короннаго правосудія, уничтоженіе всего того, что называется юридическимъ правомъ, и его примѣненія. Соотвѣтственно этому, обезцѣненіе и сожженіе всѣхъ титуловъ собственности, завѣщаній, купчихъ крѣпостей,

¹⁾ Bakounine, Statuts: L'alliance, стр. 125.

²⁾ Bakounine, Statuts: L'alliance, стр. 131.

дарственных записей, судебных документов,—однимъ словомъ, всей бумажной дряни, индивидуальнаго права. Вездѣ и во всѣхъ отношеніяхъ революціонные факты—на мѣсто созданнаго государствомъ и имъ охраняемаго права; ф) конфискація всѣхъ производительныхъ капиталовъ и орудій производства въ пользу рабочихъ союзовъ, которые воспользуются этимъ для коллективнаго производства; д) конфискація всей церковной и государственной собственности, а равно и всѣхъ благородныхъ металловъ, находящихся въ частномъ владѣніи, въ пользу образованной объединеніемъ рабочихъ союзовъ коммуны. За конфискованныя богатства владѣльцы ихъ получаютъ отъ коммуны только то, что является безусловно необходимымъ для ихъ существованія; имъ предоставляется право увеличить свое имущество путемъ личнаго труда»¹⁾.

Вслѣдъ за разрушеніемъ начнется созидательная работа. Отсюда: h) «организация коммуны посредствомъ постояннаго баррикаднаго союза и ея органа, Совѣта рабочей коммуны, куда каждая баррикада, каждая улица, каждый участокъ посылаетъ одного или двухъ отвѣтственныхъ и отзываемыхъ представителей съ императивными мандатами. Совѣтъ коммуны можетъ образовывать изъ своей среды исполнительные комитеты для различныхъ вѣтвей революціоннаго управленія; i) объявленіе возставшей и организовавшейся въ коммуну столицы о томъ, что послѣ справедливаго уничтоженія авторитарнаго государства, она отказывается отъ права, или вѣрнѣе, отъ присвоенія себѣ права управлять провинціями и рѣшать за нихъ; k) воззваніе ко всѣмъ провинціямъ, общинамъ и союзамъ о томъ, чтобы они послѣдовали примѣру столицы и немедленно ввели и у себя революціонную организацию, а затѣмъ послали бы къ извѣстному сборному пункту отвѣтственныхъ и отзываемыхъ предта-

¹⁾ Bakounine, Statuts: L'alliance стр. 129—130.

вителей съ императивными мандатами, чтобы образовать, такимъ образомъ, союзъ возставшихъ группъ, общинъ и провинцій и организовать революціонную силу, достаточную для того, чтобы побѣдить реакцію. Отправка революціонныхъ агитаторовъ,—но, отнюдь, не официальныхъ революціонныхъ комиссаровъ съ какими-нибудь значками,—во всѣ провинціи и общины, особенно, къ крестьянамъ, которые могутъ быть революционизированы не путемъ научныхъ теорій, а также и не путемъ приказовъ какой-либо диктатуры, а единственно, благодаря самому революціонному факту, то-есть, благодаря неизбежному вліянію полнѣйшаго превращенія во всѣхъ общинахъ официальной государственной дѣятельности. Отмѣна національнаго государства также и въ томъ смыслѣ, что всѣ чужія страны, провинціи, общины и союзы, даже отдѣльные лица, принявшія участіе въ возстаніи по одинаковымъ мотивамъ, будутъ приняты въ союзъ, независимо отъ ихъ современныхъ государственныхъ границъ, политической системы и національности, а съ другой стороны, провинціи, общины, союзы и отдѣльные лица своей страны, примкнувшія къ реакціонной партіи, будутъ исключены изъ него. Такимъ образомъ, благодаря объединенію возставшихъ странъ для совместной защиты, универсальная революція съ неудержимой силой пойдетъ впередъ черезъ уничтоженныя границы, по развалинамъ прежняго государства, къ побѣдѣ»¹⁾.

II. «Служить революціи»²⁾, «которая всюду должна быть дѣломъ народа»³⁾, «организовать и ускорять ее»⁴⁾— вотъ единственная задача тѣхъ, кто предвидитъ ходъ

¹⁾ Bakounine, Statuts: L'alliance, стр. 130—131.

²⁾ Bakounine, Statuts: L'alliance, стр. 125.

³⁾ Bakounine, Statuts: L'alliance, стр. 131.

⁴⁾ Bakounine, Statuts: L'alliance, стр. 125.

развитія. Мы должны новому времени сказать: «уступи акушеровъ» ¹⁾ «помочь родамъ революціи» ²⁾.

Съ этой цѣлью мы должны, «во-первыхъ, распространять въ массѣ идеи, соответствующія массовымъ инстинктамъ» ³⁾. «Что мѣшаетъ спасительной идеѣ быстро проникнуть въ рабочія массы? Ихъ невѣжество и, особенно, политическіе и религіозные предрассудки, которые, благодаря стараніямъ господствующихъ классовъ, до сихъ поръ еще затемняютъ естественное мышленіе рабочаго и его здоровое чувство» ⁴⁾. «Цѣль, поэтому, состоитъ въ томъ, чтобы вполне разъяснить ему то, чего онъ самъ хочетъ, вызвать въ немъ идею, соответствующую его инстинктамъ. Разъ только мысль рабочихъ массъ поднимется до высоты ихъ инстинктовъ, ихъ воля уже будетъ непреклонна и ихъ сила непобѣдима» ⁵⁾.

Мы должны, далѣе, «создать, если не революціонную армію—арміей можетъ быть только народъ—то все-таки нѣкотораго рода революціонный генеральный штабъ. Это должны быть преданные, энергичные и даровитые люди, любящіе народъ не изъ честолюбія и тщеславія и способные служить посредниками между революціонной мыслью и народными инстинктами. Нѣтъ никакой необходимости въ слишкомъ большомъ количествѣ такихъ людей. Для международной организаціи всей Европы достаточно ста сильно и серьезно объединенныхъ революціонеровъ. Отъ двухсотъ до трехсотъ революціонеровъ достаточно для организаціи величайшей страны» ⁶⁾.

Здѣсь, именно, находится поле дѣятельности тайныхъ обществъ ⁷⁾. «Чтобы служить всеобщей революціи,

чтобы организовать и ускорить ее» ¹⁾, Бакунинъ основалъ Alliance internationale de la démocratie socialiste—Международный социалдемократическій союзъ.

Этотъ союзъ долженъ былъ преслѣдовать двоякую цѣль: а) «распространеніе въ народныхъ массахъ всѣхъ странъ правильныхъ взглядовъ на политику, народное хозяйство и на разнаго рода философскіе вопросы; дѣятельная пропаганда путемъ газетъ, брошюръ и книгъ; а также посредствомъ образованія публичныхъ союзовъ; в) привлеченіе всѣхъ умныхъ, энергичныхъ, сдержанныхъ, благомыслящихъ и искренне преданныхъ идеѣ людей; покрытіе Европы, а по возможности, также и Америки, стѣтью способныхъ къ самопожертвованію и сильныхъ своимъ единодушіемъ революціонеровъ» ²⁾.

¹⁾ Bakounine, Die Volkssache: Dragomanow, стр. 309.

²⁾ Bakounine, Statuts: L'alliance, стр. 132.

³⁾ Bakounine, Statuts: L'alliance, стр. 132.

⁴⁾ Bakounine, Articles: Mémoire, pièces justificatives, стр. 103.

⁵⁾ Bakounine, Articles; Mémoire, pièces justificatives, стр. 103.

⁶⁾ Bakounine, Statuts: L'alliance, стр. 132.

⁷⁾ Bakounine, Statuts: L'alliance, стр. 132.

¹⁾ Bakounine, Statuts: L'alliance, стр. 125.

²⁾ Bakounine, Statuts: L'alliance, стр. 125—126.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Ученіе Крѣпоткина.

1. Общія замѣчанія.

1. Князь Петръ Алексѣевичъ Крѣпоткинъ родился въ 1842 году, въ Москвѣ. Съ 1862 года по 1867 онъ служилъ офицеромъ въ амурскомъ конномъ казачьемъ войскѣ; въ этотъ періодъ онъ объѣздилъ большую часть Сибири и Маньчжуріи. Съ 1867 года по 1871 годъ онъ изучалъ въ Петербургѣ математику; въ то же время онъ занималъ мѣсто секретаря географическаго общества, по порученію котораго въ 1871 году изслѣдовалъ глетчеры Финляндіи и Швеціи.

Въ 1872 году Крѣпоткинъ отправился въ Бельгію и Швейцарію, гдѣ примкнулъ къ «Международному обществу рабочихъ». Въ томъ же году онъ возвратился въ Петербургъ, гдѣ сталъ однимъ изъ выдающихся членовъ тайнаго кружка чайковцевъ. Въ 1874 году кружокъ былъ прослѣженъ. Крѣпоткина арестовали и содержали въ Петропавловской крѣпости. Въ 1876 году ему удалось бѣжать въ Англію, откуда въ 1879 году отправился въ Швейцарію. Въ 1881 году онъ былъ оттуда высланъ. Съ этого времени Крѣпоткинъ жи-

ветъ попеременно то въ Англію, то во Франціи. Въ 1883 году за принадлежность къ тайному обществу его во Франціи осудили на пять лѣтъ тюремнаго заключенія, которое онъ отбывалъ до своего помилованія въ 1886 году. Начиная съ 1886 года онъ живетъ въ Англіи.

Крѣпоткинъ опубликовалъ описанія своихъ путешествій, географическія изслѣдованія, а также сочиненія изъ области философіи права, политической экономіи и политики.

2. Наиболее важными для ученія Крѣпоткина о правѣ, государствѣ и собственности сочиненіями является множество небольшихъ брошюръ, газетныхъ статей и рефератовъ. Статьи, опубликованныя имъ съ 1879 года до 1882 въ женевской газетѣ «Le révolté», появились въ 1885 году отдѣльной книгой подъ заглавіемъ *Paroles d'un révolté* (существуютъ два русскихъ перевода: одинъ озаглавленъ: «Распаденіе современнаго строя», а другой: «Рѣчи бунтовщика». Перев.). Единственнымъ большимъ сочиненіемъ, въ которомъ онъ излагаетъ свое ученіе, является *La conquête du pain*, изданное въ 1892 году (въ русскомъ переводѣ книга эта называется «Хлѣбъ и Воля». Вышла въ Лондонѣ въ 1902 году. Перев.)¹⁾.

3. Крѣпоткинъ называетъ свое ученіе анархизмомъ. «Когда въ нѣдрахъ «Интернаціонала» образовалась партія, не признававшая ничьихъ авторитетовъ ни внутри этого союза, ни внѣ его, то она на первыхъ порахъ назвала себя федералистической, а потомъ антиавторити-

¹⁾ Эльдбахеръ писалъ свою книгу въ 1900 г. Ему не могли быть извѣстны новыя большія работы Крѣпоткина, вышедшія послѣ 1900 г. подъ заглавіями: 1) «Fields, Factories and Workshops» — «Поля, фабрики и мастерскія» (существуетъ русский переводъ, изданный «Посредникомъ», озаглавленный: «Земледѣліе, промышленность и ремесла»).

тарной или антигосударственной. Она избѣгала въ то время называть себя анархической, ибо терминъ анархизмъ (такъ писали его въ то время), казалось, чрезчуръ связывалъ партію со сторонниками Прудона, противъ реформаторскихъ идей котораго «Интернаціональ» велъ борьбу. Но именно поэтому нашимъ противникамъ, желающимъ смуты, было угодно называть насъ этимъ именемъ. Это обозначеніе давало возможность утверждать, что уже изъ самаго названія «анархисты» вытекаетъ, что послѣдніе стремятся исключительно къ безпорядку и хаосу, не думая о дальнѣйшемъ. Анархистская партія не колеблясь приняла навязываемое ей названіе. Вначалѣ она еще настаивала на отдѣленіи чертой «ан» отъ «архизмъ», обосновывая это тѣмъ, что слово «ан-архизмъ», греческаго происхожденія, означаетъ въ такой формѣ безначаліе, а не безпорядокъ; «но вскорѣ она рѣшилась избавить корректора отъ излишнихъ трудовъ, а читателя отъ уроковъ греческаго языка и стала пользоваться этимъ именемъ въ такой формѣ, въ какой оно употребляется теперь» ¹⁾. И въ самомъ дѣлѣ, «слово анархія, отрицающее весь этотъ такъ называемый порядокъ и напоминающее прекраснѣйшіе моменты въ исторіи народовъ, хорошо выбрано для партіи, выступающей на завоеваніе лучшаго будущаго» ²⁾.

2. Основныя идеи.

По мнѣнію Кропоткина, высшимъ закономъ для человѣка является законъ развитія человѣчества отъ менѣе счастливаго къ наиболѣе счастливому существованію; изъ

¹⁾ Kropotkine, Paroles d'un révolté, стр. 99.
²⁾ Kropotkine, Paroles d'un révolté, стр. 104.

этого закона онъ выводитъ требованіе справедливости и требованіе энергіи.

1. Высшимъ закономъ для человѣка является законъ развитія человѣчества отъ менѣе счастливаго къ наиболѣе счастливому существованію.

Существуетъ «только одинъ научный методъ, методъ естественныхъ наукъ» ¹⁾, и этотъ методъ мы примѣняемъ также «въ наукахъ, касающихся человѣка» ²⁾ и особенно въ «наукахъ объ обществѣ» ³⁾. Вся наука испытываетъ въ настоящее время колоссальный переворотъ ⁴⁾, благодаря эволюціонной философіи ⁵⁾. «Господствовавшая до настоящаго времени идея, по которой природа остается всегда неизмѣнной, пала, она разрушена, уничтожена. Все въ природѣ измѣняется, ничто не остается неизмѣннымъ,—ни утесъ, кажуційся намъ неподвижнымъ, ни континентъ, который мы называемъ «твердыней», ни его обитатели, ни ихъ обычаи, привычки, идеи. Все, что мы вокругъ насъ видимъ, все это преходящія явленія и все должно измѣняться, ибо неподвижность есть смерть» ⁶⁾. У организмовъ эта эволюція является прогрессомъ, вслѣдствіе «ихъ удивительной способности приспособляться къ условіямъ жизни. Организмы развиваютъ у себя качества, благодаря которымъ они наиболѣе совершеннымъ образомъ приспособляются къ окружающей средѣ, а каждая часть ихъ къ потребностямъ свободнаго сотрудничества» ⁷⁾. «Это борьба за существованіе», которую слѣдуетъ понимать не исключительно въ узкомъ смыслѣ борьбы за пищу» ⁸⁾.

¹⁾ Kropotkine, Des temps nouveaux, стр. 39.

²⁾ Kropotkine, Des temps nouveaux, стр. 39.

³⁾ Kropotkine, Des temps nouveaux, стр. 8, 39.

⁴⁾ Kropotkine, Des temps nouveaux, стр. 5.

⁵⁾ Kropotkine, Anarchist communism, стр. 4.

⁶⁾ Kropotkine, Revolutionary studies, стр. 9.

⁷⁾ Kropotkine, Anarchist communism, стр. 8—9.

⁸⁾ Kropotkine, Anarchist communism, стр. 9.

«Развитіе никогда не подвигается медленно и равномерно, какъ утверждали нѣкоторые. Эволюція и революція смѣняють другъ друга, и революціи, т. е. времена ускоренной эволюціи, ничуть не нарушаютъ единства природы, какъ и тѣ времена, въ которыя эволюція происходитъ медленно» ¹⁾. Порядокъ есть свободное равновѣсіе всѣхъ силъ, дѣйствующихъ въ одномъ и томъ же пунктѣ; если нѣкоторыя изъ этихъ силъ, благодаря человѣческой волѣ, и испытываютъ въ своей дѣятельности затрудненія, то тѣмъ не менѣе онѣ дѣйствуютъ, но энергія ихъ накапливается для того, чтобы въ одинъ прекрасный день снести искусственныя плотины и вызвать переворотъ» ²⁾.—Эти общія положенія Кропоткинъ примѣняетъ къ общественной жизни людей ³⁾. «Общество есть сумма организмовъ, стремящихся удовлетворить потребности каждаго отдѣльнаго организма, и въ то же время, трудящихся для блага всего вида» ⁴⁾; общество есть «цѣлое, имѣющее цѣлью достиженіе наибольшей суммы счастья съ наименьшей потерей человѣческой силы» ⁵⁾. Человѣческія общества развиваются ⁶⁾, и можно сдѣлать попытку опредѣлить направленіе этого развитія ⁷⁾. Общества развиваются отъ низшихъ формъ организаціи къ высшимъ ⁸⁾; цѣль этого развитія т. е. тотъ пунктъ, къ которому они стремятся, заключается въ установленіи наилучшихъ условій для достиженія наибольшаго счастья человѣчества» ⁹⁾. То, что мы называемъ прогрессомъ есть правильный путь къ этой

¹⁾ Кропоткинъ, Des temps nouveaux, стр. 13.

²⁾ Кропоткинъ, Des temps nouveaux, стр. 12.

³⁾ Кропоткинъ, Des temps nouveaux, стр. 7.

⁴⁾ Кропоткинъ, Anarchist communism, стр. 24.

⁵⁾ Кропоткинъ, Revolutionary studies, стр. 24.

⁶⁾ Кропоткинъ, Anarchist communism, стр. 7.

⁷⁾ Кропоткинъ, Anarchist communism, стр. 4.

⁸⁾ Кропоткинъ, Anarchist communism, стр. 7.

⁹⁾ Кропоткинъ, Anarchist communism, стр. 4.

цѣли ¹⁾; человѣчество иногда сбивается съ этого пути, но въ концѣ концовъ оно опять къ нему возвращается ²⁾.

Но и здѣсь эволюція не совершается безъ революціи. То, что имѣетъ мѣсто по отношенію къ отдѣльному человѣку, къ климату отдѣльной страны и по отношенію къ свойствамъ отдѣльнаго вида, относится также къ обществамъ: «они развиваются медленно, но бываютъ времена и быстрыхъ переворотовъ» ³⁾. Возможно, что нѣкоторыя обстоятельства стануть на пути къ стремленію человѣческихъ обществъ достигнуть наибольшей суммы счастья ⁴⁾. «Повсюду зарождаются новыя идеи, ищущія выходъ на свѣтъ Божій, стремящіяся найти себѣ примѣненіе въ жизни, но задерживающіяся инерціей тѣхъ, кто заинтересованъ въ сохраненіи старыхъ порядковъ, и задыхающіяся подъ тяжестью застарѣвшихъ предрассудковъ и традицій» ⁵⁾. «Политическіе, экономическіе и соціальные институты разбиваются вдребезги, и ставшее необитаемымъ зданіе препятствуетъ развитію всего того, что пробивается между его расщелинами и вокругъ него» ⁶⁾. Тогда необходимы «великія событія, рѣзко обрывающія нить исторіи, выбивающія человѣчество изъ проторенныхъ колеи и бросающія его на новыя пути» ⁷⁾, «революція становится повелительной необходимостью» ⁸⁾.—«Человѣкъ позналъ свое мѣсто въ природѣ, онъ позналъ, что учрежденія дѣло его рукъ и что они могутъ быть преобразованы имъ однимъ» ⁹⁾. «На что только не рѣшалась техника и на что не рѣ-

¹⁾ Кропоткинъ, L'anarchie dans l'évolution socialiste, стр. 28.

²⁾ Кропоткинъ, Paroles d'un révolté, стр. 17.

³⁾ Кропоткинъ, Des temps nouveaux, стр. 59.

⁴⁾ Кропоткинъ, Anarchist communism, стр. 59.

⁵⁾ Кропоткинъ, Paroles d'un révolté 275—276.

⁶⁾ Кропоткинъ, Paroles d'un révolté, 277—278.

⁷⁾ Кропоткинъ, Paroles d'un révolté, стр. 17.

⁸⁾ Кропоткинъ, Paroles d'un révolté, стр. 275.

⁹⁾ Кропоткинъ, Revolutionary studies, стр. 9.

шается теперь литература, искусство, драма, музыка!»¹⁾. Точно также и там, гдѣ извѣстные учрежденія препятствуютъ общественному прогрессу, мы должны рѣшиться поднять борьбу, чтобы всѣмъ дать возможность богатой и полной жизни»²⁾).

2. Изъ закона развитія челоѳчества отъ менѣе счастливаго существованія къ наиболѣе счастливому Кропоткинъ выводитъ требованіе справедливости и энергіи.

Въ борьбѣ за существованіе челоѳческія общества развиваются по направленію къ такому состоянію, въ которомъ будутъ налицо наилучшія условія къ достиженію наивысшаго счастья челоѳчества³⁾. Называя что-нибудь добромъ, мы разумѣемъ подъ этимъ нѣчто такое, что содѣйствуетъ достиженію этой цѣли, т. е. что полезно обществу, въ которомъ мы живемъ; зломъ же мы называемъ то, что, по нашему мнѣнію, препятствуетъ достиженію цѣли, т. е. что для общества, въ которомъ мы живемъ, является вреднымъ⁴⁾.

Взгляды на то, что содѣйствуетъ и что препятствуетъ установленію лучшихъ условій къ достиженію наибольшаго счастья челоѳчества, т. е. на то, что для общества полезно и что вредно, могутъ, конечно, измѣняться⁵⁾. Однако, при всѣхъ различіи мнѣній одно основное требованіе всегда будетъ считаться необходимымъ для достиженія указанной цѣли. Это требованіе, можно формулировать въ положеніи: поступай съ другимъ такъ, какъ желаешь, чтобы въ сходныхъ случаяхъ поступали съ тобою»⁶⁾. Это положеніе представляетъ собою, однако, «не что иное, какъ принципъ равен-

¹⁾ Kropotkine, Revolutionary studies, стр. 10.

²⁾ Kropotkine, La morale anarchiste, стр. 74.

³⁾ Kropotkine, Anarchist communism, стр. 4.

⁴⁾ Kropotkine, La morale anarchiste, стр. 24, 31.

⁵⁾ Kropotkine, La morale anarchiste, стр. 30.

⁶⁾ Kropotkine, La morale anarchiste, стр. 30—31.

ства»¹⁾; равенство же, въ свою очередь, «означаетъ то же самое, что справедливость»²⁾,³⁾ «солидарность»⁴⁾).

Существуетъ, однако, еще одно неоспоримое основное требованіе, необходимое для достиженія цѣли. Это есть «нѣчто болѣе великое, болѣе красивое и болѣе сильное, нежели простое равенство»⁵⁾; его можно выразить въ положеніи: «будь силенъ, кипи ключемъ въ своей страсти мышления и дѣйствія—тогда Твой разумъ, Твоя любовь, Твоя энергія перельются въ другихъ»⁶⁾).

3. Право.

I. вмѣстѣ съ развитіемъ челоѳчества отъ менѣе счастливаго къ болѣе счастливому существованію исчезнетъ, по мнѣнію Кропоткина, не право вообще, но право писанное.

1. Писанное право стало препятствіемъ въ развитіи челоѳчества по направленію къ болѣе счастливому существованію.

«Тысячи лѣтъ правящіе повторяютъ: «уваженіе передъ закономъ»⁷⁾; «въ современныхъ государствахъ каждый новый законъ считается лѣкарствомъ отъ всѣхъ золъ»⁸⁾. Но «законъ не имѣетъ никакихъ притязаній на уваженіе людей»⁹⁾. «Законъ это искусственная смѣсь изъ двухъ родовъ привычекъ: изъ такихъ, кото-

¹⁾ Kropotkine, La morale anarchiste, стр. 41.

²⁾ Kropotkine, La morale anarchiste, стр. 42.

³⁾ Kropotkine, La morale anarchiste, стр. 38, La conquête du pain, стр. 296.

⁴⁾ Kropotkine, Paroles d'un révolté, стр. 342, 129.

⁵⁾ Kropotkine, La morale anarchiste, стр. 57.

⁶⁾ Kropotkine, La morale anarchiste, стр. 61—62.

⁷⁾ Kropotkine, Paroles d'un révolté, стр. 215.

⁸⁾ Kropotkine, Paroles d'un révolté, стр. 214.

⁹⁾ Kropotkine, Paroles d'un révolté, стр. 227.

рыя полезны обществу и которыя будутъ признаны и безъ закона и 2) такихъ, которыя выгодны лишь господствующему меньшинству и поддерживаются только благодаря террору» ¹⁾. «Законъ, выступившій вначалѣ, какъ собраніе обычаевъ, служащихъ къ поддержанію общества, сталъ орудіемъ эксплуатаціи и господства надъ рабочими массами богатыхъ туенядцевъ, Законъ не имѣетъ болѣе никакой культурной задачи, его единственной задачей является защита эксплуатаціи» ²⁾. «На мѣсто непрерывнаго развитія законъ ставитъ абсолютную неподвижность» ³⁾, «онъ пытается навѣки укрѣпить выгодныя для господствующаго меньшинства привычки» ⁴⁾.

«При анализѣ милліоновъ законовъ, которымъ повинуются человѣчество, можно различить среди нихъ три большихъ группы, касающихся защиты собственности, защиты правительства и защиты личности. При разсмотрѣніи этихъ трехъ группъ повсюду приходишь къ тому, что законы не нужны и вредны. Какое значеніе имѣютъ законы, защищающіе собственность, это социалисты хорошо знаютъ. Законы, касающіеся собственности, созданы не для того, чтобы обезпечить личности или обществу продукты ихъ труда, а, наоборотъ, для того, чтобы отнять у производителя часть его продукта и охранить немногихъ въ пользованіи тѣмъ, что они отняли у производителей или у всего общества» ⁵⁾. Что касается далѣе защиты правительства, «то мы прекрасно знаемъ, что задача всѣхъ, безъ исключенія, правительствъ заключается въ томъ, чтобы насиліемъ поддержать привилегіи имущихъ классовъ, дворянства, духовенства и буржуазіи. Стоитъ только проанали-

¹⁾ Kropotkine, Paroles d'un révolté, стр. 227.

²⁾ Kropotkine, Paroles d'un révolté, стр. 235.

³⁾ Kropotkine, Paroles d'un révolté, стр. 219.

⁴⁾ Kropotkine, Paroles d'un révolté, стр. 226.

⁵⁾ Kropotkine, Paroles d'un révolté, стр. 236.

зировать всѣ эти законы, стоитъ только постоянно наблюдать за ихъ дѣйствіемъ, чтобы убѣдиться, что ни одинъ изъ нихъ не заслуживаетъ дальнѣйшаго существованія» ¹⁾. Также излишни и вредны, наконецъ, законы объ охранѣ личности, наказаніи и пресѣченіи «преступленій». Страхъ передъ наказаніемъ не остановилъ еще ни одного убійцу. Кто изъ мести или нужды хочетъ убить своего ближняго, тотъ не ломаетъ себѣ головы относительно послѣдствій, и до настоящаго времени всѣ убійцы питали глубокую увѣренность въ томъ, что избѣгнуть преслѣдованія. Если бы убійство было объявлено безнаказаннымъ, то число убійствъ ничуть не увеличилось бы, а, быть можетъ, и уменьшилось, такъ какъ въ настоящее время большое число убійствъ совершается рецидивистами, испорченными тюремнымъ заключеніемъ» ²⁾.

2. Та ступень развитія, которой принадлежит писанное право, вскорѣ будетъ пройдена человѣчествомъ.

«Законъ является институтомъ сравнительно юнымъ. Множество столѣтій человѣчество жило безъ всякихъ писанныхъ законовъ; отношенія людей другъ къ другу регулировались простыми привычками, обычаями и нравами, почтенными своею древностью и усвоиваемыми каждымъ съ дѣтства, какъ усвоивалась охота, скотоводство, земледѣліе» ³⁾. «Но когда общество все болѣе и болѣе стало разслаиваться на два класса, изъ которыхъ одинъ желалъ господства, а другой — избѣгнуть этого господства, тогда у побѣдителя появилось стремленіе увѣковѣчить совершившійся фактъ и освятить его всѣмъ тѣмъ, что для побѣжденнаго являлось достойнымъ уваженія. Освященный священникомъ и охраненный воиномъ появился законъ» ⁴⁾.

¹⁾ Kropotkine, Paroles d'un révolté, стр. 239.

²⁾ Kropotkine, Paroles d'un révolté, стр. 240—242.

³⁾ Kropotkine, Paroles d'un révolté, стр. 221.

⁴⁾ Kropotkine, Paroles d'un révolté, стр. 226.

Но дни его уже сочтены. «Повсюду появляются мятежники, не желающие повиноваться закону до тех пор, пока имъ не известно, откуда онъ исходитъ, на что онъ полезенъ, по какому праву онъ требуетъ повиновения, и на какомъ основаніи его почитаютъ. Они подвергаютъ своей критикѣ все, что до сихъ поръ считалось опорой общества, и въ первую голову фетишь—законъ»¹⁾. Моментъ его исчезновения, приблизить который является нашей задачей²⁾, уже близокъ³⁾ и, быть можетъ, наступитъ еще въ концѣ девятнадцатаго столѣтія⁴⁾.

II. На слѣдующей ступени развитія, которая вскорѣ будетъ достигнута человѣчествомъ, не будетъ существовать писаннаго права, но право все-таки будетъ существовать и тогда. «Законы будутъ отминены цѣликомъ»⁵⁾; «не писанныя привычки»⁶⁾ — «обычное право», какъ говорятъ юристы⁷⁾—будутъ «достаточны для того, чтобы поддерживать доброе согласие»⁸⁾.

Эти нормы ближайшей ступени развитія будутъ покориться на всеобщей волѣ⁹⁾ и повиновеніе имъ будетъ въ достаточной степени обезпечено¹⁰⁾ «потребностью каждаго въ сотрудничествѣ, помощи и любви¹¹⁾ и страхомъ исключенія изъ сообщества; въ случаѣ же необходимости, повиновеніе имъ можетъ быть достигнуто¹²⁾ вмѣшатель-

¹⁾ Kropotkine, Paroles d'un révolté, стр. 218—219.

²⁾ Kropotkine, La morale anarchiste, стр. 74.

³⁾ Kropotkine, Paroles d'un révolté, стр. 264—265.

⁴⁾ Kropotkine, Paroles d'un révolté, стр. 235, L'anarchie dans l'évolution socialiste, стр. 28—29.

⁵⁾ Kropotkine, Paroles d'un révolté, стр. 227—235.

⁶⁾ Kropotkine, Anarchist communism, стр. 29.

⁷⁾ Kropotkine, Paroles d'un révolté, стр. 221.

⁸⁾ Kropotkine, Paroles d'un révolté, стр. 221.

⁹⁾ Kropotkine, La conquête du pain, стр. 229, 109.

¹⁰⁾ Kropotkine, Anarchist communism, стр. 24.

¹¹⁾ Kropotkine, La conquête du pain, стр. 202.

¹²⁾ Kropotkine, Paroles d'un révolté, стр. 110, 134, 135, La conquête du pain, стр. 109.

ствомъ отдѣльнаго гражданина¹⁾ или массъ; такимъ образомъ, эти нормы будутъ правовыми.

Изъ правовыхъ нормъ ближайшей ступени развитія, Крпоткинъ упоминаетъ раньше всего о той, которая предписываетъ выполнение договоровъ²⁾. Далѣе, на ближайшей ступени развитія будетъ дѣйствовать, по мнѣнію Крпоткина, правовая норма, въ силу которой не только средства производства, но и всѣ предметы, вообще, будутъ общимъ достояніемъ³⁾. Слѣдующей правовой нормой ближайшей ступени развитія будетъ, по мнѣнію Крпоткина, та, въ силу которой «каждое лицо, въ извѣстной мѣрѣ участвующее въ производствѣ, имѣетъ право жить, а затѣмъ право жить съ комфортомъ»⁴⁾.

4. Государство.

I. Вмѣстѣ съ развитіемъ человѣчества отъ менѣе счастливаго къ наиболее счастливому существованію вскорѣ исчезнетъ, по мнѣнію Крпоткина, государство.

1. Государство стало препятствіемъ для развитія человѣчества по направленію къ наибольшему счастью.

«Для чего нужна эта чудовищная машина, называемая нами государствомъ? Для того, чтобы воспрепятствовать капиталисту эксплуатировать рабочаго, или помѣщику крестьянина? Или для того, чтобы защитить насъ отъ ростовщичества? Или для того, чтобы добыть пищу, когда у матери для своего ребенка остается лишь одна вода? Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ»⁵⁾. Но зато «государство вмѣшивается во всѣ наши дѣла и, точно кольцомъ,

¹⁾ Kropotkine, Revolutionary studies, стр. 30.

²⁾ Kropotkine, La conquête du pain, стр. 169, 128—129, 203—205.

³⁾ Kropotkine, Paroles d'un révolté, стр. 136—137.

⁴⁾ Kropotkine, La conquête du pain, стр. 229.

⁵⁾ Kropotkine, Paroles d'un révolté, стр. 14.

охватывает насъ отъ колыбели до могилы. Оно опредѣляетъ всѣ наши поступки, нагромождаетъ горы законовъ и предписаній, въ которыхъ трудно ориентироваться даже самому тертому адвокату, и создаетъ армію чиновниковъ, подобно паукамъ, сидящимъ въ своихъ сѣтяхъ, видящихъ свѣтъ только сквозь грязныя окна своихъ канцелярій. Чудовищныя, все возрастающія суммы, взимаемыя государствомъ съ народа, никогда не являются достаточными; оно живетъ на счетъ будущихъ поколѣній и изо всей силы стремится къ своему банкротству. «Государство» означаетъ то же, что «война»: одно государство пытается ослабить или уничтожить другое для того, чтобы навязать ему свой законъ, свою политику, свои торговые договоры и обогатиться на его счетъ; война является обычнымъ состояніемъ Европы, поводовъ къ войнѣ накоплено уже на тридцать лѣтъ впередъ. А вмѣстѣ съ внѣшней войной бушуетъ также и внутренняя: государство, которое вначалѣ должно было быть защитой для всѣхъ и въ особенности для слабыхъ, превратилось въ орудіе богатыхъ противъ обобранныхъ, имущихъ противъ неимущихъ ¹⁾.

При этомъ нужно отмѣтить, что не существуетъ никакой разницы между разными формами государственной власти. «Около конца прошлаго столѣтія французскій народъ свергнулъ монархію, и послѣдній неограниченный король на эшафотѣ расплатился за свои преступления и за преступления своихъ предшественниковъ» ²⁾. «Континентальныя страны продѣлали потомъ то же самое развитіе, онѣ также свергнули своихъ неограниченныхъ монарховъ и бросились въ объятія парламентаризма» ³⁾. «Теперь начинаютъ замѣчать, что парламентаризмъ, отъ котораго такъ много ожидали,

¹⁾ Kropotkine, Paroles d'un révolté, стр. 11—14.

²⁾ Kropotkine, Paroles d'un révolté, стр. 172.

³⁾ Kropotkine, Paroles d'un révolté, стр. 173.

сталъ повсюду орудіемъ интриги и личнаго обогащенія, орудіемъ антинародныхъ и реакціонныхъ стремленій» ¹⁾. «Подобно всѣмъ деспотамъ, народное представительство — пусть оно называется парламентомъ, конвентомъ или какъ-нибудь иначе, все равно, будетъ ли оно назначаться префектами Бонапарта или избираться съ любой свободой какимъ-либо возставшимъ городомъ — всегда будетъ пытаться расширить свою компетенцію, постоянно будетъ стремиться путемъ всякаго рода вмѣшательства усилить свою власть и посредствомъ законовъ вытѣснить дѣятельность личности и общества» ²⁾. «Только благодаря сорокалѣтнему движенію, которое иногда прибѣгало даже къ поджогамъ полей, англійскій парламентъ обеспечилъ арендатору цѣнность сдѣланныхъ имъ улучшеній. Но когда дѣло идетъ о томъ, чтобы защитить интересы капиталистовъ, находящихся, благодаря возстанію, въ опасности, о! тогда всякое народное представительство тутъ-какъ-тутъ, тогда оно дѣйствуетъ безошаднѣе и трусливѣе любого деспота. Безымянный, шестисотъ-головой звѣрь превзошелъ Людовика XI и Иоанна IV» ³⁾. «Парламентаризмъ отвратителенъ для всякаго, кто наблюдалъ его близко» ⁴⁾.

«Господство людей, называющихъ себя «правительствомъ», несомнѣнимо съ нравственностью, покоящейся на солидарности» ⁵⁾. Это лучше всего доказывается «такъ называемыми гражданскими правами, цѣнность и значеніе которыхъ ежедневно и на всѣ лады восхваляетъ буржуазная пресса» ⁶⁾. «Развѣ они созданы для тѣхъ, которымъ они только и нужны? Конечно нѣтъ. Всеобщее избирательное право въ состояніи при извѣстныхъ

¹⁾ Kropotkine, Paroles d'un révolté, стр. 175.

²⁾ Kropotkine, Paroles d'un révolté, стр. 181—182.

³⁾ Kropotkine, Paroles d'un révolté, стр. 183—184.

⁴⁾ Kropotkine, Paroles d'un révolté, стр. 190.

⁵⁾ Kropotkine, Paroles d'un révolté, стр. 19.

⁶⁾ Kropotkine, Paroles d'un révolté, стр. 33.

обстоятельствах защитить буржуазію отъ вмѣшательства центральной власти, оно можетъ установить равновѣсіе между двумя властями, дѣлая излишнимъ нападеніе соперниковъ другъ на друга съ ножами въ рукахъ, какъ то бывало раньше; но оно совершенно бесполезно, когда необходимо свергнуть власть, или хотя бы только ограничить ее. Для господствующихъ это отличное средство для рѣшенія своихъ споровъ; но какой толкъ въ немъ для поработеннаго? Точно также дѣло обстоитъ и со свободой печати. Какіе доводы приводитъ буржуазія въ ея пользу? Ея безсиліе. «Посмотрите, говоритъ она, на Англію, Швейцарію, Соединенные Штаты, печать тамъ свободна и однако господство капитала обезпечено тамъ, какъ нигдѣ». Точно также думаютъ и относительно права союзовъ; «почему бы намъ не допустить полной свободы союзовъ?» говоритъ буржуазія. «Она вѣдь ничуть не нарушитъ нашихъ привилегій. Чего намъ слѣдуетъ опасаться, такъ это тайныхъ сообществъ. Открытые союзы,—лучшее средство, чтобы парализовать ихъ». «Неприкосновенность жилища? Да, ее мы должны провозгласить, ее мы должны вписать въ сводъ законовъ», говорятъ хитрые буржуа, «полиція не должна вѣдь видѣть, что у насъ творится. Если когда-нибудь дѣло приметъ нежелательный оборотъ, тогда мы плюнемъ на неприкосновенность жилища, перевернемъ все вверхъ дномъ и, въ случаѣ нужды, подвергнемъ этихъ людей аресту, даже въ постели». «Почтовая тайна? Да. Провозглашайте повсюду ея неприкосновенность. Наши мелкіе секреты не должны показываться на свѣтъ Божій. А когда мы провѣдаемъ о заговорѣ противъ нашихъ привилегій, мы не станемъ съ нею много церемониться. Если кто-нибудь станетъ протестовать, тогда мы скажемъ такъ, какъ сказалъ недавно одинъ англійскій министръ подъ аплодисменты парламента: «да, господа, съ тяжелымъ сердцемъ и съ большой неохотой мы раз-

рѣшаемъ открывать письма, но отечество (т. е. аристократія и буржуазія) въ опасности!».

Вотъ каковы эти политическія права. Свобода печати и союзовъ, неприкосновенность жилища и всѣ остальные права уважаются лишь до тѣхъ поръ, пока народъ не пользуется ими противъ привилегированныхъ классовъ. Но въ тотъ моментъ, когда народъ начинаетъ пользоваться ими для борьбы противъ привилегій, всѣ эти «права» выбрасываются за бортъ» ¹⁾.

2. Ступень развитія, соответствующая государству, будетъ скоро пройдена. Государство осуждено на гибель ²⁾.

Государство «сравнительно поздняго происхожденія» ³⁾. «Государство есть историческое образование, которое въ жизни всѣхъ народовъ въ извѣстное время постепенно вытѣсняло свободный союзъ. Церковь, законъ, военная сила и богатство, накопленное грабежомъ, столѣтіями работали соединенными силами, медленно нагромождая камень на камень, нападеніе на нападеніе, и создали, такимъ образомъ, тотъ чудовищный институтъ, который въ концѣ концовъ забрался во всѣ уголки общественной жизни и даже въ мозги и сердца людей и который мы называемъ государствомъ» ⁴⁾.

Въ настоящее время государство начинаетъ распадаться. «Народы, въ особенности народы латинской расы, подумываютъ о разрушеніи государственной власти, которая только стѣсняетъ ихъ свободное развитіе; они стремятся къ самостоятельности провинцій, общинъ и рабочихъ группъ, желая свободно соединиться другъ съ другомъ» ⁵⁾. «Распаденіе государствъ происходитъ съ

¹⁾ Kropotkine, Paroles d'un révolté, стр. 35—39.

²⁾ Kropotkine, L'anarchie dans l'évolution socialiste, стр. 30.

³⁾ Kropotkine, Anarchist communism, стр. 7.

⁴⁾ Kropotkine, Les temps nouveaux, стр. 49—50.

⁵⁾ Kropotkine, Paroles d'un révolté, стр. 10.

страшной быстротой; они превратились въ дряхлыхъ стариковъ, со сморщенной кожей и дрожащими ногами, они разбѣдены внутренними болѣзнями, и новыя идеи стали имъ недоступны. Ту незначительную силу, которая у нихъ еще осталась, они расточаютъ, живя на счетъ немногихъ оставшихся на ихъ долю лѣтъ и ускоряютъ свой конецъ, нападая другъ на друга, точно старыя бабы» ¹⁾).

Моментъ, когда государство исчезнетъ, уже близокъ ²⁾. Иногда Кропоткинъ говоритъ, что онъ наступитъ черезъ нѣсколько лѣтъ ³⁾, иногда—что въ концѣ девятнадцатаго столѣтія ⁴⁾).

II. На ближайшей ступени развитія, которая вскорѣ будетъ достигнута человѣчествомъ, государство уступитъ мѣсто общественному сожителству, основанному на правовой нормѣ, предписывающей выполнение договоровъ. Анархизмъ есть «неизбѣжно» ⁵⁾ «ближайшая высшая форма общественнаго развитія» ⁶⁾).

I. Устранивъ государство, люди все-таки не перестанутъ жить совмѣстно, но удерживать ихъ въ обществѣ будетъ уже не правительственная власть, а правовая сила договора. «Свободное соединеніе индивидуумовъ въ группы и группъ въ союзы, свободное расчлененіе въ направленіи отъ простаго къ сложному, смотря по потребности и склонности», ⁷⁾ вотъ будущая форма чело-вѣческаго общества.

Въ настоящее время наблюдается ростъ анархиче-

¹⁾ Kropotkine, Paroles d'un révolté, стр. 9—10.

²⁾ Kropotkine, Paroles d'un révolté, стр. 264—265.

³⁾ Kropotkine, Paroles d'un révolté, стр. 139.

⁴⁾ Kropotkine, Paroles d'un révolté, стр. 235, L'anarchie dans l'évolution socialiste, стр. 28—29.

⁵⁾ Kropotkine, L'anarchie dans l'évolution socialiste, стр. 30.

⁶⁾ Kropotkine, Anarchist communism, стр. 4, 7.

⁷⁾ Kropotkine, L'anarchie dans l'évolution socialiste, стр. 26.

скаго движенія, т. е. «движенія, направленного къ ограниченію правительственной дѣятельности. Испытавъ всѣ виды правительственной власти, чело-вѣчество захотѣло освободиться отъ всѣхъ правительственныхъ цѣпей и вести совершенно свободную жизнь» ¹⁾. «Свободные союзы начинаютъ овладѣвать всѣмъ полемъ чело-вѣческой дѣятельности» ²⁾. «Большія организаціи, покоящіяся исключительно на свободномъ соглашеніи, становятся все многочисленнѣе. Примѣромъ тому можетъ служить желѣзнодорожная сѣть Европы, покоящаяся на соглашеніи многихъ самостоятельныхъ обществъ, голландскія корабельныя общества, постепенно охватывающія нѣмецкое судоходство и морскую торговлю Балтійскаго моря, многочисленные торговые союзы и синдикаты во Франціи. Болѣе благороднымъ цѣлямъ служатъ общества для спасенія утопающихъ, общества для подачи помощи больнымъ и сотни подобныхъ имъ организацій. Особенно замѣчательно общество Краснаго креста: убивать людей на полѣ битвы остается задачей государства, но то же самое государство объявляетъ себя неспособнымъ помогать своимъ раненымъ и большей частью предоставляетъ эту работу частной дѣятельности» ³⁾. «Эти стремленія станутъ развиваться, найдутъ себѣ громаднѣйшія области примѣненія и послужатъ основаніемъ для будущаго общества» ⁴⁾).

«Соглашеніе между сотнями обществъ, которымъ принадлежитъ европейская желѣзнодорожная сѣть, состоялось самостоятельно, безъ вмѣшательства какой-либо центральной власти, предписывающей различнымъ обществамъ свои законы. Оно, продолжаетъ существовать, благодаря конгрессамъ, на которые съѣзжаются делегаты для совмѣстнаго совѣщанія, представляя затѣмъ своимъ

¹⁾ Kropotkine, Anarchist communism, стр. 23.

²⁾ Kropotkine, Paroles d'un révolté, стр. 117—118.

³⁾ Kropotkine, Anarchist communism, стр. 25—27.

⁴⁾ Kropotkine, Paroles d'un révolté, стр. 118.

поручителямъ не законы, а планы. Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ совершенно новымъ принципомъ, исполнѣннымъ отъ принциповъ всякаго рода правительственной власти какъ монархическихъ, такъ и республиканскихъ, какъ абсолютныхъ, такъ и конституционныхъ. Мы имѣемъ здѣсь дѣло съ нововведеніемъ, медленно проникающимъ въ европейскіе нравы, но которому принадлежитъ будущность ¹⁾.

2. «Недѣло ломать себѣ голову надъ тѣмъ, какой видъ приметъ публичная жизнь будущаго общества; однако, относительно принциповъ этой жизни мы должны столкнуться уже теперь» ²⁾. «Не слѣдуетъ забывать, что, быть можетъ, черезъ одинъ или два года намъ придется рѣшать всѣ вопросы общественнаго устройства» ³⁾.

Будутъ существовать общины; но «эти общины не представляютъ собою скопленія людей на извѣстной территории; у нихъ нѣтъ ни границъ, ни стѣнъ; община— это группировка единомышленниковъ и не представляетъ собой замкнутаго цѣлага. Различныя группы извѣстной общины будутъ тяготѣть къ сходнымъ группамъ другихъ общинъ; онѣ соединятся съ ними столь же прочно, какъ и со своими гражданами, и такимъ образомъ создадутся общества съ одинаковыми интересами, члены которыхъ будутъ разсеяны по тысячамъ городовъ и селъ.» ⁴⁾

Люди станутъ объединяться въ такія общины посредствомъ «договоровъ» ⁵⁾. Они возьмутъ на себя извѣстныя обязательства передъ обществомъ ⁶⁾, которое, съ своей стороны, также будетъ обязано передъ ними. ⁷⁾

¹⁾ Kropotkine La conquête du pain, стр. 174.

²⁾ Kropotkine, Revolutionary studies, стр. 25.

³⁾ Kropotkine, Revolutionary studies, стр. 26.

⁴⁾ Kropotkine, Paroles d'un révolté, стр. 117.

⁵⁾ Kropotkine, La conquête du pain, стр. 169, 203

⁶⁾ Kropotkine, La conquête du pain, стр. 145, 136, 128—129

⁷⁾ Kropotkine, La conquête du pain, стр. 203—205.

Принуждать къ исполненію этихъ договоровъ не будетъ никакой нужды ¹⁾, наказаніе и судьи будутъ излишни. ²⁾ Выполненіе ихъ будетъ въ достаточной степени обеспечено «потребностью каждаго человѣка въ сотрудничествѣ, помощи и привязанности» ³⁾; не желающихъ исполнять свои обязательства можно подвергнуть исключенію ⁴⁾.

Въ общинахъ всѣ будутъ «дѣлать то, что необходимо, не дожидаясь распоряженія какого-либо правительства» ⁵⁾. «Община не уничтожитъ государства для того, чтобы потомъ его возобновить» ⁶⁾. «Всѣ поймутъ, что наибольшей свободы и наибольшаго счастья можно достигнуть, не имѣя надъ собою никакихъ уполномоченныхъ и не полагаясь на мудрость народныхъ представителей, какъ и на мудрость провидѣнія» ⁷⁾. Не будетъ также никакихъ тюремъ и другихъ карательныхъ институтовъ ⁸⁾. «наилучшее средство противъ немногихъ антисоціальныхъ поступковъ, которые, пожалуй, будутъ имѣть мѣсто въ это время, будетъ состоять въ ласковомъ общоженіи, нравственномъ воздѣйствіи и свободѣ» ⁹⁾.

Подобно членамъ отдѣльныхъ общинъ, общины съ своей стороны станутъ соединяться другъ съ другомъ посредствомъ договоровъ ¹⁰⁾. «Община не станетъ признавать за собой ничего, кромѣ интересовъ союза, къ которому она свободно примкнула вмѣстѣ съ другими общинами» ¹¹⁾. «Вслѣдствіе многообразія нашихъ потребностей

¹⁾ Kropotkine, Anarchism communism, стр. 29—30. La conquête du pain, стр. 183.

²⁾ Kropotkine, Les prisons, стр. 49.

³⁾ Kropotkine, Anarchist communism, стр. 24.

⁴⁾ Kropotkine, La conquête du pain, стр. 202.

⁵⁾ Kropotkine, Paroles d'un révolté, стр. 139.

⁶⁾ Kropotkine, Paroles d'un révolté, стр. 111.

⁷⁾ Kropotkine, Paroles d'un révolté, стр. 175.

⁸⁾ Kropotkine, Les prisons, стр. 49.

⁹⁾ Kropotkine, Les prisons, стр. 58—59.

¹⁰⁾ Kropotkine, La conquête du pain, стр. 44—45.

¹¹⁾ Kropotkine, Paroles d'un révolté, стр. 108.

одинъ союзъ вскорѣ окажется недостаточнымъ; община почувствуетъ необходимость въ составленіи новыхъ связей, чтобы примкнуть къ тому или другому союзу. Для добыванія средствъ къ жизни община уже является членомъ извѣстной группы. Она должна примкнуть потомъ къ другой, чтобы приобрести другіе потребные ей предметы, напимѣръ, металлъ, а затѣмъ къ третьей и четвертой, которыя стануть доставлять ей матеріи произведенія искусства. Взявъ въ руки хозяйственный атласъ любой страны, можно увидѣть, что хозяйственныхъ границъ не существуетъ. Области производства и обмѣна различныхъ предметовъ проникаютъ одна въ другую или совпадаютъ. Точно также союзы общинъ, слѣдуя своему естественному развитію, вскорѣ переплетутся другъ съ другомъ и образуютъ значительно болѣе густую сѣть и совершенно другое «единство», нежели государства, отдѣльныя части которыхъ помѣщаются другъ возлѣ друга, подобно прутьямъ вокругъ ликторскаго топора» ¹⁾.

3. Задачи, выполняемая въ настоящее время государствомъ, будущее общество сумѣетъ выполнить безъ всякихъ затрудненій.

«Предположимъ, что необходима дорога. Тогда жители сосѣднихъ общинъ входятъ въ соглашеніе другъ съ другомъ и выполняютъ свою задачу лучше, нежели министръ общественныхъ работъ. Или предположимъ, что необходима желѣзная дорога. И въ этомъ случаѣ заинтересованныя общины создадутъ нѣчто лучшее, нежели предприниматели, способные строить лишь скверныя дороги, зарабатывая при этомъ милліоны. Или, напимѣръ, нужны школы. Общины устроятъ ихъ ничуть не хуже начальства. Или, напимѣръ, непріятель вторгается въ страну. Тогда мы защищаемся сами, не полагаясь на

¹⁾ Kropotkine, Paroles d'un révolté, стр. 115—116.

генераловъ, которые только предадутъ насъ. Или, напимѣръ, крестьянинъ нуждается въ инструментахъ и машинахъ. Тогда онъ входитъ въ соглашеніе съ городскими рабочими и эти послѣдніе доставляютъ ихъ ему по заготовительной цѣнѣ. Такимъ образомъ, предприниматель, обкрадывающій въ настоящее время и крестьянина и рабочаго, становится излишнимъ» ¹⁾. «Или возникаетъ небольшая ссора, либо сильный пытается подавить слабого. Въ первомъ случаѣ народъ устроитъ третейскій судъ, а во второмъ—каждый гражданинъ сочтетъ своимъ долгомъ лично вмѣшаться въ дѣло, не дожидаясь полиціи. Городовые также стануть излишни, какъ и судьи и тюремщики» ²⁾.

5. Собственность.

1. Съ развитіемъ человѣчества отъ менѣе счастливаго къ болѣе счастливому существованію вскорѣ исчезнетъ, помнѣнію Кропоткина, не собственность вообще, а ея современная форма, частная собственность.

1. Частная собственность стала препятствіемъ къ развитію человѣчества по направленію къ наибольшему счастью.

Каково вліяніе частной собственности? «Кризисъ сталъ хроническимъ; кризисъ въ хлопчатобумажномъ производствѣ, кризисъ въ горной промышленности, кризисъ въ производствѣ часовъ, всѣ кризисы неистовствуютъ теперь одновременно и безъ конца. Количество безработныхъ считается въ Европѣ въ настоящее время милліонами; десятки тысячъ нищенствуютъ, расхаживая изъ

Kropotkine, Paroles d'un révolté, стр. 166.

²⁾ Kropotkine, Revolutionary studies, стр. 30.

города въ городъ, или собираются толпами, угрозами требуя «работы или хлѣба». Громадныя отрасли промышленности уничтожены, большіе города, какъ Шеффилдъ, заброшены. Всюду тихо, всюду господствуютъ нищета и нужда: дѣти блѣдны, женщины за одну зиму постарѣли лѣтъ на пять, болѣзны и смерть неистовствуютъ среди рабочихъ.—Это называется перепроизводствомъ! 1). Нѣкоторые, пожалуй, скажутъ, что, по крайней мѣрѣ, крестьянская частная собственность приводитъ къ хорошимъ результатамъ 2). «Но золотой періодъ мелкаго земледѣлія уже прошелъ. Мелкій крестьянинъ не знаетъ теперь, какъ перебиться. Онъ входитъ въ долги, и становится жертвою скотопромышленника, ростовщика и т. д.; векселя и ипотеки ведутъ къ гибели цѣлыя деревни въ гораздо большей степени, нежели государственные и общинные налоги. Положеніе мелкаго землевладѣнія отчаянное и, если мелкій крестьянинъ по имени еще является собственникомъ, то въ дѣйствительности онъ является только пательщикомъ процентовъ капиталисту и ростовщику» 3).

Но частная собственность косвенно приводитъ еще и къ другимъ послѣдствіямъ. «До тѣхъ поръ, пока у насъ существуетъ каста тунеядцевъ, откармливающаяся на нашъ счетъ подъ предлогомъ того, что якобы нами руководитъ, до тѣхъ поръ эти тунеядцы будутъ источникомъ отравленія общественной нравственности. Кто лѣниво и глупо проводитъ свою жизнь, постоянно думая лишь о новыхъ удовольствіяхъ, кто въ силу самихъ основъ своего существованія не способенъ питать чувства солидарности, развивая въ себѣ лишь грубый эгоизмъ, тотъ всегда будетъ стремиться къ самымъ грубымъ чувственнымъ удовольствіямъ, принимая вмѣстѣ съ тѣмъ

1) Kropotkine, Paroles d'un révolté, стр. 5—6.

2) Kropotkine, Paroles d'un révolté, стр. 322—323.

3) Kropotkine, Paroles d'un révolté, стр. 326.

все его окружающее. Обладая денежнымъ мѣшкомъ и животными инстинктами, онъ обезчеститъ женщинъ и дѣтей, загрязнитъ искусство, театръ, печать, продастъ свое отечество и его защитниковъ и, будучи слишкомъ трусливъ, чтобы самому убивать, предать смерти цвѣтъ своего народа, если только почувствуетъ опасность, угрожающую его денежному мѣшку» 1).

«Изъ года въ годъ тысячи дѣтей вырастаютъ въ физической и нравственной грязи нашихъ большихъ городовъ, среди населенія, испорченнаго борьбой за насущный хлѣбъ, ежедневно наблюдая вокругъ себя безнравственность, тунеядство, расточительность и блескъ, которые наполняютъ эти города 2). «Такимъ-то образомъ общество непрерывно создаетъ существа, неспособныя къ общественной жизни и полныя антисоціальныхъ инстинктовъ. Общество поклоняется имъ, когда ихъ преступления увѣнчиваются успѣхомъ, и посылаетъ на каторгу, когда они терпятъ неудачу» 3).

Частная собственность нарушаетъ справедливость. «Все накопленное богатство создано общимъ трудомъ, какъ настоящаго, такъ и прошлыхъ поколѣній. Домъ, въ которомъ мы находимся, имѣетъ цѣнность лишь потому, что помѣщается въ Парижѣ, въ этомъ прекрасномъ городѣ, въ которомъ накопленъ трудъ двадцати поколѣній. Если бы этотъ домъ перемѣстить въ сибирскія тундры, онъ потерялъ бы всякую цѣнность. Эта машина, которую ты изобрѣлъ и на которую ты взялъ для себя патентъ, заключаетъ въ себѣ трудъ пяти или шести поколѣній. Она имѣетъ цѣнность лишь какъ часть огромнаго цѣлаго, называемаго нами промышленностью девятнадцатаго столѣтія. Отправь свою машину для плетенія кружевъ къ папуасамъ Новой Гвинеи, и она потеряетъ

1) Kropotkine, Paroles d'un révolté, стр. 24.

2) Kropotkine, Les prisons, стр. 47.

3) Kropotkine, Les prisons, стр. 49.

всякую цѣнность»¹⁾. «Наука и промышленность, знаніе и его приложеніе, открытія и ихъ практическое осуществленіе, ведущее къ новымъ открытіямъ, трудъ умственный и трудъ ручной,—все это связано между собой. Каждое открытіе и каждый шагъ впередъ, каждое увеличеніе богатства человѣчества имѣетъ свое начало во всей совокупности физическаго и умственнаго труда, какъ въ настоящемъ, такъ и въ прошломъ. По какому же праву, въ такомъ случаѣ, можетъ кто-нибудь присвоить себѣ хотя бы малѣйшую частицу этого огромнаго цѣлага и сказать: это мое, а не ваше?»²⁾. Однако, это не справедливое присвоеніе общаго достоянія все-таки совершилось. «Въ теченіе цѣлага ряда вѣковъ, прожитыхъ человѣчествомъ, случилось такъ, что все, что даетъ человѣку возможность производить и увеличивать свою производительную силу, было захвачено небольшою горстью людей. Въ настоящее время земля, получающая свою цѣнность именно отъ потребностей все растущаго населенія, принадлежитъ меньшинству, которое можетъ помѣшать и въ самомъ дѣлѣ мѣшаетъ народу ее обрабатывать или же не даетъ ему обрабатывать ее соотвѣтственно современнымъ требованіямъ. Копи, представляющія собой трудъ нѣсколькихъ поколѣній, и потому только имѣющія цѣнность, что кругомъ ихъ кишитъ промышленность и ютится густое населеніе, точно также принадлежатъ нѣсколькимъ чело-вѣкамъ, и эти нѣсколько чело-вѣкъ ограничиваютъ количество добываемаго угля или даже совершенно прекращаютъ его добываніе, если они найдутъ нужнымъ поднять продажную цѣну угля или имъ встрѣтится случай помѣстить свои капиталы болѣе выгоднымъ образомъ. Машины точно также составляютъ собственность

¹⁾ Kropotkine, L'anarchie dans l'évolution socialiste, стр. 10.

²⁾ Kropotkine, La conquête du pain, стр. 8—9.

немногихъ, и даже тогда, когда данная машина представляетъ собою безспорно сумму усовершенствованій, внесенныхъ въ первобытный инструментъ тремя поколѣніями рабочихъ,—она все-таки принадлежитъ нѣсколькимъ хозяевамъ. Желѣзныя дороги, которыя были бы не больше, какъ бесполезными массами желѣза, если бы не густота европейскаго населенія, его промышленность, торговля, и обмѣнъ, принадлежатъ теперь нѣсколькимъ авціонерамъ, которые, быть можетъ, даже не знаютъ, гдѣ находятся эти дороги, часто приносящія имъ больше дохода, чѣмъ владѣнія какого-нибудь средне-вѣковаго короля»¹⁾.

2. Степень развитія, на которой существуетъ частная собственность, скоро будетъ пройдена человѣчествомъ. Частная собственность осуждена на гибель²⁾.

Частная собственность является историческимъ продуктомъ; она, «какъ паразитъ, развивалась среди свободныхъ учрежденій нашихъ предковъ»³⁾ и въ тѣсномъ единеніи съ государствомъ. «Политическій строй общества всегда является выраженіемъ, а также и освѣщеніемъ его экономическаго строя»⁴⁾. «Происхожденіе и право на существованіе государства заключается въ томъ, что оно становится на сторону имущихъ противъ неимущихъ»⁵⁾. «Всемогущество государства образуетъ основаніе для силы буржуазіи»⁶⁾.

Частная собственность приходитъ къ концу. «Хозяйственный хаосъ не можетъ продолжаться далѣе. Народъ усталъ отъ кризисовъ, вызываемыхъ жадностью господствующихъ классовъ. Онъ желаетъ жить и работать, а не биться два-три года изъ-за ничтожной

¹⁾ Kropotkine, La conquête du pain, стр. 9—10.

²⁾ Kropotkine, L'anarchie dans l'évolution socialiste, стр. 30.

³⁾ Kropotkine, Anarchist communism, стр. 11.

⁴⁾ Kropotkine, Paroles d'un révolté, стр. 169.

⁵⁾ Kropotkine, Les temps nouveaux, стр. 45.

⁶⁾ Kropotkine, Revolutionary studies, стр. 17.

платы для того, чтобы потом на много лѣтъ стать жертвою нищеты и объектомъ благотворительности. Рабочій видитъ неспособность господствующихъ классовъ, онъ видитъ, что они не понимаютъ его стремлений, что они не способны руководить производствомъ и обменомъ товаровъ»¹⁾. Отсюда «одной изъ главныхъ чертъ нашего столѣтія является ростъ социализма и неудержимое распространение социалистическихъ идей среди рабочаго класса»²⁾. Моментъ, когда частная собственность исчезнетъ, такимъ образомъ, близокъ; онъ наступитъ черезъ нѣсколько лѣтъ³⁾ или въ концѣ девятнадцатаго столѣтія⁴⁾, но во всякомъ случаѣ скоро⁵⁾.

II. На ближайшей ступени развитія человечества, которая будетъ скоро достигнута, собственность будетъ существовать лишь въ формѣ общественной собственности. «Ближайшей высшей ступеню развитія общества»⁶⁾ «неизбѣжно»⁷⁾ будетъ не только анархизмъ, но и «анархическій коммунизмъ»⁸⁾. «Стремленіе къ политической и стремленіе къ экономической свободѣ являются выраженіемъ одной и той же потребности въ равенствѣ, лежащей въ основаніи всей исторической борьбы»⁹⁾; «наше столѣтіе характеризуется интенсивностью, съ которой выступаютъ оба эти теченія»¹⁰⁾.

Такимъ образомъ, всякій человѣкъ, участвующій въ

¹⁾ Kropotkine, Paroles d'un révolté, стр. 7—8.

²⁾ Kropotkine, Anarchist communism, стр. 4.

³⁾ Kropotkine, Paroles d'un révolté, стр. 139, L'anarchie. Sa philosophie—son idéal, стр. 25.

⁴⁾ Kropotkine, Paroles d'un révolté, стр. 235, L'anarchie dans l'évolution socialiste, стр. 28—29.

⁵⁾ Kropotkine, Paroles d'un révolté, стр. 264—265.

⁶⁾ Kropotkine, Anarchist communism, стр. 4, 7.

⁷⁾ Kropotkine, L'anarchie dans l'évolution socialiste, стр. 30.

⁸⁾ Kropotkine, Paroles d'un révolté, стр. 88, L'anarchie dans l'évolution socialiste, стр. 30.

⁹⁾ Kropotkine, Anarchist communism, стр. 8.

¹⁰⁾ Kropotkine, Anarchist communism, стр. 2.

извѣстной степени въ производствѣ, получить возможность жить въ довольствѣ.

1. Ближайшая ступень развитія человечества будетъ знать только общественную собственность. «Коммунистическая черта выступаетъ въ настоящее время все сильнѣе и сильнѣе. Дорожная пошлина отменяется, и мостъ становится свободнымъ для всѣхъ; исчезаетъ шлагбаумъ, и дорога становится общественной. Тотъ же духъ проникаетъ тысячи другихъ институтовъ. Художественный музей, бібліотека, общественныя школы, парки и площади для игръ, мощенныя и освѣщенныя улицы доступны одинаково всѣмъ. При водоснабженіи все сильнѣе становится стремленіе къ тому, чтобы вода доставлялась каждому въ какомъ угодно размѣрѣ; конки, желѣзныя дороги уже вводятъ срочные билеты и однообразные тарифы, а, переставъ быть частной собственностью, онѣ пойдутъ въ этомъ направленіи еще дальше. Все это показываетъ въ какую сторону направится дальнѣйшій прогрессъ человечества»¹⁾.

Будущее общество будетъ коммунистическимъ. «Первый шагъ общины девятнадцатаго столѣтія будетъ заключаться въ томъ, что она овладѣетъ всѣмъ общественнымъ капиталомъ, накопленнымъ въ ея нѣдрахъ»²⁾. Это относится какъ къ «средствамъ потребления, такъ и къ средствамъ производства»³⁾. «Между капиталомъ, служащимъ для производства продуктовъ, и капиталомъ, удовлетворяющимъ жизненнымъ потребностямъ, пытались дѣлать различіе и говорили, что машины, фабрики и сырье, средства передвиженія и земля должны стать собственностью общества, жилища же, обработанное сырье, платья и жизненные продукты должны остаться въ частномъ владѣніи. Это различіе является заблужденіемъ и

¹⁾ Kropotkine, Anarchist communism, стр. 21.

²⁾ Kropotkine, Paroles d'un révolté, стр. 110.

³⁾ Kropotkine, Paroles d'un révolté, стр. 137.

провести его не возможно. Домъ, который насъ защищаетъ, уголь и газъ, который мы сжигаемъ, пища, потребляемая нашимъ тѣломъ, платье, которое насъ покрываетъ, и книга, которая поучаетъ насъ, и даже развлеченіе,—все это является естественнымъ для нашего существованія и необходимымъ для успѣшнаго производства и для дальнѣйшаго развитія человѣчества въ той же мѣрѣ, какъ и машины, фабрики, сырье и другіе факторы производства. Частная собственность на предметы потребления не уничтожить неравенства, угнетенія и эксплуатаціи; половинчатое устраненіе частной собственности съ самаго начала парализовало бы вліяніе этой мѣры»¹⁾.

Нѣтъ никакого основанія опасаться, что коммунистическія общины будутъ изолированы²⁾. «Если, напри- мѣръ, сегодня какой-нибудь большой городъ превратится въ коммунистическую общину, введя общность средствъ производства и потребления, то (если только онъ не окруженъ непріятельскимъ войскомъ) уже спустя нѣсколько дней появятся товарные поѣзда и изъ далекихъ гаваней придутъ сырые продукты; промышленные продукты города, какъ только будутъ удовлетворены потребности населенія, станутъ искать покупателей во всѣхъ частяхъ свѣта; иностранцы будутъ прибывать цѣлыми толпами и, возвратившись домой, станутъ рассказывать объ удивительной жизни свободнаго города, гдѣ всѣ работаютъ, гдѣ нѣтъ бѣдныхъ и угнетенныхъ, гдѣ каждый пользуется плодами своего труда и гдѣ никто не обижаетъ въ этомъ отношеніи другого»³⁾.

2. Коммунизмъ будущаго общества «не будетъ коммунизмомъ монастырей или казармъ, который проповѣдывали раньше, а коммунизмомъ свободнымъ, который отдастъ всѣ продукты въ распоряженіе всѣхъ, предо-

ставляя каждому свободу, по своему усмотрѣнію, воспользоваться ими у себя дома»⁴⁾. Конечно, нѣтъ никакой возможности уже теперь ясно представить себѣ его во всѣхъ деталяхъ; «но уже и теперь мы должны столкнуться, по крайней мѣрѣ, относительно его принциповъ»²⁾.

Въ какомъ видѣ будетъ вестись производство продуктовъ?

Прежде всего необходимо произвести то, что является необходимымъ «для удовлетворенія наиболѣе настоятельныхъ потребностей человѣчества»³⁾. Для этого достаточно, «чтобы всѣ взрослые люди, за исключеніемъ женщинъ, занятыхъ воспитаніемъ дѣтей, обязались работать по пяти часовъ въ день, отъ 20-ти или 22-хъ лѣтъ до 45-ти или 50-ти лѣтъ, въ любой изъ тѣхъ отраслей человѣческаго труда, которыя считаются необходимыми»⁴⁾. «Коммунистическая община смѣло могла бы поставить своимъ членамъ хотя бы слѣдующія условія: «мы готовы обезпечить вамъ пользованіе нашими домами, магазинами, улицами, средствами передвиженія, школами, музеями и т. д. съ условіемъ, чтобы до 45-ти или 50-ти лѣтъ вы посвящали бы четыре или пять часовъ въ день труду, необходимому для жизни. Выберите сами, если хотите, тѣ группы, къ которымъ вы желали бы присоединиться, или составьте какую-нибудь новую группу, лишь бы только она взяла на себя производство предметовъ, признанныхъ нами необходимыми. Что же касается остальнаго времени, то соединяйтесь съ кѣмъ угодно, для какихъ угодно удовольствій, для какихъ угодно наслажденій искусствомъ или наукой.

«Все, что мы требуемъ отъ васъ, это—тысячу двѣсти

¹⁾ Kropotkine, Paroles d'un révolté, стр. 136.

²⁾ Kropotkine, Paroles d'un révolté, стр. 114.

³⁾ Kropotkine, Paroles d'un révolté, стр. 113—114.

¹⁾ Kropotkine, L'anarchie dans l'évolution socialiste, стр. 12.

²⁾ Kropotkine, Revolutionary studies, стр. 25.

³⁾ Kropotkine, La conquête du pain, стр. 239.

⁴⁾ Kropotkine, La conquête du pain, стр. 128—129.

или тысячу пятьсот часовъ въ годъ работы, въ одной изъ группъ, производящихъ пищевые продукты, одежду, жилища или занимающихся общественной гигиеной, передвиженіемъ и проч.—взаимънъ чего мы обезпечиваемъ вамъ пользованіе всѣмъ, что производится или уже произведено этими группами»¹⁾).

«Такимъ образомъ, для удовлетворенія менѣе необходимыхъ потребностей останется достаточно времени. «Выполнивъ—въ видѣ ли земледѣльческаго, въ видѣ ли промышленнаго—тотъ трудъ, который онъ долженъ отдать обществу, какъ долю своего участія въ общемъ потребленіи, онъ можетъ употребить вторую половину дня на удовлетвореніе своихъ научныхъ потребностей»²⁾. «Тотъ, кому захочется имѣть рояль, пойдетъ въ общество людей, фабрикующихъ музыкальные инструменты; тамъ онъ будетъ отдавать этому дѣлу часть остающагося у него свободнымъ дня и черезъ нѣсколько времени онъ получитъ желанный рояль. Если его привлекаетъ изученіе астрономіи, онъ присоединится къ обществу астрономовъ, въ которое будутъ входить и философы, и наблюдатели, и вычислители, и фотографы, и артисты — выдѣлывающіе астрономическіе инструменты, и ученые и любители,— и онъ получитъ нужный ему телескопъ, а самъ въ свою очередь внесетъ свою долю труда въ общее дѣло, потому что астрономическая лабораторія такъ же нуждается въ работѣ каменщика, столяра, литейщика, механика, какъ и въ работѣ мастера - художника, завершающаго выдѣлку астрономическаго инструмента нарѣзкою дѣлений. Однимъ словомъ, тѣхъ пяти или шести часовъ, которыми будетъ располагать каждый, послѣ того, какъ онъ отдастъ нѣсколько часовъ производству необходимаго, будетъ болѣе, чѣмъ достаточно, для удовлетворенія всѣхъ

1) Kropotkine, La conquête du pain, стр. 203—204.

2) Kropotkine, La conquête du pain, стр. 136.

безконечно разнообразныхъ потребностей, представляющихъ роскошь»¹⁾).

«Отдѣленіе земледѣлія отъ промышленности не будетъ имѣть мѣста. Фабричный рабочій будетъ одновременно заниматься и земледѣліемъ»²⁾. «Связывающимъ звеномъ между деревней и городомъ будетъ обработка земли, которая въ извѣстное время и при мелораціяхъ больше, чѣмъ при жатвѣ, требуетъ значительнаго прироста рабочихъ рукъ»³⁾. «Прекратится также отдѣленіе умственнаго труда отъ физическаго»⁴⁾. «Когда больше не будетъ бѣдняковъ, которые не будутъ продавать свой трудъ за ничтожное пропитаніе, тогда литераторамъ и ученымъ поневолѣ придется соединяться между собою для печатанія своей прозы и стиховъ. Тогда господа писатели, а равно и ихъ почитатели и почитательницы быстро выучатся наборному дѣлу и узнаютъ, какое наслажденіе собираться всѣмъ вмѣстѣ— всѣмъ цѣнителямъ даннаго произведенія—набирать его и вынимать его еще свѣжимъ и чистымъ изъ типографскаго станка»⁵⁾. «Всякая работа будетъ пріятна»⁶⁾. «Если въ настоящее время еще существуютъ непривлекательныя работы, то причина этого заключается въ томъ, что люди науки до сихъ поръ не задумывались надъ тѣмъ, какъ сдѣлать ее привлекательной. Они знали, что существуетъ достаточно голодныхъ, которые и такъ выполнятъ эту работу за нѣсколько грошей»⁷⁾. Заводъ и фабрику можно сдѣлать такимъ же здоровымъ и привлекательнымъ, какъ любую научную лабораторію; и нѣтъ сомнѣнія также, что сдѣлать это является вы-

1) Kropotkine, La conquête du pain, стр. 150—151.

2) Kropotkine, La conquête du pain, стр. 96.

3) Kropotkine, Paroles d'un révolté, стр. 330—331.

4) Kropotkine, La conquête du pain, стр. 195—196.

5) Kropotkine, La conquête du pain, стр. 137.

6) Kropotkine, La conquête du pain, стр. 153.

7) Kropotkine, Anarchist communism, стр. 31.

годнымъ во всѣхъ отношеніяхъ» ¹⁾. Результатомъ такого труда будутъ несравненно лучшіе и болѣе обильные продукты, чѣмъ всѣ тѣ, которые получались до сихъ поръ въ производствѣ, основанномъ на рабствѣ, барщинѣ и наемномъ трудѣ» ²⁾.

Какъ будетъ происходить распредѣленіе продуктовъ?

Всякій, участвующій въ производствѣ получить также свою долю продукта. Но эта доля не будетъ соответствовать долѣ его участія въ производствѣ. «Каждому по его силамъ, каждому по его потребностямъ» ³⁾. «Остается только одно: поставить потребности выше ихъ дѣлъ и признать сначала право на жизнь, а затѣмъ и право на довольство за всеми тѣми, которые принимаютъ какое бы то ни было участіе въ производствѣ» ⁴⁾. «Всякій, какъ бы онъ ни былъ силенъ или слабъ, способенъ или неспособенъ, имѣть право жить ⁵⁾, и жить въ довольствѣ, а затѣмъ право опредѣлять, что должно представлять собой это довольство» ⁶⁾.

Общественныхъ запасовъ будетъ вполне достаточно для этого. «Если мы примемъ во вниманіе, съ одной стороны, ту быстроту, съ какою цивилизованные народы увеличиваютъ свои производительныя силы, а съ другой — ограниченіе, прямое или косвенное, которому подвергается производство вслѣдствіе современныхъ условій, то мы должны заключить, что сколько-нибудь разумная хозяйственная организація дала бы образованнымъ народамъ возможность накопить въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ столько полезныхъ продуктовъ, что имъ пришлось бы, наконецъ, сказать себѣ: «Довольно! Довольно съ насъ угля, довольно хлѣба, довольно одежды!

¹⁾ Kropotkine, La conquête du pain, стр. 156.

²⁾ Kropotkine, La conquête du pain, стр. 193.

³⁾ Kropotkine, L'anarchie dans l'évolution socialiste, стр. 12.

⁴⁾ Kropotkine, La conquête du pain, стр. 229.

⁵⁾ Kropotkine, La conquête du pain, стр. 26.

⁶⁾ Kropotkine, La conquête du pain, стр. 28.

Отдохнемъ и подумаемъ, куда еще приложить свои силы, какъ лучше употребить остающійся у насъ досугъ» ¹⁾.

Ну, а если запасъ продуктовъ не будетъ достаточно для удовлетворенія всѣхъ потребностей? «Рѣшеніе этой задачи гласитъ: свободное полученіе всего того, что находится въ избыткѣ и раздѣленіе на пайки того, въ чемъ ощущается недостатокъ, при чемъ дѣтямъ, старикамъ, вообще слабымъ слѣдуетъ отдать предпочтеніе. Въ деревняхъ уже и теперь такъ поступаютъ. Нѣтъ ни одной общины, которая думала бы о томъ, чтобы ограничить пользованіе лугами, разъ они достаточно велики, чтобы удовлетворить всѣхъ; нѣтъ такой общины, которая мѣшала бы своимъ сочленамъ брать сколько угодно хворосту или каштановъ, разъ послѣдніе находятся въ изобиліи. А что дѣлаетъ крестьянинъ, когда дрова на исходѣ? Онъ распредѣляетъ ихъ по частямъ» ²⁾.

6. Осуществленіе.

Исчезновеніе государства, преобразованіе права и собственности и введеніе новаго строя совершится, по мнѣнію Кропоткина, путемъ соціальной революціи, т. е. путемъ насильственнаго переворота, который произойдетъ самъ собой, но для котораго тѣ, кто предвидитъ ходъ развитія, должны приготовить умы.

I. Мы знаемъ, что будущаго строя «мы не достигнемъ безъ сильныхъ потрясеній» ³⁾. «Для побѣды справедливости и для осуществленія новыхъ идей необходима страшная гроза, которая смела бы всю эту гниль,

¹⁾ Kropotkine, La conquête du pain, стр. 20.

²⁾ Kropotkine, L'anarchie dans l'évolution socialiste, стр. 13.

³⁾ Kropotkine, L'anarchie dans l'évolution socialiste, стр. 28.

оживила бы своимъ дыханіемъ уставшія души и возвратила бы старческому погибающему обществу способность самопожертвования, самоотверженія и героизма» ¹⁾). Необходима «соціальная революція, т. е. конфискація народомъ всѣхъ общественныхъ продуктовъ и отмѣна всѣхъ властей» ²⁾). «Соціальная революція уже близка» ³⁾), «она предстоитъ намъ въ концѣ этого столѣтія» ⁴⁾), «она наступитъ черезъ нѣсколько лѣтъ» ⁵⁾), она является «нашей исторической задачей» ⁶⁾), но «хотимъ ли мы ее или нѣтъ, она произойдетъ независимо отъ нашей воли» ⁷⁾).

1. «Соціальная революція не будетъ возстаніемъ нѣсколькихъ дней; намъ придется испытать революціонный періодъ въ три - пять лѣтъ, пока не закончится преобразование общественныхъ и экономическихъ отношеній» ⁸⁾). «Въ теченіе этого времени взойдетъ все то, что мы теперь посяjali, и кто теперь еще равнодушенъ, тотъ станетъ убѣжденнымъ сторонникомъ этого ученія» ⁹⁾). Соціальная революція не ограничится узкими предѣлами. «Конечно, нельзя предположить, что она возникнетъ сразу по всей Европѣ» ¹⁰⁾). «Германія находится гораздо ближе къ республиканской революціи, нежели это думать» ¹¹⁾); «но гдѣ бы она ни началась, во Франціи или Германіи, Испаніи, Россіи, въ концѣ концовъ она все-таки будетъ революціей европейской. Она распростра-

¹⁾ Kropotkine, Paroles d'un révolté, стр. 280.

²⁾ Kropotkine, Paroles d'un révolté, стр. 261.

³⁾ Kropotkine, La conquête du pain, стр. 22

⁴⁾ Kropotkine, L'anarchie dans l'évolution socialiste, стр. 28.

⁵⁾ Kropotkine, Paroles d'un révolté, стр. 139.

⁶⁾ Kropotkine, Un siècle d'attente, стр. 32.

⁷⁾ Kropotkine, L'anarchie dans l'évolution socialiste, стр. 29.

⁸⁾ Kropotkine, Paroles d'un révolté, стр. 90. Revolutionary studies, стр. 23.

⁹⁾ Kropotkine, Paroles d'un révolté, стр. 90—91.

¹⁰⁾ Kropotkine, La conquête du pain, стр. 85.

¹¹⁾ Kropotkine, L'anarchie. Sa philosophie — son idéal, стр. 26.

нится съ такой же быстротой, какъ революція нашихъ предковъ, героевъ 48-го года, и зажжетъ всю Европу ¹⁾).

2. Первымъ дѣломъ соціальной революціи будетъ разрушеніе ²⁾). «Инстинктъ разрушенія, столь естественный и справедливый, ибо онъ одновременно и инстинктъ созиданія, будетъ удовлетворенъ вполне. Какую массу старой рухляди придется выбросить. Нужно будетъ преобразовать все: и дома, и города, и промышленность и земледѣліе, — однимъ словомъ всѣ общественные институты» ³⁾). «Безъ всякаго замедленія необходимо уничтожить все подлежащее устраненію — тюрьмы, крѣпости и нездоровыя части городовъ, зачумленный воздухъ которыхъ мы такъ долго вдыхали» ⁴⁾).

Однако, соціальная революція не будетъ періодомъ террора. «Конечно, борьба потребуетъ жертвъ. Вполнѣ понятно, что Парижскій народъ, прежде, чѣмъ поспѣшить къ границамъ, покончилъ съ заключенными въ тюрьмахъ дворянами, намѣревающимися вмѣстѣ съ врагомъ уничтожить революцію. Тотъ, кто вздумалъ бы порицать его за это, того слѣдовало бы спросить: страдалъ ли ты съ ними и такъ, какъ они? Если нѣтъ, то стыдись и молчи» ⁵⁾). Но народъ не создастъ, подобно королямъ и царямъ, системы террора. «Народъ сострадательнѣе къ жертвамъ, онъ добросердеченъ, и жестокость станетъ ему вскорѣ противна. Прокуроръ, похоронная телѣга и гильотина возбуждаютъ негодованіе.

Спустя нѣкоторое время всѣ начинаютъ понимать, что терроръ подготавливаетъ диктатуру, и гильотина будетъ отмѣнена» ⁶⁾).

Прежде всего будетъ низвергнуто правительство.

¹⁾ Kropotkine, L'anarchie dans l'évolution socialiste, стр. 28—29.

²⁾ Kropotkine, Paroles d'un révolté, стр. 263.

³⁾ Kropotkine, Paroles d'un révolté, стр. 342.

⁴⁾ Kropotkine, Paroles d'un révolté, стр. 342.

⁵⁾ Kropotkine, Les prisons, стр. 57.

⁶⁾ Kropotkine, Revolutionary studies, стр. 16.

«Опасаться его силы нѣтъ никакого основанія. Правительства лишь кажутся страшными, по при первомъ натискѣ возмущеннаго народа они падаютъ. Нѣкоторыя изъ нихъ были разбиты въ теченіе нѣсколькихъ часовъ» ¹⁾. «Народъ возстаетъ и государственная машина останавливается, чиновники приходятъ въ замѣшательство и не знаютъ, что имъ дѣлать, армія теряетъ довѣріе къ своимъ руководителямъ» ²⁾.

Но на этомъ дѣло не можетъ остановиться. «Въ тотъ же день, въ который народъ смететъ правительство, онъ, не ожидая распоряженій сверху, насильственно отгнѣнитъ частную собственность» ³⁾. «Крестьяне прогонятъ помѣщиковъ, объявивъ ихъ помѣстья общинной собственностью, отгнѣнятъ потоки» ⁴⁾, и провозгласятъ свободу отъ долговъ, а въ городахъ «народъ овладѣетъ всѣмъ накопленнымъ тамъ богатствомъ, устранитъ фабрикантовъ и самъ возьмется за веденіе производства» ⁵⁾. «Экспроприация будетъ всеобщая; только широкая экспроприация способна привести къ пересозданію общества; въ малыхъ же размѣрахъ она явится обычнымъ грабежомъ» ⁶⁾. Она распространится не только на средства производства, но и на средства потребления; какъ только народу удастся смести различныя правительства, онъ прежде всего постарается обезпечить себѣ здоровое помѣщеніе, достаточное питаніе и достаточную одежду» ⁷⁾. Однако, экспроприация «будетъ имѣть свои предѣлы» ⁸⁾. «Вотъ, напримѣръ, какой-нибудь бѣднякъ, которому удалось цѣною ряда лишеній приобрести домъ, достаточно просторный для него и для его семьи.

¹⁾ Kropotkine, Paroles d'un révolté, стр. 166.

²⁾ Kropotkine, Paroles d'un révolté, стр. 246.

³⁾ Kropotkine, Paroles d'un révolté, стр. 134—135.

⁴⁾ Kropotkine, Paroles d'un révolté, стр. 167.

⁵⁾ Kropotkine, Paroles d'un révolté, стр. 135.

⁶⁾ Kropotkine, Paroles d'un révolté, стр. 337.

⁷⁾ Kropotkine, La conquête du pain, стр. 63.

⁸⁾ Kropotkine, La conquête du pain, стр. 56.

Онъ вполне счастливъ въ немъ. Неужели же вы выгоните его на улицу?

Конечно нѣтъ! Если его дома хватаетъ только для помѣщенія семьи, пусть онъ живетъ въ немъ на здоровье, пусть копается въ своемъ садикѣ! Въ случаѣ надобности наши же молодцы помогутъ ему. Но если въ его домѣ есть квартира, которую онъ сдаетъ жильцу, то народъ скажетъ этому жильцу: «вы знаете, товарищъ, что вы больше ничего не должны вашему старику? Живите въ своей квартирѣ и не платите больше ничего. Теперь нечего бояться, что полиція вышвырнетъ васъ на улицу, теперь социальная революція!» ¹⁾ «Экспроприровать нужно все то, что даетъ возможность кому бы то ни было присвоивать себѣ чужой трудъ» ²⁾.

3. «За разрушеніемъ послѣдуетъ созиданіе» ³⁾.

Большинство представляетъ себѣ революцію съ революционнымъ правительствомъ» ⁴⁾ и притомъ въ двойной формѣ. Одинъ понимаетъ подъ этимъ выборное правительство. «Предлагаютъ созвать народъ для производства выборовъ, наскоро избрать правительство и поручить ему то дѣло, которое каждый изъ насъ долженъ совершить по собственному влеченію» ⁵⁾. «Но всякое правительство, избираемое возставшимъ народомъ, неизбежно превратится въ желѣзную гиру на его ногахъ, особенно при такомъ колоссальномъ экономическомъ, политическомъ и моральномъ переворотѣ, какъ социальная революція» ⁶⁾. Другіе понимаютъ это и «отказываются поэтому отъ идеи возстанія противъ всякаго закона, и пропагандируютъ «революціонную диктатуру». «Партія,

¹⁾ Kropotkine, La conquête du pain, стр. 109.

²⁾ Kropotkine, La conquête du pain, стр. 56.

³⁾ Kropotkine, Paroles d'un révolté, стр. 263.

⁴⁾ Kropotkine, Paroles d'un révolté, стр. 246.

⁵⁾ Kropotkine, Paroles d'un révolté, стр. 248—249.

⁶⁾ Kropotkine, Paroles d'un révolté, стр. 253.

свергнувшая правительство, говорят они, насильственно займет его мѣсто, она возьметъ въ свои руки власть и станетъ дѣйствовать революціонно. Кто не признаетъ ея, тотъ будетъ гильотинированъ, какъ и тотъ, кто откажетъ ей въ повиновеніи, говорятъ маленькіе Робеспьеры. Мы, анархисты, однако, знаемъ, что эта идея является нездоровымъ плодомъ правительственнаго фетишизма и что всякая диктатура является смертью революціи» ¹⁾.

«Мы сами сдѣлаемъ все, что нужно, не ожидая приказанія какого-либо правительства» ²⁾. «Разъ только государство начинаетъ разлагаться, а государственная машина плохо работать, такъ моментально, сами собой, начинаютъ образовываться свободные союзы. Припомните свободные союзы французской буржуазіи во время Великой Революціи. Вспомните тѣ общества, которыя добровольно образовались въ Испаніи и защитили независимость страны, когда Наполеоновская армія разрушила основы государства. Какъ только государство перестаетъ при- нуждать къ совмѣстной дѣятельности, такъ сейчасъ же естественныя потребности сами собой приводятъ къ добровольному сотрудничеству. Пусть только государство будетъ низвергнуто, и немедленно на его развалинахъ будетъ воздвигнуто свободное общество» ³⁾.

«Преобразование промышленности на новыхъ началахъ не можетъ совершиться въ нѣсколько дней» ⁴⁾, тѣмъ болѣе, что революція начнется вѣроятно, не во всей Европѣ одновременно ⁵⁾. Поэтому народъ долженъ будетъ озаботиться о принятіи мѣръ для обезпеченія себя пищей, одеждой и жилищемъ. Прежде всего народъ воз-

¹⁾ Kropotkine, Paroles d'un révolté, стр. 233—255.

²⁾ Kropotkine, Paroles d'un révolté, стр. 139.

³⁾ Kropotkine, Paroles d'un révolté, стр. 116—117.

⁴⁾ Kropotkin, La conquête du pain, стр. 75.

⁵⁾ Kropotkine, La conquête du pain, стр. 85.

ставшихъ городовъ овладѣетъ пищевыми складами торговцевъ, хлѣбными амбарами и скотобойнями. Добровольцы составятъ списки найденнымъ пищевымъ продуктамъ и распространятъ ихъ въ миллионахъ экземпляровъ. Послѣ этого каждый станетъ брать себѣ свободно столько, сколько ему нужно изъ того, что находится въ изобиліи; продукты же, находящіеся въ ограниченномъ количествѣ, будутъ распределены по извѣстнымъ порціямъ, при чемъ большимъ и слабымъ будетъ оказано предпочтеніе. Все это дополняется подвозомъ изъ деревень, который будетъ довольно значителенъ, если стануть производить предметы, необходимые для крестьянина и предоставлять ихъ въ его распоряженіе. Кромѣ того, городскіе жители начнутъ обрабатывать барскіе парки и луга, находящіеся въ окрестностяхъ ¹⁾. Точно также народъ овладѣетъ жилищами. Добровольцы составятъ списки свободныхъ жилищъ и распространятъ ихъ. Потомъ народъ соберется по улицамъ, участкамъ, округамъ и съ общаго согласія распределитъ между собою жилища. Неудобства, которыя первое время придется испытать вскорѣ будутъ устранены. Достаточно будетъ строительнымъ рабочимъ работать по нѣскольку часовъ въ день, и вскорѣ всѣ существующія, черезчуръ громадныя жилища будутъ перестроены, а образцовые дома будутъ построены вновь ²⁾. Точно также поступятъ и относительно платья. Народъ овладѣетъ магазинами платья, а добровольцы составятъ списки находящихся запасовъ. Изъ того, что будетъ находиться въ избыткѣ, всякій возьметъ себѣ столько, сколько заблагодарсудится; то же, что существуетъ въ ограниченномъ количествѣ, будетъ распределено по порціямъ. Чего не хватить, то въ кратчайшій срокъ будетъ дополнено, бла-

¹⁾ Kropotkine, La conquête du pain, стр. 76—96.

²⁾ Kropotkine, La conquête du pain, стр. 104—107.

годаря фабрикамъ съ ихъ усовершенствованными машинами ¹⁾.

II. Тѣ, кто предвидятъ ходъ развитія, должны «подготовлять умы» ²⁾ къ предстоящей революціи. Въ особенности это является «задачей тайныхъ сообществъ и революціонныхъ организаций» ³⁾. Эта задача «анархистской партіи» ⁴⁾. Анархисты «находятся въ настоящее время въ меньшинствѣ, но число ихъ растетъ ежедневно и будетъ расти все сильнѣе, а наканунѣ революціи анархисты будутъ въ большинствѣ» ⁵⁾. «Какое печальное зрѣлище являла собой Франція за нѣсколько лѣтъ до революціи и какъ слабо было то меньшинство, которое помышляло о низверженіи королевства и феодализма, а какія измѣненія произошли три-четыре года спустя! Меньшинство начало революцію и увлекло за собою массы» ⁶⁾. Но какъ подготовить умы къ революціи?

I. Прежде всего необходимо озаботиться чтобы цѣль революціи стала всѣмъ извѣстна. «Словомъ и дѣломъ необходимо распространять свѣдѣнія объ этомъ до тѣхъ поръ, пока революція не станетъ популярна настолько, что въ день возстанія она будетъ у всѣхъ на устахъ. Эта задача громаднѣе и важнѣе, чѣмъ это обыкновенно полагаютъ; ибо, если для нѣкоторыхъ отдѣльныхъ лицъ цѣль революціи и является ясной, то совершенно иначе дѣло обстоитъ съ массой, постоянно обрабатываемой буржуазной печатью» ⁷⁾.

Но этого мало. «Необходимо пробудить духъ возму-

щенія, чувство независимости и дикую смѣлость, ибо иначе никакая революція невозможна» ¹⁾. «Между мирнымъ изслѣдованіемъ неурядковъ и возстаніемъ лежитъ непроходимая пропасть; та же самая пропасть, которая у большей части людей отдѣляетъ размышленіе отъ поступка, идею отъ воли» ²⁾.

2. Средствомъ къ достиженію этихъ результатовъ является «дѣятельность, постоянная, непрерывная дѣятельность меньшинства. Мужество, преданность, самоотверженность такъ же заразительны, какъ и трусость, покорность и страхъ» ³⁾.

«Какую форму должна принять пропаганда? Всякую, предписываемую положеніемъ вещей, случаемъ и склонностью. Она можетъ быть и серьезной и юмористической, но всегда смѣлой. Она можетъ исходить отъ многихъ и отъ отдѣльныхъ лицъ. Ни одно средство не должно остаться неиспользованнымъ, ни одинъ фактъ общественной жизни не долженъ быть оставленъ безъ вниманія. Нужно всегда стремиться къ тому, чтобы держать умы въ напряженіи, питать недовольство и давать ему выраженіе, возбуждать ненависть противъ эксплуататоровъ, ставить правительство въ смѣшное положеніе и обнаруживать его безсиліе. Но прежде всего пропаганда должна дѣйствовать путемъ примѣра, чтобы возбудить смѣлость и духъ возмущенія» ⁴⁾.

«Чуткіе люди, желающіе не только говорить, но и дѣйствовать, чистыя натуры, предпочитающія тюрьму, ссылку и смерть жизни, противорѣчащей ихъ убѣжденіямъ, смѣлыя души, знающія, что для выигрыша необходимо рисковать,—вотъ тѣ обреченные, которые открываютъ бой значительно раньше, чѣмъ созрѣетъ масса,

¹⁾ Kropotkine, La conquête du pain, стр. 114—116.

²⁾ Kropotkine, Paroles d'un révolté, стр. 260.

³⁾ Kropotkine, Paroles d'un révolté, стр. 260.

⁴⁾ Kropotkine, Paroles d'un révolté, стр. 99, 254. Les temps nouveaux стр. 54.

⁵⁾ Kropotkine, Paroles d'un révolté, стр. 90.

⁶⁾ Kropotkine, Paroles d'un révolté, стр. 92—95.

⁷⁾ Kropotkine, Paroles d'un révolté, стр. 312.

¹⁾ Kropotkine, Paroles d'un révolté, стр. 285.

²⁾ Kropotkine, Paroles d'un révolté, стр. 283.

³⁾ Kropotkine, Paroles d'un révolté, стр. 284.

⁴⁾ Kropotkine, Paroles d'un révolté, стр. 284.

пытаясь поднять знамя возмущения и стремясь съ оружіемъ въ рукахъ завоевать свое право. Среди жалобъ, болтовни, размышлений вдругъ совершается революціонный актъ, воплощающій въ себѣ стремленія всего общества» ¹⁾.

«Быть можетъ, вначалѣ масса останется равнодушной и повѣрить мудрецамъ, считающимъ такой актъ «безумнымъ», но вскорѣ она придетъ въ восторгъ отъ безумцевъ и начнетъ подражать имъ. Передовые борцы наполняютъ тюрьмы, другіе продолжаютъ ихъ дѣло. Вызовы противъ современнаго общества, революціонные акты и акты мести увеличиваются. Возбуждается всеобщее вниманіе, новая идея проникаетъ въ головы и завоевываетъ сердца. Единичный поступокъ въ нѣсколько дней совершаетъ гораздо больше, нежели тысяча брошюръ. Правительство защищается, неистовствуетъ, но достигаетъ лишь того, что новые акты совершаются другими лицами и мятежники исполняются героическимъ духомъ. Одно дѣло рождаетъ другое. Противники примыкаютъ къ возстанію; среди правительства начинаются разногласія, репрессіи обостряютъ борьбу, уступки запаздываютъ, — происходитъ революціонный взрывъ» ²⁾.

3. Чтобы еще больше уяснить тотъ способъ, посредствомъ котораго можно достигнуть распространенія свѣдѣній о цѣли революціи, съ одной стороны, и возбужденія мятежнаго духа, съ другой, Кропоткинъ приводитъ нѣсколько данныхъ изъ исторіи временъ, предшествовавшихъ революціи 1789 года.

Онъ рисуетъ намъ, какъ тысячи памфлетовъ ознакомили народъ съ пороками двора, какъ цѣлая масса сатирическихъ стиховъ бичевала коронованныя головы, возбуждая ненависть противъ дворянства и духовенства; какъ на-

родъ посредствомъ плакатовъ угрожалъ королю, королевѣ и откупщикамъ; какъ онъ ихъ осмѣивалъ, какъ вѣшали, сжигали, четвертовали in effigie враговъ народа, и рассказываетъ, какъ мятежники приучили народъ къ улицѣ и къ борьбѣ съ полиціей и войсками. Мы узнаемъ, какъ въ деревняхъ тайныя сообщества поджигали у помѣщиковъ амбары, уничтожали жатву или дичь, убивали ихъ самихъ, угрожая смертью за всякую попытку взиманія земельныхъ пошлинъ. Наконецъ, онъ даетъ намъ картину того, какъ взламывались амбары, задерживались обозы, какъ сжигались таможни и убивались чиновники, какъ погибали въ пламени налоговыя записи, счета, городскіе архивы и какъ началась революція ¹⁾.

Кропоткинъ находитъ излишнимъ указывать, «какіе выводы слѣдуетъ отсюда сдѣлать» ²⁾. Онъ удовлетворяется тѣмъ, что называетъ сообщенные имъ факты «цѣннымъ урокомъ» ³⁾.

¹⁾ Kropotkine, Paroles d'un révolté, стр. 285.

²⁾ Kropotkine, Paroles d'un révolté, стр. 285—288

¹⁾ Kropotkine, Paroles d'un révolté, стр. 293—294.

²⁾ Kropotkine, Paroles d'un révolté, стр. 292.

³⁾ Kropotkine, Paroles d'un révolté, стр. 304.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Учение Туккера.

1. Общія замѣчанія.

Бенжаменъ Р. Туккеръ родился въ 1854 году, въ Соутъ Дартмутъ, (South Dartmouth), близъ Нью-Бедфорда (New Bedford), въ Массачусетсѣ. Отъ 1870 до 1872 года онъ изучалъ технологию въ Бостонѣ, гдѣ познакомился съ Госією Варреномъ (Josiah Warren); въ 1874 г. онъ объѣздилъ Англию, Францію и Италию.

Въ 1877 г. Туккеръ редактировалъ издававшійся въ Принцетанѣ (въ Массачусетсѣ) органъ, «Word»; въ 1878 г. онъ издавалъ въ Нью-Бедфордѣ грехмѣсячный журналъ: Радикальное Обзоріе, «The radical review», — появились только четыре номера. Въ 1881 г. онъ основалъ въ Бостонѣ двухнедѣльный журналъ: «Liberty», который нѣкоторое время выходилъ также и на нѣмецкомъ языкѣ подъ именемъ: «Libertas»; въ Бостонѣ же онъ въ продолженіе десяти лѣтъ былъ сотрудникомъ Globe'a.

Съ 1892 года Туккеръ живетъ въ Нью-Йоркѣ, гдѣ «Liberty» выходитъ съ тѣхъ поръ еженедѣльнымъ изданіемъ.

2. Учение Туккера о правѣ, государствѣ и соб-

ственности изложено главнымъ образомъ въ его статьяхъ въ «Liberty». Сборникъ этихъ статей онъ издалъ подъ названіемъ: «Instead of a book, by a man too busy to write one. A fragmentary exposition of philosophical anarchism». (Вмѣсто книги, написанной человѣкомъ слишкомъ занятымъ, чтобы написать книгу. Отрывочное изложеніе философическаго анархизма.—1903 г.).

3. Туккеръ называетъ свое ученіе анархизмомъ. «Благодаря стеченію обстоятельствъ, я сталъ до нѣкоторой степени извѣстнымъ представителемъ новѣйшаго анархизма»¹⁾. «Анархія означаетъ просто противоположность слову archos, т. е. «политическій вождь». Анархія противоположна: arché. Слово же arché означаетъ, прежде всего, начало; далѣе, оно означаетъ: принципъ, первооснова; затѣмъ: первое мѣсто, высочество, господство, правительство, высшее управленіе, начальство; наконецъ, верховная власть, имперія, королевство, начальственный и государственный постъ. Этимологически слово анархія можетъ имѣть, такимъ образомъ, различныя значенія. Но этимъ словомъ, какъ философскимъ терминомъ, и словомъ анархизмъ, какъ обозначеніемъ извѣстнаго философскаго направленія, впервые стали пользоваться для выраженія противоположности господству, начальству, и, по праву собственности, это значеніе сохранилось за нимъ до настоящаго времени. Поэтому всякое другое употребленіе этого слова является неподходящимъ и ведетъ только къ путаницѣ»²⁾.

2. Основные идеи.

Туккеръ считаетъ личную пользу высшимъ закономъ для каждаго изъ насъ; отсюда, ол-

¹⁾ Tucker, стр. 21.

²⁾ Tucker, стр. 112.

нако, онъ выводитъ законъ равной для всѣхъ свободы.

1. Для всякаго человѣка его личная польза есть высшій законъ. «Анархисты исповѣдуютъ не только утилитаризмъ, но и эгоизмъ въ полномъ смыслѣ этого слова» ¹⁾.

Что такое личная польза? Моей пользой является все то, что для меня цѣлесообразно ²⁾. Она объемлетъ не только низшія, «но и высшія формы эгоизма» ³⁾. Польза общества является вмѣстѣ съ тѣмъ и пользой каждой отдѣльной личности; жизнь общества неразрывно связана съ жизнью каждаго отдѣльнаго индивидуума; разрушая первую, мы непременно разрушаемъ и вторую» ⁴⁾.

Личная польза—это наивысшій законъ человѣка. «Анархисты цѣликомъ отвергаютъ идею нравственной обязанности, естественныхъ правъ и долга» ⁵⁾. «Единственнымъ мѣриломъ нашихъ естественныхъ притязаній является сила. Всякій человѣкъ, будь то Bill Sykes или глава государства, а также и всякая группа людей, будь то китайское тайное общество или конгрессъ Соединенныхъ Штатовъ, имѣетъ право умерщвлять или покорять себѣ другихъ людей и заставлять весь міръ служить себѣ, если только у нихъ имѣется для этого достаточно силы» ⁶⁾.

«Общество имѣетъ право принуждать индивидуума и отдѣльный индивидуумъ вправѣ принуждать общество, поскольку каждый изъ нихъ обладаетъ для этого достаточной силой» ⁷⁾.

2. Изъ этого высшаго закона Туккеръ выводитъ «законъ равной для всѣхъ свободы» ⁸⁾. Законъ равной

¹⁾ Tucker, стр. 24.

²⁾ Tucker, стр. 24, 64.

³⁾ Tucker, стр. 64.

⁴⁾ Tucker, стр. 35.

⁵⁾ Tucker, стр. 24.

⁶⁾ Tucker, стр. 24.

⁷⁾ Tucker, стр. 132.

⁸⁾ Tucker, стр. 42.

для всѣхъ свободы зиждется на пользѣ каждаго индивидуума. Потому что «свобода—это основное условіе человеческого счастья, самая важная, стало быть, въ мірѣ вещь, и я стремлюсь овладѣть ею въ возможно большихъ размѣрахъ» ¹⁾. «Съ одной стороны, равенство есть необходимое условіе существованія общества» ²⁾; жизнь же общества неотдѣлима отъ жизни индивидуума» ³⁾. Слѣдовательно, польза индивидуума требуетъ равной для всѣхъ свободы.

«Равная свобода для всѣхъ означаетъ высшую мѣру свободы, при которой возможно, чтобы живущіе въ обществѣ индивидуумы взаимно и въ одинаковой мѣрѣ оказывали уваженіе къ сферѣ дѣятельности другъ друга» ⁴⁾. «Заботясь о своихъ дѣлахъ—вотъ единственная нравственная норма анархизма» ⁵⁾. «Мы обязаны уважать права другихъ, т. е. сферу ихъ вліянія, ограниченную равной для всѣхъ свободой» ⁶⁾. Такимъ образомъ, благодаря закону равной для всѣхъ свободы, воля индивидуума находитъ свой логическій предѣлъ» ⁷⁾. На законѣ равной для всѣхъ свободы зиждется «различіе между посягательствомъ и противодѣйствіемъ, между властвованіемъ и защитой; это различіе имѣетъ принципиальное значеніе; безъ него невозможна никакая устойчивая общественная философія» ⁸⁾.

Посягательство есть вторженіе въ область, принадлежащую извѣстному индивидууму. Эта область ограничена линіею, внутри которой его свобода дѣятельности не сталкивается съ свободой дѣятельности другихъ» ⁹⁾. Эта

¹⁾ Tucker, стр. 41.

²⁾ Tucker, стр. 64.

³⁾ Tucker, стр. 35.

⁴⁾ Tucker, стр. 65.

⁵⁾ Tucker, стр. 15.

⁶⁾ Tucker, стр. 59.

⁷⁾ Tucker, стр. 59.

⁸⁾ Tucker, стр. 23.

⁹⁾ Tucker, стр. 67.

пограничная линия отчасти бесспорна; например, угроза не может считаться посягательством, разь само угрожаемое дѣйствіе не есть посягательство; «я вправѣ угрожать тѣмъ, что я вправѣ сдѣлать» ¹⁾. Но пограничная линия можетъ, однако, оказаться и спорной: «трудно, напримеръ, сказать съ увѣренностью, представляетъ ли собою дурное обращеніе родителей со своими дѣтьми посягательство на свободу третьихъ лицъ, или нѣтъ» ²⁾. «Благодаря опыту, намъ удастся провести эту линію съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе опредѣленно» ³⁾. Сущность посягательства не измѣнится отъ того, совершаетъ ли его одинъ человекъ противъ другого, какъ, напримеръ, преступникъ, или же его совершаетъ одинъ противъ всѣхъ, какъ, напримеръ, неограниченный властелинъ, или всѣ противъ одного, какъ, напримеръ, нынѣшняя демократія» ⁴⁾.

«Съ другой стороны, противодѣйствіе чужому посягательству является не посягательствомъ, а защитой» ⁵⁾. «Личность вправѣ отражать вторженія въ ея поле дѣятельности» ⁶⁾, «противъ посягательства можно употреблять и силу» ⁷⁾, «вопросъ лишь въ томъ, приводить ли она къ цѣли или нѣтъ» ⁸⁾.

И не только справедливо «требовать вознагражденія за явные посягательства, но справедливо также и помѣшать ихъ осуществленію. Несправедливо, напротивъ, препятствовать такимъ безразличнымъ дѣйствіямъ, которыя, «какъ продажа спиртныхъ напитковъ», лишь увеличиваютъ возможность появленія посягательствъ» ⁹⁾.

¹⁾ Tucker, стр. 153.

²⁾ Tucker, стр. 135.

³⁾ Tucker, стр. 78.

⁴⁾ Tucker, стр. 23.

⁵⁾ Tucker, стр. 23.

⁶⁾ Tucker, стр. 59.

⁷⁾ Tucker, стр. 81.

⁸⁾ Tucker, стр. 80.

⁹⁾ Tucker, стр. 167.

«Сущность противодѣйствія также не измѣняется отъ того, оказываетъ ли его одинъ человекъ другому (например, я защищаюсь отъ преступника), или одинъ человекъ всѣмъ (например, я отказываюсь повиноваться тираническому закону), или же его оказываютъ всѣ одному (например, народъ возстаетъ противъ своихъ деспотовъ или члены одной общины объединяются для того, чтобы сдѣлать преступника безвреднымъ» ¹⁾.

3. Право.

По мнѣнію Туккера, съ точки зрѣнія личнаго блага и равной для всѣхъ свободы противъ права нельзя привести никакихъ аргументовъ. Должны существовать правовыя нормы, т. е. нормы, покоящіяся на коллективной волѣ, ²⁾, повиновеніе которымъ можетъ быть, въ случаѣ необходимости, достигнуто какими угодно средствами ³⁾ даже тюрьмой, пыткой и смертной казнью ⁴⁾. Но законъ долженъ быть настолько гибокъ, чтобы подходить къ каждому отдѣльному случаю, не нуждаясь въ измѣненіяхъ; онъ долженъ считаться тѣмъ справедливѣе, чѣмъ онъ гибче, а не чѣмъ онъ неподвижнѣе, какъ это дѣлается теперь ⁵⁾. Средствомъ для этого является то, что «суды присяжныхъ разсматриваютъ не только дѣянія, но и самый законъ» ⁶⁾; послѣ этого стануть излишни всѣ учрежденія, предназначенныя для измѣненія законовъ ⁷⁾. Особенно необходимо установленіе слѣдующихъ право-

¹⁾ Tucker, стр. 23.

²⁾ Tucker, стр. 90, 52, 158, 104, 167.

³⁾ Tucker, стр. 25.

⁴⁾ Tucker, стр. 60.

⁵⁾ Tucker, стр. 312.

⁶⁾ Tucker, стр. 312.

⁷⁾ Tucker, стр. 312.

выхъ нормъ, правильность которыхъ Туккеръ пытается вывести изъ закона равной для всѣхъ свободы.

Прежде всего, правовая норма, которая ограждаетъ неприкосновенность личности. «Мы непримиримые враги всякаго преступленія противъ личности; главнымъ стремленіемъ нашимъ является устраненіе причинъ таковыхъ преступленій; въ этомъ отношеніи мы не останавливаемся даже передъ насильственными мѣрами, разъ того требуютъ разумъ и обстоятельства» ¹⁾. Смертная казнь вполне совмѣстима съ защитой личности отъ посягательствъ, такъ какъ по существу своему она представляетъ собою актъ самозащиты ²⁾.

Затѣмъ, должна быть установлена правовая норма, въ силу которой «собственность покоится на трудѣ» ³⁾. «Этотъ видъ собственности обезпечиваетъ за каждымъ пользованіе продуктами собственнаго труда и тѣми чужими продуктами, которые онъ приобрѣлъ безъ обмана и насилія» ⁴⁾. «Анархистская собственность относится, такимъ образомъ, исключительно къ продуктамъ. Продуктомъ же называется все то, на что былъ затраченъ человеческій трудъ. Необходимо, однако, замѣтить, что по отношенію къ предметамъ, имѣющимся въ чрезчуръ ограниченномъ количествѣ, анархизмъ полагаетъ необходимымъ защищать лишь такія притязанія, которыя основаны на владѣніи и пользованіи ими въ настоящее время» ⁵⁾. По отношенію къ нарушеніямъ права собственности, какъ и въ отношеніи посягательства на неприкосновенность личности, анархизмъ «не будетъ останавливаться ни передъ какими насильственными мѣрами, разъ этого потребуютъ разумъ и обстоятельства» ⁶⁾.

¹⁾ Tucker, стр. 52.

²⁾ Tucker, стр. 156—157.

³⁾ Tucker, стр. 131.

⁴⁾ Tucker, стр. 60.

⁵⁾ Tucker, стр. 61.

⁶⁾ Tucker, стр. 52.

Далѣе должна быть установлена правовая норма, предписывающая выполненіе договоровъ. «Если кто-либо сознательно и свободно беретъ на себя обязательство, то для него въ силу этого возникаетъ обязанность ¹⁾, для другой же стороны—«право» ²⁾. Обязательная сила договора имѣть, конечно, свои границы. «Договоръ—очень цѣнное и полезное орудіе, но его полезность не безгранична; никто не можетъ воспользоваться имъ для того, чтобы отказаться отъ своихъ человѣческихъ правъ» ³⁾; «образованіе союза безъ права выступленія изъ него будетъ поэтому пустой формальностью» ⁴⁾. Далѣе, никто не можетъ пользоваться договоромъ для посягательствъ на третьихъ лицъ; поэтому лишено значенія обѣщаніе, «выполненіе котораго представляетъ собою посягательство на права третьихъ лицъ» ⁵⁾. Выполненіе договоровъ является настолько важнымъ, что нарушеніе ихъ можетъ быть допущено лишь при самыхъ крайнихъ случаяхъ. Чрезвычайно важно, чтобы члены сообщества могли довѣрять другъ другу, и было бы хорошо, если бы это довѣріе никогда и ничѣмъ не нарушалось, развѣ только въ тѣхъ случаяхъ, когда этого потребуетъ нѣчто, еще болѣе важное» ⁶⁾. Неисполненіе обѣщанія есть по отношенію къ тому, кому обѣщаніе дано, обманъ, произвольное нарушеніе его свободы, посягательство» ⁷⁾.

«Всякій, кому, почему бы то ни было, дано было какое-либо обѣщаніе, вправѣ поэтому настоять на его выполненіи даже силой, разъ только это обѣщаніе не такого рода, что его выполненіе представляетъ собою посягательство на третьихъ лицъ. И если тотъ, кому обѣщаніе дано, вправѣ для этой цѣли употребить силу,

¹⁾ Tucker, стр. 24.

²⁾ Tucker, стр. 146, 350.

³⁾ Tucker, стр. 48.

⁴⁾ Tucker, стр. 48.

⁵⁾ Tucker, стр. 158.

⁶⁾ Tucker, стр. 51.

⁷⁾ Tucker, стр. 158.

то онъ также вправѣ входить съ другими въ соглашеніе относительно того, чтобы тѣ представили свою силу въ его распоряженіе. Съ своей стороны, эти другіе въ правѣ рѣшить, когда и въ какой мѣрѣ они готовы помочь ему настоять на выполненіи данныхъ ему обѣщаній. При этомъ рѣшеніи вопросъ идетъ только о цѣлесообразности. По всей вѣроятности, онъ будетъ рѣшенъ въ томъ смыслѣ, что выполненіе договоровъ лучше всего обезпечено тогда, когда общающій заранѣе знаетъ, что этого выполненія не стануть добиваться принужденіемъ»¹⁾.

4. Государство.

1. Съ точки зрѣнія личнаго блага каждаго человѣка, т. е. на основаніи равной для всѣхъ свободы, Туккеръ отвергаетъ государство и притомъ не только для опредѣленныхъ, во времени и пространствѣ, случаевъ, но абсолютно. Потому что государство—это воплощеніе идеи «посягательства»²⁾.

1. Всѣ тѣ учрежденія, которыя когда бы то ни было назывались государствами, имѣютъ двѣ общія черты. «Первая—это посягательство»³⁾, «или, что то же самое, нарушение, господство, ⁴⁾ «подчиненіе ни на кого не посягающаго индивидуума чужой волѣ»⁵⁾. Вторая—это присвоеніе исключительной власти надъ извѣстной территоріей и надъ всѣмъ, что въ ней находится. Власть эта употребляется для двухъ цѣлей: во-первыхъ, для

¹⁾ Tucker, стр. 157—158.

²⁾ Tucker, стр. 25.

³⁾ Tucker, стр. 22.

⁴⁾ Tucker, стр. 23.

⁵⁾ Tucker, стр. 23.

того, чтобы какъ можно полнѣе угнетать подчиненныхъ, а, во-вторыхъ, для того, чтобы какъ можно далѣе расширить свои собственныя границы¹⁾. Поэтому «анархисты даютъ слѣдующее опредѣленіе понятію государства: государство—это воплощеніе идеи посягательства въ одномъ или нѣсколькихъ лицахъ, присвоившихъ себѣ право представлять собою все населеніе опредѣленной территоріи и властвовать надъ нимъ»²⁾.

«Всякое властвованіе есть зло. Оно не становится чѣмъ-то лучшимъ и въ томъ случаѣ, когда представляетъ собою господство большинства»³⁾. Въ одинаковой мѣрѣ слѣдуетъ отвергнуть какъ теократическій деспотизмъ королей, такъ и демократическій деспотизмъ большинства»⁴⁾ «Что представляетъ собою избирательный бюллетень? Это не болѣе и не менѣе, какъ бумажный представитель сабли, приклада, пороха и свинца. Это изобрѣтеніе служить для того, чтобы безъ особенныхъ усилій опредѣлить, на чьей сторонѣ находится власть, и какая сторона должна подчиниться неизбѣжному року. Мнѣніе большинства избавляетъ насъ отъ кровопролитія, но оно такъ же представляетъ собою произволь силы, какъ и повелѣніе неограниченнаго властелина, имѣющаго за собою громаднѣйшую армію»⁵⁾.

2. «Всѣ дѣйствія правительства представляютъ собою, во-первыхъ, военное посягательство, потому что въ основѣ ихъ лежитъ то первоначальное посягательство, которое называется обложеніе налогомъ»⁶⁾. «Уже первый актъ государства—обязательное установленіе и насильственное взиманіе налоговъ—есть посягательство, нарушеніе равной для всѣхъ свободы. Поэтому неправильна

¹⁾ Tucker, стр. 23.

²⁾ Tucker, стр. 23.

³⁾ Tucker, стр. 163.

⁴⁾ Tucker, стр. 115.

⁵⁾ Tucker, стр. 421.

⁶⁾ Tucker, стр. 427.

и всякая дальнѣйшая дѣятельность государства, хотя бы такая, которая имѣла бы характеръ защиты, если бы расходы на нее покрывались добровольными взносами. Какъ можно совмѣстить съ закономъ равной для всѣхъ свободы то, что у меня снимаютъ продуктъ моего труда для оплаты защиты, которой я не требовалъ и не желаю?» ¹⁾.

«И если уже это есть актъ насилія, то какъ назвать ту эксплуатацію, жертвы которой, вмѣсто хлѣба, получаютъ камень и, вмѣсто защиты,—гнетъ? Заставить человѣка заплатить за нарушение его свободы—значитъ причинить ему вредъ, да еще насмѣяться надъ нимъ. Но именно такъ и поступаетъ государство» ²⁾. Дѣйствія правительства представляютъ собою, «въ огромномъ большинствѣ случаевъ, еще одно прямое посягательство, состоящее въ томъ, что они стремятся не къ устраненію захватовъ, а къ стѣсненію народа въ его торговой и промышленной дѣятельности, въ его общественной, домашней и личной жизни» ³⁾.

«Совершенно бессмысленно, поэтому, сказать, что современное государство представляетъ собою чисто охранительный институтъ» ⁴⁾. «Охрана есть такая же услуга, какъ и всякая другая, и, какъ таковая, подлежитъ закону спроса и предложенія и, при свободѣ рынка, она пріобрѣтается бы по цѣнѣ, равной издержкамъ на нее. Но государство установило монополію на производство и сбытъ этого товара. И, какъ почти всякій монополистъ, оно доставляетъ свой негодный, или почти негодный, товаръ по чрезмѣрно высокой цѣнѣ. Точно такъ же, какъ монополистъ въ области пищевыхъ продуктовъ часто, вмѣсто таковыхъ, даетъ ядъ, такъ и го-

¹⁾ Tucker, стр. 25.

²⁾ Tucker, стр. 25—26.

³⁾ Tucker, стр. 57.

⁴⁾ Tucker, стр. 26.

сударство пользуется своими исключительными правами охраны не для того, чтобы охранять своихъ подданныхъ, а наоборотъ, для того, чтобы нарушать ихъ интересы; и точно такъ же, какъ кліенты монополиста пищевыхъ продуктовъ платятъ ему своей жизнью, такъ и кліенты государства расплачиваются съ нимъ за его услуги своимъ рабствомъ; но низость государства идетъ гораздо дальше прочихъ монополистовъ, потому что только оно обладаетъ преимуществомъ заставлять насъ забирать у него его товаръ, безразлично, желаемъ мы этого или нѣтъ» ¹⁾.

3. Въ защиту государства нельзя сказать, что оно необходимо для борьбы съ преступленіемъ ²⁾. «Оно само есть величайшій преступникъ. Оно создаетъ преступниковъ гораздо скорѣе, чѣмъ ихъ наказываетъ» ³⁾. Наши тюрьмы полны преступниковъ, которыхъ создало наше добродѣтельное государство своими несправедливыми законами, своими угнетающими монополіями и поконцимися на нихъ ужасными условіями жизни. Мы издаемъ множество законовъ, создающихъ преступленіе, а затѣмъ, — нѣсколько такихъ, которые за него наказываютъ» ⁴⁾.

Точно также нельзя привести въ защиту государства того, «что оно необходимо для смягченія нищеты. Если въ настоящее время государство помогаетъ страдающимъ и голоднымъ жертвамъ миссисипскаго наводненія, то это, конечно, лучше, чѣмъ если бы оно ковало новыя цѣпи для народа; но эта помощь не стоитъ того, что за нее платятъ. Народъ не можетъ дать поработить себя для того, чтобы быть обеспеченнымъ. Если бы не существовало другого исхода, то было бы лучше подвергать себя естественной опасности и, елико

¹⁾ Tucker, стр. 33.

²⁾ Tucker, стр. 54.

³⁾ Tucker, стр. 5—8.

⁴⁾ Tucker, стр. 26—27.

возможно, справляться самимъ съ ея послѣдствіями. Но свобода даетъ другой исходъ и защищаетъ лучше и дешевле. Застраховывая себя взаимно, люди въ состояніи будутъ раздѣлить между собою рискъ и въ высшей степени ослабить и уравнять бѣдственные послѣдствія стихійныхъ событій» ¹⁾.

П. Личное благо каждого и, въ особености, равная для всѣхъ свобода требуетъ, чтобы государство уступило мѣсто общественному сожителству людей, основанному на правовой нормѣ, предписывающей выполнение договоровъ. Мѣсто государства долженъ занять добровольный союзъ договорившихся личностей ²⁾.)

1. «Анархисты отнюдь не желаютъ уничтоженія общества. Они знаютъ, что жизнь общества неотдѣлима отъ жизни индивидуума, и нельзя разрушить первую, не разрушая въ то же время и второй» ³⁾.

«Общество стало дорогимъ достояніемъ человѣка. Чистый воздухъ вещь хорошая, но никто не хочетъ долго дышать имъ въ одиночку. Независимость вещь хорошая, но платить за нее одиночествомъ будетъ слишкомъ дорого» ⁴⁾. Не верховная власть, а исключительно обязательная сила договора должна удерживать людей въ обществѣ ⁵⁾. Формой общества долженъ быть «свободный союзъ» ⁶⁾, «конституція котораго есть не что иное, какъ договоръ.»

2. Какъ долженъ быть построенъ добровольный союзъ?

Прежде всего, онъ не долженъ [связывать своихъ

¹⁾ Tucker, стр. 158—159.

²⁾ Tucker, стр. 44.

³⁾ Tucker, стр. 35.

⁴⁾ Tucker, стр. 321.

⁵⁾ Tucker, стр. 32.

⁶⁾ Tucker, стр. 44.

членовъ на всю жизнь. «Образованіе союза, при условіи общаго отказа отъ права выступленія изъ него, было бы простой формальностью, и порядочный человѣкъ, принадлежащій къ нему, не задумываясь, разрушить его, растопчетъ ногами, какъ только пойметъ всю свою глупость, потому что смыслъ такого отказа заключался бы въ собственномъ порабощеніи, но никто не можетъ такъ поработить себя, чтобы уже не имѣть права объявить себя свободнымъ» ¹⁾.

Далѣе, свободный союзъ, какъ таковой, не можетъ пользоваться властью надъ какой-нибудь территоріей. «Внутри территоріи, или частей ея, которыя внесены въ союзъ его членами, на основаніи ихъ личнаго владѣнія, онъ, конечно, вправѣ принуждать къ выполненію всѣхъ постановленій, по которымъ установилось соглашеніе между членами союза, и никто изъ не-членовъ этого союза не въ правѣ вступить на эту территорію или оставаться въ ней, не принявши тѣхъ условій, которыя здѣсь установлены обществомъ. Но допустимъ, что посреди этихъ территоріальныхъ частей, еще до образованія союза, поселился человѣкъ, который, по мудрости ли своей или глупости, отказывается вступить въ этотъ союзъ; тогда члены послѣдняго не въ правѣ ни прогнать его, ни заставить вступить въ союзъ, ни требовать съ него оплаты тѣхъ выгодъ, которыя могутъ для него возникнуть изъ-за сосѣдства съ союзомъ, ни ограничить его въ какомъ бы то ни было правѣ, которымъ онъ обладалъ раньше, съ цѣлью лишить его возможности пользоваться этими выгодами, ибо, въ виду непремѣннаго существованія въ свободномъ союзѣ права выступленія изъ него, каждый выступающій членъ, разумѣется, очутился бы въ тѣхъ же условіяхъ и въ томъ же правовомъ положеніи, въ которомъ оказался бы тотъ, ко-

¹⁾ Tucker, стр. 48.

торый никогда въ него не вступалъ. Какъ долженъ относиться отдѣльный человѣкъ къ окружающему его союзу и долженъ ли онъ его поддержать, это зависитъ всецѣло и исключительно отъ того, признаетъ ли онъ его цѣли или же отвергаетъ ихъ, насколько онъ считаетъ его способнымъ къ ихъ достиженію и насколько ему лично кажется полезнымъ или вреднымъ вступить въ союзъ, выступить изъ него или держаться отъ него въ сторонѣ» ¹⁾.

Для членовъ свободнаго союза возникаютъ изъ ихъ сожителства нѣкоторыя обязанности. «Союзъ можетъ поставить условіемъ вступленія въ него» принятіе на себя нѣкоторыхъ должностей, напримѣръ, «должности присяжнаго засѣдателя» ²⁾. «Возможно, что свободный союзъ будетъ пользоваться и избирательнымъ бюллетенемъ, такъ какъ будетъ существовать право вступленія изъ него. Если рѣшенный большинствомъ вопросъ будетъ настолько важенъ, что меньшинству покажется болѣе желательнымъ поступать по своему, чѣмъ оставаться въ союзѣ, то оно можетъ выступить изъ него. Какъ бы ни незначительно было извѣстное меньшинство, ни въ коемъ случаѣ нельзя имъ распорядиться противъ его воли» ³⁾. Свободный союзъ вправѣ заставлять своихъ членовъ исполнять ихъ обязательства. «Если кто-либо вступилъ въ союзъ съ другими, то эти другіе въ правѣ объединиться для того, чтобы заставить его сдерживать свое слово» ⁴⁾, а потому: «свободный союзъ въ правѣ принуждать къ выполненію всѣхъ тѣхъ постановленій, по которымъ состоялось соглашеніе между всѣми его членами» ⁵⁾. Но, конечно, не слѣдуетъ за-

¹⁾ Tucker, стр. 44—45.

²⁾ Tucker, стр. 56.

³⁾ Tucker, стр. 56—57.

⁴⁾ Tucker, стр. 24.

⁵⁾ Tucker, стр. 44.

бывать, что, «по всей вѣроятности, выполненіе договоренъ гарантировано больше всего тогда, когда берущій на себя обязательство знаетъ, что его не станутъ принуждать къ его выполненію» ¹⁾.

Среди обязательствъ членовъ свободнаго союза особое значеніе имѣеть уплата налоговъ, но, покоясь на договорѣ, налогъ явится добровольнымъ ²⁾. «Добровольность налоговъ не ослабляетъ кредита союза, а, напротивъ, дѣлаетъ его только прочнѣе ³⁾, во-первыхъ, потому, что союзъ, вслѣдствіе простоты своихъ задачъ, очень рѣдко или никогда не бываетъ вынужденъ прибѣгать къ займамъ; во-вторыхъ, онъ не можетъ, подобно нынѣшнему государству съ его принудительными налогами, прекратить платежи и все-таки продолжать существовать; въ-третьихъ, онъ долженъ больше современнаго государства заботиться объ уплатѣ своихъ долговъ, чтобы сохранить свой кредитъ ⁴⁾. Добровольность налоговъ, кромѣ того, «служить для союза постояннымъ напоминаніемъ о томъ, что онъ не долженъ позволять себѣ посягательства, такъ какъ это повело бы къ уменьшенію добровольныхъ взносовъ; такимъ образомъ, она служить для него постояннымъ побужденіемъ къ тому, чтобы сообразоваться съ желаніями народа» ⁵⁾.

«Почти совершенную анархистскую организацію въ небывалыхъ до сихъ поръ размѣрахъ представляетъ собою чудесная ирландская земельная лига. Громадное число мѣстныхъ группъ расцѣпано по широкому пространству двухъ частей свѣта, отдѣленныхъ другъ отъ друга тремя тысячами миль океана. Каждая группа самостоятельна и свободна. Каждая состоитъ изъ мнѣняю-

¹⁾ Tucker, стр. 157—158.

²⁾ Tucker, стр. 32.

³⁾ Tucker, стр. 36—37.

⁴⁾ Tucker, стр. 37.

⁵⁾ Tucker, стр. 43.

шагося количества одинаково самостоятельных и свободных людей различного возраста, пола и звания. Каждая существует исключительно добровольными взносами. Каждая поступает по своему личному усмотрѣнію. Каждая управляется коллективным представительствомъ изъ избранныхъ людей, которое въ состояніи добиться исполненія своихъ распоряженій, только благодаря логикѣ аргументаціи. Необыкновенно просто и безъ всякой потери своей самостоятельности, здѣсь всѣ объединяются въ громадный союзъ равноправныхъ людей, передъ несравненной силой котораго дрожать тираны, а арміи бесполезны ¹⁾».

3. Среди добровольныхъ союзовъ новаго общества наиболѣе замѣчательны: общества взаимнаго страхованія, банки, основанные на принципѣ взаимности ²⁾, и, особенно, товарищества для взаимозащиты.

«Товарищества взаимозащиты должны взять на себя, по уничтоженіи государства» ³⁾, дѣло защиты отъ тѣхъ, «кто посягаетъ на законъ равной для всѣхъ свободы» ⁴⁾. Потребность въ такихъ союзахъ будетъ, конечно, только временной. «Мы уже предвидимъ время, когда не нужно будетъ никакой силы даже для борьбы съ преступленіемъ» ⁵⁾. «Необходимость защиты противъ посягательствъ со стороны отдѣльныхъ личностей покоится въ большинствѣ случаевъ и, можетъ быть, даже исключительно на насильственномъ гнетѣ государства. Какъ только онъ падетъ, начнетъ исчезать и преступленіе» ⁶⁾.

Одновременно можетъ существовать рядомъ нѣсколько союзовъ взаимозащиты. «Въ Англіи существуетъ мно-

жество страховыхъ обществъ, и нерѣдко члены одной и той же семьи страхуютъ свою жизнь и имущество отъ огня и несчастій въ различныхъ обществахъ. Почему же не возможно, чтобы въ Англіи существовало также и значительное количество союзовъ взаимозащиты, у которыхъ населеніе могло бы страховать свою жизнь и имущество отъ воровъ и разбойниковъ, и почему бы также и здѣсь членамъ одной и той же семьи не застраховываться въ различныхъ обществахъ? Защита есть такая же услуга, какъ и всякая другая» ¹⁾. «Подъ вліяніемъ конкуренціи, лучшей и наиболѣе дешевой защитникъ точно такъ же, какъ и самый лучший и самый дешевый портной, будетъ имѣть больше всѣхъ работы. Вѣроятно также, что только онъ одинъ и будетъ имѣть работу. Но если бы это случилось, то оно произошло бы вслѣдствіе его полезности, какъ защитника, а не вслѣдствіе его тиранической власти. Опасаясь конкуренціи, онъ былъ бы вынужденъ всегда дѣлать все, что для него только возможно. Сила была бы не въ его рукахъ, а въ рукахъ его кліентовъ, которые стали бы пользоваться ею не въ формѣ устраненія союза путемъ голосованія или насиліемъ, а просто лишая его своихъ заказовъ» ²⁾. А если посягнувшій и пострадавшій принадлежатъ къ различнымъ союзамъ взаимозащиты, то не произойдетъ ли тогда между ними борьба? «Этого, вѣроятно, можно будетъ избѣгнуть путемъ договоровъ, а, можетъ быть, даже учрежденіемъ высшихъ союзныхъ судовъ, при чемъ различные союзы будутъ руководствоваться сознаніемъ своего свободного сотрудничества, которое лежитъ въ основѣ каждаго изъ нихъ» ³⁾.

«Союзы взаимозащиты могутъ не только требовать

¹⁾ Tucker, стр. 414.

²⁾ Tucker, стр. 159.

³⁾ Tucker, стр. 25.

⁴⁾ Tucker, стр. 25.

⁵⁾ Tucker, стр. 52.

⁶⁾ Tucker, стр. 40.

¹⁾ Tucker, стр. 32.

²⁾ Tucker, стр. 326—327.

³⁾ Tucker, стр. 36.

вознаграждения за явные посягательства, но также и принимать мѣры для воспрепятствования послѣднимъ» ¹⁾.

Для выполнения этой задачи они могутъ прибѣгнуть къ какимъ угодно средствамъ, не переходя, однако, при этомъ къ властвованію. «Властвованіе—это подчиненіе чужой волѣ людей, ни на кого не нападающихъ. Подчиненіе же лѣности, посягающей на что-нибудь, есть, поэтому, не властвованіе, а противодѣйствіе, защита противъ властвованія» ²⁾.—«Анархизмъ признаетъ право ареста, преслѣдованія, осужденія и наказанія злоумышленника» ³⁾. «Онъ считаетъ нужнымъ отнять у него такую часть его имущества, которая покрыла бы причиненный имъ вредъ» ⁴⁾. «И если онъ не найдетъ лучшаго средства противъ посягательствъ, онъ воспользуется тюрьмами» ⁵⁾. Онъ допускаетъ также и смертную казнь. «Назначая смертную казнь, общество не совершаетъ убійства. Убійство—это актъ нападенія, и слово это непримѣнимо къ акту защиты. Жизнь насильника нисколько не священна, и нѣтъ такого закона въ нашей общественной жизни, который запрещалъ бы намъ всячески защищаться отъ нападеній» ⁶⁾.

«Допустима даже пытка, хотя къ этому, конечно, едва ли станутъ прибѣгать раньше, чѣмъ смертная казнь и тюремное заключеніе не окажутся недѣйственными» ⁷⁾.—«Всякіе споры рѣшаются присяжными судами» ⁸⁾. «При составленіи суда присяжныхъ лучше всего сдѣлаютъ, если рѣшеніе вопроса предоставятъ жребію, вынимая двѣнадцать именъ изъ вертящагося ящика,

¹⁾ Tucker, стр. 167.

²⁾ Tucker, стр. 39.

³⁾ Tucker, стр. 55.

⁴⁾ Tucker, стр. 56.

⁵⁾ Tucker, стр. 56.

⁶⁾ Tucker, стр. 156—157.

⁷⁾ Tucker, стр. 60.

⁸⁾ Tucker, стр. 312.

содержащаго имена всѣхъ гражданъ союза» ¹⁾. «Суды присяжныхъ рѣшаютъ не только относительно фактовъ, но и относительно права, его примѣнимости къ данному случаю, а также наказанія или возмѣщенія убытковъ за его нарушеніе» ²⁾.

5. Собственность.

I. Съ точки зрѣнія личнаго блага каждаго и равной для всѣхъ свободы ничего, по Туккеру, нельзя возразить противъ института собственности. Туккеръ отвергаетъ только распределеніе богатствъ, покоящееся на монополіи, какъ это имѣетъ мѣсто въ государствѣ. Что государство, по существу своему, есть посягательство, «видно не только изъ того, что оно насилуетъ личныя наклонности человѣка, но еще яснѣе изъ того, что оно само содержитъ и охраняетъ монополію» ³⁾, дѣлая этимъ возможнымъ ростовщичество ⁴⁾.

1. Ростовщичество — это присвоеніе прибавочной стоимости ⁵⁾. «Продуктъ рабочаго — это увеличеніе, путемъ работы, цѣнности предмета, доставляемаго имъ потребителю» ⁶⁾. «Рабочій не получаетъ этого продукта, по крайней мѣрѣ, какъ рабочій: онъ получаетъ лишь тяготы жизни» ⁷⁾. «Но, вѣдь, кто-нибудь да получаетъ это прибавочную стоимость. Кто же это?» ⁸⁾.—«Это — ростовщикъ» ⁹⁾.

¹⁾ Tucker, стр. 56.

²⁾ Tucker, стр. 312.

³⁾ Tucker, стр. 26.

⁴⁾ Tucker, стр. 178.

⁵⁾ Tucker, стр. 178, 177.

⁶⁾ Tucker, стр. 241.

⁷⁾ Tucker, стр. 177.

⁸⁾ Tucker, стр. 177.

⁹⁾ Tucker, стр. 178.

«Существуют три формы ростовщичества: процентъ, наемная плата и аренда, и торговая прибыль. Кто получаетъ одну изъ этихъ трехъ вещей, тотъ ростовщикъ. А кто этого не дѣлаетъ? Едва ли найдется такой. Банкиръ—ростовщикъ; фабрикантъ—ростовщикъ; купецъ—ростовщикъ; землевладѣлецъ—ростовщикъ, и рабочий, который отдаетъ свои маленькія сбереженія подъ проценты, также ростовщикъ. Ростовщикомъ является рабочій, имѣющій домъ или кусокъ земли, и отдающій ихъ въ наемъ или аренду, а также и тотъ, кто получаетъ за свою работу больше, чѣмъ она стоитъ. Никто не свободенъ отъ грѣха лихоимства,—все въ немъ повинны. Но не все онъ приноситъ прибыль,—огромное большинство изъ-за него только страдаетъ. Только главные ростовщики богатѣютъ: въ земледѣльческихъ и густо населенныхъ мѣстностяхъ—землевладѣльцы, въ торговыхъ и промышленныхъ—банкиры, — вотъ, кто поглощаетъ прибавочную стоимость» ¹⁾.

2. «Но откуда они черпаютъ свою силу? Изъ государственной монополіи. На ней основано ростовщичество» ²⁾. «Но изъ всѣхъ монополій нашего времени четыре имѣютъ особенное значеніе» ³⁾.

«Первое мѣсто, по своему дурному вліянію, занимаетъ денежная монополія. Она состоитъ въ томъ, что правительство даетъ извѣстнымъ лицамъ или лицамъ, обладающимъ извѣстнымъ родомъ имущества, право создавать средства обращенія, право, охраняемое въ нашей странѣ тѣмъ, что правительство взимаетъ со всѣхъ другихъ лицъ, желающихъ создавать средства обращенія, налогъ въ размѣрѣ десяти процентовъ, да еще тѣмъ, что, своими законами, оно объявляетъ выпускъ цѣнныхъ бумагъ актомъ наказуемымъ. Можно утвер-

ждать, что отъ владѣльцевъ этой привилегіи зависитъ высота процента, наемной платы и товарныхъ цѣнъ. Первое находится отъ нихъ въ прямой, второе и третье—въ косвенной зависимости. Будь банковое дѣло доступно каждому, имъ занималось бы все больше и больше лицъ, до тѣхъ поръ, пока конкуренція не стала бы настолько острою, что цѣна денежныхъ ссудъ понизилась бы до стоимости затраченнаго труда, то-есть, согласно статистикѣ, до трехъ четвертей или до одного процента» ¹⁾. «Вмѣстѣ съ тѣмъ пала бы также и квартирная плата, потому что никто не сталъ бы, конечно, давать домовладѣльцу высокую наемную плату за его домъ, если бы у него была возможность занять деньги по одному проценту и самому построить себѣ жилище» ²⁾. «Уменьшилась бы, наконецъ, и торговая прибыль, потому что купцамъ не приходилось бы тогда переплачивать при ихъ закупкахъ въ кредитъ, такъ какъ они могли бы получать деньги въ банкѣ по цѣнѣ ниже одного процента, покупали бы дешево на наличныя, и, соотвѣтственно этому, понизили бы цѣны на товаръ для своихъ покупателей» ³⁾.

«Второе мѣсто, по своему значенію, занимаетъ монополізація земли. Ея дурное вліяніе особенно замѣтно въ исключительно земледѣльческихъ странахъ, напримѣръ, въ Ирландіи. Эта монополія состоитъ въ томъ, что государство защищаетъ такія права на землю, которыя не основаны на личномъ владѣніи и обработкѣ» ⁴⁾. «Арендная плата только потому и возможна, что государство защищаетъ такія притязанія» ⁵⁾. «Если бы общество обезпечивало бы только ту землю, которая находится въ

¹⁾ Tucker, стр. 178.

²⁾ Tucker, стр. 178.

³⁾ Tucker, стр. 11.

¹⁾ Tucker, стр. 11.

²⁾ Tucker, стр. 12.

³⁾ Tucker, стр. 12.

⁴⁾ Tucker, стр. 12.

⁵⁾ Tucker, стр. 178.

личною владѣніи и пользованіи, тогда арендная плата исчезла бы сама собой, и ростовщичество потеряло бы еще одну свою опору» ¹⁾).

Третье и четвертое мѣсто занимаетъ монополизациа таможи и авторскаго права ²⁾. «Таможенная монополія состоитъ въ томъ, что какая-нибудь отрасль промышленности, находящаяся въ неблагопріятныхъ условіяхъ, получаетъ поддержку, благодаря назначенію пошлины на другія отрасли промышленности, находящіяся въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ. При этой монополіи трудъ страдаетъ не столько отъ капитала, сколько отъ злоупотребленія имъ. Она поощряетъ, поэтому, не разумные доходы, а самое бессмысленное ростовщичество» ³⁾. «Монополизациа авторскаго права защищаетъ отъ конкуренціи изобрѣтателей, писателей и художниковъ до тѣхъ поръ, пока имъ не удастся выжать изъ народа такую плату за ихъ трудъ, которая далеко превосходитъ его полезность, другими словами, она отдастъ извѣстнымъ лицамъ на цѣлый рядъ лѣтъ исключительное владѣніе нѣкоторыми естественными законами и явленіями съ правомъ взиманія извѣстной пошлины за пользованіе этимъ природнымъ богатствомъ, которое, собственно говоря, должно было быть совершенно свободнымъ для всѣхъ» ⁴⁾. Послѣ денежной монополіи торговой прибыли содѣйствуетъ, главнымъ образомъ, монополизациа таможи и авторскаго права. Прибыль исчезнетъ, разъ, вмѣстѣ съ денежной монополіей, будетъ устранена монополія таможи и авторскаго права ⁵⁾.

II. Личное благо каждаго и, въ особенности, равная для всѣхъ свобода, требуютъ

такого распредѣленія собственности, при которомъ каждому будетъ обезпеченъ продуктъ его труда ¹⁾.

«Въ области собственности равная для всѣхъ свобода означаетъ такое равновѣсіе между свободой брать и свободой владѣть чѣмъ-либо, при которомъ обѣ эти свободы уживались бы вмѣстѣ безъ столкновеній и вторженій» ²⁾. «Единственный видъ собственности, отвѣчающій этому требованію, есть тотъ, который основанъ на трудѣ» ³⁾. «Трудящійся долженъ получить не малую долю имѣющагося запаса богатствъ, а весь этотъ запасъ» ⁴⁾.

«Этотъ видъ собственности обезпечиваетъ за каждымъ владѣніе его собственными продуктами и тѣми чужими продуктами, которые онъ получилъ безъ обмана или насилія, а равно и исполненіе всѣхъ притязаній на такіе продукты, которые были ему уступлены другими на основаніи свободнаго договора» ⁵⁾.

«Анархистская собственность распространяется, такимъ образомъ, только на продукты. Но продуктомъ является все то, на что былъ затраченъ человѣческой трудъ, безразлично, будетъ ли это кусокъ желѣза или участокъ земли. Нужно, однако, замѣтить, что по отношенію къ землѣ и всякимъ другимъ предметамъ, которыхъ будетъ слишкомъ недостаточно для того, чтобы каждый могъ владѣть ими въ неограниченномъ количествѣ, анархизмъ полагаетъ необходимымъ признавать лишь такія притязанія, которыя будутъ основаны на владѣніи и пользованіи ими въ настоящее время» ⁶⁾.

¹⁾ Tucker, стр. 59—60.

²⁾ Tucker, стр. 67.

³⁾ Tucker, стр. 131.

⁴⁾ Tucker, стр. 185.

⁵⁾ Tucker, стр. 60.

⁶⁾ Tucker, стр. 61.

¹⁾ Tucker, стр. 12.

²⁾ Tucker, стр. 12—13.

³⁾ Tucker, стр. 12.

⁴⁾ Tucker, стр. 13.

⁵⁾ Tucker, стр. 12—13, 178.

2. Распределение собственности, при котором каждому обеспечивается продукт его труда, предполагает только, что равная для всех свобода будет иметь место во всех тех областях, которые в настоящее время захвачены государственной монополией» ¹⁾.

«Прежде всего, необходима денежная свобода» ²⁾. «Свобода это означает полнейшее отсутствие всяких ограничений при выпуске в обращение настоящих денег» ³⁾. «Выпуск денег в обращение должен быть так же свободен, как шитье сапогов» ⁴⁾. Понятие денег взято тут в самом широком смысле этого слова, и под ними нужно понимать не только монеты, но и кредитные и товарные деньги» ⁵⁾; необходимо выбросить из головы представление о господстве благородных металлов и приучиться к мысли, что в природе нет такого вещества, которое было бы специально предназначено служить средством обращения» ⁶⁾. «Существует очень много крупных и мелких собственников, которые очень охотно занялись бы выпуском денег в обращение и изыскали бы их гораздо больше, чем нужно, если бы они пользовались необходимой для этого свободой» ⁷⁾. «Если бы было позволено основывать банки для выпуска бумажных денег под залог любого имущества, при чем банк мог бы и не иметь вовсе металлических денег и не поддежал бы обязанности обменивать свои бумажные деньги на металлические; если бы клиенты такого банка могли взаимно обязаться принимать банковые ноты, вместо золота или серебра, по их нарицательной стоимости и требовать

¹⁾ Tucker, стр. 178.

²⁾ Tucker, стр. 273.

³⁾ Tucker, стр. 274.

⁴⁾ Tucker, стр. 374.

⁵⁾ Tucker, стр. 272.

⁶⁾ Tucker, стр. 198.

⁷⁾ Tucker, стр. 248.

реализации их только к известному сроку под возврат банкнот и выдачи залогов, то народ должен был бы быть безумным, чтобы не воспользоваться этой неоцененной свободой» ¹⁾. Тогда «под влиянием конкуренции процент на капитал понизился бы до размеров оплаты труда в банковом долл., т. е. достиг бы уровня ниже одного со ста» ²⁾, потому что никому же не вздумается платить капиталисту проценты, раз приобретение орудий производства можно будет получить в банк деньги безпроцентно» ³⁾. «Точно также упадет и квартирная плата» ⁴⁾, а торговая прибыль будет представлять собой только заработную плату промышленника или купца» ⁵⁾, «поскольку этому не будет противобъединствовать закон о пошлинах и авторском праве» ⁶⁾. «Легкость, с которой можно было бы приобретать средства производства, послужила бы к необычайному подъему торговли» ⁷⁾, — «если бы банковая свобода была только скромной попыткой в долл. более равномерного распределения нашего современного благополучия, а бы не потратил на нее и минуты труда» ⁸⁾.

Затем, необходима свобода земли» ⁹⁾. «Земля для народа»; это значит, что каждый желающий заниматься земледелием должен быть обеспечен в своем владении всей той землей, которую он сам обрабатывает; разделение на классы земельных собственников, арендаторов и рабочих должно исчезнуть; внимание каких бы то ни было арендных денег не должно поль-

¹⁾ Tucker, стр. 226.

²⁾ Tucker, стр. 474.

³⁾ Tucker, стр. 287.

⁴⁾ Tucker, стр. 274—275.

⁵⁾ Tucker, стр. 287.

⁶⁾ Tucker, стр. 178.

⁷⁾ Tucker, стр. 11.

⁸⁾ Tucker, стр. 248.

⁹⁾ Tucker, стр. 275.

зоваться никакой поддержкой» ¹⁾. Эта «система владѣльческой собственности, при которой государственная власть не вымогаетъ уплаты арендныхъ денегъ, и при которой, напротивъ, благодаря уничтоженію государственной денежной монополіи, къ услугамъ землевладѣльца всегда имѣлось бы достаточно капитала» ²⁾,—эта система «устранила бы арендную плату» ³⁾ и распредѣлила бы доходъ съ земли самымъ естественнымъ и мирнымъ образомъ между его правомѣрными хозяевами» ⁴⁾.

Далѣе необходима свобода торговли и свобода интеллектуальныхъ произведеній ⁵⁾. Если прибавить ихъ къ денежной свободѣ, то «торговая прибыль превратилась бы въ заработную плату за промышленный или купеческій трудъ» ⁶⁾. Вслѣдствіе свободы торговли, «значительно понизились бы цѣны на всѣ, обложенные пошлинами, товары» ⁷⁾. А, вслѣдствіе свободы интеллектуальныхъ произведеній, «писатели, художники и изобрѣтатели прониклись бы спасительнымъ страхомъ передъ конкуренціей и удовольствовались бы одинаковой со всѣми трудящимися платой» ⁸⁾.

Разъ равная для всѣхъ свобода будетъ осуществлена въ этихъ четырехъ областяхъ, она осуществится сама собой и въ области собственности, т. е. получится такое распредѣленіе собственности, при которомъ каждому будетъ обезпеченъ продуктъ его труда ⁹⁾. «Съ уничтоженіемъ политической тираниі, экономическія привилегіи должны исчезнуть сами собой» ¹⁰⁾. Въ обществѣ,

¹⁾ Tucker, стр. 299.

²⁾ Tucker, стр. 325.

³⁾ Tucker, стр. 175.

⁴⁾ Tucker, стр. 325.

⁵⁾ Tucker, стр. 12—13.

⁶⁾ Tucker, стр. 474, 178.

⁷⁾ Tucker, стр. 12—13.

⁸⁾ Tucker, стр. 13.

⁹⁾ Tucker, стр. 403.

¹⁰⁾ Tucker, стр. 403.

въ которомъ нѣтъ господства людей надъ людьми, не возможны ни проценты съ капитала, ни квартирная, ни арендная плата, точно такъ же, какъ и торговая прибыль ¹⁾,—каждому будетъ обезпеченъ продуктъ его труда. «Мы не говоримъ: не кради, мы говоримъ: когда всѣ люди будутъ свободны, ты не будешь красть» ²⁾.

3. «Свобода можетъ воспрепятствовать тому, чтобы рабочій былъ лишенъ продуктовъ его труда, но она можетъ заботиться о томъ, чтобы всякая работа давала одинаковый доходъ» ³⁾. Различіе почвы и способностей будетъ всегда имѣть своимъ слѣдствіемъ нѣкоторое неравенство доходовъ. Но даже и это неравенство будетъ все болѣе и болѣе уменьшаться. При новыхъ хозяйственныхъ условіяхъ, при увеличенной, благодаря денежной и земельной свободѣ, возможности находить себѣ работу, классовыя различія постепенно исчезнутъ; у меньшинства не станеть развиваться великихъ способностей на счетъ тупости большинства. Свобода передвиженія будетъ значительно увеличена; рабочіе не будутъ въ такихъ размѣрахъ связаны съ крупными центрами современныхъ путей сообщенія и, такимъ образомъ, избавятся отъ своей рабской зависимости отъ городскихъ домовладѣльцевъ; земельные участки и вспомогательные источники, остающіеся до сихъ поръ неиспользованными, стануть легко достижимы и будутъ использованы. Но, благодаря всѣмъ этимъ вліяніямъ, упомянутое выше неравенство упадетъ до минимума» ⁴⁾.

«Совершенно устранить его, конечно, не удастся» ⁵⁾. «Такъ какъ свобода не въ состояніи этого добиться, то многие и говорятъ: мы не желаемъ свободы, потому что

¹⁾ Tucker, стр. 470.

²⁾ Tucker, стр. 362.

³⁾ Tucker, стр. 348.

⁴⁾ Tucker, стр. 332—333.

⁵⁾ Tucker, стр. 333.

намъ необходимо безусловное равенство. Я не принадлежу къ нимъ. Если я могу жить свободно и богато, я не стану огорчаться изъ-за того, что мой сосѣдъ также свободенъ, но еще богаче. Въ концѣ концовъ свобода сдѣлаетъ всѣхъ богатыми, но она не сдѣлаетъ, конечно, всѣхъ одинаково богатыми. Верховная власть, можетъ быть, и сдѣлала бы всѣхъ одинаково богатыми деньгами, но, навѣрное, также всѣхъ одинаково бѣдными во всемъ, что придаетъ жизни ея цѣнность» ¹⁾.

6. Осуществленіе.

Предписываемое личнымъ благомъ индивидуума, преобразование должно совершиться, по Туккеру, слѣдующимъ образомъ: познавшіе истину убѣждаютъ прежде всего достаточное количество людей въ томъ, насколько это преобразование необходимо для ихъ личнаго блага; послѣ этого, общимъ образомъ въ повиновеніи, устраняется государство, преобразовываются право и собственность и, такимъ образомъ, устанавливается новый порядокъ вещей.

1. Прежде всего нужно убѣдить достаточное количество людей въ томъ, что преобразование необходимо для ихъ личнаго блага.

1. «Народъ долженъ быть воспитанъ на ученіи анархизма» ²⁾. «Необходимо пропитать каждого анархистскими идеями и научить возмущенію» ³⁾. «Нужно непрерывно распространять ученіе о равной для всѣхъ

¹⁾ Tucker, стр. 348.

²⁾ Tucker, стр. 104.

³⁾ Tucker, стр. 114.

свободѣ до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, большинство не признаетъ и по отношенію къ современнымъ формамъ государственнаго вмѣшательства того, что оно уже признало по отношенію къ прошлому, а именно, что ихъ цѣлью является не равная для всѣхъ свобода, а, напротивъ, подчиненіе» ¹⁾. «Движеніе, связанное съ именемъ ирландской земельной лиги, не достигло цѣли, потому что крестьянинъ, вмѣсто того, чтобы сознательно поступать по своему усмотрѣнію, шелъ за своими вождями, которые въ рѣшительную минуту ему измѣнили. Если бы народъ сознавалъ свою силу и понялъ бы свое экономическое положеніе, онъ не согласился бы опять, по желанію Парнелля, уплачивать арендную плату и, быть можетъ, былъ бы уже теперь свободенъ. Анархисты хотятъ избѣгнуть этой ошибки. Поэтому они отдаютъ всѣ свои силы распространенію знаний, особенно политико-экономическихъ. Преслѣдуя твердо и неуклонно, несмотря ни на какіе крики, эту цѣль, они кладутъ самое вѣрное основаніе для успѣха революціи» ²⁾.

2. Средствами для распространенія анархистскихъ идей служатъ, по Туккеру, «устная рѣчь и печать» ³⁾. Но если свободы слова и печати не существуетъ. Тогда можно прибѣгнуть и къ насилію ⁴⁾.

Но силу слѣдуетъ употребить лишь въ самомъ крайнемъ случаѣ ⁵⁾. Когда врачъ видитъ, что силы больного, вслѣдствіе интенсивности болей, истощаются такъ быстро, что нужно опасаться, что онъ умретъ отъ истощенія раньше наступленія дѣйствія лѣкарства, тогда онъ прописываетъ одуряющее средство. Но хороший врачъ рѣшается на это весьма неохотно, хорошо зная, что

¹⁾ Tucker, стр. 77—78.

²⁾ Tucker, стр. 416.

³⁾ Tucker, стр. 397, 413.

⁴⁾ Tucker, стр. 413.

⁵⁾ Tucker, стр. 397.

слѣдствіемъ одуряющаго средства является, между прочимъ, также ослабленіе или даже уничтоженіе дѣйствія самаго лѣкарства. То же самое происходитъ съ примѣненіемъ силы при болѣзняхъ общества. Тотъ, кто рекомендуетъ ее, какъ лучшее лѣкарство и какъ нормальное укрѣпляющее средство, и тотъ, кто ее вообще предлагаетъ, какъ лѣчебное средство, и даже тотъ, кто легкомысленно и безъ особой необходимости хватается за нее, хотя бы только какъ за палліативъ—тотъ шарлатанъ» ¹⁾.

Поэтому «противъ угнетателей человѣчества можно употребить силу только въ томъ случаѣ, когда невозможна никакая мирная агитація» ²⁾. Само по себѣ пролитіе крови есть зло, но если намъ необходима свобода агитации и если только кровопролитіе можетъ ее намъ обезпечить,—тогда можно прибѣгнуть и къ нему» ³⁾.

«До тѣхъ поръ, пока существуетъ свобода слова и печати, не слѣдуетъ прибѣгать въ борьбѣ съ угнетеніемъ къ насилію. Даже въ томъ случаѣ, когда свобода слова въ одномъ или въ десяти, или въ ста случаяхъ и нарушается, это еще не оправдываетъ потокъ крови. Къ насилію, какъ къ послѣднему средству, можно прибѣгнуть только тогда, когда угнетеніе достигаетъ своихъ крайнихъ предѣловъ» ⁴⁾. Въ Германіи, Англіи терроръ бесполезенъ» ⁵⁾. Въ какой формѣ слѣдуетъ употребить насиліе? «Время вооруженныхъ возстаній прошло; ихъ слишкомъ легко подавляютъ» ⁶⁾. Устрашающія дѣйствія и убійства» ⁷⁾ необходимы, но они

¹⁾ Tucker, стр. 428.

²⁾ Tucker, стр. 428.

³⁾ Tucker, стр. 439.

⁴⁾ Tucker, стр. 397.

⁵⁾ Tucker, стр. 428.

⁶⁾ Tucker, стр. 440.

⁷⁾ Tucker, стр. 482.

«должны производиться посредствомъ динамита единичными личностями» ¹⁾.

3. Но, помимо устнаго слова и печати, существуютъ также еще и другія средства «пропаганды» ²⁾.

Такимъ средствомъ является «отказъ отдѣльной личности, отъ своего только имени, отъ уплаты налоговъ» ³⁾. «Допустимъ, что я въ данномъ году чувствую себя особенно сильнымъ и независимымъ, что мое поведеніе не нарушить ни одного серьезнаго личнаго долга или, что я, можетъ быть, особенно расположенъ отправиться на нѣкоторое время въ тюрьму и что при этомъ у меня еще есть возможность припрятать свое имущество; въ такомъ случаѣ я объявляю податному чиновнику размѣръ стоимости своего имущества, но не уплачиваю сборщику суммы слѣдующаго налога, или, если у меня состоянія нѣтъ, не уплачиваю своей подушной подати. Государству тогда приходится примѣнить имѣющіяся въ его распоряженіи средства. Оно можетъ поступить двоякимъ образомъ. Или оно меня оставитъ въ покоѣ, и тогда я рассказываю все моимъ сосѣдямъ, и на слѣдующій годъ они почувствуютъ неприятную наклонность оставлять свои денежки у себя въ карманѣ. Или же оно меня арестуетъ—и тогда я обезпечиваю себѣ на законномъ основаніи всѣ права арестованнаго за долги и живу покойно и тихо, пока государству не надоѣстъ содержать меня и все нарастающее количество другихъ людей, послѣдовавшихъ моему примѣру. Но, можетъ быть, государство, въ отчаяніи, рѣшится на изданіе болѣе строгихъ законовъ для заключенныхъ за неуплату податей,—и тогда-то, если только я окажусь рѣшительнымъ человѣкомъ, обнаружится, какъ далеко можетъ идти республиканское правительство, пользу-

¹⁾ Tucker, стр. 440.

²⁾ Tucker, стр. 45.

³⁾ Tucker, стр. 45.

ющею своею справедливою властью съ согласія управляемыхъ, чтобы заполучить «это согласіе» только ли до одиночнаго заключенія въ темномъ карцерѣ, или вслѣдъ за царемъ, также и до пытокъ посредствомъ электричества ¹⁾. Чѣмъ дальше оно поидетъ, тѣмъ лучше это для дѣла анархіи,—это понимаетъ всякій, кто занимается изученіемъ исторіи прогресса. Какое громадное значеніе можетъ имѣть два-три такихъ случая для дѣла пропаганды, особенно, если къ тому еще вѣтъ тюремной ограды имѣется хорошо организованная боевая группа агитаторовъ—этого и предвидѣть нельзя» ²⁾.

Другое средство пропаганды состоитъ въ «испытаніи анархическаго ученія въ жизни» ³⁾. Но это средство возможно не въ изолированной группѣ, а «въ самомъ центрѣ нашей промышленной и общественной жизни» ⁴⁾. «Если бы въ какомъ-нибудь крупномъ городѣ, въ которомъ болѣе или менѣе ясно выражены разнообразныя теченія и стремленія нашей богатой противорѣчіями культуры, объединилось значительное число серьезныхъ и убѣжденныхъ анархистовъ, принадлежащихъ къ различнымъ общественнымъ классамъ; если бы они ввели производство и распредѣленіе продуктовъ, соответствующее праву каждаго на продуктъ его труда» ⁵⁾ и, «несмотря на всѣ ограничительные законы» ⁶⁾ основали бы банкъ, который безпроцентно ссужалъ бы ихъ деньгами для промышленной дѣятельности, а постоянно нарастающій капиталъ его обращали бы на все новыя предпріятія, при чемъ выгодами этой системы могъ бы воспользоваться всякій, желающій принять въ ней уча-

1) Русскому читателю извѣстно, что такихъ пытокъ въ Россіи не существуетъ и не существовало. Перев.

2) Tucker, стр. 412.

3) Tucker, стр. 423.

4) Tucker, стр. 423.

5) Tucker, стр. 423.

6) Tucker, стр. 27.

стие,—то, что бы тогда произошло? Моментально всѣ части населенія: умныя и глупыя, злыя, добрыя и безразличныя обратили бы на это свое вниманіе; мало по малу они и сами стали бы принимать участіе, а черезъ годъ-другой онѣ уже пожинали бы плоды своей работы. Жить въ полной лѣности, процентами никто бы уже больше не могъ,—и весь городъ превратился бы въ громадный улей анархистовъ-работниковъ, свободныхъ и преуспѣвающихъ людей» ¹⁾.

II. Какъ только достаточное количество людей пришло къ убѣжденію, что для ихъ личнаго блага необходимо переворотъ, тогда, значить, наступилъ моментъ для устраненія государства, преобразованія права и собственности и установленія новаго порядка вещей посредствомъ «соціальной революціи» ²⁾, то есть посредствомъ возможно болѣе широкаго отказа въ повиновеніи. «Государство—это не что иное, какъ тиранія, и у него нѣтъ такихъ правъ, которыя кто-либо былъ бы обязанъ уважать. Напротивъ, кто сознаетъ свое право и умѣетъ цѣнить свою свободу, тотъ приложитъ всѣ усилія для его низверженія» ³⁾.

1. Нѣкоторые полагаютъ, что «государство можетъ исчезнуть лишь тогда, когда человѣкъ станетъ совершеннымъ».

«Это значило бы, что анархизмъ будетъ возможенъ только тогда, когда наступитъ царство Божіе. Если бы мы могли достигнуть совершенства при наличности препятствій къ нашему совершенствованію, тогда, конечно, государство исчезло бы само сабою. Если бы мы могли подняться вверхъ на ухагахъ нашихъ сапоговъ, мы бы смогли, можетъ быть, и на небо полетѣть» ⁴⁾.

1) Tucker, стр. 423—424.

2) Tucker, стр. 416, 439.

3) Tucker, стр. 45.

4) Tucker, стр. 114.

«Воспитать людей не значит научить их управлять самими собою, а затѣмъ уже позволить имъ это, а значитъ: учить ихъ управлять собою, позволивъ имъ дѣлать это» ¹⁾. Вотъ почему необходимо устранить государство» ²⁾ путемъ «немедленной социальной революціи» ³⁾.

2. Ошибаются и тѣ, кто думаетъ, «что анархизмъ можетъ быть установленъ насильственно» ⁴⁾.

Какимъ образомъ онъ долженъ быть установленъ, это только вопросъ «цѣлесообразности» ⁵⁾. «Смѣшно, когда называютъ политику террора и убійствъ безправственной. Когда на меня нападаютъ, я имѣю неограниченное право самому рѣшать, какъ мнѣ защищаться. Подобно индивидууму и правительство теряетъ всякое право на уваженіе, когда оно совершаетъ посягательство на меня. При этомъ совершенно безразличенъ характеръ посягательства; въ какомъ бы видѣ ни была произвольно ограничена моя свобода, я всегда имѣю право отстоять ее, и притомъ всѣми имѣющимися въ моемъ распоряженіи средствами» ⁶⁾.

«Право защищаться силою отъ угнетенія стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія. Но не разумно пользоваться этимъ средствомъ до тѣхъ поръ, пока не окажется безцѣльнымъ пользоваться другими способами противодѣйствія» ⁷⁾. «Если бы правительство было устранено вдругъ и неожиданно для всѣхъ, тогда возникъ бы, вѣроятно, цѣлый рядъ споровъ за землю и другія вещи, и результатомъ этого была бы реакція съ восстановленіемъ старой тираніи. Если же это устраненіе будетъ совершаться

¹⁾ Tucker, стр. 158.

²⁾ Tucker, стр. 114.

³⁾ Tucker, стр. 487.

⁴⁾ Tucker, стр. 427.

⁵⁾ Tucker, стр. 429.

⁶⁾ Tucker, стр. 428—429.

⁷⁾ Tucker, стр. 439.

постепенно, то рука объ руку съ нимъ будетъ идти и распространеніе познаній общественныхъ истинъ» ¹⁾.

3. Социальная революція должна быть достигнута пассивнымъ сопротивленіемъ, то есть отказомъ въ повиновеніи ²⁾.

«Пассивное сопротивленіе—это самое могучее оружіе, какое когда-либо употреблялъ человекъ противъ угнетенія» ³⁾. «Пассивное сопротивленіе», говоритъ Фердинандъ Лассаль съ чистой нѣмецкой неуклюжестью, «есть противодѣйствіе, которое не противодѣйствуетъ». Нѣтъ ничего болѣе ложнаго. Напротивъ, это единственное противодѣйствіе, которое въ наше время военнаго подчиненія еще можетъ имѣть успѣхъ. Во всемъ культурномъ мірѣ нѣтъ теперь ни одного тирана, который не согласился бы лучше безжалостно подавить кровавую революцію, чѣмъ имѣть дѣло съ значительной частью своихъ подданныхъ, рѣшившихся не повиноваться ему. Возстаніе легко подавить, но никакое войско не захочетъ или не сможетъ направить свои пушки на мирныхъ людей, которые даже на улицахъ не собираются, а сидятъ дома и отстаиваютъ свое право» ⁴⁾.

«Власть живетъ грабежомъ и погибаетъ, когда ея жертвы не даютъ больше себя грабить. Власть нельзя убить ни проповѣдью, ни голосованіемъ, ни выстрѣлами, но ее можно уморить голодомъ. Какъ только внушительное число рѣшительныхъ людей, арестовать которыхъ должно было бы казаться рискованнымъ, согласились бы между собою совершенно спокойно прогнать какъ сборщика податей, такъ и сборщиковъ квартирныхъ и арендныхъ денегъ; если бы, къ тому еще, несмотря на запретительный законъ, они стали бы сами

¹⁾ Tucker, стр. 329.

²⁾ Tucker, стр. 413.

³⁾ Tucker, стр. 415.

⁴⁾ Tucker, стр. 413.

выпускать деньги и, такимъ образомъ, лишили бы капиталиста его процентовъ,—тогда бы все правительство оказалось выброшеннымъ за бортъ вмѣстѣ со всѣми привилегіями, которыя оно охраняетъ, и всѣми монополіями, которыя оно поддерживаетъ» ¹⁾).

«Велика и непобѣдима была бы сила значительнаго и вдумчиваго меньшинства, напримѣръ, одной пятой части населенія» ²⁾), которое отказалось бы отъ уплаты податей. «Превосходный урокъ даетъ намъ въ этомъ отношеніи движеніе ирландской земельной лиги. До тѣхъ поръ, пока она держалась своей первоначальной политики отказа въ уплатѣ арендныхъ денегъ, она оставалась величайшей и вліятельнѣйшей революціонной силой, какую когда-либо видѣлъ міръ, а потеряла она свою силу съ оставленіемъ этой политики. Но она достаточно долго оставалась вѣрной своей политикѣ, чтобы доказать, что англійское правительство оказалось совершенно безсильнымъ противъ нея, и мы едва ли преувеличимъ, когда скажемъ, что если бы она продолжала придерживаться этой политики, въ Ирландіи теперь больше не было бы ни одного лэндлорда. Въ нашей странѣ легче воспротивиться уплатѣ податей, чѣмъ въ Ирландіи—уплатѣ арендныхъ денегъ; и такая политика (предполагая, конечно, что удалось бы привлечь достаточное количество серьезныхъ мужчинъ и женщинъ) у насъ была бы тѣмъ болѣе успѣшной, что нашъ народъ стоитъ въ духовномъ отношеніи выше ирландскаго.

Если бы только одна пятая часть населенія воспротивилась уплатѣ податей, то уже взысканіе ихъ или даже одна попытка къ этому стоила бы больше того, что остальные четыре пятыхъ согласились бы вносить въ государственную кассу» ³⁾).

¹⁾ Tucker, стр. 415—416.

²⁾ Tucker, стр. 412.

³⁾ Tucker, стр. 412—413.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Ученіе Толстого.

1. Общія замѣчанія.

1. Левъ Николаевичъ Толстой родился въ 1828 году въ Ясной Полянѣ, Крапивенскаго уѣзда, Тульской губерніи. Съ 1843 г. по 1846 онъ изучалъ въ Казани вначалѣ восточные языки, а затѣмъ юриспруденцію. Свои занятія по юриспруденціи онъ продолжалъ потомъ въ Петербургѣ (1847—1848). Послѣ продолжительнаго пребыванія въ Ясной Полянѣ Толстой въ 1851 году вступилъ въ одинъ изъ артиллерійскихъ полковъ, расположенныхъ на Кавказѣ, гдѣ былъ произведенъ въ офицеры; на Кавказѣ онъ служилъ до 1853 г., участвовалъ въ крымской войнѣ и въ 1855 г. вышелъ въ отставку.

Послѣ отставки Толстой поселился въ Петербургѣ. Въ 1857 г. онъ предпринялъ продолжительное путешествіе по Германіи, Франціи, Италиі и Швейцаріи. По возвращеніи онъ до 1860 живалъ большею частью въ Москвѣ. Въ 1860—1861 гг. онъ объѣхалъ Германію, Францію, Италію, Англию и Бельгію и въ Брюсселѣ познакомился съ Пруденомъ.

Начиная съ 1861 г., Толстой почти непрерывно живетъ въ Ясной Полянѣ, занимаясь литературой и земледѣліемъ.

Толстой опубликовалъ множество сочиненій; сочиненія, вышедшія до 1878 г., относятся преимущественно къ изящной литературѣ; среди нихъ выдаются романы: «Война и миръ» и «Анна Каренина». Слѣдующія за тѣмъ сочиненія посвящены, главнымъ образомъ, философскимъ темамъ.

2. Для ученія Толстого о правѣ, государствѣ и собственности имѣютъ особое значеніе сочиненія: Исповѣдь (1879), Браткое изложеніе Евангелія (1880), Въ чемъ моя вѣра? (1884), Такъ что же намъ дѣлать? (1885), О жизни (1887), Царство Божіе внутри васъ, или христіанство не какъ мистическое ученіе, а какъ новое жизнепониманіе (1893).

3. Свое ученіе о правѣ, государствѣ и собственности Толстой не называетъ анархизмомъ. Анархизмомъ онъ называетъ ученіе, ставящее себѣ цѣлью жизнь безъ правительства и стремящееся осуществить эту цѣль путемъ насилія ¹⁾.

2. Основные идеи.

Высшимъ закономъ для насъ является, по мнѣнію Толстого, любовь; отсюда онъ выводитъ заповѣдь непротивленія злу насиліемъ.

1. Свою основную идею Толстой называетъ «христіанствомъ» ²⁾; но подъ христіанствомъ онъ разу-

¹⁾ Tolstoj, Das Reich Gottes ist in Euch, стр. 244—245, 280, 315, 325.

²⁾ Tolstoj, Das Reich Gottes ist in Euch, стр. 263, 285—286, Darlegung des Evangeliums, стр. 25, Religion und Moral, стр. 14.

мѣетъ не ученіе какой-либо христіанской церкви, а чистое ученіе Христа ¹⁾.

«Какъ ни странно это кажется, церкви, какъ церкви, всегда были и не могутъ не быть учрежденіями не только чуждыми, но прямо враждебными ученію Христа... Церкви, какъ церкви, не суть нѣкоторыя учрежденія, имѣющія въ основѣ своей христіанское начало, хотя и нѣсколько отклонившіяся отъ прямого пути, какъ это думаютъ многіе; церкви, какъ церкви, какъ собранія, утверждающія свою непогрѣшимость, суть учрежденія противухристіанскія. Между церквами, какъ церквами, и христіанствомъ не только нѣтъ ничего общаго, кромѣ имени, но это два совершенно противоположныя и враждебныя другъ другу начала. Одно—гордость, насиліе, самоутвержденіе, неподвижность и смерть; другое—смирненіе, покаяніе, покорность, движеніе и жизнь.» «Церковь въ угоду міру перетолковала метафизическое ученіе Христа такъ, что изъ него не вытекало никакихъ требованій для жизни, такъ что оно не мѣшало людямъ жить такъ, какъ они жили. Церковь разъ уступила міру, а разъ уступивъ міру, она пошла за нимъ. Міръ дѣлалъ все, что хотѣлъ, предоставляя церкви, какъ она сумѣетъ, поспѣвать за нимъ въ своихъ объясненіяхъ смысла жизни. Міръ учреждалъ свою во всемъ противную ученію Христа жизнь, а церковь придумывала иносказанія, по которымъ бы выходило, что люди, живя противно закону Христа, живутъ согласно съ нимъ. И кончилось тѣмъ, что міръ сталъ жить жизнью, которая стала хуже языческой жизни, и церковь стала не только оправдывать эту жизнь, но утверждать, что въ этомъ-то и состоитъ ученіе Христа» ³⁾.

¹⁾ Tolstoj, Darlegung des Evangeliums стр. 13—14, 16—17.

²⁾ Tolstoj, Das Reich Gottes ist in Euch, стр. 96—97.

³⁾ Tolstoj, Worin besteht mein Glaube? стр. 247—240.

Отъ ученія Христа слѣдуетъ отличать церковное «вѣроученіе» ¹⁾, т. е. всю сумму совершенно непонятныхъ и потому бесполезныхъ «догмъ» ²⁾. «Мы не знаемъ Бога—вѣшняго творца, начала началъ» ³⁾; «Богъ—это духъ въ человѣкѣ» ⁴⁾, «его совѣсть» ⁵⁾, «разумнѣе жизни» ⁶⁾; «каждый человѣкъ познаетъ въ себѣ свободный, разумный и независимый отъ плоти духъ и этотъ духъ и есть то, что мы называемъ Богомъ» ⁷⁾. Христосъ былъ человѣкомъ ⁸⁾, «сыномъ неизвѣстнаго отца; не зная своего отца, онъ сыздѣства называлъ Бога своимъ отцомъ» ⁹⁾; и по духу онъ былъ сыномъ Божиимъ, какъ и всякій человѣкъ есть сынъ Божій ¹⁰⁾; онъ воплощалъ въ себѣ «человѣка, признаваша сыновность свою Богу» ¹¹⁾. Тѣ, кто «утверждаютъ, что Христосъ объявилъ то, что онъ искупилъ своею кровью родъ человѣческій, павшій въ Адамѣ, что Богъ—Троица, что Святой Духъ сошелъ на апостоловъ и перешелъ черезъ рукоположеніе на священство, что для спасенія нужны семь таинствъ, что причастіе должно быть въ двухъ видахъ и т. п.» ¹²⁾, — «проповѣдуютъ самыя чуждыя Христу ученія» ¹³⁾, «О своемъ личномъ воскресеніи Христосъ никогда нигдѣ не говоритъ» ¹⁴⁾ и это дѣйствительно «черезчуръ низкое и грубое представленіе» ¹⁵⁾. —

1) Tolstoj, Vernunft und Dogma, стр. 5.

2) Tolstoj, Worin besteht mein Glaube? стр. 196.

3) Tolstoj, Darlegung des Evangeliums, стр. 51, 29—30.

4) Tolstoj, Darlegung des Evangeliums, стр. 47.

5) Tolstoj, Christentum und Vaterlandsliebe, стр. 118.

6) Tolstoj, Darlegung des Evangeliums, стр. 29.

7) Tolstoj, Darlegung des Evangeliums, стр. 50, Religion und Moral, стр. 27.

8) Tolstoj, Über das Leben, стр. 214.

9) Tolstoj, Darlegung des Evangeliums, стр. 31.

10) Tolstoj, Darlegung des Evangeliums, стр. 32, 31, 40, 112.

11) Tolstoj, Worin besteht mein Glaube, стр. 164.

12) Tolstoj, Darlegung des Evangeliums, стр. 21.

13) Tolstoj, Darlegung des Evangeliums, стр. 21.

14) Tolstoj, Worin besteht mein Glaube? стр. 160, 174.

15) Tolstoj, Worin besteht mein Glaube? стр. 160.

Вознесеніе и Воскресеніе относятся къ «самымъ отталкивающимъ чудесамъ» ¹⁾.

Ученіе Христа является для Толстого правильнымъ не вслѣдствіе вѣры въ его откровенное происхожденіе, но вслѣдствіе его разумности. Вѣра въ откровеніе «была главной причиной сначала непониманія ученія, а потомъ и полнаго извращенія ученія» ²⁾, Вѣра въ Христа «не есть довѣріе во что-нибудь, касающееся Иисуса, но знаніе истины» ³⁾.

«Есть законъ эволюціи и потому ничего ни дурного, ни хорошаго, а надо жить для одной своей личной жизни, предоставляя остальное дѣлать закону эволюціи». Это есть послѣднее выраженіе утонченнаго образованія и вмѣстѣ съ тѣмъ того затемнѣннаго сознанія, которымъ заняты образованные классы нашего времени» ⁴⁾. Но «жизнь человѣческая есть рядъ поступковъ отъ вставанья до постели; каждый день человѣкъ долженъ, не переставая выбирать изъ сотни возможныхъ для него поступковъ тѣ, которые онъ сдѣлаетъ... а безъ руководства въ выборѣ своихъ поступковъ человѣкъ жить не можетъ» ⁵⁾. Это руководство можетъ дать ему только разумъ. «Разумъ для человѣка—тотъ законъ, по которому совершается его жизнь» ⁶⁾. «Если нѣтъ высшаго разума (а его нѣтъ, и ничто доказать его не можетъ), то разумъ есть творецъ жизни для меня» ⁷⁾. «Все большее и большее подчиненіе» ⁸⁾ «животной личности разумному сознанію» ⁹⁾ составляетъ «истинную жизнь» ¹⁰⁾,

1) Tolstoj, Bekenntnisse, стр. 92.

2) Tolstoj, Das Reich Gottes ist in Euch стр. 75—77, 79.

3) Tolstoj, Worin besteht mein Glaube? стр. 195, 272, Das Reich Gottes ist in Euch стр. 72—73, Darlegung des Evangeliums, стр. 5.

4) Tolstoj, Das Reich Gottes ist in Euch, стр. 234.

5) Tolstoj, Über das Leben, стр. 48.

6) Tolstoj, Über das Leben, стр. 72, 66.

7) Tolstoj, Bekenntnisse, стр. 54.

8) Tolstoj, Über das Leben, стр. 101.

9) Tolstoj, Über das Leben, стр. 100.

10) Tolstoj, Über das Leben, стр. 100.

оно представляет собою «жизнь»¹⁾ въ противоположность простому «существованію»²⁾.

«Прежде говорили: не разсуждай, а вѣрь тому долгу, что мы предписываемъ. Разумъ обманетъ тебя. Вѣра только откроетъ тебѣ истинное благо жизни. И человѣкъ старался вѣрить и вѣрилъ; но сношенія съ людьми показали ему, что другіе люди вѣрятъ въ совершенно другое и утверждаютъ, что это другое даетъ большее благо человѣку. Стало неизбѣжно рѣшить вопросъ о томъ, какая—изъ многихъ—вѣра вѣрнѣе; а рѣшать это можетъ только разумъ»³⁾. «Буддистъ, познавши магометанство, если онъ останется буддистомъ, останется буддистомъ уже не по вѣрѣ, а по разуму. Какъ скоро ему предстала другая вѣра и вопросъ о томъ, откинуть ли свою или предлагаемую,—вопросъ рѣшается разумомъ. И если онъ, узнавъ магометанство, остался буддистомъ, прежня слѣпая вѣра въ Будду уже неизбѣжно выйдетъ на разумныхъ основаніяхъ»⁴⁾. «Человѣкъ всегда познаетъ все черезъ разумъ, а не черезъ вѣру»⁵⁾.

«Законъ разума открывается человѣку постепенно»⁶⁾. «Восемнадцать столѣтій тому назадъ среди языческаго Римскаго міра явилось странное, не похожее ни на какое изъ прежнихъ, новое ученіе, приписывавшееся человѣку Христу»⁷⁾. Это ученіе содержитъ «самое строгое чистое и полное»⁸⁾ пониманіе закона разума, «выше котораго не поднимался до сихъ поръ разумъ человѣчскій»⁹⁾. Ученіе Христа есть «самъ разумъ»;¹⁰⁾ оно

¹⁾ Tolstoj, Über das Leben, стр. 110, 101.

²⁾ Tolstoj, Über das Leben, стр. 160, 101.

³⁾ Tolstoj, Über das Leben, стр. 262—263.

⁴⁾ Tolstoj, Über das Leben, стр. 263.

⁵⁾ Tolstoj, Über das Leben, стр. 263.

⁶⁾ Tolstoj, Religion und Moral, стр. 21—22.

⁷⁾ Tolstoj, Das Reich Gottes ist in Euch, стр. 71.

⁸⁾ Tolstoj, Darlegung des Evangeliums, стр. 25.

⁹⁾ Tolstoj, Darlegung des Evangeliums, стр. 25.

¹⁰⁾ Tolstoj, Worin besteht mein Glaube, стр. 133—139.

должно быть принято людьми, «потому что только оно одно даетъ тѣ правила жизни, безъ которыхъ не жило и не можетъ жить человѣчество, не жилъ и не можетъ жить ни одинъ человѣкъ, если онъ хочетъ жить, какъ человѣкъ, т. е. разумной жизнью»¹⁾. Человѣкъ «на основаніи разума не имѣетъ права отказаться отъ него»²⁾.

2. По ученію Христа нашимъ высшимъ закономъ является любовь.

Что такое любовь? «То, что люди, непонимающіе жизни, называютъ любовью, это только извѣстныя предпочтенія однихъ условій блага своей личности другимъ. Когда человѣкъ, не понимающій жизни, говоритъ, что онъ любитъ свою жену или ребенка или друга, онъ говоритъ только то, что присутствіе въ его жизни его жены, ребенка, друга увеличиваетъ благо его личной жизни»³⁾.

«Истинная любовь всегда есть отреченіе отъ блага личности ради ближняго⁴⁾. Истинная любовь «есть состояніе благоволенія ко всѣмъ людямъ, которое присуще дѣтямъ, но которое во взросломъ человѣкѣ возникаетъ только при отреченіи и усиливается только по мѣрѣ отреченія отъ блага личности»⁵⁾. Кто изъ живыхъ людей не знаетъ того блаженнаго чувства, хоть разъ испытаннаго и чаще всего только въ самомъ раннемъ дѣтствѣ, когда душа не была еще засорена всей той ложью, которая заглушаетъ въ насъ жизнь, того блаженнаго чувства умиленія, при которомъ хочется любить всѣхъ: и близкихъ, и отца, и мать, и братьевъ, и злыхъ людей, и враговъ, и собаку, и лошадь, и травку; хочется одного,—чтобы всѣмъ было хорошо, чтобы всѣ

¹⁾ Tolstoj, Worin besteht mein Glaube, стр. 263.

²⁾ Tolstoj, Worin besteht mein Glaube, стр. 143.

³⁾ Tolstoj, Über das Leben, стр. 159—160.

⁴⁾ Tolstoj, Über das Leben, стр. 165.

⁵⁾ Tolstoj, Über das Leben, стр. 164.

были счастливы, и еще больше хочется того, чтобы самому сдѣлать такъ, чтобы всѣмъ было хорошо, самому отдать себя, всю свою жизнь на то, чтобы всегда и всѣмъ было хорошо и радостно. Это то и есть, и это одно и есть та любовь, въ которой жизнь человѣка» ¹⁾.

Истинная любовь есть «идеалъ полного безконечнаго Божескаго совершенства» ²⁾. Божеское совершенство есть асимптота жизни человѣческой, къ которому она всегда стремится и приближается и которая можетъ быть достигнута ею только въ безконечности» ³⁾. «Истинная жизнь по прежнимъ учениямъ состоитъ въ исполненіи правилъ, законовъ; по учению Христа она состоитъ въ наибольшемъ приближеніи къ указанному и сознаваемому каждымъ человѣкомъ въ себѣ Божескому совершенству» ⁴⁾.

Любовь есть по учению Христа нашъ высшій законъ. «Заповѣдь любви есть выраженіе самой сущности учения» ⁵⁾. Существуетъ «три и только три жизнепониманія: первое—личное или животное—общественное или языческое» ⁶⁾ и «третье—христіанское или божеское» ⁷⁾. Человѣкъ животнаго жизнепониманія, «дикарь», признаетъ жизнь только въ себѣ, въ своихъ личныхъ желаніяхъ; двигатель его жизни есть личное наслажденіе. Человѣкъ языческой, общественной признаетъ жизнь уже не въ одномъ себѣ, но въ совокупности личностей—въ племени, семьѣ, родѣ, государствѣ; двигатель его жизни есть слава. Человѣкъ божескаго жизнепониманія признаетъ жизнь уже не въ своей личности и не въ совокупности

¹⁾ Tolstoj, Über das Leben, стр. 170—171.

²⁾ Tolstoj, Das Reich Gottes ist in Euch, стр. 140.

³⁾ Tolstoj, Das Reich Gottes ist in Euch, стр. 139.

⁴⁾ Tolstoj, Das Reich Gottes ist in Euch, стр. 138.

⁵⁾ Tolstoj, Das Reich Gottes ist in Euch, стр. 142, Worin besteht mein Glaube, стр. 17.

⁶⁾ Tolstoj, Das Reich Gottes ist in Euch, стр. 123.

⁷⁾ Tolstoj, Religion und Moral, стр. 12.

личностей, а—въ источникъ вѣчной, неумирающей жизни—въ Богѣ; двигатель его жизни есть любовь» ¹⁾.

То, что любовь, по учению Христа, является нашимъ высшимъ закономъ, означаетъ не что иное, какъ то, что она является таковой по разуму. Уже въ 1852 г. Толстой высказываетъ мысль: «что любовь и добродѣтель есть истина, представляетъ собою единственную истину на землѣ» ²⁾. И много позже, въ 1887 году, онъ называетъ «любовь единственно разумной дѣятельностью человѣка» ³⁾, тѣмъ, что «разрѣшаетъ всѣ противорѣчія человѣческой жизни» ⁴⁾. Любовь прекращаетъ безумную дѣятельность, направленную къ наполненію бездонной бочки нашей животной личности ⁵⁾, она устраняетъ нелѣпую борьбу стремящихся къ счастью существъ ⁶⁾, она придаетъ жизни, которая безъ нея явилась бы въ виду смерти совершенно бессмысленной вещь, извѣстный смыслъ, независимый отъ времени и пространства ⁷⁾.

3. Изъ закона любви учение Христа выводитъ заповѣдь непротивленія злу насиліемъ. «Не противься злу значить не противься злему никогда, то есть никогда не дѣлай насилія, т. е. такого поступка, который всегда противоположенъ любви» ⁸⁾.

Христосъ совершенно опредѣленно вывелъ эту заповѣдь изъ закона любви. Онъ далъ много заповѣдей, и среди нихъ пять заповѣдей въ нагорной проповѣди; «эти заповѣди не только не составляютъ учения и не исчерпываютъ его, но составляютъ только одну изъ бесчисленныхъ ступеней его въ приближеніи къ совершен-

¹⁾ Tolstoj, das Reich Gottes ist in Euch, стр. 124—125.

²⁾ Tolstoj, Der Morgen des Guts Herrn: Werke, 2, стр. 70—71.

³⁾ Tolstoj, Über das Leben, стр. 148.

⁴⁾ Tolstoj, Über das Leben, стр. 147—148.

⁵⁾ Tolstoj, Über das Leben, стр. 122, 133—135, 174, 176.

⁶⁾ Tolstoj, Über das Leben, стр. 121, 174.

⁷⁾ Tolstoj, Über das Leben, стр. 26, 122—123, 96, 206.

⁸⁾ Tolstoj, Worin besteht mein Glaube? стр. 17.

ству»¹⁾; всё онъ «отрицательныя и показываютъ только то»²⁾, что мы въ «томъ возрастѣ, въ которомъ находится человѣчество»³⁾, «на пути стремленія къ совершенству, имѣемъ полную возможность уже не дѣлать»⁴⁾. Первая изъ заповѣдей нагорной проповѣди гласитъ: «будь въ мирѣ со всѣми людьми, а если миръ будетъ нарушенъ, то всё силы употребляй на то, чтобы его возстановить»⁵⁾; вторая говорятъ: «бери мужъ одну жену, и жена одного мужа, и не покидайте другъ друга ни подь какимъ предлогомъ»⁶⁾; третья: «не давай никакихъ обѣтовъ»⁷⁾, четвертая: «неси обиды, а не дѣлай зла за зло»⁸⁾; пятая: «не нарушай мира ни съ кѣмъ во имя народныхъ цѣлей»⁹⁾. Самой важной изъ этихъ заповѣдей является четвертая; въ пятой главѣ Мѡ., ст. 39., сказано: «вамъ сказано: зубъ за зубъ, око за око, а я говорю: не противься злему»¹⁰⁾. Толстой разъясняетъ, какимъ образомъ это мѣсто стало для него «ключемъ, открывшимъ все»¹¹⁾. «И стоило мнѣ понять эти слова просто и прямо, какъ они сказаны, и тотчасъ же во всемъ ученіи Христа, не только въ нагорной проповѣди, но во всѣхъ Евангеліяхъ, все, что было запутано, стало понятно; что было противорѣчиво, стало согласно, и, главное, что казалось излишне, стало необходимо. Все слилось въ одно цѣлое и, несомнѣнно, подтверждало одно другое, какъ куски разбитой статуи, составленные такъ, какъ они должны быть»¹²⁾. Принципъ непротивленія

1) Tolstoj, Das Reich Gottes ist in Euch, стр. 144.

2) Tolstoj, Das Reich Gottes ist in Euch, стр. 142—143.

3) Tolstoj, Das Reich Gottes ist in Euch, стр. 160.

4) Tolstoj, Das Reich Gottes ist in Euch, стр. 144.

5) Tolstoj, Worin besteht mein Glaube? стр. 122.

6) Tolstoj, Worin besteht mein Glaube? стр. 123.

7) Tolstoj, Worin besteht mein Glaube? стр. 123.

8) Tolstoj, Worin besteht mein Glaube? стр. 123.

9) Tolstoj, Worin besteht mein Glaube? стр. 123.

10) Tolstoj, Worin besteht mein Glaube? стр. 12.

11) Tolstoj, Worin besteht mein Glaube? стр. 12.

12) Tolstoj, Worin besteht mein Glaube? стр. 15.

«связываетъ все ученіе въ одно цѣлое, но только тогда, когда оно не есть изреченіе, а есть правило, обязательное для исполненія, когда оно есть законъ»¹⁾. «Онъ есть точно ключъ, отпирющій все, но только тогда, когда ключъ этотъ просунуть до замка»²⁾.

Заповѣдь непротивленія злу насиліемъ мы должны вывести изъ закона любви. Ибо послѣдній требуетъ, чтобы былъ найденъ твердый, неоспоримый признакъ зла или же было оставлено всякое насиліе противъ него³⁾. «Рѣшителемъ того, что должно было считать зломъ и чему противиться насиліемъ, былъ то папа, то императоръ, то король, то собраніе выбранныхъ, то весь народъ. Но какъ внутри, такъ и внѣ государства, всегда находились люди, не признававшіе для себя обязательными ни постановленій, выдаваемыхъ за велѣнія божества, ни установленныхъ людей, облеченныхъ святостью, ни учрежденій, должествовавшихъ представлять волю народа; и люди, которые считали добромъ то, что существующія власти считали зломъ, и такимъ же насиліемъ, которое употреблялось противъ нихъ, боролись противъ властей. Люди, облеченные святостью, считали зломъ то, что люди и учреждения, облеченные свѣтской властью, считали добромъ и наоборотъ: и борьба становилась все жесточе и жесточе. И чѣмъ дальше держались люди такого способа разрѣшенія борьбы, тѣмъ очевиднѣе становилось, что этотъ способъ не годится, потому что нѣтъ и не можетъ быть такого высшаго авторитета опредѣленія зла, который признавался бы всѣми». Но отсюда вытекаетъ необходимость принять рѣшеніе, данное Христомъ⁴⁾.

Заповѣдь непротивленія не слѣдуетъ понимать такъ, что она «будто бы запрещаетъ всякую борьбу со зломъ»⁵⁾.

1) Tolstoj, Worin besteht mein Glaube? стр. 21—22.

2) Tolstoj, Worin besteht mein Glaube? стр. 22.

3) Tolstoj, Das Reich Gottes ist in Euch, стр. 68—69.

4) Tolstoj, Das Reich Gottes ist in Euch, стр. 282.

5) Tolstoj, Das Reich Gottes ist in Euch, стр. 63.

Она запрещает лишь насильственную борьбу против зла ¹⁾. Последнюю же она отрицает въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова. Эта заповѣдь касается, такимъ образомъ, не только зла, совершеннаго противъ насъ самихъ, но также и того зла, которое было совершено противъ нашихъ ближнихъ ²⁾; когда Петръ отсѣкъ ухо рабу первосвященника, онъ «защищалъ не себя, но своего любимаго и божественнаго учителя. И Христосъ прямо запретилъ ему это, сказавъ, что поднявшій мечъ отъ меча погибнетъ» ³⁾. Заповѣдь не говоритъ также, что только часть людей обязана «безъ борьбы покоряться тому, что извѣстными авторитетами будетъ предписано имъ» ⁴⁾, но что «никто, слѣдовательно, и тѣ, которые властвуютъ, не должны употреблять насилія ни противъ кого, ни въ какомъ случаѣ» ⁵⁾.

3. Право.

I. На основаніи заповѣди непротивленія злу насиліемъ и закона любви Толстой отрицаетъ право, хотя и не безусловно, а только для высокоразвитыхъ народовъ современности. Онъ говоритъ, правда, только о законѣ, но подразумеваетъ подъ этимъ право вообще, ибо принципиально отрицаетъ всѣ нормы, которыя покоятся на человѣческой волѣ ⁶⁾, поддерживаются насиліемъ ⁷⁾, т. е. судами ⁸⁾,

¹⁾ Tolstoj, Worin besteht mein Glaube? стр. 17, 20, Das Reich Gottes ist in Euch, стр. 26^s.

²⁾ Tolstoj, Das Reich Gottes ist in Euch, стр. 49—50.

³⁾ Tolstoj, Das Reich Gottes ist in Euch, стр. 50.

⁴⁾ Tolstoj, Das Reich Gottes ist in Euch, стр. 268—269.

⁵⁾ Tolstoj, Das Reich Gottes ist in Euch, стр. 289.

⁶⁾ Tolstoj, Das Reich Gottes ist in Euch, стр. 268, 300—301.

⁷⁾ Tolstoj, Das Reich Gottes ist in Euch, стр. 361—362.

⁸⁾ Tolstoj, Das Reich Gottes ist in Euch, стр. 29, 32.

отступаютъ отъ нравственнаго закона ¹⁾, въ различныхъ мѣстахъ различны ²⁾ и которыя по произволу можно, какъ угодно, измѣнять ³⁾.

Быть можетъ, въ прежнее время наличность права являлась чѣмъ-то лучшимъ, нежели его отсутствіе.

Право «поддерживается насиліемъ» ⁴⁾, но, съ другой стороны, оно предотвращаетъ отъ употребленія насилія отдѣльными личностями ⁵⁾; быть можетъ, было время, когда насиліе перваго рода было меньше втораго ⁶⁾. Но во всякомъ случаѣ теперь эти времена прошли, нравы стали мягче, люди нашего времени исповѣдуютъ правила человѣколюбія, состраданія къ ближнимъ, желаютъ только возможности спокойной и мирной жизни ⁷⁾.

Право нарушаетъ заповѣдь непротивленія злу насиліемъ ⁸⁾. Это высказалъ Христосъ. Слова «не судите и не будете судимы» (Мѣ. 7. 1), «не осуждайте и не будете осуждены» (Луки 6. 37) означаютъ: «не только не судите ближняго на словахъ, но и не осуждайте судомъ—не судите ближнихъ своими человѣческими учрежденіями» ⁹⁾. Здѣсь Христосъ говоритъ не только «о личномъ отношеніи каждаго человѣка къ судамъ» ¹⁰⁾, но отрицаетъ «само правосудіе» ¹¹⁾, «Онъ говоритъ: вы думаете, что ваши законы насилія исправляютъ зло; они только увеличиваютъ его; есть только одинъ путь для уничтоженія зла, и онъ состоитъ въ томъ, чтобы за зло платить добромъ и всѣмъ безъ различія дѣлать добро» ¹²⁾.

¹⁾ Tolstoj, Das Reich Gottes ist in Euch, стр. 361—362, 172.

²⁾ Tolstoj, Das Reich Gottes ist in Euch, стр. 172.

³⁾ Tolstoj, Das Reich Gottes ist in Euch, стр. 300.

⁴⁾ Tolstoj, Das Reich Gottes ist in Euch, стр. 361.

⁵⁾ Tolstoj, Das Reich Gottes ist in Euch, стр. 241.

⁶⁾ Tolstoj, Das Reich Gottes ist in Euch, стр. 240.

⁷⁾ Tolstoj, Das Reich Gottes ist in Euch, стр. 256.

⁸⁾ Tolstoj, Worin besteht mein Glaube? стр. 29.

⁹⁾ Tolstoj, Worin besteht mein Glaube? стр. 28—29.

¹⁰⁾ Tolstoj, Worin besteht mein Glaube? стр. 32.

¹¹⁾ Tolstoj, Worin besteht mein Glaube? стр. 32.

¹²⁾ Tolstoj, Worin besteht mein Glaube? стр. 45—46.

И то, что говорить Христосъ, говорить мнѣ «мое сердце и мой разумъ» ¹⁾.

Но противъ права можно привести еще и другіе аргументы. «Насиліе осуждаетъ въ одной неподвижной формѣ закона то, что большею частью уже гораздо прежде отрицалось и осуждалось общественнымъ мнѣніемъ, но съ тою разницею, что тогда какъ общественное мнѣніе отрицаетъ и осуждаетъ всѣ поступки, противныя нравственному закону, захватывая поэтому въ свое осужденіе самыя разнообразныя положенія, законъ, поддерживаемый насиліемъ, осуждаетъ и преслѣдуетъ только извѣстный, очень узкій рядъ поступковъ, этимъ самымъ какъ бы оправдывая всѣ поступки такого же порядка, но не вошедшіе въ его опредѣленіе. Общественное мнѣніе уже со времени Моисея считаетъ корыстолюбіе, распутство и жестокость зломъ и осуждаетъ ихъ. И оно отрицаетъ и осуждаетъ всякаго рода проявленія корыстолюбія, — не только присвоеніе чужой собственности насиліемъ, обманомъ, хитростью, но и жестокое пользованіе ею; осуждаетъ всякаго рода распутство, будь то блудъ съ наложницей, невольницей, разведенной женой и даже своей; осуждаетъ всякую жестокость, выражающуюся въ побояхъ, въ дурномъ обращеніи, въ убійствѣ не только людей, но и животныхъ. Законъ же, основанный на насиліи, преслѣдуетъ только извѣстные виды корыстолюбія, какъ-то: воровство, мошенничество и извѣстные виды распутства и жестокости, какъ-то: нарушеніе супружеской вѣрности, убійства, увѣчья, — вслѣдствіе этого, какъ бы разрѣшая всѣ тѣ проявленія корыстолюбія, распутства и жестокости, которыя не подходятъ подъ его узкое, подтвержденное лжеотolkованіемъ опредѣленіе» ²⁾.

«Хорошо было еврею подчиняться своимъ законамъ,

¹⁾ Tolstoj, Worin besteht mein Glaube? стр. 29.

²⁾ Tolstoj, Das Reich Gottes ist in Euch, стр. 361—362.

когда онъ не сомнѣвался въ томъ, что ихъ писалъ пальцемъ Богъ; или — римлянину, когда онъ думалъ, что ихъ писала нимфа Егерія; или дальше, когда вѣрили, что цари, дающіе законы, — помазанники Божіи, или хоть тому, что собранія законодательныя имѣютъ и желаніе и возможность найти наилучшіе законы» ¹⁾. Но «уже во времена появленія христіанства... начинали понимать, что законы человѣческіе, выдвигаемые за законы божескіе, писаны людьми, что люди не могутъ быть непогрѣшными, какимъ бы они ни были облечены внѣшнимъ величіемъ, и что ошибающіеся люди не сдѣлаются непогрѣшными потому, что они соберутся вмѣстѣ и назовутся сенатомъ или какимъ-нибудь другимъ такимъ именемъ» ²⁾. «Мы знаемъ, какъ дѣлаются законы, мы всѣ были за кулисами, мы всѣ знаемъ, что законы суть произведенія корысти, обмана, борьбы партий, — что въ нихъ нѣтъ и не можетъ быть истинной справедливости» ³⁾. Поэтому «признаніе какихъ бы то ни было законовъ есть признакъ самаго великаго невѣжества» ⁴⁾.

II. Любовь повелѣваетъ, чтобы вмѣсто права она сама стала для человѣка закономъ. Отсюда слѣдуетъ, чтобы вмѣсто права рѣшающимъ моментомъ для насъ явились заповѣди Христа ⁵⁾. Последнее же есть «Царство Божіе на землѣ» ⁶⁾.

«Когда наступитъ день и часъ Царства Божія — зависитъ ни отъ кого другого, какъ отъ самихъ людей ⁷⁾. Каждый долженъ начать дѣлать то, что мы должны дѣлать, и перестать дѣлать то, чего мы не должны дѣлать, — тогда тотчасъ же наступитъ обѣщанное Царство

¹⁾ Tolstoj, Das Reich Gottes ist in Euch, стр. 172.

²⁾ Tolstoj, Das Reich Gottes ist in Euch, стр. 268.

³⁾ Tolstoj, Das Reich Gottes ist in Euch, стр. 172.

⁴⁾ Tolstoj, Worin besteht mein Glaube, стр. 150.

⁵⁾ Tolstoj, Worin besteht mein Glaube, стр. 180, 235.

⁶⁾ Tolstoj, Worin besteht mein Glaube, стр. 235, 180.

⁷⁾ Tolstoj, Das Reich Gottes ist in Euch, стр. 486—487.

Боже» 1). «Пусть только каждый человекъ сейчасъ же въ своей жизни, по мѣрѣ силъ своихъ, исповѣдуетъ ту правду, которую онъ знаетъ, или хотя, по крайней мѣрѣ, пусть не защищаетъ ту неправду, которую онъ дѣлаетъ, выдавая ее за правду, и тотчасъ же въ нынѣшнемъ 93-мъ году совершились бы такія перемѣны къ освобожденію людей и установленію правды на землѣ, о которыхъ мы не смѣемъ мечтать и черезъ столѣтія» 2). «Достаточно только небольшого напряженія и Галилеянинъ побѣдитъ» 3).

Царство Божіе «находится не во внѣшнемъ мірѣ, а въ душѣ человѣческой» 4). «И не придетъ Царствіе Божіе примѣтнымъ образомъ и не скажутъ; вотъ оно здѣсь или вотъ оно тамъ». Ибо вотъ: Царствіе Божіе внутри васъ есть» 5). Царство Божіе есть не что иное, какъ исполненіе заповѣдей Христа, а именно пяти заповѣдей нагорной проповѣди 6), которыя указываютъ намъ, какъ мы должны вести себя на настоящей ступени нашего развитія, чтобы, по возможности, соответствовать идеалу любви 7), и которыя повелѣваютъ намъ жить въ мирѣ, а если онъ будетъ нарушенъ, то употребить всѣ усилія для его возстановленія, не прелюбодѣйствовать, не давать обѣтовъ, прощать обиды и не дѣлать зла за зло и, наконецъ, для народныхъ цѣлей не нарушать мира 8).

Какъ будетъ устроена внѣшняя жизнь въ Царствѣ Божіемъ? «Ученикъ Христа будетъ бѣденъ. Это зна-

чить: онъ будетъ не въ городѣ, а въ деревнѣ, не будетъ сидѣть дома, а будетъ работать въ лѣсу, въ полѣ, будетъ видѣть свѣтъ солнца, землю, небо, животныхъ; не будетъ придумывать, что ему съѣсть, чтобы возбудить аппетитъ, и что сдѣлать, чтобы сходить на часть, а будетъ три раза въ день голоденъ, не будетъ вращаться на мягкихъ подушкахъ и придумывать, чѣмъ спастись отъ бессонницы, а будетъ спать. Болѣть, страдать, умирать онъ будетъ такъ, какъ и всѣ (судя по тому, какъ болѣютъ и умираютъ бѣдные, — лучше, чѣмъ богатые)» 1); онъ «будетъ въ свободномъ общеніи со всѣми людьми» 2). «Царство Бога на землѣ есть миръ всѣхъ людей между собою. Такъ представлялось Царство Бога всѣмъ пророкамъ еврейскимъ и такъ оно представлялось и представляется всякому сердцу человѣческому» 3).

4. Государство.

Вмѣстѣ съ правомъ Толстой неизбежно долженъ отрицать и правовое устройство государства для болѣе развитыхъ народовъ нашего времени.

«Если и было время, что при извѣстномъ низкомъ уровнѣ нравственности и при всеобщемъ расположеніи людей къ насилію другъ надъ другомъ, существованіе власти, ограничивающей эти насилія, было выгодно, т. е. что насиліе государственное было меньше насилія личностей другъ надъ другомъ, то нельзя не видѣть того, что такое преимущество государственности надъ отсутствіемъ ея не могло быть постоянно. Чѣмъ болѣе умень-

1) Tolstoj, Das Reich Gottes ist in Euch, стр. 393, Worin besteht mein Glaube, стр. 121.

2) Tolstoj, Das Reich Gottes ist in Euch, стр. 393—394.

3) Tolstoj, Russische Christenverfolgungen, стр. 47.

4) Tolstoj, Darlegung des Evangeliums, стр. 50.

5) Tolstoj, Das Reich Gottes ist in Euch, стр. 526.

6) Tolstoj, Worin besteht mein Glaube, стр. 21.

7) Tolstoj, Das Reich Gottes ist in Euch, стр. 142—143, 144.

8) Tolstoj, Worin besteht mein Glaube, стр. 122—123, 179, 124, 219—220. Darlegung des Evangeliums, стр. 59—60, Das Reich Gottes ist in Euch, стр. 143—144.

1) Tolstoj, Worin besteht mein Glaube, стр. 225.

2) Tolstoj, Worin besteht mein Glaube, стр. 225.

3) Tolstoj, Worin besteht mein Glaube, стр. 121.

палось стремленіе къ насилію личностей, чѣмъ болѣе смягчались нравы и чѣмъ болѣе развращалась власть вслѣдствіе своей нестѣсненности, тѣмъ преимущество это становилось все меньше и меньше. Въ этомъ измѣненіи отношеніе между нравственнымъ развитіемъ массъ и развращенностію правительствъ и состоитъ вся исторія послѣднихъ двухъ тысячелѣтій»¹⁾. «Я не могу доказывать ни общей необходимости, ни общаго вреда государства»²⁾; «знаю только то, что, съ одной стороны, мнѣ не нужно болѣе государство, съ другой—я не могу болѣе совершать тѣ дѣла, которыя нужны для существованія государства»³⁾.

«Христіанство въ его истинномъ значеніи разрушаетъ государство»⁴⁾, оно уничтожаетъ всякое правительствѣ⁵⁾. Государство нарушаетъ любовь, нарушаетъ заповѣдь непротивленія злу насиліемъ⁶⁾. Но этого мало; устанавливая власть⁷⁾, государство нарушаетъ также и то, что для любви «всѣ люди—дѣти Божіи и что между ними должно царствовать равенство и братство»⁸⁾; поэтому его слѣдуетъ отвергнуть, даже помимо того, что, какъ правовой институтъ, оно поκειται на насиліи. «Что ученіе христіанское касается личнаго спасенія, а не касается вопросовъ общихъ, государственныхъ, является смѣлымъ и голословнымъ утвержденіемъ»⁹⁾. Для каждаго искренняго и серьезнаго человѣка нашего времени не можетъ быть очевидна несовмѣстимость истиннаго христіанства—ученія смиренія, прощенія обидъ, любви—съ

1) Tolstoj, Das Reich Gottes ist in Euch, стр. 240—241.

2) Tolstoj, Das Reich Gottes ist in Euch, стр. 336.

3) Tolstoj, Das Reich Gottes ist in Euch, стр. 33—336.

4) Tolstoj, Das Reich Gottes ist in Euch, стр. 332.

5) Tolstoj, Das Reich Gottes ist in Euch, стр. 211.

6) Tolstoj, Worin besteht mein Glaube, стр. 21, Russische Christenverfolgungen, стр. 46.

7) Tolstoj, Das Reich Gottes ist in Euch, стр. 209—210.

8) Tolstoj, Das Reich Gottes ist in Euch, стр. 167.

9) Tolstoj, Worin besteht mein Glaube, стр. 25.

государствомъ, съ его величіемъ, насиліями, казнями и войнами»¹⁾. «Государство—это идолъ»²⁾. Его нужно отвергнуть, независимо отъ его формы, независимо отъ того, будетъ ли это государственное устройство «самодержавное, монархическое, конвентъ, консульство, имперія того или другого Наполеона или Буланже, конституціонная монархія, коммуна или республика»³⁾.

Все это Толстой развиваетъ затѣмъ подробно.

1. Государство представляетъ собою власть злыхъ, дошедшую до высшаго предѣла.

Государство—это власть. Правительство въ государствѣ есть «собрание людей, насилующихъ другихъ»⁴⁾. Всѣ правительства, самыя деспотическія, такъ же, какъ и либеральныя, сдѣлались тѣмъ, что такъ мѣтко называлъ Герценъ—Чингисъ-Ханомъ съ телеграфами»⁵⁾. Люди, имѣющіе власть, «совершаютъ насиліе уже не во имя противодѣйствія злу, а во имя своей выгоды или прихоти, а другіе люди подчиняются насилію не потому, что они считаютъ, какъ это предполагалось прежде, что насиліе дѣлается надъ ними во имя избавленія ихъ отъ зла и для ихъ добра, а только потому, что они не могутъ избавиться отъ насилія»⁶⁾. «Не потому присоединена Ницца къ Франціи, Лотарингія къ Германіи, Чехія къ Австріи; не потому раздроблена Польша; не потому Ирландія и Индія подчиняются англійскому правленію; не потому воюютъ съ Китаемъ и убиваютъ африканцевъ; не потому американцы изгоняютъ китайцевъ, а русскіе тѣснятъ евреевъ; не потому землевладельцы пользуются землей, которую они не обрабатываютъ, и капиталисты—произведеніями труда, совершае-

1) Tolstoj, Das Reich Gottes ist in Euch, стр. 332.

2) Tolstoj, Worin besteht mein Glaube, стр. 50.

3) Tolstoj, Das Reich Gottes ist in Euch, стр. 427, 430, 244.

4) Tolstoj, Das Reich Gottes ist in Euch, стр. 209—210.

5) Tolstoj, Das Reich Gottes ist in Euch, стр. 274.

6) Tolstoj, Das Reich Gottes ist in Euch, стр. 271—272.

мага другими,—что это—добро, нужно и полезно людям и что противное этому есть зло, а только потому, что тѣ, кто имѣетъ власть, хотятъ, чтобъ это такъ было ¹⁾.

Государство есть господство злыхъ. «Если упразднить государственную власть, то болѣе злые будутъ владеть надъ менѣе злыми», говорятъ защитники государственности» ²⁾. Но развѣ государственная власть, переходя отъ однихъ людей къ другимъ, переходитъ къ болѣе добрымъ? «Когда свергнуть былъ Людовикъ XVI-ый и во власть вступилъ Робеспьеръ и потомъ Наполеонъ, кто властвовалъ? Болѣе добрые или болѣе злые? И когда властвовали болѣе добрые: когда версальцы или коммунары были во власти, или когда во главѣ правительства былъ Карлъ I или Кромвель? И когда царемъ былъ Петръ III, или, когда его убили, и царицей стала въ одной части Россіи Екатерина, а въ другой—Пугачовъ. Кто тогда былъ злой, кто добрый? Всѣ люди, находящіеся во власти, утверждаютъ, что ихъ власть нужна для того, чтобы злые не насилывали добрыхъ, подразумѣвая подъ этимъ то, что они-то и суть тѣ самые добрые, которые ограждаютъ другихъ добрыхъ отъ злыхъ» ³⁾. Въ дѣйствительности же тѣ къ кому переходить власть, и не могутъ быть болѣе добрыми ⁴⁾. «Для того, чтобы приобрести власть и удерживать ее, нужно любить власть. Властолюбие же соединяется не съ добротой, а съ противоположными добротѣ качествами: съ гордостью, хитростью, жестокостью. Безъ возвеличиванія себя и униженія другихъ, безъ лицемерія, обмановъ, безъ тюремъ, крѣпостей, казней, убійствъ не можетъ ни возникнуть, ни держаться никакая власть» ⁵⁾. «Даже какъ-то смѣшно

¹⁾ Tolstoj, Das Reich Gottes ist in Euch, стр. 271.

²⁾ Tolstoj, Das Reich Gottes ist in Euch, стр. 341, 339.

³⁾ Tolstoj, Das Reich Gottes ist in Euch, стр. 340.

⁴⁾ Tolstoj, Das Reich Gottes ist in Euch, стр. 339.

⁵⁾ Tolstoj, Das Reich Gottes ist in Euch стр. 339—340.

говорить о властвующихъ христіанахъ» ¹⁾. Къ этому слѣдуетъ еще прибавить, что «обладаніе властью развращаетъ людей» ²⁾. «Люди, обладающіе властью, не могутъ не злоупотреблять ею, они не могутъ не развратиться, обладая такой огромной силой» ³⁾. «Сколько ни придумывали люди средствъ для того, чтобы лишить людей, стоящихъ у власти, возможности подчинять общіе интересы своимъ, или для того, чтобы передавать власть только людямъ непогрѣшимымъ, до сихъ поръ не найдено средствъ для достиженія ни того, ни другого. Всѣ знаютъ, что, напротивъ,—люди, находящіеся у власти—будь они императоры, министры, полицеймейстеры, городовые—всегда, вслѣдствіе того, что они имѣютъ власть, дѣлаются болѣе склонными къ безнравственности, т. е. къ подчиненію общихъ интересовъ личнымъ, чѣмъ люди, не имѣющіе власти, какъ это и не можетъ быть иначе» ⁴⁾.

Государство есть власть злыхъ, дошедшая до крайняго предѣла. Всегда «разсчетъ, или даже бессознательное стремленіе насилующихъ, будетъ состоять въ томъ, чтобы довести насилуемыхъ до наибольшаго ослабленія, такъ какъ, чѣмъ слабѣе будетъ насилуемый, тѣмъ меньше потребуются усилія для подавленія его» ⁵⁾. Остается теперь только одна область дѣятельности людской, не захваченная правительственной властью,—область семейная, экономическая, область частной жизни и труда. И эта область теперь, благодаря борьбѣ коммунистовъ и социалистовъ, уже понемногу захватывается правительствами, такъ что трудъ и отдыхъ, помѣщеніе, одежда, пища людей, все понемногу, если только испол-

¹⁾ Tolstoj, Das Reich Gottes ist in Euch, стр. 342.

²⁾ Tolstoj, Das Reich Gottes ist in Euch, стр. 243.

³⁾ Tolstoj, Christentum und Vaterlandsliebe, стр. 91.

⁴⁾ Tolstoj, Das Reich Gottes ist in Euch, стр. 239.

⁵⁾ Tolstoj, Das Reich Gottes ist in Euch, стр. 243.

нятся желанія реформаторовъ, будетъ опредѣляться и назначаться правительствами» ¹⁾. «Самая жестокая, ужасная шайка разбойниковъ не такъ страшна, какъ страшна такая государственная организація. Всякій атаманъ разбойниковъ все-таки ограниченъ тѣмъ, что люди, составляющіе его шайку, удерживаютъ хотя долю человѣческой свободы и могутъ воспротивиться совершенію противныхъ своей совѣсти дѣлъ» ²⁾. Для государства же не существуетъ никакихъ такихъ ограниченій; «нѣтъ такихъ ужасающихъ преступленій, которыя не совершили бы люди, составляющіе часть правительства, и войско по волѣ того, кто случайно—Буланже, Пугачевъ, Наполеонъ—можетъ стать во главѣ ихъ» ³⁾.

2. Государственная власть покоится на физическомъ насиліи.

Всякое правительство опирается на то, что въ государствѣ находятся вооруженные люди, готовые физической силой осуществить волю правительства, «воспитанные для того, чтобы убивать тѣхъ, кого начальство прикажетъ» ⁴⁾. Такими людьми является полиція ⁵⁾ и въ особенности армія ⁶⁾. Армія есть не что иное, какъ сумма «дисциплинированныхъ убійцъ» ⁷⁾, обученіе арміи—не что иное, какъ «обученіе убійству» ⁸⁾, ея побѣды—не что иное, какъ «убійства» ⁹⁾. «Войско всегда стояло и теперь стоитъ въ основѣ власти. Всегда власть находится въ рукахъ тѣхъ, кто повѣдуетъ войскомъ, и всегда всѣ властители—отъ римскихъ кесарей до русскихъ и нѣмецкихъ императоровъ—озабо-

чены болѣе всего войскомъ, заискиваютъ только въ войскѣ, зная, что если войско съ ними, то власть въ ихъ рукахъ» ¹⁾.

Войско поддерживаетъ власть правительства, во-первыхъ, по отношенію къ другимъ государствамъ. Оно защищаетъ его отъ того, чтобы власть не была вырвана у него другимъ правительствомъ ²⁾. Война есть не что иное, какъ борьба правительствъ за господство надъ ихъ подданными. «Международный миръ невозможенъ до тѣхъ поръ, пока народы будутъ бессмысленно повиноваться правительствамъ» ³⁾. Вслѣдствіе такого значенія войска, «каждое государство невольно приведено къ необходимости другъ передъ другомъ увеличивать войска. Увеличеніе же войска заразительно, какъ это еще 150 лѣтъ тому назадъ замѣтилъ Монтескье» ⁴⁾.

Если, однако, думаютъ, что войска содержатся правительствомъ только для обороны государства отъ другихъ государствъ, то забываютъ, что войска нужны прежде всего правительствамъ для обороны себя отъ своихъ подавленныхъ и приведенныхъ въ рабство подданныхъ ⁵⁾. «Недавно въ германскомъ рейхстагѣ, отвѣчая на запросъ о томъ, почему нужны деньги для прибавленія жалованья унтеръ-офицерамъ, германскій канцлеръ прямо объявилъ, что нужны надежные унтеръ-офицеры для того, чтобы бороться противъ социализма. Каприви сказалъ во всеуслышаніе только то, что всякій знаетъ, хотя это и старательно скрывается отъ народовъ; онъ сказалъ то, почему нанимались гвардіи швейцарцевъ и шотландцевъ къ французскимъ королямъ и папамъ, почему въ Россіи старательно перетасовываютъ рекрутовъ

¹⁾ Tolstoj, Das Reich Gottes ist in Euch, стр. 281.

²⁾ Tolstoj, Das Reich Gottes ist in Euch, стр. 442.

³⁾ Tolstoj, Das Reich Gottes ist in Euch, стр. 442.

⁴⁾ Tolstoj, Russische Christenverfolgungen, стр. 41.

⁵⁾ Tolstoj, Das Reich Gottes ist in Euch, стр. 327.

⁶⁾ Tolstoj, Das Reich Gottes ist in Euch, стр. 238.

⁷⁾ Tolstoj, Christentum und Vaterlandsliebe, стр. 120.

⁸⁾ Tolstoj, Das Reich Gottes ist in Euch, стр. 443.

⁹⁾ Tolstoj, Christentum und Vaterlandsliebe, стр. 119.

¹⁾ Tolstoj, Das Reich Gottes ist in Euch, стр. 238.

²⁾ Tolstoj, Das Reich Gottes ist in Euch, стр. 248—249.

³⁾ Tolstoj, Christentum und Vaterlandsliebe, стр. 91.

⁴⁾ Tolstoj, Das Reich Gottes ist in Euch, стр. 249.

⁵⁾ Tolstoj, Das Reich Gottes ist in Euch, стр. 245.

такъ, чтобы полки, стоящіе въ центрахъ, комплектовались рекрутами съ окраинъ, а полки на окраинахъ—людьми изъ центра Россіи. Каприви нечаянно сказалъ то, что каждый очень хорошо знаетъ, а если не знаетъ, то чувствуетъ, а именно то, что существующій строй жизни таковъ, какой онъ есть не потому, что онъ естественно долженъ быть такимъ, что народъ хочетъ, чтобы онъ былъ таковъ, но потому что его такимъ поддерживаетъ насиліе правительствъ, войско со своими подкупленными унтеръ-офицерами, офицерами, генералами»¹⁾).

3. Государственная власть покоится на физическомъ насиліи подвластныхъ.

Характерно для правительства то, что оно отъ гражданъ требуетъ того насилія, на которомъ оно покоится, и что, такимъ образомъ, въ государствѣ «всѣ граждане являются угнетателями самихъ себя»²⁾. Правительство требуетъ отъ гражданъ какъ насилія, такъ и поддержку насилія. Сюда относится существующее въ Россіи обязательство давать присягу при восшествіи царя на престолъ, ибо этой присягой даютъ чиновникамъ, т. е. людямъ, преданнымъ власти, обѣщаніе послушанія; затѣмъ, податная повинность, ибо подать употребляется для насильственныхъ дѣлъ; и паспортная повинность, ибо, беря паспортъ, признаешь свою зависимость отъ насильственного института государства; помимо этого, обязанность свидѣтельствовать передъ судомъ и быть присяжнымъ заседателемъ, ибо всякій судъ есть месть; далѣе, существующая въ Россіи для крестьянъ обязанность несенія полицейской службы, ибо эта служба требуетъ насиліеванія и мучительства нашихъ братьевъ; но самое главное это всеобщая воинская повинность, т. е. обязательство быть палачемъ и подготовляться къ службѣ палача³⁾).

¹⁾ Tolstoj, Das Reich Gottes ist in Euch, стр. 246—247.

²⁾ Tolstoj, Das Reich Gottes ist in Euch, стр. 250, 423—424.

³⁾ Tolstoj, Das Reich Gottes ist in Euch, стр. 314—328.

Нехристіанскій характеръ государства наиболѣе ясно виденъ во всеобщей воинской повинности; «всякій человѣкъ долженъ взять орудіе убійства: ружье, ножъ, и если не убить, то зарядить ружье и отточить ножъ, т. е. быть готовымъ на убійство»¹⁾).

Но какимъ образомъ происходитъ то, что граждане исполняютъ эти требованія правительства, хотя именно на этомъ выполненіи покоится правительство, угнетающее ихъ. Это возможно лишь благодаря созданной «съ помощью усовершенствованной науки искусной организации, при которой всѣ люди захвачены въ кругъ насилія, изъ котораго нѣтъ никакой возможности вырваться. Кругъ этотъ составляется теперь изъ четырехъ средствъ воздѣйствія на людей; средства эти всѣ связаны между собой и поддерживаются одно другимъ, какъ звенья кольцомъ соединенной цѣпи»²⁾. Первое средство состоитъ въ томъ, «что лучше всего можно назвать гипнотизаціей народа»³⁾. Эта гипнотизація «заставляетъ людей дѣлать то ложное разсужденіе, что существующій порядокъ неизмѣненъ и потому должно поддерживать его, тогда какъ очевидно, что, напротивъ, онъ только оттого неизмѣненъ, что они-то поддерживаютъ его»⁴⁾. Гипнотизація эта производится «посредствомъ поощренія религіознаго и патріотическаго суевѣрія»⁵⁾, «она начинаетъ свое воздѣйствіе съ дѣтскаго возраста и продолжается надъ людьми до ихъ смерти»⁶⁾. Въ виду этой гипнотизаціи можно сказать, что государственная власть покоится на обманѣ общественнаго мнѣнія»⁷⁾. Второе

¹⁾ Tolstoj, Worin besteht mein Glaube? стр. 26—27.

²⁾ Tolstoj, Das Reich Gottes ist in Euch, стр. 274.

³⁾ Tolstoj, Das Reich Gottes ist in Euch, стр. 276.

⁴⁾ Tolstoj, Das Reich Gottes ist in Euch, стр. 422.

⁵⁾ Tolstoj, Das Reich Gottes ist in Euch, стр. 274.

⁶⁾ Tolstoj, Das Reich Gottes ist in Euch, стр. 276.

⁷⁾ Tolstoj, Christentum und Vaterlandsliebe, стр. 40—41, 100—102, Das Reich Gottes ist in Euch, стр. 429—432.

средство есть средство подкупа. «Оно состоитъ въ томъ, что, отобравъ у трудового рабочаго народа посредствомъ денежныхъ податей его богатства, распредѣлять эти богатства между чиновниками, обяванными за это вознагражденіе поддерживать и усиливать порабощеніе народа» ¹⁾. Чиновники «болѣе или менѣе вѣрятъ въ неизмѣнность существующаго порядка потому, главнымъ образомъ, что онъ выгоденъ имъ» ²⁾. Въ виду этого подкупа можно сказать, что государственная власть покоится на своекорыстїи тѣхъ лицъ, которымъ она даетъ доходныя мѣста ³⁾. Третье средство есть «средство устрашенія. Средство это состоитъ въ томъ, чтобы выставить существующее государственное устройство (какое бы оно ни было—свободное республиканское или самое дикое деспотическое) чѣмъ-то священнымъ и неизмѣннымъ и потому казнить самыми жестокими казнями всѣ попытки измѣненія его» ⁴⁾. Наконецъ, четвертое средство состоитъ въ томъ, чтобы «посредствомъ трехъ предшествующихъ средствъ выдѣлять изъ всѣхъ, такимъ образомъ, закованныхъ и одуренныхъ людей, еще нѣкоторую часть людей для того, чтобы, подвергнувъ этихъ людей особеннымъ усиленнымъ способамъ одуренія и озвѣренія, сдѣлать изъ нихъ безвольныя орудія всѣхъ тѣхъ жестокостей и звѣрствъ, которыя понадобятся правительству» ⁵⁾. Это совершается въ войскѣ, которому, благодаря воинской повинности, принадлежать всѣ молодые люди ⁶⁾. «Этимъ средствомъ замыкается кругъ насилія. Устрашеніе, подкупъ, гипнотизація приводятъ людей къ тому, что они идутъ въ солдаты; солдаты же даютъ власть и возмож-

¹⁾ Tolstoj, Das Reich Gottes ist in Euch, стр. 275.

²⁾ Tolstoj, Das Reich Gottes ist in Euch, стр. 422.

³⁾ Tolstoj, Das Reich Gottes ist in Euch, стр. 275—276, 420—422, 444—445.

⁴⁾ Tolstoj, Das Reich Gottes ist in Euch, стр. 274—275.

⁵⁾ Tolstoj, Das Reich Gottes ist in Euch, стр. 278.

⁶⁾ Tolstoj, Das Reich Gottes ist in Euch, стр. 279.

ность казнить людей, и обирать ихъ (подкупая на эти деньги чиновниковъ), и гипнотизировать и вербовать ихъ въ тѣ самые солдаты, которые даютъ власть дѣлать все это» ¹⁾.

II. Любовь требуетъ, чтобы государство уступило мѣсто общественному сожителству, покоящемуся на заповѣдяхъ любви. «Всякій, самый мало размышляющій человекъ нашего времени видитъ невозможность продолженія жизни на прежнихъ основахъ и необходимость установленія какихъ-то новыхъ формъ жизни» ²⁾. «И потому христіанское человечество нашего времени неизбѣжно должно отречься отъ осуждаемыхъ имъ языческихъ формъ жизни и на признаваемыхъ имъ христіанскихъ основахъ построить свою жизнь» ³⁾.

1. Устранивъ государство, люди все-таки будутъ жить обществами. Что же должно удерживать людей въ этихъ обществахъ?

Во всякомъ случаѣ не обѣщаніе. Христосъ заповѣдалъ намъ не давать «никакихъ обѣтовъ» ⁴⁾, «не давать людямъ обѣщаній»; ⁵⁾ «христіанинъ не можетъ обѣщаться что-либо определенное дѣлать въ извѣстное время или отъ чего-либо въ извѣстное время воздержаться, потому что онъ не можетъ знать, чего и въ какое время потребуетъ отъ него тотъ христіанскій законъ любви, подчиненіе которому составляетъ смыслъ его жизни» ⁶⁾. Тѣмъ менѣе онъ можетъ обѣщаться исполнять чью-либо другую волю, не зная, въ чемъ будутъ состоять требованія этой воли» ⁷⁾; такимъ

¹⁾ Tolstoj, Das Reich Gottes ist in Euch, стр. 279.

²⁾ Tolstoj, Das Reich Gottes ist in Euch, стр. 511, Christentum und Vaterlandsliebe стр. 117.

³⁾ Tolstoj, Das Reich Gottes ist in Euch, стр. 189.

⁴⁾ Tolstoj, Worin besteht mein Glaube? стр. 123.

⁵⁾ Tolstoj, Das Reich Gottes ist in Euch, стр. 143—144.

⁶⁾ Tolstoj, Das Reich Gottes ist in Euch, стр. 300—301.

⁷⁾ Tolstoj, Das Reich Gottes ist in Euch, стр. 300.

«объщаніемъ онъ заявилъ бы то, что внутренній законъ Божій не составляетъ уже для него единственный законъ его жизни» ¹⁾: «нельзя служить двумъ господамъ» ²⁾).

Удерживать людей въ обществахъ должно въ будущемъ духовное вліяніе болѣе развитыхъ людей на людей съ меньшимъ развитіемъ. «Вліяніе духовное есть такое воздѣйствіе на человѣка, вслѣдствіе котораго измѣняются самыя желанія человѣка и совпадаютъ съ тѣмъ, что отъ него требуютъ. Человѣкъ, подчиняющійся вліянію духовному, дѣйствуетъ соотвѣтственно своимъ желаніямъ» ³⁾. Сила, «вслѣдствіе которой люди могутъ жить обществами» ⁴⁾, заключается въ духовномъ вліяніи развитыхъ людей на малоразвитыхъ, въ «способности людей маломыслящихъ подчиняться указаніямъ людей, стоящихъ на высшей ступени сознанія» ⁵⁾. Вслѣдствіе этой способности, «извѣстный кругъ людей подчиняется однимъ и тѣмъ же разумнымъ началамъ: одни—меньшинство—сознательно, вслѣдствіе согласія ихъ съ требованіями своего разума; другіе—большинство—подчиняются тѣмъ же началамъ бессознательно, только потому, что эти требованія стали общественнымъ мнѣніемъ» ⁶⁾. «Такое подчиненіе не представляетъ ничего неестественнаго и противорѣчиваго» ⁷⁾.

2. Какимъ образомъ, однако, будутъ выполнены въ будущемъ обществѣ тѣ задачи, которыя въ настоящее время выполняетъ государство? При этомъ имѣютъ въ виду три вещи ⁸⁾.

Во-первыхъ, защиту противъ злыхъ людей, находя-

¹⁾ Tolstoj, Das Reich Gottes ist in Euch, стр. 301.

²⁾ Tolstoj, Das Reich Gottes ist in Euch, стр. 301.

³⁾ Tolstoj, Das Reich Gottes ist in Euch, стр. 286.

⁴⁾ Tolstoj, Das Reich Gottes ist in Euch, стр. 461.

⁵⁾ Tolstoj, Das Reich Gottes ist in Euch, стр. 461.

⁶⁾ Tolstoj, Das Reich Gottes ist in Euch, стр. 461—462.

⁷⁾ Tolstoj, Das Reich Gottes ist in Euch, стр. 461.

⁸⁾ Tolstoj, Das Reich Gottes ist in Euch, стр. 253.

щихся въ нашей средѣ ¹⁾. «Но кто же эти среди насъ злые люди? Если три, четыре вѣка тому назадъ, когда люди гордились своимъ военнымъ искусствомъ, вооруженіемъ, когда убивать людей считалось доблестью,—были такіе люди, то вѣдь теперь такихъ людей нѣтъ; а всѣ люди нашего времени не употребляютъ и не носятъ оружія, и всѣ исповѣдуютъ правила челоѣколюбія, состраданія. Если же подъ людьми, отъ нападенія которыхъ спасаетъ насъ государство, разумѣть тѣхъ людей, которые совершаютъ преступленія, то мы знаемъ, что это не суть особенныя существа, въ родѣ хищныхъ звѣрей между овецъ, а суть такіе же люди, какъ и всѣ мы, и точно такъ же не любящихъ совершать преступленія, какъ и тѣ, противъ которыхъ они ихъ совершаютъ. Мы знаемъ, что дѣятельность правительства съ своими, отставшими отъ общаго уровня нравственности, жестокими приемами наказаній, тюрьмъ, каторгъ, висѣлицъ, гильотинъ—скорѣе содѣйствуетъ огрубѣнію народовъ, чѣмъ смягченію ихъ, и потому содѣйствуетъ скорѣе увеличенію, чѣмъ уменьшенію, числа насильниковъ» ²⁾. Если мы, христіане, и исходимъ изъ того, что наша «жизнь заключается въ служеніи другимъ, то не найдется такого безумнаго челоѣка, который лишилъ бы пропитанія или убилъ бы тѣхъ людей, которые служатъ ему. Миклуха-Маклай поселился среди самыхъ звѣрскихъ, какъ говорили, дикихъ, и его не только не убили, но полюбили его, покорились ему только потому, что онъ не боялся ихъ, ничего не требовалъ отъ нихъ и дѣлалъ имъ добро» ³⁾.

Во-вторыхъ, спрашиваютъ, какимъ образомъ мы въ будущемъ обществѣ получимъ защиту отъ внѣшнихъ

¹⁾ Tolstoj, Das Reich Gottes ist in Euch, стр. 255.

²⁾ Tolstoj, Das Reich Gottes ist in Euch, стр. 255—256.

³⁾ Tolstoj, Worin besteht mein Glaube? стр. 290.

враговъ ¹⁾. Но мы, вѣдь, знаемъ, «что Европейскіе народы исповѣдуютъ одинаковые принципы свободы и братства и потому не нуждаются въ защитѣ другъ отъ друга. Если же говорить о защитѣ отъ варваровъ, то для этого достаточно 0,001 тѣхъ войскъ, которыя стоятъ теперь подъ ружьемъ. Такъ что выходитъ обратное тому, что говорится; государственная власть не только не спасаетъ отъ опасности нападенія сосѣдей, а напротивъ, она-то и производитъ опасность нападенія» ²⁾. Но «если бы было общество христіанъ, не дѣлающихъ никому зла и отдающихъ весь излишекъ своего труда другимъ людямъ, никакіе непріатели—ни нѣмцы, ни турки, ни дикіе—не стали бы убивать или мучить такихъ людей. Они брали бы себѣ все то, что и такъ отдавали бы эти люди, для которыхъ нѣтъ различія между русскимъ, нѣмцемъ, туркомъ и дикаремъ» ³⁾.

Въ-третьихъ, спрашиваютъ, какимъ образомъ въ будущемъ обществѣ стануть возможными такіе институты, какъ воспитаніе, образованіе, религія, сообщеніе ⁴⁾. «Если было время, когда люди были такъ разобщены между собою, такъ мало были выработаны средства сближенія и передачи мыслей, что они не могли сговориться и согласиться ни въ какомъ общемъ—ни торговомъ, ни экономическомъ, ни образовательномъ—дѣлѣ безъ государственнаго центра, то теперь уже нѣтъ этой разобщенности. Широко развившіяся средства общенія и передачи мыслей сдѣлали то, что для образованія обществъ, собраний, корпорацій, конгрессовъ, ученыхъ, экономическихъ, политическихъ учреждений люди нашего времени не только вполне могутъ обходиться безъ правительства, но что правительства въ большей части слу-

чаевъ скорѣе мѣшаютъ, чѣмъ содѣйствуютъ достиженію этихъ цѣлей» ¹⁾.

3. Какъ будетъ устроена жизнь въ будущемъ обществѣ? «Вудущее будетъ такимъ, какимъ его сдѣлаютъ обстоятельства и люди» ²⁾. Въ настоящее время мы не въ состояніи представить ее себѣ съ полной ясностью ³⁾.

«Люди говорятъ: чѣмъ мы будемъ обезпечены, когда уничтожится существующее устройство? До тѣхъ же поръ, пока мы не будемъ знать, какъ именно сложится наша жизнь, мы не пойдемъ впередъ и не тронемся съ мѣста» ⁴⁾. «Если бы Колумбъ такъ разсуждалъ, онъ никогда бы не снялся съ якоря. Сумасшествіе ѣхать по океану, не зная дороги, по океану, по которому никто не ѣздилъ, плыть въ страну, существованіе которой—вопросъ. Этимъ сумасшествіемъ онъ открылъ новый міръ. Конечно, если бы народы переѣзжали изъ одного готоваго hôtel garni въ другой, еще лучший—было бы легче, да бѣда въ томъ, что некому заготовлять новыхъ квартиръ» ⁵⁾.

Но при представленіи о будущемъ обществѣ люди мало тревожатся относительно «вопроса: что будетъ? Ихъ тревожитъ вопросъ, какъ жить безъ привычныхъ намъ условій нашей жизни, которыя мы называемъ наукой, искусствомъ, цивилизаціей, культурой» ⁶⁾. «Да, вѣдь, все это суть только различныя проявленія истины, предстоящее же измѣненіе совершается только во имя приближенія къ истинѣ и осуществленія ея. Такъ, какъ же могутъ исчезнуть проявленія истины вслѣдствіе осуществленія ея? Онѣ будутъ иныя, лучшія и высшія, но никакъ не уничтожатся. Уничтожится въ нихъ то, что

¹⁾ Tolstoj, Das Reich Gottes ist in Euch, стр. 255, 258.

²⁾ Tolstoj, Das Reich Gottes ist in Euch, стр. 258.

³⁾ Tolstoj, Worin besteht mein Glaube? стр. 289.

⁴⁾ Tolstoj, Das Reich Gottes ist in Euch, стр. 255, 257.

¹⁾ Tolstoj, Das Reich Gottes ist in Euch, стр. 257.

²⁾ Tolstoj, Das Reich Gottes ist in Euch, 510.

³⁾ Tolstoj, Russische Christenverfolgungen, стр. 46—47.

⁴⁾ Tolstoj, Das Reich Gottes ist in Euch, стр. 372.

⁵⁾ Tolstoj, Das Reich Gottes ist in Euch, стр. 510.

⁶⁾ Tolstoj, Das Reich Gottes ist in Euch, стр. 512.

было ложно, то же, что было отъ истины, то только боже процвѣтетъ и усилится» ¹⁾. «Если бы жизнь отдѣльнаго человѣка при переходѣ отъ одного возраста къ другому была бы вполне извѣстна ему, ему не затѣмъ бы было жить. То же и съ жизнью человѣчества: если бы у него была программа той жизни, которая ожидаетъ его при вступленіи въ новый возрастъ его, то это было бы самымъ вѣрнымъ признакомъ того, что оно не живетъ, не движется, а толчется на мѣстѣ. Условія новаго строя жизни не могутъ быть извѣстны намъ, потому что они должны быть выработаны нами же. Только въ томъ и жизнь, чтобы познавать неизвѣстное и сообразовать съ этимъ новымъ познаниемъ свою дѣятельность. Въ томъ жизнь каждаго отдѣльнаго человѣка, и въ томъ жизнь человѣческихъ обществъ и человѣчества» ²⁾.

5. Собственность.

1. Въмѣстѣ съ правомъ Толстой долженъ отрицать также для современныхъ цивилизованныхъ народовъ и правовой институтъ собственности.

Быть можетъ, когда-нибудь и существовало время, когда насилие, потребное для обезпеченія личности извѣстнаго блага, было меньше того насилія, которое имѣло бы мѣсто при всеобщей борьбѣ за обладаніе этимъ благомъ и потому, быть можетъ, существованіе собственности и было лучше, нежели ея несуществованіе. Но это время во всякомъ случаѣ уже миновало, существующій порядокъ «пережилъ свою цѣль» ³⁾; между современными людьми не возгорѣлась бы дикая борьба за обладаніе бла-

гами даже въ томъ случаѣ, если бы собственности не существовало; всѣ современные люди «исповѣдуютъ заповѣдь человеколюбія» ¹⁾, каждый изъ нихъ «знаетъ, что всѣ люди имѣютъ одинаковое право на блага міра» ²⁾, мы уже наблюдаемъ «богачей, которые изъ особой чуткости къ возникающему общественному мнѣнію отказываются отъ наслѣдства» ³⁾.

Собственность нарушаетъ любовь, нарушаетъ заповѣдь непротивленія злу насиліемъ ⁴⁾. Но этого мало; устанавливая господство имущихъ надъ неимущими, она нарушаетъ также и заповѣдь, по которой для любви «всѣ люди дѣти Божьи и между ними царить равенство» ⁵⁾; и потому ее слѣдуетъ отвергнуть даже независимо отъ того, что она, какъ правовой институтъ, поκειται на насиліи. Богатые «виновны ужъ потому одному, что они богаты» ⁶⁾. «Преступно» ⁷⁾, что десятки тысячъ «голодныхъ, иззябшихъ и униженныхъ людей жить въ Москвѣ тогда, когда я съ другими тысячами объѣдаюсь филеями, осетриной и покрываю лошадей и полы сукнами и коврами» ⁸⁾. Я буду до тѣхъ поръ «участникомъ постоянно совершающагося преступленія, пока у меня будетъ излишняя пища, а у другого всѣмъ не будетъ, у меня будутъ двѣ одежды, а у кого-нибудь не будетъ ни одной» ⁹⁾. — Последнее Толстой развиваетъ затѣмъ подробно.

1. Собственность есть господство имущихъ надъ неимущими.

¹⁾ Tolstoj, Das Reich Gottes ist in Euch, стр. 256.

²⁾ Tolstoj, Das Reich Gottes ist in Euch, стр. 164.

³⁾ Tolstoj, Das Reich Gottes ist in Euch, стр. 376.

⁴⁾ Tolstoj, Worin besteht mein Glaube, стр. 21, Was sollen wir also thun? стр. 157—158.

⁵⁾ Tolstoj Das Reich Gottes ist in Euch, стр. 167, 164.

⁶⁾ Tolstoj Das Reich Gottes ist in Euch, стр. 273.

⁷⁾ Tolstoj Was sollen wir also thun? стр. 19.

⁸⁾ Tolstoj Was sollen wir also thun? стр. 18—19.

⁹⁾ Tolstoj Was sollen wir also thun? стр. 19.

¹⁾ Tolstoj, Das Reich Gottes ist in Euch, стр. 512—514.

²⁾ Tolstoj, Das Reich Gottes ist in Euch, стр. 372—373.

³⁾ Tolstoj, Das Reich Gottes ist in Euch, стр. 518.

Собственность есть исключительное право пользования известными вещами, независимо от того, происходит ли такое пользование на самом дѣлѣ или нѣтъ ¹⁾. «Множество людей, называвшихъ меня своею лошадыю», говоритъ холстомѣръ, «не ѣздили на мнѣ, а ѣздили на мнѣ совершенно другіе люди. Они не кормили меня также, а кормили меня совсѣмъ другіе. Что-либо хорошее оказывали мнѣ также не тѣ, кто называлъ меня своей, а кучера, ветеринары, вообще чужіе люди. Впослѣдствіи, когда я расширила кругъ своихъ наблюдений, я убѣдилась, что понятіе «мой», коренящееся въ самыхъ низменныхъ и животныхъ инстинктахъ человѣка, называемыхъ ими чувствомъ или правомъ собственности, примѣняется не только къ намъ, лошадямъ. Человѣкъ говоритъ «мой домъ», а не живетъ въ немъ, «заботится только о постройкѣ и поддержкѣ дома. Купецъ говоритъ «моя лавка, мой мануфактурный магазинъ», а платье его далеко не изъ лучшихъ матерій, которыя имѣются у него въ магазинѣ. Существуютъ люди, которые называютъ «своимъ» участокъ земли и которые никогда не выдали и не вступали на этотъ участокъ. Люди не думаютъ о томъ, чтобы дѣлать то, что они считаютъ хорошимъ, а о томъ, чтобы по возможности больше вещей называть «своими» ²⁾.

Значеніе собственности заключается въ томъ, что бѣднякъ, не имѣющій собственности, находится въ зависимости отъ богача, имѣющаго собственность; чтобы добыть себѣ вещи, необходимыя для жизни, но принадлежащія другому лицу, онъ принужденъ дѣлать все, что тотъ захочетъ, онъ долженъ работать на него. Такимъ образомъ, собственность дѣлаетъ людей на «двѣ касты: одну трудящуюся, угнетенную, нуждающуюся и

страдающую, а другую — праздную, угнетающую и роскошествующую и веселяющуюся» ¹⁾. «Мы все братья, а между тѣмъ каждое утро братъ или сестра выносятъ мой горшокъ. Мы все братья, а мнѣ утромъ необходима сигара, сахаръ, зеркало и т. п. предметы, на работѣ которыхъ теряли и теряютъ здоровье мои, равные мнѣ, братья и сестры, а я пользуюсь этими предметами и даже требую ихъ» ²⁾. «Я всю свою жизнь провожу такъ: ѣмъ, говорю и слушаю; ѣмъ, пишу и читаю, т. е. опять говорю и слушаю; ѣмъ, играю; ѣмъ, опять говорю и слушаю; ѣмъ и опять ложусь спать; и такъ каждый день, и другого ничего не могу и не умѣю дѣлать. И для того, чтобы я могъ это дѣлать, нужно, чтобы съ утра до вечера работали дворникъ, мужикъ, кухарка, поваръ, лакей, кучеръ, прачка; не говорю уже о тѣхъ работахъ людей, которыя нужны для того, чтобы эти кучера, повара, лакеи и прочіе имѣли тѣ орудія и предметы, которыми и надъ которыми они для меня работаютъ — топоры, бочки, щетки, посуду, мебель, стекла, ваксу, керосинъ, сѣно, дрова, говядину. И все эти люди тяжело работаютъ цѣлый день и каждый день для того, чтобы я могъ говорить, ѣсть и спать» ³⁾.

Это значеніе собственности проявляется особенно на вещахъ, которыя необходимы для произведенія другихъ вещей, т. е. землѣ и орудіяхъ производства ⁴⁾. «Не можетъ быть земледѣльца безъ земли, на которой онъ работаетъ, и безъ косы, телѣги, лошади; не можетъ быть и сапожника безъ дома на землѣ, безъ воды, воздуха и орудій труда, которыми онъ работаетъ» ⁵⁾; собственность же означаетъ, что часто «у мужика нѣтъ земли, лоша-

¹⁾ Tolstoj Das Reich Gottes ist in Euch, стр. 144.

²⁾ Tolstoj Das Reich Gottes ist in Euch, стр. 168.

³⁾ Tolstoj Was sollen wir also thun? стр. 143.

⁴⁾ Tolstoj, Geld, стр. 18.

⁵⁾ Tolstoj, Geld, стр. 13.

¹⁾ Tolstoj, Geld, стр. 18.

²⁾ Tolstoj, Leindwandmesser: Werce, стр. 602—603.

ди и косы, у сапожника дома, воды и шила, что кто-нибудь согнал его съ земли и отнялъ или выманилъ у него косу, телѣгу, лошадь и шило» ¹⁾. Это имѣетъ слѣдствіемъ то, что «для нѣкоторой части этихъ рабочихъ нарушаются свойственныя людямъ условия производства, такъ что рабочіе принуждены пользоваться чужими орудіями труда» ²⁾ и могутъ быть принуждены собственникомъ послѣднихъ «работать не на себя, а на хозяина» ³⁾. Вслѣдствіе этого рабочій работаетъ «не для себя по своей охотѣ, а по нуждѣ, для прихоти вообще роскошествующихъ и праздныхъ людей и въ частности для наживы одного богача, владѣтеля фабрики или завода» ⁴⁾. Такимъ образомъ, собственность есть эксплуатация рабочаго тѣмъ, кто владѣетъ землею и орудіями труда; она означаетъ, «что произведенія труда людей все болѣе и болѣе переходятъ отъ массы трудового народа къ нетрудовому» ⁵⁾.

Свойство собственности, дѣлать бѣдныхъ зависимыми отъ богатыхъ, особенно сильно проявляется въ деньгахъ. «Деньги есть цѣнность, всегда равная самой себѣ и считающаяся всегда вполне правильной и законной» ⁶⁾ «По-русски выходить, что люди, у которыхъ есть деньги, могутъ вить веревки изъ тѣхъ, у кого нѣтъ денегъ» ⁷⁾. «Деньги есть новая форма рабства, отличающаяся отъ старой формы рабства только безличностью, освобожденіемъ отъ всякихъ человѣческихъ отношеній къ рабу» ⁸⁾; ибо «участіе въ рабствѣ со стороны рабовладѣльца состоитъ въ пользованіи чужимъ

¹⁾ Tolstoj, Geld, стр. 13.

²⁾ Tolstoj, Geld, стр. 16.

³⁾ Tolstoj, Geld, стр. 15.

⁴⁾ Tolstoj, Das Reich Gottes ist in Euch, стр. 166.

⁵⁾ Tolstoj, Was sollen wir also thun? стр. 151—152.

⁶⁾ Tolstoj, Was sollen wir also thun? стр. 152.

⁷⁾ Tolstoj, Geld, стр. 6.

⁸⁾ Tolstoj, Was sollen wir also thun? стр. 151—152.

трудомъ, все равно, зиждется ли рабство на моемъ правѣ не-раба или на моемъ владѣніи землею или деньгами» ¹⁾. «Въ самомъ дѣлѣ, какія мои деньги и откуда онѣ завелись у меня? Часть ихъ я собралъ за землю, полученную мною отъ отца. Мужикъ продалъ послѣднюю овцу, корову, чтобы отдать мнѣ ихъ. Другая часть моихъ денегъ это деньги, которые я получилъ за мои сочиненія, за книги. Если книги мои вредны, то я только соблазномъ сдѣлалъ то, что ихъ покупаютъ, и деньги, которые я за нихъ получаю, дурно добытыя деньги; но, если книги мои полезны, то выходитъ еще хуже. Я не даю ихъ людямъ, а говорю: дайте мнѣ 17 рублей, и тогда я дамъ вамъ ихъ. И какъ тамъ мужикъ продаетъ послѣднюю овцу, здѣсь бѣдный студентъ, учитель, всякій бѣдный человѣкъ лишаетъ себя нужнаго, чтобы дать мнѣ эти деньги. И вотъ я набралъ много такихъ денегъ и что же я съ ними дѣлаю. Я привожу эти деньги въ городъ и отдаю ихъ бѣднымъ только тогда, когда они будутъ исполнять мои прихоти и придутъ сюда въ городъ чистить для меня тротуары, лампы, сапоги, работать для меня на фабрикахъ. И за эти деньги я выторговываю у нихъ все, что могу, т. е. стараюсь какъ можно меньше дать имъ и какъ можно больше получить отъ нихъ. И вдругъ я совершенно неожиданно начинаю такъ, просто задаромъ, давать эти самыя деньги этимъ же бѣднымъ—не всѣмъ, но тѣмъ, кому мнѣ вздумается» ²⁾, т. е. отбираю у бѣдныхъ одной рукой тысячи, а другой швыряю копейки тѣмъ, кому вздумается» ³⁾.

2. Заключающееся въ собственности господство имущихъ надъ неимущими покоится на физическомъ насиліи. «Если огромныя богатства, накопленныя рабочими, считаются принадлежащими не всѣмъ, а исключительно

¹⁾ Tolstoj Was sollen wir also thun? стр. 160.

²⁾ Tolstoj Was sollen wir also thun? стр. 134—135.

³⁾ Tolstoj Was sollen wir also thun? стр. 135.

нымъ лицамъ, если власть собирать подати съ труда и употреблять эти деньги, на что они это найдутъ нужнымъ, предоставлена нѣкоторымъ людямъ, то это происходитъ не потому, что народъ этого хочетъ и что такъ естественно должно быть, а потому что этого для своихъ выгодъ хочетъ правительство и правящіе классы и посредствомъ физическаго насилія надъ тѣлами людей устанавливаютъ его» ¹⁾, вслѣдствіе «побоевъ и убійствъ или угрозъ ими» ²⁾. «Если люди, считая это несправедливымъ (какъ это считаютъ теперь всѣ рабочіе), отдають главную долю своего труда капиталисту или землевладѣльцу» ³⁾, то дѣлають они это «только потому, что знаютъ, что ихъ будутъ бить и убивать, если они не сдѣлають этого» ⁴⁾. «Можно сказать, что въ нашемъ обществѣ, гдѣ на каждого достаточнаго, по-господски живущаго человѣка приходится 10 измученныхъ работой, завистливыхъ, жадныхъ и часто прямо со своими семьями страдающихъ рабочихъ, всѣ преимущества богатыхъ, вся роскошь ихъ, все то, чѣмъ лишнимъ пользуются богатые, противъ средняго рабочаго, все это приобрѣтено и поддерживаемо только истязаніями, заключеніями, казнями» ⁵⁾.

Собственность поддерживается полиціей ⁷⁾ и войскомъ ⁶⁾. «Нельзя намъ притворяться, что мы не видимъ того городского, который съ заряженнымъ револьверомъ ходитъ передъ окнами, защищая насъ въ то время, какъ мы ѣдимъ свой вкусный обѣдъ или смотримъ новую пьесу, и про тѣхъ солдатъ, которые сейчасъ же выѣдутъ туда, гдѣ будетъ нарушена наша соб-

¹⁾ Tolstoj, Das Reich Gottes ist in Euch, стр. 247—248.

²⁾ Tolstoj, Das Reich Gottes ist in Euch, стр. 406.

³⁾ Tolstoj, Das Reich Gottes ist in Euch, стр. 407.

⁴⁾ Tolstoj, Das Reich Gottes ist in Euch, стр. 407.

⁵⁾ Tolstoj, Das Reich Gottes ist in Euch, стр. 409.

⁶⁾ Tolstoj, Das Reich Gottes ist in Euch, стр. 492.

⁷⁾ Tolstoj, Das Reich Gottes ist in Euch, стр. 247, 447.

ственность. Вѣдь мы знаемъ, что если мы доѣдимъ свой обѣдъ и досмотримъ новую пьесу, и довеселимся на балѣ, на елкѣ, на катаньѣ, скачкѣ или охотѣ, то только благодаря пулѣ въ револьверѣ городского и въ ружьѣ солдата, которая пробьетъ голодное брюхо того обдѣленнаго, который изъ-за угла, облизываясь, глядитъ на наши удовольствія и тотчасъ же нарушитъ ихъ, какъ только уйдетъ городской съ револьверомъ или не будетъ солдата въ казармахъ, готоваго явиться по нашему первому зову» ¹⁾.

3. Заключающееся въ собственности господство имущихъ покоится на физическомъ насиліи угнетенныхъ.

Какъ разъ тѣ люди неимущихъ классовъ, которые, благодаря собственности, становятся зависимыми отъ имущихъ классовъ, какъ разъ они должны нести полицейскую службу, идти въ солдаты, платить подати, на счетъ которыхъ содержатся полиція и войско, и въ той или въ другой формѣ совершать или же поддерживать насилія, которыми поддерживается собственность ²⁾. «Если бы не было этихъ людей, готовыхъ по приказанію насилловать, убивать всѣхъ тѣхъ, кого имъ велеть, никто никогда не рѣшился бы утверждать то, что съ увѣренностью утверждаютъ всѣ неработающіе землевладѣльцы, а именно, что земля, окружающая мрущихъ отъ безземелья крестьянъ, есть собственность человѣка, не работающаго на ней» ³⁾; «помѣщику не могло бы и въ голову придти отнять у мужиковъ лѣсъ, ими вырощенный» ⁴⁾; и никто также не скажетъ, что «мошеннически собранные хлѣбные запасы должны храниться въ цѣлости среди умирающаго съ голода населенія, потому что купцу нужны барыши» ⁵⁾.

¹⁾ Tolstoj, Das Reich Gottes ist in Euch, стр. 492—493.

²⁾ Tolstoj, Das Reich Gottes ist in Euch, стр. 314—328.

³⁾ Tolstoj, Das Reich Gottes ist in Euch, стр. 424—425.

⁴⁾ Tolstoj, Das Reich Gottes ist in Euch, стр. 425.

⁵⁾ Tolstoj, Das Reich Gottes ist in Euch, стр. 425.

II. Любовь повелѣваетъ, чтобы собственность уступила мѣсто распредѣленію благъ, основанному на заповѣдяхъ любви. «Невозможность продолженія жизни на прежнихъ основахъ и необходимость установленія какихъ-то новыхъ формъ жизни» ¹⁾ относится также и къ распредѣленію благъ. «Устраненіе собственности» ²⁾ и замѣна ея новой формой распредѣленія благъ является однимъ изъ «стоящихъ на очереди вопросовъ» ³⁾.

Согласно закону любви, каждый человѣкъ, работающій насколько у него есть сила, долженъ имѣть столько, сколько ему нужно, но не больше.

1. Что каждый человѣкъ, работающій по своимъ силамъ, долженъ получить столько, сколько ему надо, но не больше, слѣдуетъ изъ двухъ предписаній. вытекающихъ изъ закона любви.

Первое изъ этихъ предписаній гласитъ: человѣкъ не долженъ «требовать отъ другихъ работы, но долженъ самъ посвятить свою жизнь работѣ для другихъ. «Человѣкъ не затѣмъ живетъ, чтобы на него работали и чтобы самому работать на другихъ» ⁴⁾. Онъ не долженъ «считаться съ другими относительно своей работы и предполагать, что имѣть право на тѣмъ большее пропитаніе, чѣмъ больше его работа» ⁵⁾. Исполненіе этого предписанія доставляетъ каждому человѣку все то, въ чемъ онъ нуждается. Это относится прежде всего къ здоровому взрослому человѣку. «Если человѣкъ работаетъ, то работа кормитъ его. Если работу этого человѣка беретъ себѣ другой, то другой человѣкъ и будетъ кормить того, кто работаетъ, именно потому, что

¹⁾ Tolstoj, Das Reich Gottes ist in Euch, стр. 511.

²⁾ Tolstoj, Worin besteht mein Glaube, стр. 249.

³⁾ Tolstoj, Worin besteht mein Glaube, стр. 249.

⁴⁾ Tolstoj, Worin besteht mein Glaube, стр. 228.

⁵⁾ Tolstoj, Worin besteht mein Glaube, стр. 227—228.

пользуется его работой» ¹⁾. «Человѣкъ обезпечиваетъ свое пропитаніе не тѣмъ, что онъ будетъ его отбирать отъ другихъ, а тѣмъ, что онъ дѣлается полезенъ, нуженъ для другихъ. Чѣмъ онъ нуженъ для другихъ, тѣмъ обезпеченіе будетъ его существованіе» ²⁾. Но выполненіе этого предписанія доставляетъ пропитаніе также больнымъ, старикамъ и дѣтямъ. Люди «не перестаютъ кормить овцу, быка, собаку, которая заболѣваетъ. Они даже старую лошадь не убиваютъ, а даютъ ей по силамъ работу; они кормятъ семейство, ягнятъ, поросятъ, щенятъ, ожидая отъ нихъ пользы; такъ, какъ же они не будутъ кормить нужнаго человѣка, когда онъ заболѣетъ, и какъ же они не найдутъ посильной работы старому и малому, и какъ же не станутъ выращивать людей, которые будутъ на нихъ еше работать?» ³⁾.

Второе предписаніе, вытекающее изъ закона любви, по которому каждый человѣкъ, работающій по своимъ силамъ, долженъ получить столько, сколько ему нужно, но не больше, повелѣваетъ: «дѣлись тѣмъ, что у тебя есть съ другими, не собирай богатствъ» ⁴⁾. «Іоаннъ Креститель на вопросъ людей: что имъ дѣлать? отвѣчалъ просто, коротко и ясно: «у кого двѣ одежды, тотъ дай тому, у кого нѣтъ, и у кого есть пища, дѣлай то же (Луки III, 10, 11)». То же и еще съ большей ясностью и много разъ говорилъ Христосъ. Онъ говорилъ, блаженны нищіе и горе богатымъ. Онъ говорилъ, что нельзя служить Богу и Маммону. Онъ запретилъ ученикамъ брать не только деньги, но двѣ одежды. Онъ сказалъ богатому юношѣ, что онъ не можетъ войти въ царствіе Божіе потому, что онъ богатъ, и что легче верблюду войти въ ушко иглы, чѣмъ богатому въ цар-

¹⁾ Tolstoj, Worin besteht mein Glaube, стр. 227.

²⁾ Tolstoj, Worin besteht mein Glaube, стр. 229.

³⁾ Tolstoj, Worin besteht mein Glaube, стр. 230.

⁴⁾ Tolstoj, Das Reich Gottes ist in Euch, стр. 520.

ство Божіе. Онъ сказалъ, что тотъ, кто не оставитъ всего: и дома, и дѣтей, и полей, для того, чтобы идти за нимъ, тотъ не его ученикъ. Онъ сказалъ притчу о богатомъ, ничего не дѣлавшемъ дурного, какъ и наши богатые, но только хорошо одѣвавшимся, и сладко ѣвшимъ и пившемъ, и этимъ только погубившемъ свою душу, и о нищемъ Лазарѣ, ничего не сдѣлавшемъ хорошаго, но спасшемся только оттого, что онъ былъ нищій» ¹⁾.

2. Какъ можно устроить такое распределение благъ?

Лучше всего показываютъ это намъ русскіе поселенцы. Поселенцы приходятъ на землю, садятся на нее и начинаютъ работать, и никому въ голову не приходитъ, чтобы человекъ, не пользующійся землею, могъ имѣть какія-нибудь права на нее и земля не заявляетъ никакихъ отдѣльныхъ правъ; напротивъ, поселенцы сознательно признаютъ землю общимъ достояніемъ и считаютъ справедливымъ, чтобы каждый косилъ, пахалъ, гдѣ кто хочетъ и сколько захватитъ. Поселенцы заводятъ для обработки земли, для садовъ, для постройки домовъ орудія труда, и тоже никому въ голову не приходитъ, чтобы орудія труда могли сами по себѣ приносить доходъ, и капиталъ тоже не заявляетъ никакихъ правъ, а всякій ростъ за орудія труда, за ссужаемый хлѣбъ, за капиталъ есть справедливость. Поселенцы на вольной землѣ работаютъ своими или ссуженными имъ безъ роста орудіями, каждый для себя или всѣ вмѣстѣ на общее дѣло» ²⁾.

«Говоря о такой общинѣ людей, я не фантазирую, а описываю то, что происходило всегда и происходитъ теперь не у однихъ поселенцевъ русскихъ, а вездѣ, пока не нарушено естественное свойство людей. Я описываю то, что представляется каждому естественнымъ и разум-

¹⁾ Tolstoj, Was sollen wir also thun, стр. 157—158.

²⁾ Tolstoj, Geld, стр. 10.

нымъ. Люди поселяются на землѣ и берутся каждый за свойственное ему дѣло, и каждый, выработавъ, что ему нужно для работы, работаетъ свою работу. Если же людямъ удобнѣе работать вмѣстѣ, они сходятся артелью» ¹⁾. Но при отдѣльномъ хозяйствѣ, какъ и въ артельномъ, «ни вода, ни земля, ни одежда на тѣлѣ, ни колѣ, которымъ работаютъ, ни заступъ, ни плугъ, ни машина, которой работаютъ артели, не могутъ никому принадлежать, кромѣ тѣхъ, которые пьютъ воду, закрываютъ свое тѣло и работаютъ заступомъ или машиной, потому что все это нужно только тѣмъ, которые это употребляютъ» ²⁾. «Своею собственностью можно назвать только свою работу» ³⁾, благодаря которой получаешь столько, сколько нужно ⁴⁾.

6. Осуществленіе.

Требуемое любовью преобразование должно совершиться, по мнѣнію Толстого, слѣдующимъ образомъ: познавшіе истину убѣждаютъ по возможности большее количество другихъ людей въ томъ, какъ необходимо преобразование и съ помощью отказа въ повиненіи устраняютъ право, государство и собственность и вводятъ новый порядокъ вещей.

1. Прежде всего необходимо, чтобы люди, познавшіе истину, убѣдили по возможности большее количество другихъ людей, что любовь требуетъ преобразования жизни.

1. «Для того, чтобы жизненный порядокъ, противо-

¹⁾ Tolstoj, Geld, стр. 11.

²⁾ Tolstoj, Geld, стр. 11—12.

³⁾ Tolstoj, Das Korn: Volkserzählungen, стр. 89.

⁴⁾ Tolstoj, Das Korn: Volkserzählungen, стр. 89.

рѣчащій нашему разумѣнію, уступилъ мѣсто другому, ему соответствующему, необходимо прежде всего замѣнить современное пережившее общественное мнѣніе новымъ, живымъ»¹⁾. Грандіознѣйшія и важнѣйшія преобразованія въ жизни человѣчества совершаются не какими-либо поступками «не вооруженіемъ многомилліоннаго войска, не постройкой дорогъ и машинъ, не устройствомъ выставокъ, не образованіемъ рабочихъ союзовъ, не революціями, баррикадами и взрывами и не изобрѣтеніемъ въ области воздухоплаванія, но исключительно посредствомъ измѣненія общественнаго мнѣнія»²⁾. Освобожденіе возможно только благодаря «измѣненію нашего жизнепониманія»³⁾; «все зависитъ отъ силы сознанія каждымъ отдѣльнымъ человѣкомъ христіанской истины»⁴⁾. «Познайте истину, и истина сдѣлаетъ васъ свободными»⁵⁾. Освобожденіе должно совершаться вслѣдствіе того, что «христіанинъ признаетъ законъ любви, открытый ему его учителемъ, совершенно достаточнымъ для отношеній людскихъ, и потому будетъ считать всякое насиліе излишнимъ и незаконнымъ»⁶⁾.

Преобразованіе общественнаго мнѣнія зависитъ отъ людей, познавшихъ истину⁷⁾. «Общественное мнѣніе не нуждается для своего возникновенія и распространенія въ сотняхъ тысячъ лѣтъ и имѣетъ свойство заразительно дѣйствовать на людей и съ большою быстротой охватывать большія количества людей»⁸⁾. «Какъ бываетъ достаточно одного толчка для того, чтобы вся насыщенная солью жидкость мгновенно перешла въ кристаллы, такъ мо-

¹⁾ Tolstoj, Christentum und Vaterlandsliebe, стр. 116.

²⁾ Tolstoj, Christentum und Vaterlandsliebe, стр. 108—109.

³⁾ Tolstoj, Das Reich Gottes ist in Euch, стр. 301.

⁴⁾ Tolstoj, Das Reich Gottes ist in Euch, стр. 474.

⁵⁾ Tolstoj, Des Reich Gottes ist in Euch, стр. 302.

⁶⁾ Tolstoj, Das Reich Gottes ist in Euch, стр. 301.

⁷⁾ Tolstoj, Christentum und Vaterlandsliebe, стр. 116—117.

⁸⁾ Tolstoj, Das Reich Gottes ist in Euch, стр. 358.

жетъ быть теперь достаточно самаго малаго усилія для того, чтобы открытая уже людямъ истина охватила бы сотни, тысячи, миллионы людей,—установилось бы соответствующее сознанію общественное мнѣніе, и вслѣдствіе установленія его измѣнился бы весь строй существующей жизни. И сдѣлать это усиліе зависитъ отъ насъ»¹⁾.

2. Лучшее средство для измѣненія общественнаго мнѣнія заключается въ томъ, что люди, познавшіе истину, свидѣтельствуютъ о ней дѣломъ.

«Христіанинъ для того только и знаетъ истину, чтобы свидѣтельствовать о ней передъ тѣми, которые не знаютъ ея»²⁾, и не иначе, «какъ дѣломъ»³⁾. «Истина передается людямъ только дѣлами истины. Только дѣла истины, внося свѣтъ въ сознаніе каждаго человѣка, разрушаютъ сѣпленіе обмана»⁴⁾. И потому, «если ты землевладелецъ, отдай свою землю бѣднымъ, если капиталистъ, отдай свои деньги, фабрику рабочимъ, если царь, министръ, служащій, судья, генераль, то тотчасъ откажись отъ своего выгоднаго положенія, если солдатъ, то, несмотря на всѣ опасности отказа въ повиновеніи, тотчасъ откажись отъ своего положенія»⁵⁾. «Но можетъ случиться, что ты не въ силахъ будешь сдѣлать этого: у тебя семья, семья, подчиненные, начальники, ты можешь быть подъ такимъ сильнымъ вліяніемъ соблазновъ, что будешь не въ силахъ сдѣлать этого»⁶⁾.

3. Но для преобразованія общественнаго мнѣнія существуетъ еще и другое, хотя не такое дѣйствительное средство. Примѣнять послѣднее «ты всегда можешь»⁷⁾.

¹⁾ Tolstoj, Das Reich Gottes ist in Euch, стр. 508.

²⁾ Tolstoj, Worin besteht mein Glaube, стр. 290.

³⁾ Tolstoj, Worin besteht mein Glaube, стр. 290.

⁴⁾ Tolstoj, Worin besteht mein Glaube, стр. 293.

⁵⁾ Tolstoj, Das Reich Gottes ist in Euch, стр. 523.

⁶⁾ Tolstoj, Das Reich Gottes ist in Euch, стр. 523.

⁷⁾ Tolstoj, Das Reich Gottes ist in Euch, стр. 523.

Это средство заключается въ томъ, что люди, познавшіе истину, «высказываютъ ее открыто» ¹⁾.

«И только бы люди, хоть небольшое число людей, дѣлали это, и тотчасъ само собой спадетъ отжившее общественное мнѣніе и проявится молодое, живое настоящее» ²⁾. Никакіе миллиарды рублей, миллионы войскъ и никакіе учрежденія, ни войны, ни революціи не произведутъ того, что можетъ произвести простое выраженіе свободнымъ человѣкомъ того, что онъ считаетъ справедливымъ, независимо отъ того, что существуетъ и что ему внушается. Одинъ свободный человѣкъ скажетъ правдиво то, что онъ думаетъ и чувствуетъ среди тысячъ людей своими поступками и правами, утверждающими совершенно противоположное. Казалося бы, что высказавшій искренно свою мысль долженъ остаться одинокимъ, а между тѣмъ, большей частью бываетъ такъ, что всѣ или большинство уже давно думаютъ и чувствуютъ то же самое, только не высказываютъ этого. И то, что было вчера новымъ мнѣніемъ одного человѣка, дѣлается нынче мнѣніемъ большинства» ³⁾. «Только бы мы перестали лгать и притворяться, что мы не видимъ эту истину; только бы мы признали эту истину, которая зоветъ насъ и смѣло исповѣдовали се, и мы тотчасъ же увидали бы, что сотни, тысячи, миллионы людей находятся въ томъ же положеніи, какъ и мы, такъ же, какъ и мы, видятъ истину и такъ же, какъ и мы, только ждутъ отъ другихъ признанія ея» ⁴⁾.

II. Для совершенія преобразованія, и для того, чтобы на мѣсто права, государства и собственности поставить новый порядокъ вещей, необходимо далѣе, чтобы люди, познавшіе истину, устроили свою жизнь соответственно

¹⁾ Tolstoj, Christentum und Vaterlandsliebe, стр. 116.

²⁾ Tolstoj, Christentum und Vaterlandsliebe, стр. 109.

³⁾ Tolstoj, Christentum und Vaterlandsliebe, стр. 312—313.

⁴⁾ Tolstoj, Das Reich Gottes ist in Euch, стр. 509.

своему сознанию, въ особенности же, чтобы они отказали государству въ повиновеніи.

1. Люди должны сами совершить преобразование. Они не должны «ожидать, что кто-то придетъ и поможетъ имъ: Христосъ на облакахъ съ трубнымъ гласомъ, или историческій законъ, или законъ дифференціаціи и интеграціи силъ, никто не поможетъ, коли сами себѣ не поможемъ» ¹⁾.

«Мнѣ рассказывали случай, происшедшій съ храбрымъ становымъ, который, пріѣхавъ въ деревню, гдѣ бунтовали крестьяне и куда были вызваны войска, взялся усмирить бунтъ въ духѣ Николая I, однимъ, своимъ личнымъ вліяніемъ. Онъ велѣлъ привести себѣ нѣсколько возовъ розогъ, и, собравъ всѣхъ мужиковъ въ ригу, съ ними вмѣстѣ вошелъ туда, заперся и такъ напугалъ сначала мужиковъ своимъ крикомъ, что они, повинуваясь ему, стали по его приказанію сѣчь другъ друга. И такъ они сѣкли другъ друга до тѣхъ поръ, пока не нашелся одинъ дурачекъ, который не дался самъ и закричалъ товарищамъ, чтобы они не сѣкли другъ друга. Только тогда прекратилось сѣченіе, и ставной убѣжалъ изъ риги.

Вотъ этому-то совѣту дурачка и должны послѣдовать современные люди» ²⁾.

2. Преобразование должно, однако, совершиться безъ всякаго насилія. «Враги революціонеры извнѣ борются съ правительствомъ. Христіанство же вовсе не борется, но изнутри разрушаетъ всѣ основы правительства» ³⁾.

«Нѣкоторые люди утверждаютъ, что освобожденіе отъ насилія или хотя бы ослабленіе его можетъ произойти вслѣдствіе того, что угнетенные люди силой свергнутъ угнетающее правительство, и нѣкоторые люди

¹⁾ Tolstoj, Worin besteht mein Glaube, стр. 147—148.

²⁾ Tolstoj, Das Reich Gottes ist in Euch, стр. 306—307.

³⁾ Tolstoj, Das Reich Gottes ist in Euch, стр. 326.

пытаются дѣлать это. Но эти люди только обманывают себя и другихъ и этимъ не улучшаютъ, а только ухудшаютъ положеніе людей. Дѣятельность этихъ людей только усиливаетъ деспотизмъ правительствъ. Попытки освобожденія этихъ людей даютъ только удобный предлогъ правительствамъ для усиленія своей власти и вызываютъ усиленіе ея»¹⁾.

«Если даже допустить, что вслѣдствіе особенно невыгодно сложившихся для правительства обстоятельствъ, какъ, напр., во Франціи въ 1870 году, какое-либо изъ правительствъ было бы свергнуто силою и власть перешла бы въ другія руки, то эта новая власть... для введенія въ жизнь новыхъ порядковъ, такъ же, какъ и для удержанія власти, должна была бы употребить не только всѣ существующія средства насилія, но и придумать новыя. Порабощены будутъ другіе люди и людей будутъ принуждать къ другому, но будетъ не только то же, но болѣе жестокое насиліе и порабощеніе, потому что вслѣдствіе борьбы усилятся ненависть людей другъ противъ друга и вмѣстѣ съ этимъ усилятся и выработаются новыя средства порабощенія. Такъ всегда и было послѣ всѣхъ революцій, и всѣхъ попытокъ революцій, всѣхъ заговоровъ, всякихъ насильственныхъ перемѣнъ правительствъ. Всякая борьба только усиливаетъ средства порабощенія тѣхъ, которые въ данное время находятся во власти»²⁾.

3. Люди должны совершить переворотъ посредствомъ такого устройства своей жизни, которое соотвѣтствовало бы ихъ сознанію. «Христіанинъ освобождается отъ челоуѣческой власти тѣмъ, что признаетъ надъ собою одну власть Бога, законъ которой, открытый ему Хри-

¹⁾ Tolstoj, Das Reich Gottes ist in Euch, crp. 279—280.

²⁾ Tolstoj, Das Reich Gottes ist in Euch, crp. 280—281.

стомъ, онъ сознаетъ въ самомъ себѣ, и подчиняется только ей»¹⁾.

Это означаетъ, что за зло нужно дѣлать доброе²⁾, что слѣдуетъ отдавать ближнему все излишнее, беря у него лишь то, что самому нужно³⁾, въ особенности же не слѣдуетъ приобретать денегъ и освободиться отъ тѣхъ, которые уже имѣются⁴⁾. Не слѣдуетъ ничего покупать, ни брать въ наемъ⁵⁾ и, не страшась никакой работы, самому удовлетворять свои потребности⁶⁾; въ особенности же это означаетъ, что не слѣдуетъ выполнять нехристіанскихъ требованій государственной власти⁷⁾.

Отказы въ исполненіи этихъ требованій часто наблюдаются въ настоящее время въ Россіи. Люди отказываются отъ уплаты податей, отъ присяги, отъ несенія полицейской службы, отъ воинской повинности⁸⁾. «Правительства передъ отказами христіанъ находятся въ отчаянномъ положеніи»⁹⁾. Они «могутъ перебить, переказнить, перезапереть по тюрьмамъ и каторгамъ навѣчно всѣхъ своихъ враговъ, желающихъ насиліемъ свергнуть ихъ; могутъ засыпать золотомъ половину людей, которые имъ нужны, и подкупить ихъ; могутъ подчинить себѣ миллионы вооруженныхъ людей, готовыхъ погубить всѣхъ враговъ правительствъ. Но что могутъ они сдѣлать противъ людей, которые не желая ничего разрушать, ни учреждать, желаютъ только для себя, для своей жизни, не дѣлать ничего противнаго христіанскому закону, и потому отказываются отъ ис-

¹⁾ Tolstoj, Das Reich Gottes ist in Euch, crp. 298.

²⁾ Tolstoj, Worin besteht mein Glaube, crp. 292.

³⁾ Tolstoj, Was sollen wir also thun? crp. 164, Worin besteht mein Glaube? crp. 291.

⁴⁾ Tolstoj, Was sollen wir also thun? crp. 162.

⁵⁾ Tolstoj, Was sollen wir also thun? crp. 161.

⁶⁾ Tolstoj, Was sollen wir also thun? crp. 161.

⁷⁾ Tolstoj, Das Reich Gottes ist in Euch, crp. 314.

⁸⁾ Tolstoj, Das Reich Gottes ist in Euch, crp. 327—328.

⁹⁾ Tolstoj, Das Reich Gottes ist in Euch, crp. 330.

полненія самыхъ общихъ и потому самыхъ необходимыхъ для правительствъ обязанностей?» ¹⁾. «Пусть государство противъ такихъ людей дѣлаеть, что ему вздумается, оно неизбѣжно будетъ только содѣйствовать своей собственной гибели» ²⁾, а вмѣстѣ съ тѣмъ и гибели права и собственности, и установленію новаго жизненнаго строя. «Потому что, если оно же преслѣдуетъ такихъ людей, какъ духоборы, штундисты и т. д., то выгоды ихъ христіанскаго мирнаго образа жизни побудятъ другихъ людей присоединиться къ нимъ, и притомъ не только убѣжденныхъ христіанъ, но также и такихъ, которые подъ прикрытіемъ христіанства пожелаютъ избавиться отъ своихъ обязанностей передъ государствомъ. Если же государство, наоборотъ станетъ поступать съ людьми, противъ которыхъ ничего нельзя привести, кромѣ того, что они желаютъ жить по справедливости, жестоко, то эта жестокость лишь увеличитъ количество его враговъ и въ концѣ концовъ наступитъ моментъ, когда никто не найдетъся, чтобы насиліемъ подерживать государство» ³⁾.

4. Отдѣльные люди должны начать устраивать свою жизнь соотвѣтственно сознанию. Они не должны ждать, что всѣ или многіе одновременно поступятъ такъ же, какъ и они.

Отдѣльные люди не должны думать, что бесполезно отдѣльному человѣку устраивать свою жизнь соотвѣтственно ученію Христа ⁴⁾. «Люди въ теперешнемъ своемъ состояніи подобны отроившимся пчеламъ, висающимъ кучами на вѣткѣ. Положеніе пчелъ на вѣткѣ временное и неизбѣжно должно быть измѣнено; онѣ должны подняться и найти себѣ новое жилище. Каждая

¹⁾ Tolstoj, Das Reich Gottes ist in Euch, стр. 328.

²⁾ Tolstoj, Russische Christenverfolgungen стр. 44.

³⁾ Tolstoj, Russische Christenverfolgungen стр. 44.

⁴⁾ Tolstoj, Das Reich Gottes ist in Euch, стр. 293.

изъ пчелъ знаетъ это и желаетъ перемѣнить свое положеніе и положеніе другихъ, но ни одна не можетъ этого сдѣлать до тѣхъ поръ, пока не сдѣлаютъ этого остальные. Всѣ же не могутъ вдругъ подняться потому, что одна виситъ на другой и мѣшаетъ ей отдѣлиться отъ роя, и потому всѣ продолжаютъ висѣть. Казалось бы, пчеламъ вѣтъ изъ этого положенія никакого выхода» ¹⁾, и его дѣйствительно не было бы, если бы каждая изъ пчелъ не была отдѣльно живущимъ существомъ. И стоитъ только «одной пчелѣ раскрыть крылья, подняться и полетѣть, и за ней другой, третьей, десятой, сотой, чтобы висѣвшая неподвижно кучка стала летящимъ роемъ пчелъ. Такъ точно стоитъ только одному человѣку понять жизнь такъ, какъ его учитъ христіанство, и начать жить такъ, и за нимъ сдѣлать то же другому, третьему, сотому, для того, чтобы разрушился тотъ закодированный кругъ, кругъ общественной жизни, изъ котораго, казалось, не было выхода» ²⁾.

Не слѣдуетъ также отдѣльнымъ людямъ страшиться страданій. «Если я одинъ среди міра людей, не исполняющихъ ученія Христа», говорятъ обыкновенно, «стану исполнять его, буду отдавать то, что имѣю, буду подставлять щечку, не защищаясь, буду даже не соглашаться на то, чтобы пойти посягать и воевать, меня оберутъ, и если я не умру съ голода, меня избьютъ до смерти и, если не избьютъ, то посадятъ въ тюрьму или разстрѣляютъ, и я напрасно погублю все счастье своей жизни и всю свою жизнь» ³⁾. Пусть такъ. «Больше ли у меня неприятностей, раньше ли я умру, мнѣ не страшно. Это можетъ быть страшно тому, кто не видитъ, какъ бессмысленна и погибельна его личная одинокая жизнь, и кто думаетъ, что онъ не умретъ. Но я знаю, что

¹⁾ Tolstoj, Das Reich Gottes ist in Euch, стр. 302—303.

²⁾ Tolstoj, Das Reich Gottes ist in Euch, стр. 303—304.

³⁾ Tolstoj, Worin besteht mein Glaube, стр. 148.

жизнь моя для личного одинокого счастья есть величайшая глупость, и что послѣ этой глупой жизни я непременно только глупо умру. И потому мнѣ совсѣмъ не можетъ быть страшно. Я умру такъ же, какъ и всѣ такъ же, какъ и не исполняющіе ученія, но жизнь моя и смерть будутъ имѣть смыслъ и для меня и для всѣхъ. Моя жизнь и смерть будутъ служить спасенію и жизни всѣхъ, а этому-то и училъ Христосъ»¹⁾.

Разъ только достаточное количество отдѣльныхъ людей устроить свою жизнь соответственно сознанію, то вскорѣ за ними послѣдуетъ толпа. «Переходъ людей отъ одного устройства жизни къ другому совершается не постоянно такъ, какъ пересыпается песокъ въ песочныхъ часахъ: песчинка за песчинкой, отъ первой до послѣдней, а скорѣе такъ, какъ вливается вода въ опущенный въ воду сосудъ, который сначала только одной стороною медленно и равномерно впускаетъ въ себя воду, а потомъ отъ тяжести влившейся въ него воды вдругъ быстро погружается и почти сразу принимаетъ въ себя всю ту воду, которую онъ можетъ вмѣстить»²⁾. Точно также данный отдѣльными людьми толчекъ вызоветъ движеніе, которое будетъ идти все быстрѣе и быстрѣе, шире и шире и потомъ вдругъ увлечетъ за собою массы и создастъ новый жизненный порядокъ³⁾. Тогда придетъ время, когда всѣ люди будутъ научены Богомъ, разучатся воевать, перекуютъ мечи на орала и хотя на серпы, т. е. переведя на нашъ языкъ, всѣ тюрьмы, крѣпости, казармы, дворцы, церкви останутся пустыми и всѣ висѣлицы, ружья, пушки останутся безъ употребленія. Что было мечтой, станетъ новой формой жизни»⁴⁾.

¹⁾ Tolstoj, Worin besteht mein Glaube? стр. 179—180.

²⁾ Tolstoj, Das Reich Gottes ist in Euch, стр. 353.

³⁾ Tolstoj, Das Reich Gottes ist in Euch, стр. 356.

⁴⁾ Tolstoj, Das Reich Gottes ist in Euch, стр. 392.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Анархистскія ученія.

1. Общія замѣчанія.

Теперь у насъ есть исходная точка, дающая возможность обозрѣть всю сумму анархистскихъ ученій.

Это обозрѣніе возможно лишь въ слѣдующемъ видѣ. Прежде всего необходимо установить, что есть общаго между семью изложенными ученіями, признанными анархистскими, и чѣмъ они другъ отъ друга отличаются. Затѣмъ нужно проанализировать, въ какой мѣрѣ можно поставить знакъ равенства между тѣмъ, что есть общаго въ семи изложенныхъ ученіяхъ, и тѣмъ, что есть общаго во всей суммѣ признанныхъ анархистскими ученій. Наконецъ, необходимо рассмотреть, въ какой мѣрѣ можно поставить знакъ равенства между особенностями, представленными въ семи изложенныхъ ученіяхъ, и особенностями, присущими всей суммѣ анархистскихъ ученій. Для опредѣленія признаковъ, присущихъ анархистскимъ ученіямъ, мы пользовались, насколько это было возможно, уже существующими терминами. Въ тѣхъ же случаяхъ,

когда такихъ терминовъ не оказывалось, необходимо было, въ интересахъ краткости формулы, составить новые.

2. Основные идеи.

Въ отношеніи основныхъ идей между семью изложенными учениями нѣтъ ничего общаго.

1. Часть этихъ ученій признаетъ высшимъ закономъ чловѣческаго поведенія законъ естественный, указывающій не на то, что должно быть, а на то, что въ дѣйствительности происходитъ; эти ученія можно назвать генетическими. Другая часть этихъ ученій считаетъ высшимъ закономъ чловѣческаго поведенія норму, указывающую на то, что должно быть, хотя бы въ дѣйствительности этого никогда и не происходило; эти ученія можно назвать критическими. Генетическими являются ученія Бакунина и Кропоткина. Для Бакунина высшимъ закономъ чловѣческаго поведенія является законъ развитія отъ менѣ совершеннаго къ болѣе совершенному существованію. Для Кропоткина же такимъ закономъ является законъ развитія чловѣчества отъ менѣ счастливаго къ наиболѣе счастливому существованію. Критическими учениями являются ученія Годвина, Прудона, Штирнера, Туккера и Толстого.

2. Критическія ученія, въ свою очередь, дѣлятся на двѣ части: одна изъ нихъ высшимъ закономъ чловѣческаго поведенія считаетъ долгъ; долгъ самъ по себѣ является послѣдней цѣлью; эти ученія можно назвать идеалистическими. Другая же полагаетъ высшій законъ чловѣческаго поведенія въ счастье; долгъ есть лишь средство къ счастью. Эти ученія можно назвать эвдемонистическими. Идеалистическими являются ученія Прудона и Толстого. Для Прудона выс-

шимъ закономъ чловѣческаго поведенія является долгъ справедливости, для Толстого же долгъ любви. Эвдемонистическими учениями являются ученія Годвина, Штирнера и Туккера.

3. Наконецъ, эвдемонистическія ученія считаютъ высшимъ закономъ чловѣческаго поведенія или счастье цѣлаго, содѣйствовать которому личность должна, не взирая на свое собственное счастье; или же они усматриваютъ высшій законъ чловѣческаго поведенія въ счастья личности, къ которому послѣдняя должна стремиться, не взирая на благо цѣлаго. Первые ученія можно назвать альтруистическими, вторыя же ученія эгоистическими. Альтруистическимъ является ученіе Годвина, эгоистическими же—ученія Штирнера и Туккера.

II. Въ отношеніи тѣхъ чертъ, которыя свойственны основнымъ идеямъ семи обще-признанныхъ анархистскихъ ученій, эти послѣднія можно приравнять ко всей суммѣ признанныхъ анархистскими ученій. Въ своихъ основныхъ идеяхъ они не имѣютъ между собою ничего общаго. Слѣдовательно, вся сумма признанныхъ анархистскими ученій тѣмъ менѣ можетъ имѣть что-либо общее въ своихъ основныхъ идеяхъ.

Относительно особенностей, присущихъ ихъ исходнымъ точкамъ, изложенныя ученія могутъ быть приравнены всей суммѣ анархистскихъ ученій. Ибо представленны между ними особенности могутъ быть распределены въ систему, которая оставляетъ мѣсто лишь для подчиненныхъ, но не равносильныхъ особенностей. Ни одно анархистское ученіе не можетъ поэтому имѣть какія-либо особенности, не подчиненныя вышеуказаннымъ.

Такимъ образомъ, то, что относится къ семи изложеннымъ учениямъ, относится также къ анархистскимъ учениямъ вообще. Въ ихъ основныхъ идеяхъ нѣтъ ничего общаго и по своимъ особенностямъ ихъ можно распределить слѣдующихъ образомъ:

Генетическія ученія.	Критическія ученія.		
	Идеалистическія.	Эвдемонистическія.	
		Альтруистическія.	Эгоистическія.
Кропоткинъ. Бакунинъ.	Прудонъ. Толстой.	Годвинъ.	Штирнеръ. Туккеръ.

3. Право.

1. По отношенію къ праву, т. е. по отношенію къ нормамъ, покоящимся на стремленіи людей къ извѣстному однообразному поведенію внутри охватывающаго ихъ самихъ круга личностей, семь изложенныхъ учений ни имѣютъ ничего общаго.

1. Одна часть ихъ отрицаетъ право для нашего будущаго строя. Эти ученія можно назвать аномистическими. Другая часть относится къ праву положительно. Эти ученія можно назвать номистическими. Аномистическими являются ученія Годвина, Штирнера, Толстого. Номистическими же являются ученія Прудона, Кропоткина, Бакунина и Туккера.

Болѣе точное опредѣленіе того, что есть общаго между аномистическими ученіями, съ одной стороны, и номистическими ученіями, съ другой, и болѣе точное установленіе характерныхъ особенностей какъ тѣхъ, такъ и другихъ, является невозможнымъ. Ибо какъ отрицаніе, такъ и утверженіе права для нашего будущаго имѣть въ различныхъ ученіяхъ различный смыслъ.

Отрицаніе права для нашего будущаго означаетъ у

Годвина и Штирнера то, что они отрицаютъ право абсолютно, а, слѣдовательно, и для нашего будущаго; Годвинъ отрицаетъ его, потому что оно всегда и всюду противорѣчитъ общему счастью, а Штирнеръ потому, что оно всегда и всюду противорѣчитъ счастью личному.

У Толстого отрицаніе права имѣетъ тотъ смыслъ, что онъ отрицаетъ его не безусловно, а только для будущаго строя, потому что право не всегда и не всюду, а при нашихъ условіяхъ въ значительно большей степени, нарушаетъ требованія любви, нежели его отсутствіе.

Положительное отношеніе къ праву означаетъ у Прудона и Туккера, что они право, какъ таковое (но, конечно, не всякое конкретное право), принимаютъ безусловно, а, слѣдовательно, принимаютъ его и для нашего будущаго. Прудонъ это дѣлаетъ потому, что право, какъ таковое, никогда и нигдѣ не нарушаетъ справедливости, Туккеръ же потому, что оно нигдѣ и никогда не ограничиваетъ счастья личности.

Наконецъ, положительное отношеніе къ праву Бакунина и Кропоткина означаетъ, что они предвидятъ, что съ развитіемъ челоѣчества право, какъ таковое, останется и что исчезнетъ лишь его современная форма. Бакунинъ имѣетъ при этомъ развитіе челоѣчества отъ менѣе совершеннаго къ болѣе совершенному существованію, Кропоткинъ же — развитіе отъ менѣе счастливаго къ болѣе счастливому.

2. Аномистическія ученія, въ свою очередь, дѣлятся въ зависимости отъ того, чѣмъ они желаютъ замѣнить право — и притомъ въ томъ же самомъ различномъ смыслѣ, въ какомъ они его отрицаютъ.

По Годвину высшимъ закономъ людей должно быть, вмѣсто права, счастье цѣлага.

По Штирнеру высшимъ закономъ челоѣка должно быть, вмѣсто права, личное счастье.

По Толстому, высшимъ закономъ человѣка должна быть въ будущемъ, вмѣсто права, любовь.

3. Номистическія ученія дѣлятся соотвѣтственно характеру того права, которое они требуютъ для нашего будущаго.

По Туккеру, писанное право, при которомъ правовая воля получаетъ опредѣленное выраженіе, должно остаться на ряду съ правомъ неписаннымъ, въ которомъ это опредѣленное выраженіе правовой воли отсутствуетъ.

По Бакунину и Кропоткину, въ будущемъ будетъ существовать только неписанное право.

По Прудону, въ будущемъ должна существовать одна только правовая норма, предписывающая выполненіе договоровъ.

II. Въ отношеніи того, что у нихъ есть общаго относительно права, семь изложенныхъ ученій можно приравнять всей суммѣ ученій, признанныхъ анархистскими. По отношенію къ праву у нихъ нѣтъ ничего общаго; тѣмъ менѣе общаго можно найти въ этомъ отношеніи во всей суммѣ ученій, признанныхъ анархистскими.

По отношенію къ особенностямъ, съ которыми они относятся къ праву, изложенныя ученія могутъ быть, далѣе, приравнены всей суммѣ анархистскихъ ученій вообще. Ибо представленныя между ними особенности могутъ быть расположены въ систему, въ которой не останется мѣста для равносильныхъ, а только для подчиненныхъ особенностей. Ни одно анархистское ученіе не можетъ поэтому имѣть особенностей, не подчиненныхъ помянутымъ выше.

Такимъ образомъ, что относится къ семи изложеннымъ ученіямъ, относится къ анархистскимъ ученіямъ вообще. По отношенію къ праву у нихъ нѣтъ ничего общаго. Съ точки зрѣнія различія этого отношенія, ихъ нужно распределить слѣдующимъ образомъ:

Аномистическія ученія.	Номистическія ученія.
Годвинъ.	Прудонъ.
Штирнеръ.	Бакунинъ.
Толстой.	Кропоткинъ.
	Туккеръ.

4. Государство.

I. По отношенію къ государству, т. е. къ правоотношенію, въ силу котораго на извѣстной территоріи существуетъ высшая власть, семь изложенныхъ ученій обладаютъ нѣкоторыми общими чертами.

1. Общаго между ними есть то, что они для нашего будущаго отрицаютъ государство.

Болѣе точное опредѣленіе того, что есть общаго между изложенными ученіями въ ихъ отношеніи къ государству, является невозможнымъ. Ибо отрицаніе государства имѣетъ у нихъ совершенно различный смыслъ.

Отрицаніе государства у Годвина, Штирнера, Туккера и Прудона означаетъ то, что они отрицаютъ его абсолютно, слѣдовательно, также и для нашего будущаго. Годвинъ отрицаетъ государство, потому что оно всегда и повсюду наноситъ ущербъ счастью цѣлага; Штирнеръ и Туккеръ, потому что государство нарушаетъ всегда и повсюду счастье личности, а Прудонъ,—потому что оно всегда и вездѣ нарушаетъ требованія справедливости.

Отрицаніе государства у Толстого то, что онъ отрицаетъ государство не абсолютно, но для нашего бу-

дущаго, потому что государство, правда, не всегда и не вездѣ, но при существующихъ условіяхъ противорѣчить любви въ гораздо большей степени, нежели его отсутствіе.

Наконецъ, у Бакунина и Кропоткина отрицаніе государства имѣетъ тотъ смыслъ, что они предвидятъ, что развитіе человѣчества приведетъ къ устраненію государства. Бакунинъ имѣетъ при этомъ въ виду развитіе человѣчества отъ менѣ совершеннаго къ болѣе совершенному, а Кропоткинъ — развитіе человѣчества отъ менѣ счастливаго къ болѣе счастливому существованію.

2. Въ отношеніи къ ихъ положительнымъ идеаламъ — семь изложенныхъ ученій не имѣютъ между собою ничего общаго — и притомъ въ томъ же самомъ различномъ смыслѣ, въ какомъ они отрицаютъ государство.

Часть этихъ ученій утверждаетъ для нашего будущаго общественное сожительство людей, построенное на добровольномъ правоотношеніи, а именно на правовой нормѣ, предписывающей выполненіе договоровъ. Эти ученія могутъ быть названы федералистическими. Другая часть утверждаетъ общественное сожительство людей безъ всякаго правоотношенія, согласно тому же принципу, который они устанавливають въ противоположность праву. Эти ученія можно назвать спонтанистическими. Федералистическими являются ученія Прудона, Бакунина, Кропоткина и Туккера; спонтанистическими — ученія Годвина, Штирнера и Толстого.

3. Спонтанистическія ученія, въ свою очередь, дѣлятся въ зависимости отъ того неправоваго принципа, который они кладутъ въ основаніе общественнаго сожительства.

По Годвину, государство должно уступить мѣсто общественному сожительству, покоящемуся на принципѣ,

по которому общимъ для всѣхъ закономъ является счастье цѣлаго.

По Штирнеру, государство должно уступить мѣсто общественному сожительству людей, покоящемуся на принципѣ, по которому такимъ закономъ является личное счастье.

По Толстому государство должно уступить мѣсто общественному сожительству людей, покоящемуся на принципѣ, по которому закономъ должна быть любовь.

II. По отношенію къ тому, что они имѣютъ общаго относительно государства, семь изложенныхъ ученій, признанныхъ анархистскими, могутъ быть приравнены всей суммѣ признанныхъ анархистскими ученій. Общее между ними по отношенію къ государству заключается только въ томъ, что они отрицаютъ государство и притомъ въ совершенно различномъ смыслѣ. Это является общей чертой всѣхъ анархистскихъ ученій. Анализъ любого изъ нихъ приводитъ къ тому, что въ томъ или другомъ смыслѣ они всѣ отрицаютъ государство.

Относительно особенностей, свойственныхъ имъ въ ихъ отношеніи къ государству, изложенныя ученія могутъ быть далѣе приравнены всей суммѣ анархистскихъ ученій вообще. Ибо представленныя между ними особенности можно расположить въ систему, въ которой не остается мѣста для равносильныхъ, а только для подчиненныхъ особенностей. Поэтому нѣтъ ни одного анархистскаго ученія, которое имѣло бы какія-либо особенности, не подчиняющіяся помянутымъ выше.

Что относится къ семи изложеннымъ ученіямъ, относится также ко всѣмъ анархистскимъ ученіямъ вообще. Общимъ между ними по отношенію къ государству является то, что они всѣ отрицаютъ его. Соответственно различію своихъ положительныхъ идеаловъ, эти ученія распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

Федералистическія ученія.	Спонтанистическія ученія.
Прудонъ.	Годвинъ.
Бакунинъ.	Штирнеръ.
Кропоткинъ.	Толстой.
Туккеръ.	

5. Собственность.

1. По отношенію къ собственности, т. е. къ правоотношенію, въ силу котораго извѣстному лицу внутри извѣстной группы принадлежить въ конечномъ счетѣ исключительное право распоряженія, семь изложенныхъ ученій не имѣютъ между собою ничего общаго.

1. Одна часть этихъ ученій относится къ собственности отрицательно; эти ученія можно назвать индоминистическими. Другая относится положительно; эти ученія можно назвать доминистическими. Индоминистическими являются ученія Годвина, Прудона, Штирнера и Толстого, доминистическими — ученія Бакунина, Кропоткина и Туккера.

Болѣе точное опредѣленіе того, что есть общаго между индоминистическими ученіями, съ одной стороны, и доминистическими — съ другой, и болѣе точное установленіе другихъ характерныхъ чертъ, которыми отличаются они другъ отъ друга, представляется невозможнымъ. Ибо, какъ отрицательное, такъ и положительное отношеніе къ собственности имѣетъ въ различныхъ ученіяхъ совершенно различный смыслъ.

Отрицательное отношеніе къ собственности озна-

чаетъ у Годвина, Штирнера и Прудона то, что они отвергаютъ собственность абсолютно, слѣдовательно, и для нашего будущаго. Годвинъ отвергаетъ ее потому, что всегда и повсюду собственность противорѣчитъ счастью пѣлаго; Штирнеръ потому, что всегда и повсюду она вліяетъ такимъ же образомъ на счастье личности, а Прудонъ потому, что она всегда и повсюду нарушаетъ справедливость.

Отрицательное отношеніе къ собственности Толстого имѣетъ тотъ смыслъ, что онъ отрицаетъ собственность не безусловно, а только для нашего будущаго, ибо если не всегда и не повсюду, то во всякомъ случаѣ, при настоящихъ условіяхъ, она противорѣчитъ любви въ гораздо большей степени, нежели ея отсутствіе.

Положительное отношеніе къ собственности означаетъ у Туккера то, что онъ относится безусловно сочувственно къ собственности, какъ таковой (но, конечно, не ко всякому виду собственности), ибо собственность, какъ таковая, никогда и нигдѣ не противорѣчитъ счастью личности.

Наконецъ, положительное отношеніе Бакунина и Кропоткина означаетъ у нихъ то, что они предвидятъ, что развитіе челоѣчества не устранитъ собственности, какъ таковой, но измѣнитъ ее современную форму. При этомъ Бакунинъ имѣетъ въ виду развитіе челоѣчества отъ менѣ совершеннаго къ болѣе совершенному, а Кропоткинъ — отъ менѣ счастливаго къ болѣе счастливому существованію.

2. Индоминистическія ученія, въ свою очередь, дѣлятся въ зависимости отъ своихъ положительныхъ имущественныхъ идеаловъ — и притомъ въ томъ же самомъ различномъ смыслѣ, въ какомъ они отрицаютъ собственность.

По Прудону, собственность должна уступить мѣсто распредѣленію благъ, заключающемуся въ доброволь-

номъ правоотношеніи и покоящемуся на правовой нормѣ, предписывающей выполненіе договоровъ.

По Годвину, Штирнеру и Толстому собственности должна уступить мѣсто распределенію благъ безъ всякаго правоотношенія. Это распределеніе должно покоиться на томъ же самомъ принципѣ, который эти ученія выставляютъ въ противоположность праву.

По Годвину, распределеніе благъ, заступающее мѣсто собственности, должно, такимъ образомъ, покоиться на правилахъ, предписываемыхъ каждому счастьемъ цѣлаго.

По Штирнеру, это распределеніе должно покоиться на правилахъ, предписываемыхъ каждому своимъ личнымъ счастьемъ.

По Толстому, оно должно покоиться на правилахъ, предписываемыхъ каждому любовью.

3. Доминиристическія ученія, въ свою очередь, дѣлятся соотвѣтственно требуемой ими формѣ собственности.

По Туккеру, право собственности должно остаться въ будущемъ на всѣ предметы безъ исключенія, причемъ собственникомъ можетъ быть и отдѣльная личность и все общество въ цѣломъ. Это ученіе можно назвать индивидуалистическимъ.

По Бакунину, въ будущемъ будетъ существовать право собственности (какъ личное, такъ и общественное) только на предметы потребления. Что же касается средствъ производства, то на нихъ будетъ существовать только общественное право собственности. Это ученіе можно назвать коллективистическимъ.

По Кропоткину, въ будущемъ будетъ существовать только общественная собственность какъ на средства производства, такъ и на предметы потребления. Это ученіе можно назвать коммунистическимъ.

II. Въ отношеніи того, что у нихъ есть общаго относительно собственности, семь изложенныхъ анархист-

скихъ ученій можно приравнять всей суммѣ признанныхъ анархистскими ученій. Въ своемъ отношеніи къ собственности у нихъ нѣтъ ничего общаго; тѣмъ менѣе общаго можно найти во всей суммѣ признанныхъ анархистскими ученій.

Относительно особенностей въ ихъ отношеніи къ собственности, изложенныя ученія можно далѣе приравнять всей суммѣ анархистскихъ ученій вообще. Ибо представленныя между ними особенности можно распределить въ систему, въ которой не останется мѣста для равносильныхъ, а только для подчиненныхъ особенностей. Ни одно анархистское ученіе не можетъ поэтому имѣть какихъ-либо особенностей, не подчиненныхъ вышеуказаннымъ.

Все, что относится къ изложеннымъ ученіямъ, относится къ анархистскимъ ученіямъ вообще. Въ ихъ отношеніи къ собственности у нихъ нѣтъ ничего общаго. Соотвѣтственно различію въ этомъ отношеніи ихъ можно раздѣлить слѣдующимъ образомъ:

Индоминиристическія ученія.	Доминиристическія ученія.		
	Индивидуалистическія.	Коллективистическія.	Коммунистическія.
Годвинъ.	Туккеръ.	Бакуинъ.	Кропоткинъ.
Прудонъ.			
Штирнеръ.			
Толстой.			

6. Осуществленіе.

I. По отношенію къ характеру своего осуществленія, какъ его представляютъ себѣ изложенныя ученія, т. е. къ формѣ перехода отъ отрицаемаго порядка вещей къ желательному, между семью изложенными ученіями нѣтъ ничего общаго.

1. Часть этихъ ученій представляетъ себѣ свое осуществленіе безъ правонарушенія. Они мыслятъ переходъ отъ отрицаемаго строя къ желательному исключительно путемъ примѣненія правовыхъ нормъ отрицаемаго строя; эти ученія можно назвать реформаторскими. Реформаторскими являются ученія Годвина и Прудона. Другая часть представляетъ себѣ свое осуществленіе въ видѣ правонарушенія; они представляютъ себѣ, такимъ образомъ, переходъ отъ отрицаемаго строя къ желательному путемъ нарушенія правовыхъ нормъ отрицаемаго строя; эти ученія можно назвать революціонными. Революціонными являются ученія Штирнера, Бакунина, Кропоткина, Туккера и Толстого.

Болѣе точное опредѣленіе того, что есть общаго между реформаторскими ученіями, съ одной стороны, и революціонными, съ другой, и того, чѣмъ они другъ отъ друга отличаются, представляется невозможнымъ. Ибо представленіе ихъ о переходѣ отрицаемаго строя къ желаемому имѣетъ въ различныхъ ученіяхъ различный смыслъ.

У Годвина, Прудона, Штирнера, Туккера и Толстого переходъ отъ отрицаемаго порядка вещей къ желательному означаетъ то, что они требуютъ, чтобы переходъ отъ отрицаемаго строя къ желательному былъ извѣстнымъ образомъ подготовленъ, а затѣмъ приведенъ въ осуществленіе.

У Бакунина же и Кропоткина переходъ отъ отрицаемаго строя къ желательному означаетъ, что они предвидятъ, что съ развитіемъ челоуѣчества переходъ отъ исчезаемаго къ возникающему порядку вещей совершится въ той или другой формѣ самъ собой. Они требуютъ только, чтобы этотъ переходъ былъ извѣстнымъ образомъ подготовленъ.

2. Революціонныя ученія, въ свою очередь, дѣлятся въ зависимости отъ того, какъ они представляютъ себѣ правонарушеніе, сопутствующее переходу отъ отрицаемаго строя къ желательному.

Одни изъ нихъ мыслятъ правонарушеніе безъ примѣненія насилія. Эти ученія можно назвать пассивными. Пассивными являются ученія Туккера и Толстого. Туккеръ представляетъ себѣ нарушеніе права, какъ отказъ отъ уплаты податей, наемной и арендной платы и какъ нарушеніе банковской монополіи. Толстой же, какъ отказъ отъ военной и полицейской службы, отъ участія въ судѣ, а также и отъ уплаты податей.

Другія революціонныя ученія мыслятъ правонарушеніе, содѣйствующее переходу отъ отрицаемаго строя къ желательному, въ видѣ примѣненія насилія. Эти ученія можно назвать активными. Активными являются ученія Штирнера, Бакунина и Кропоткина. Штирнеръ и Бакунинъ представляютъ себѣ примѣненіе насилія лишь при самомъ переходѣ, Кропоткинъ же представляетъ его себѣ и при подготовкѣ этого періода (пропаганда дѣломъ).

II. Относительно того, что у нихъ есть общаго во взглядахъ на характеръ своего осуществленія, семь изложенныхъ ученій можно приравнять всей суммѣ признанныхъ анархистскими ученій. По отношенію къ взглядамъ на характеръ осуществленія между ними нѣтъ ничего общаго; тѣмъ менѣе общаго можно найти въ этомъ

отношеніи между всей суммой признанныхъ анархистскими ученій.

Въ отношеніи къ особенностямъ, свойственнымъ имъ во взглядахъ на характеръ предстоящаго перехода, изложенныя ученія можно далѣе приравнять всей суммѣ анархистскихъ ученій вообще. Ибо представленныя между ними особенности можно распредѣлить въ систему, въ которой не останется мѣста для равносильныхъ особенностей, а только для особенностей подчиненныхъ. Никакое анархистское ученіе поэтому не можетъ имѣть какія-либо особенности, не подчиняющіяся вышеуказаннымъ.

Что относится къ семи изложеннымъ ученіямъ, относится, такимъ образомъ, къ анархистскимъ ученіямъ вообще. По отношенію къ представленіямъ относительно характера предстоящаго перехода между ними нѣтъ ничего общаго. Соответственно ихъ различіямъ въ этомъ отношеніи ученія распадаются слѣдующимъ образомъ:

Реформаторскія ученія.	Революціонныя ученія.	
	Пассивныя.	Активныя.
Годвинъ.	Туккеръ.	Штирнеръ.
Прудонъ.	Толстой.	Бакуининъ. Кропоткинъ.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Анархизмъ и его виды.

1. Заблужденія относительно анархизма и его видовъ.

Теперь мы имѣемъ возможность устранить нѣкоторыя изъ многочисленныхъ заблужденій относительно анархизма и его видовъ.

1. Говорятъ, что анархизмъ устраняетъ этику, что основаніемъ его является научный матеріализмъ ¹⁾, что его общественный идеалъ опредѣляется свойственнымъ ему возрѣніемъ на историческій процессъ ²⁾.—Если бы это было вѣрно, то ученіе Годвина, Прудона, Штирнера, Туккера, Толстого, а также и многія другія ученія, признанныя анархистскими, нельзя было бы считать таковыми.

2. Утверждаютъ, что анархизмъ полагаетъ послѣдней цѣлью—счастье личности ³⁾, что онъ оцѣниваетъ каждое человеческое дѣйствіе съ абстрактной точки зрѣнія неограниченныхъ правъ личности ⁴⁾, что высшимъ за-

¹⁾ Der Anarchismus und seine Träger, стр. 127, 124, 125.

²⁾ Reichesberg, стр. 27.

³⁾ Lenz, стр. 3.

⁴⁾ Plechanow, стр. 80.

кономъ его является не общее благо, но свободное усмотрѣніе индивидуума ¹⁾.—Если бы это было такъ, тогда ученіе Годвина, Прудона, Бакунина, Кропоткина, Толстого и цѣлый рядъ другихъ учений, признанныхъ анархистскими, нельзя было бы считать таковыми.

3. Нѣкоторые считаютъ высшимъ закономъ анархизма нравственный законъ справедливости ²⁾.—Если бы это утверждение было правильнымъ, тогда ученіе Годвина, Штирнера, Бакунина, Кропоткина, Туккера, Толстого и многочисленный рядъ другихъ учений, признанныхъ анархистскими, нельзя было бы причислить къ таковымъ.

4. Говорятъ, сущность анархизма заключается въ отрицаніи всякой программы ³⁾, что у него только отрицательная цѣль ⁴⁾.—Будь это вѣрно, ученіе Годвина, Прудона, Штирнера, Бакунина, Кропоткина, Туккера, Толстого и, пожалуй, всѣ другія признанныя анархистскими ученія не были бы таковыми.

5. Утверждаютъ, что анархизмъ отрицаетъ право ⁵⁾, правовое принужденіе. ⁶⁾—Если бы это было такъ, то ученіе Прудона, Бакунина, Кропоткина, Туккера и много другихъ учений, признанныхъ анархистскими, были бы отсюда исключены.

6. Нѣкоторые заявляютъ, что анархизмъ отрицаетъ общество ⁷⁾, что идеаломъ его является устраненіе послѣдняго ⁸⁾, что сообщество существуетъ для него только

¹⁾ Rienzi, стр. 43.

²⁾ Bernatzik: Jahrbuch 19, стр. 2, 3.

³⁾ Lenz, стр. 5.

⁴⁾ Crispi: Daily Mail 1898 No 807, стр. 4.

⁵⁾ Stammler, стр. 2, 4, 34, 36.

⁶⁾ Lenz, стр. 1, 4.

⁷⁾ Garraud, стр. 12, Tripels: Compte rendu, стр. 253.

⁸⁾ Silió: La Espana moderna 61, стр. 145.

для того, чтобы бороться съ нимъ ¹⁾.—Будь это правильно, то ученія Годвина, Прудона, Штирнера, Бакунина, Кропоткина, Туккера, Толстого и, пожалуй, всѣ остальные ученія, признанныя анархистскими, не были бы таковыми.

7. Говорятъ, что анархизмъ требуетъ устраненія государства ²⁾, что онъ стремится стереть государство съ лица земли ³⁾, что онъ не желаетъ государства ни въ какой формѣ ⁴⁾, что онъ противъ всякаго правительства ⁵⁾.—Будь это правильно, то ученія Бакунина, Кропоткина, а также и всѣ другія признанныя анархистскими ученія, только предвидящія устраненіе государства, но не требующія этого, не могли бы считаться анархистскими.

8. Утверждаютъ, что въ будущемъ анархистскомъ обществѣ выраженное согласіе личности связываетъ ее лишь до тѣхъ поръ, пока это ей будетъ угодно ⁶⁾.—Будь это вѣрно, ученія Прудона, Бакунина, Кропоткина, Туккера и очень много другихъ учений, признанныхъ анархистскими, не были бы таковыми.

9. Говорятъ, что анархизмъ на мѣсто государства желаетъ поставить федерацію ⁷⁾, что онъ стремится рѣшать всѣ общественныя дѣла посредствомъ договоровъ между федералистически устроенными общинами и обществами ⁸⁾.—Будь это правильно, нельзя было бы считать анархистскими ученія Годвина, Штирнера, Толстого и очень много другихъ учений, признанныхъ анархистскими; равно какъ и ученіе Баку-

¹⁾ Reichesberg, стр. 14, 16.

²⁾ Bernstein: Neue Zeit 10¹, стр. 359.

³⁾ Lenz, стр. 5.

⁴⁾ Bernatzik: Jahrbuch 19, стр. 3.

⁵⁾ Die Hintermänner der Sozialdemokratie, стр. 14.

⁶⁾ Reichesberg, стр. 30.

⁷⁾ Die Hintermänner der Sozialdemokratie, стр. 14.

⁸⁾ Lombroso, стр. 31.

нина и много другихъ, не требующихъ, но лишь предвидящихъ наступленіе договорнаго общества.

10. Говорятъ, что анархизмъ отрицаетъ собственность ¹⁾.—Будь это такъ, ученія Бакунина, Кропоткина, Туккера и всё остальные анархистскія ученія, признающія собственность безъ всякихъ ограниченій или же въ какой-либо опредѣленной формѣ, нельзя бы причислить къ анархистскимъ.

11. Утверждаютъ, что анархизмъ отрицаетъ частную собственность ²⁾, что онъ стремится къ общности имуществъ ³⁾, что онъ обязательно коммунистиченъ ⁴⁾.—Если бы анархизмъ былъ обязательно коммунистиченъ, то, во-первыхъ, не были бы анархистскими ученія Годвина, Прудона, Штирнера, Толстого, а также и другія анархистскія ученія, отрицающія собственность во всякомъ видѣ, даже въ ея общественной формѣ. Затѣмъ не были бы анархистскими также ученія Бакунина, Туккера и другихъ, относящихся къ частной собственности на всё предметы, или, по меньшей мѣрѣ, къ предметамъ потребления положительно. А если бы рѣчь шла объ отрицаніи или достиженіи, тогда не были бы анархистскими и ученіе Кропоткина и другія признанныя анархистскія ученія, не требующія, но предвидящія наступленіе коммунистической формы собственности.

12. Различаютъ анархизмъ коммунистическій, коллективистическій и индивидуалистическій ⁵⁾, или же просто анархизмъ коммунистическій и индивидуалистическій ⁶⁾.—Если бы первая классификація была полна,

¹⁾ Silió, La Esqana moderna 61, стр. 145, Dubois, стр. 213.

²⁾ Proal, стр. 50.

³⁾ Lombroso, стр. 31.

⁴⁾ Sernikoli 2, стр. 67 Garraud, стр. 3, 4.

⁵⁾ Die historische Entwicklung des Anarchismus, стр. 16, Zenker, стр. 162.

⁶⁾ Rienzi, стр. 9, Stammler, стр. 28—32, Merlino, стр. 18, 27, Shaw, стр. 23.

тогда ученія Годвина, Прудона, Штирнера, Толстого и всё другія признанныя анархистскія ученія, не признающія собственности во всёхъ формахъ, не могли бы считаться анархистскими; если же полной была бы вторая классификація, тогда не были бы анархистскими еще и ученіе Бакунина и другія ученія, признанныя анархистскими, но требующія общественной собственности на предметы потребленія.

13. Говорятъ, что анархизмъ проповѣдуетъ преступленіе ¹⁾, что онъ ожидаетъ наступленія новаго строя отъ насильственной революціи ²⁾, что онъ пытается достигнуть своей цѣли всёми средствами, даже воровствомъ и убійствомъ ³⁾.—Если бы анархизмъ представлялъ себѣ свое осуществленіе посредствомъ преступленія, тогда ученія Годвина, Прудона и многія другія, признанныя анархистскими ученіями, нельзя было бы считать анархистскими. Если бы онъ мыслилъ свое осуществленіе посредствомъ преступнаго насилія, тогда бы не были анархистскими также ученія Туккера, Толстого и множества другихъ ученій, признанныхъ анархистскими.

14. Утверждаютъ, что анархизмъ считаетъ средствомъ своего осуществленія пропаганду дѣломъ ⁴⁾. Будь это правильнымъ, ученія Годвина, Прудона, Штирнера, Бакунина, Туккера, Толстого и много другихъ ученій, признанныхъ анархистскими, не могли бы считаться таковыми.

¹⁾ Garraud, стр. 6, Lenz, стр. 5.

²⁾ Sernikoli 2, стр. 116, Garraud, стр. 2, Reichesberg, стр. 38, Van Hammel: Comptes rendus, стр. 113.

³⁾ Lombroso, стр. 31, 34.

⁴⁾ Garraud, стр. 10—11, Lombroso, стр. 34, Ferri: Comptes rendus, стр. 257.

2. Понятія анархизма и его видовъ.

Кромѣ того, мы получили теперь возможность установить какъ общіе, такъ и особые признаки анархистскихъ ученій, а также найти имъ соответственное мѣсто во всей суммѣ нашего опыта и, такимъ образомъ, опредѣлить понятія анархизма и его видовъ.

I. Общіе и особые признаки анархистскихъ ученій.

1. Общаго между анархистскими ученіями есть только то, что они отрицаютъ государство для будущаго строя. У Годвина, Прудона, Штирнера и Туккера это отрицаніе является абсолютнымъ, слѣдовательно, они отвергаютъ государство и для будущаго строя; у Толстого это отрицаніе является не абсолютнымъ и относится только къ будущему строю, у Бакунина и Кропоткина это отрицаніе имѣетъ тотъ смыслъ, что они предвидятъ, что развитіе общества приведетъ къ устраненію государства.

2. По отношенію къ своимъ основнымъ идеямъ, анархистскія ученія распадаются на генетическія, признающія высшимъ закономъ чловѣческаго поведенія законъ естественный (Бакунинъ, Кропоткинъ), и критическія, полагающія высшимъ закономъ чловѣческаго поведенія извѣстную норму. Критическія ученія распадаются, въ свою очередь, на идеалистическія, высшимъ закономъ которыхъ является долгъ (Прудонъ, Толстой), и эвдемонистическія, высшимъ закономъ которыхъ является счастье.

Эвдемонистическія ученія распадаются опять на альтруистическія, для которыхъ высшимъ закономъ является счастье цѣлаго (Годвинъ), и эгоистическія, для которыхъ высшимъ закономъ является счастье личности (Штирнеръ, Туккеръ).

Въ отношеніи къ своимъ положительнымъ идеаламъ, выставляемымъ имъ въ противоположность государству, анархистскія ученія являются или федералистическими, т. е. они требуютъ для нашего будущаго общественаго сожителства, основаннаго на правовой нормѣ, предписывающей выполнение договоровъ (Прудонъ, Бакунинъ, Кропоткинъ, Туккеръ), или же спонтанистическими, т. е. требуютъ общественаго сожителства на основаніи неправоваго принципа (Годвинъ, Штирнеръ, Толстой).

По отношенію къ праву, анархистскія ученія дѣлятся на аномистическія, отрицающія право для нашего будущаго (Годвинъ, Штирнеръ, Толстой), и номистическія, относящіяся къ праву для нашего будущаго строя положительно (Прудонъ, Бакунинъ, Кропоткинъ, Туккеръ).

По своему отношенію къ собственности, анархистскія ученія являются частью индоминистическими, отрицающими собственность для нашего будущаго (Годвинъ, Прудонъ, Штирнеръ, Толстой), частью же—доминистическими, т. е. относящимися къ собственности положительно. Доминистическія ученія дѣлятся на индивидуалистическія, признающія какъ частную, такъ и общественную собственность (Туккеръ), коллективистическія, признающія частную собственность на предметы потребленія, а на средства производства — общественную (Бакунинъ), и коммунистическія, признающія только общественную собственность какъ на средства производства, такъ и на предметы потребленія.

По отношенію къ представленію о характерѣ своего осуществленія, анархистскія ученія дѣлятся на реформаторскія, представляющія себѣ переходъ отъ отрицаемаго порядка вещей къ желаемому безъ правонарушенія (Годвинъ, Прудонъ), и революціонныя,

представляющія себѣ этотъ переходъ, какъ нарушение права. Революціонныя ученія дѣлятся, въ свою очередь, на пассивныя, представляющія себѣ нарушение права безъ примѣненія насилія (Туккеръ, Толстой), и активныя, представляющія его себѣ, какъ примѣненіе насилія (Штирнеръ, Бакунинъ, Кропоткинъ).

II. Мѣсто анархистскихъ ученій во всей суммѣ нашего опыта.

1. Необходимо различать три юридико-философскихъ направленія, т. е. три рода отношенія къ праву.

Первое направленіе — это юридико-философскій догматизмъ. Юридико-философскій догматизмъ судить о томъ, долженъ ли существовать тотъ или иной правовой институтъ, и судить совершенно абсолютно, исключительно съ точки зрѣнія его содержанія и независимо отъ того, какое вліяніе этотъ институтъ будетъ имѣть при тѣхъ или другихъ конкретныхъ обстоятельствахъ. Этотъ родъ отношенія объемлетъ, такимъ образомъ, ученія о правильномъ правѣ, т. е. ученія, пытающіяся опредѣлить, какое право (напримѣръ, институтъ брака) приемлемо или неприемлемо, при какихъ угодно условіяхъ. Извѣстнымъ образчикомъ этого направленія является школа естественнаго права.

Слабость юридико-философскаго догматизма заключается въ томъ, что онъ не принимаетъ во вниманіе факта, что наше отношеніе къ правовымъ институтамъ должно зависѣть отъ ихъ вліянія, что одинъ и тотъ же правовой институтъ при различныхъ условіяхъ даетъ различные результаты.

Второе направленіе — это юридико-философскій скептицизмъ. Въ отличіе отъ юридико-философскаго догматизма юридико-философскій скептицизмъ отказывается отъ сужденія о томъ, долженъ ли существовать извѣстный правовой институтъ или нѣтъ, и судить

лишь о томъ, можно ли на основаніи наблюдаемой тенденціи развитія предвидѣть дальнѣйшее существованіе или исчезновеніе, возникновеніе или появленіе извѣстнаго института. Это направленіе объемлетъ, такимъ образомъ, ученія объ эволюціи права, т. е. ученія, отвѣчающія на вопросъ о томъ, какого права слѣдуетъ ожидать въ будущемъ (наприм., существуютъ ли данныя, указывающія на то, что институтъ брака сохранится у насъ). Извѣстныя формы этого направленія — историческая школа и марксизмъ.

Слабость юридико-философскаго скептицизма заключается въ томъ, что онъ не удовлетворяетъ потребности въ научномъ мѣрилѣ, дающемъ возможность правильной оцѣнки непрерывно возникающихъ сужденій о правовыхъ институтахъ и основаніе для принятія или отрицанія многочисленныхъ предложеній правовыхъ реформъ.

Третье направленіе — это юридико-философскій критицизмъ. Въ отличіе отъ юридико-философскаго догматизма, оно отказывается отъ сужденія о томъ, долженъ ли существовать извѣстный институтъ или нѣтъ, не принимая во вниманіе конкретныхъ условій, въ которыхъ этотъ институтъ дѣйствуетъ; въ отличіе же отъ юридико-философскаго скептицизма, оно не отказывается, однако, дать отвѣтъ на вопросъ, долженъ ли существовать извѣстный институтъ или нѣтъ. Юридико-философскій критицизмъ устанавливаетъ для этого извѣстный принципъ, съ точки зрѣнія котораго необходимо оцѣнивать правовые институты, принимая во вниманіе тѣ конкретныя условія, въ которыхъ они дѣйствуютъ. При этомъ дѣло сводится къ тому, чтобы установить, приводитъ ли данный правовой институтъ при данныхъ условіяхъ, въ которыхъ онъ дѣйствуетъ, къ осуществленію этого принципа или нѣтъ. Это направленіе объемлетъ, такимъ образомъ, ученія о правильномъ правѣ, т. е. ученія, устанавливающія извѣстные принципы, съ точки

зрѣнія которыхъ слѣдуетъ обсуждать, какое право (напр., институтъ брака) должно функционировать при данныхъ извѣстныхъ условіяхъ.

2. По отношенію къ государству эти три юридико-философскихъ направленія, каждое съ своей точки зрѣнія, можетъ придти къ различнымъ сужденіямъ.

Во-первыхъ, къ признанію государства.

Поскольку ученія юридико-философскаго догматизма относятся къ государству положительно, постольку это означаетъ, что они относятся къ нему положительно, независимо отъ его дѣйствія при однихъ или другихъ условіяхъ, а, слѣдовательно, признаютъ государство и для нашего будущаго.

Среди многочисленныхъ положительныхъ ученій о государствѣ въ смыслѣ юридико-философскаго догматизма можно отмѣтить въ различные историческіе періоды ученія Гоббса, Гегеля и Геринга.

Поскольку ученія юридико-философскаго скептицизма относятся къ государству положительно, постольку это означаетъ, что, наблюдая тенденцію развитія, они предвидятъ, что въ будущемъ государство не перестанетъ существовать.

Наиболѣе значительные представители юридико-философскаго скептицизма, какъ, напр., Пухта и Меркель, не оставили никакихъ ученій о государствѣ; положительныя теории государства въ смыслѣ юридико-философскаго скептицизма можно найти у Монтея и Бернштейна.

Наконецъ, поскольку юридико-философскій критицизмъ относится къ государству положительно, онъ приѣмлетъ его для нашего будущаго, принимая во вниманіе соврѣменные намъ конкретныя условія.

Наиболѣе ясно юридико-философскій критицизмъ до сихъ поръ выраженъ у Штаммлера, который, однако, не далъ ученія о государствѣ; примѣромъ положительнаго

ученія о государствѣ въ смыслѣ юридико-философскаго критицизма можетъ служить ученіе Спенсера.

Во-вторыхъ, всѣ три направленія могутъ, каждое съ своей точки зрѣнія, придти къ отрицанію государства.

Поскольку ученія юридико-философскаго догматизма отрицаютъ государство, они отрицаютъ его независимо отъ его вліянія при тѣхъ или иныхъ конкретныхъ обстоятельствахъ; слѣдовательно, отрицаютъ его и для нашего будущаго.

Отрицательными ученіями о государствѣ въ смыслѣ юридико-философскаго догматизма являются ученія Годвина, Прудона, Штирнера и Туккера.

Поскольку ученія юридико-философскаго скептицизма отрицаютъ государство, это значитъ, что на основаніи наблюдаемой тенденціи развитія они предвидятъ, что въ будущемъ государство исчезнетъ.

Отрицательными ученіями о государствѣ въ смыслѣ юридико-философскаго скептицизма являются ученія Бакунина и Кропоткина.

Поскольку ученія юридико-философскаго критицизма отрицаютъ государство, они отрицаютъ его для нашего будущаго, принимая во вниманіе существующія у насъ теперь конкретныя обстоятельства.

Отрицательнымъ ученіемъ о государствѣ въ смыслѣ юридико-философскаго критицизма, является ученіе Толстого.

3. Такимъ образомъ мѣсто анархистскихъ ученій во всей суммѣ нашего опыта опредѣляется тѣмъ, что они являются извѣстной категоріей юридико-философскихъ ученій о государствѣ, а именно, ученіями отрицательными, противоположными другой категоріи государственныхъ ученій — положительныхъ.

Это можно представить въ слѣдующемъ видѣ:

	Положительныя ученія о госу- дарствѣ.	Отрицательныя ученія о госу- дарствѣ.
Въ смыслѣ юридино-философскаго догматизма.	Гоббсъ.	Годвинъ.
	Гегель.	Прудонъ.
	Герингъ.	Штирнеръ. Туккеръ.
Въ смыслѣ юридино-философскаго скептицизма.	Монтено.	Бакунинъ.
	Берштейнъ.	Кропоткинъ.
Въ смыслѣ юридино-философскаго критицизма.	Спенсеръ.	Толстой.

III. Понятія анархизма и его видовъ.

1. Анархизмъ представляетъ собою юридино-философское отрицаніе государства, т. е. тотъ видъ юридино-философскихъ ученій, который отрицаетъ государство.

2. Анархистское ученіе не можетъ быть полнымъ, разъ оно не укажетъ, какова его исходная точка, какого строя оно желаетъ на мѣсто государства и въ какомъ видѣ оно представляетъ себѣ переходъ къ новому порядку вещей. Исходная точка, положительное требованіе и представленіе о переходѣ къ желательному порядку вещей являются необходимыми составными частями всякаго анархистскаго ученія. Въ отношеніи къ этимъ составнымъ частямъ можно различить слѣдующіе виды анархизма.

Во-первыхъ, по отношенію къ исходной точкѣ: анархизмъ генетическій, признающій высшимъ закономъ челоуѣческаго поведенія законъ естественный (Бакунинъ, Кропоткинъ), и анархизмъ критическі

полагающій высшимъ закономъ челоуѣческаго поведенія извѣстную норму; подвидами критическаго анархизма являются анархизмъ идеалистическій, высшимъ закономъ котораго является законъ долга (Прудонъ, Толстой), и анархизмъ эвдемонистическій, высшимъ закономъ котораго является счастье; наконецъ, подвидами эвдемонистическаго анархизма является анархизмъ альтруистическій, для котораго высшимъ закономъ является счастье цѣлаго (Годвинъ), и анархизмъ эгоистическій, для котораго высшимъ закономъ является счастье личности (Штирнеръ, Туккеръ).

Во-вторыхъ, по отношенію къ требуемому порядку вещей можно различать: анархизмъ федералистическій, требующій для нашего будущаго общественнаго сожительства согласно правовой нормѣ, предписывающей исполненіе договоровъ (Прудонъ, Бакунинъ, Кропоткинъ, Туккеръ), и анархизмъ спонтанистическій, требующій общественнаго сожительства на основаніи неправоваго принципа (Годвинъ, Штирнеръ, Толстой).

Въ-третьихъ, по отношенію къ представленію о характерѣ перехода къ новому строю можно различать: анархизмъ реформаторскій, представляющій себѣ переходъ къ новому строю безъ правонарушенія (Годвинъ, Прудонъ), и анархизмъ революціонный, представляющій себѣ этотъ переходъ, какъ правонарушеніе; подвидами революціоннаго анархизма является анархизмъ пассивный, представляющій себѣ это правонарушеніе безъ примѣненія насилія (Туккеръ, Толстой), и анархизмъ активный, представляющій себѣ этотъ переходъ съ примѣненіемъ насилія (Штирнеръ, Бакунинъ, Кропоткинъ).

3. Анархистское ученіе можетъ быть полнымъ, не опредѣливъ своего отношенія къ праву или къ собственности.

Разъ анархистское ученіе опредѣляетъ то или иное свое отношеніе къ праву, оно содержитъ, такимъ образомъ, случайную примѣсь. Анархистскія ученія, содержащія такую примѣсь, можно классифицировать согласно качествамъ этой примѣси; но, такъ какъ анархизмъ, какъ таковой, долженъ быть классифицированъ только на основаніи качествъ, необходимыхъ составныхъ частей, то такая классификація не приводитъ къ новымъ видамъ анархизма.

Поскольку анархистскія ученія опредѣляютъ свое отношеніе къ праву, они бываютъ или анонимистическими, т. е. отрицающими право для нашего будущаго (Годвинъ, Штирнеръ, Толстой), или номистическими, т. е. относясь къ праву положительно (Прудонъ, Бакунинъ, Кропоткинъ, Туккеръ).

По отношенію къ собственности они могутъ быть или индоминистическими, т. е. отрицающими собственность (Годвинъ, Прудонъ, Штирнеръ, Толстой), или доминистическими, относящимися къ собственности положительно; доминистическія ученія, въ свою очередь, дѣлятся на индивидуалистическія, признающія какъ частную, такъ и общественную собственность (Туккеръ), на коллективистическія, признающія частную собственность только на предметы потребленія (Бакунинъ), и на коммунистическія, признающія только общественную форму собственности (Кропоткинъ).

Все это наглядно показано на прилагаемой таблицѣ.

Заключеніе.

1. Внутренняя потребность, побуждающая насъ къ познанію анархизма, получила нѣкоторое удовлетвореніе.

Понятія анархизма и его видовъ опредѣлены; наиболѣе важныя заблужденія устранены; наиболѣе выдающіяся анархистскія ученія раняго и поздняго времени изложены, каждое отдѣльно. Мы познакомились съ арсеналомъ, откуда анархизмъ добываетъ свое оружіе. Мы видѣли все, что только можно привести, съ различныхъ точекъ зрѣнія, противъ государства. Намъ были показаны разнообразнѣшія формы общественнаго устройства, которыя въ будущемъ должны занять его мѣсто. Въ различныхъ видахъ намъ былъ представленъ характеръ перехода къ новому строю жизни.

Тотъ, кто пожелаетъ познакомиться съ анархизмомъ еще ближе и, кромѣ выдающихся ученій, захочетъ изучить еще и менѣе значительныя, и какъ тѣ, такъ и другія пожелаетъ познать въ ихъ причинной связи съ историческими событіями, для того эта работа можетъ послужить, по крайней мѣрѣ, отправнымъ пунктомъ. Онъ знаетъ, съ какими ученіями и какими сторонами этихъ ученій ему придется имѣть дѣло, и какіе вопросы онъ можетъ задать тѣмъ и другимъ. При этомъ изслѣдованіи можно натолкнуться на нѣкоторыя неожиданности; ученіе неизвѣстнаго Пизакана (Pisacane) приведетъ въ

изумленіе своею самостоятельностью, а ученіе часто упоминаемаго Моста окажется грубымъ спискомъ съ ученія Кропоткина. Но въ цѣломъ все изслѣдованіе врядъ ли оплатитъ затраченный на него трудъ. Все, что анархизмъ можетъ дать, содержится уже въ изложенныхъ здѣсь ученіяхъ.

2. И внѣшняя потребность, ради которой слѣдовало научно познать анархизмъ, также можетъ получить извѣстное удовлетвореніе.

Одно мы должны во всякомъ случаѣ сдѣлать по отношенію къ анархизму, а именно: мужественно, спокойно и безпристрастно проанализировать его ученія. При этомъ мы можемъ надѣяться на успѣхъ лишь въ томъ случаѣ, если перестанемъ безцѣльно блуждать во мракѣ юридико-философскаго скептицизма или же освѣщать его свѣтомъ догматизма, а твердо направимъ свой взоръ на путеводную звѣзду критицизма.

Вопросъ же о томъ, является ли необходимымъ выступить противъ анархизма или, по крайней мѣрѣ, противъ того или другого вида его съ особыми насильственными средствами, необходимо ли считать преступленіе, совершенное ради осуществленія анархистскихъ ученій, болѣе тяжелымъ, нежели всякое другое политическое или уголовное преступленіе, этотъ вопросъ должны рѣшить законодатели каждой отдѣльной страны въ соотвѣтствіи съ существующими въ ней конкретными условіями жизни.

Юридикo-философскія учения о государствѣ

Позитивныя учения

Негативныя учения:

Анархизмъ

Анархическія учения
могутъ быть

по отношенію къ исходной
точкѣ зрѣнія

по отношенію къ
желаемому строю

по отношенію къ характеру перехода
отъ одного строя къ другому

по отношенію къ
праву

по отношенію къ собственности

	генетической		критической		федерали- стическій	спонтани- стическій.	реформа- торскій.	революціонный		аномали- стическими	номисти- ческими	идомини- стическими	доманистическими				
	идеалистич.	эвидеомонистической	альтруи- стической	эгонистиче- ской.				реформаторскій.	пассивный				активный	индивиду- алистиче- скими	коллекти- вистиче- скими	коммуни- стическими	
																	Гд
Годвинъ				Гд		Гд	Гд			Гд							
Прудонъ		Пр			Пр		Пр				Пр						
Штирнеръ				Шт		Шт			Шт	Шт							
Бакунинъ	Бк				Бк				Бк								
Кропоткинъ	Кр				Кр				Кр		Кр			Кр			
Туккеръ				Тк	Тк			Тк			Тк			Тк			
Толстой		Тл				Тл		Тл		Тл			Тл				

Изданія Р. Н. Поповой.

Строевъ, Н. Историческій моментъ. I. Московскій съѣздъ земскихъ и городскихъ дѣятелей . . . . . 30 коп.

Строевъ, Н. Историческій моментъ. II. Крестьянскій съѣздъ. 25 коп.

Ванъ-Ворстъ, Б. и М. Американскія работницы. Описание пребыванія авторовъ на фабрикахъ и личнаго труда ихъ въ качествѣ простыхъ работницъ . . . . . 50 коп.

Онкенъ, Г. Лассаль, какъ политическій дѣятель. Перев. съ нѣмецкаго А. Ивашкевича . . . . . 1 р. 50 к.

Кольбъ. Какъ я былъ рабочимъ въ Америкѣ. Переводъ съ 3-го нѣмецкаго изданія Вс. Кожевникова и С. Кержнера . . . 50 коп.

Зомбартъ, В. Очерки по исторіи промышленнаго развитія Германіи. Переводъ съ нѣм. Э. Капелюша.

Часть I. Германія наканунѣ экономическаго переворота. 60 коп.

Часть II. Проникновеніе промышленнаго капитализма въ область докапиталистическаго ремесла. . . . . 1 руб.

Книга прекрасно переведена и читается съ большимъ интересомъ.
„Недѣля“, № 40, 1899 г.

Кнаппъ, Г. Ф. Освобожденіе крестьянъ и происхожденіе сельскохозяйственныхъ рабочихъ въ старыхъ провинціяхъ Прусской монархіи. Переводъ съ нѣмецкаго Л. И. Зака . . . . . 1 руб. 25 коп.

Марксъ, Карлъ. Капиталь. Критика политической экономіи. Томъ I. Процессъ производства капитала. Переводъ съ 4-го нѣмецкаго изданія, провереннаго Фридрихомъ Энгельсомъ, подъ редакціей П. Струве. Изданіе 2-е . . . . . 2 руб. 50 к.

Нитти, Ф. Народонаселеніе и общественный строй. Переводъ съ франц. О. Н. Поповой, подъ ред. Д. Королчевскаго . . . 1 руб. 25 коп.

Туганъ-Барановскій. Русская фабрика въ прошломъ и настоящемъ. Историко-экономическое изслѣдованіе. Томъ I. Историческое развитіе русской фабрики въ XIX вѣкѣ. 2-е, значительно дополненное, изданіе. . . . . 3 руб. 50 коп.

Францовъ, К. Борьба за право. Романъ. Полный переводъ съ нѣм. О. Н. Поповой. Цѣна уменьшена. . . . . 1 руб.

„Темы жизни“

еженедѣльное изданіе О. Н. Поповой

подъ редакціей Л. КЛЕЙНБОРТА.

№ 1. А. Дуначарскій. Очеркъ развитія интернаціонала	10 к.
В. Тотоміаидъ. Профессиональные союзы рабочихъ	5 к.
А. Ельницкій. Георгій Валентиновичъ Плехановъ. Біограф. очеркъ	7 к.
№ 2. І. Ларскій. Общество будущаго	6 к.
А. Лосянцій. Избирательная система Государственной Думы. Съ діаграммами	12 к.
№ 3. Б. Веселовскій. Земскіе либералы	5 к.
Л. Клейнбортъ. Въ тюрьмѣ и ссылкѣ	7 к.
Н. Ашешовъ. Александръ Николаевичъ Радищевъ. Обще- ственная характеристика	8 к.
№ 4. Л. Гуревичъ. 9-е января. По даннымъ „анкетной комиссіи“	10 к.
П. Румянцевъ. Освободительное движеніе и Государствен- ная Дума	6 к.
П. Берлинъ. Первый нѣмецкій парламентъ	10 к.
№ 5. П. Масловъ. Русская революція и народное хозяйство	5 к.
Б. Веселовскій. Крестьянскіе бунты	6 к.
М. Боголюбовъ. Война и финансы	5 к.
№ 6. Д. Зайцевъ. Государственное страхование рабочихъ	8 к.
Б. Вологдинъ. Чему жизнь рабочихъ учить	6 к.
А. Ельницкій. Первое мая въ Россіи	8 к.
№ 7. В. Львовъ. Десятилетіе годы и творчество В. Вересаева	12 к.
І. Давыдовъ. Какъ расходуются народныя деньги	5 к.
Н. Пономаревъ. Пролетаріатъ на Кавказѣ	7 к.
№ 8. П. Румянцевъ. Крестьянство и социалдемократія	5 к.
А. Глыбовъ. Общественныя работы	12 к.

Книгоиздательство и складъ изданій

О. Н. Поповой

Спб. Невскій, 54.

Выписывающіе изданія О. Н. ПОПОВОЙ изъ склада на сумму не менѣ одного рубля за пересылку не платятъ. Полный каталогъ изданій О. Н. ПОПОВОЙ высылается по требованію бесплатно. Земствамъ, школамъ и бібліотекамъ уступка.